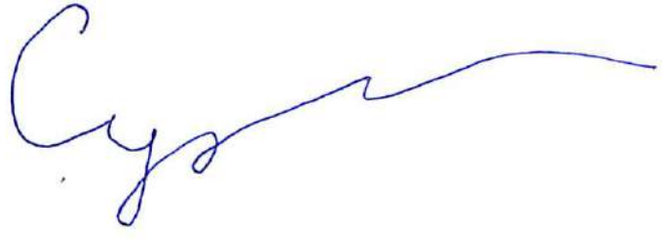
олжас сулейменов

Аз и Я

К 50-летию книги



Издатели выражают искреннюю благодарность благотворительному Фонду Булата Утемуратова за оказанную помощь в переиздании этой классической книги.

ОЛЖАС СУЛЕЙМЕНОВ

Азия

Книга благонамеренного читателя

Алматы, 2025 г.

УДК 821.512.122:811.161.1
ББК 84 Рус-Каз 7-44
С 89

Сулейменов Олжас

С 89 **Аз и Я**. Книга благонамеренного читателя. – Алматы, «Service Press», 2025 г., – 390 с.
ISBN 978-601-7315-00-09

Пятьдесят лет назад появилась на свет самая известная книга Олжаса Сулейменова – «Аз и Я». Историческое произведение правды, где главным сюжетом оказалось драматическое обретение народами своего самосознания в диалоге друг с другом.

За прошедшие полвека книга «Аз и Я» заняла достойное место в мировой литературе, определив сближение культур Евразии на десятилетия, и став достойным элементом интеллектуального наследия человечества.

Воплотив осознанную взаимозависимость литературы и нации, книга вдохновила обретение тюркскими народами своего пути и права на действие в диалоге с миром.

Олжас Сулейменов – духовный лидер своего поколения, начав книгу как поэтическую расшифровку «темных мест» «Слова о полку Игореве», создал новую научную дисциплину – **тюркославистику**, и, совершив открытия тюркской этимологии древнейших слов и иероглифов, выработал новую методологию (**археологию знака и слова**), позволившую исследовать их происхождение, а за следующие полвека – в тысячах этимологий продолжить первоначальные поэтические прозрения и совершить открытия истории Человека Разумного.

А провозглашенный в книге «Аз и Я» историко-лингвистический проект «1001 слово» воплотился не только в научных и литературных работах автора, но стал основой глобального проекта ЮНЕСКО – сближения культур.

Отличие Олжаса Омаровича от многих великих авторов прошлого в том, что вместо «точки зрения – над схваткой» он поставил свое жизнетворчество в центр мировых схваток. Поэт вмешивается в историю, возвращая народам утраченные надежды. Находя зерна противоречий и войн, со временем выросшие в хронические болезни человечества, он всегда пытается их исцелить.

Благодаря новому изданию книги, новые поколения узнают как в XX веке казахский поэт открыл несколько важных глав интеллектуальной биографии человечества.

ISBN 978-601-7315-00-09

© Сулейменов О.О., 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К 50-ЛЕТИЮ КНИГИ

...Так было – если били, то в виски.
А если обнимали, то за горло...

Можно впасть в нескромность, но это факты: книгу переписывали от руки, давали читать на одну ночь за определенную плату, на черных книжных рынках в разных регионах СССР цены прыгали от ста номиналов до полутора тысяч, а в одной республике отчаянный читатель отдал за книгу своего «Жигуля». Нельзя сказать, что тираж был мизерный (двумя заводами выходила; я видел в выходных данных и 60 тысяч экземпляров, и 100 тысяч), но не хватало. В условиях рынка столь повышенный спрос вызвал бы многократные переиздания бестселлера. У нас такой популярности не были рады ни издатель, ни автор.

Теперь, итожа пережитое, можно уверенно сказать, что ни одна книга, изданная в советском издательстве в 1970–1980-е годы, не была так активно востребована. Ее прочли и элитный читатель, и массовый, и диссидентствующий, и власти – от местной до членов Политбюро во главе с Генеральным секретарем.

Сотни писем. Первые два я особо запомнил. Через несколько дней после выхода книги, в конце лета 1975 года, пришло письмо от Константина Симонова. Отпечатанное на машинке (поэтому недавно в архиве, сохраненном сыном

писателя, удалось найти копию). Симонов предсказал книге трудную судьбу, но обещал быть рядом.

Так же эмоционально отписал литовский поэт Эдуардас Межелайтис: «Не знаю, как там с наукой, но книга – гениальная».

Такие гиперболы надолго запоминаются автором.

В июне 1975-го в Азербайджане проводились Дни Советской Литературы, где и меня пригласили принять участие. Писатели из всех республик СССР выступали в те дни в Баку и других городах веселой, праздничной страны, какой был и показался нам в те дни Азербайджан.

Прощальное застолье проводил для группы литераторов сам руководитель республики. Многим из нас достались слова благодарности за выступления, а в конце он неожиданно для меня произнес: «Олжас нужен не только Казахстану, а всем тюркам».

Позже, пытаясь понять услышанное, я решил, что Гейдар Алиев так оценил мою недавно вышедшую книгу «Аз и Я». Эта оценка помогла мне устоять после сокрушительного обсуждения книги в Академии Наук СССР в феврале 1976 года.

Тогда поверил, что Гейдар Алиев если не читал, то слышал о книге и по-своему оценил её. Эти его слова на том застолье оказались особым напутствием автору в долгой работе, которая начиналась в середине шестидесятых и продолжается до сих пор.

Об «Аз и Я» начали писать московские, азербайджанские, эстонские, грузинские, украинские, венгерские газеты – круг расширился, пока главный идеолог Михаил

Суслов не хлопнул с размаху книгой по столу. После его выступления на идеологическом совещании в конце 1975 года в московских журналах пошли совсем темные публикации. Черного колера в них становилось все больше. Книгу изъяли из библиотек, из продажи. Но не до всех сельмагов указание члена Политбюро дошло. Московские артисты напрашивались на гастроли в казахстанские области, катались там по селам и возвращались с чемоданами «запретного плода» (рассказал Игорь Кваша). «Аз и Я» задела какие-то ранее нетронутые участки общественного сознания. И эти прикосновения вызвали неожиданную реакцию во всем общественном организме. Прежде всего, в интеллектуальной среде – писательской, артистической, научной.

Современному молодому поколению, привыкшему к вольному слову в СМИ, Интернете, не понять масштабов и температуры реагирования населения советской державы середины 70-х на любое проявление писательского слова, выражавшего не антисоветизм, нет, а просто свободу мысли.

В начале 1986 года журнал «Проблемы коммунизма», выходящий в США, писал: «Горбачевская перестройка стала результатом перестройки сознания советского общества, которую подготавливали такие книги, как «Аз и Я».

...В середине января 1976 года в ЦК Компартии КазССР из аппарата Суслова поступила бумага под грифом «Срочно», где сообщалось, что такого-то числа этого месяца в ЦК КПСС состоится совещание трех отделов – науки, пропаганды, культуры, где будет обсуждена книга «Аз и Я», выпущенная издательством «Жазушы»

в Алма-Ате. Следует командировать на данное совещание автора книги и заведующих трех соответствующих отделов ЦК республики. Меня срочно пригласил для разговора Месяц – второй секретарь нашего ЦК. «Ехать пока не надо. Мы пошлем заключение врачей – воспаление легких. Посмотри на окно – какие морозы стоят, а ты бегаешь по утрам. Не жалеешь себя. Попиши в санатории. Но не продолжение «Азии». Стихи попиши. К середине февраля будешь абсолютно здоров, тогда и поедешь, куда пригласят. Или куда пошлют».

Через десяток лет я узнал от Димаша Ахмедовича Кунаева, к тому времени ушедшего на пенсию, некоторые подробности тех обстоятельств.

Роль Брежнева

Совещание трех отделов должно было завершиться постановлением ЦК КПСС о книге «Аз и Я» как произведении идеологически незрелом, содержавшем настроения националистического, пантюркистского характера. В проекте этого документа (второго после постановления ЦК КПСС от 1948 года, где речь шла о книгах Зощенко и Ахматовой) говорилось и о том, что выход такой книги свидетельствует о крайней запущенности идейно-воспитательной работы в республике. Такое постановление, принятое как раз накануне очередного съезда Компартии Казахстана (он открывался 4 февраля), сильно ударило бы по республике, которую в СССР называли «лабораторией дружбы народов».

Понимая это, Кунаев и Месяц, экстренно обсудив ситуацию, выработали план спасения. С первым пунктом его

и познакомил меня Валентин Карпович. Не объяснив, правда, почему я должен болеть до середины февраля.

Кунаев, готовя съезд, не раз в январе бывал в Москве. В один из первых приездов встретился с Брежневым. Рассказал о готовящемся обсуждении и о том, какие могут быть последствия для республики, которую Генсек в нескольких докладах любовно назвал «мой Казахстан». Передал злополучную книгу.

– А сам-то читал? – спросил Леонид Ильич. Он уже начинал говорить с паузой между словами.

– Два раза, дорогой Леонид Ильич. С карандашом. Ничего не понял!

Брежнев довольно хохотнул и придвинул томик поближе.

– Не понял, говоришь. Интересно.

– Но никакого национализма, дорогой Леонид Ильич, или какого-то пантюркизма там нет! Это я вам как коммунист говорю!

Заинтригованный Брежнев полистал книгу. И, прощаясь, пообещал:

– Прочту.

В самом начале февраля, когда уже все руководство республики трясла предсъездовская лихорадка, Кунаев позвонил Брежневу, доложил о текущих делах и в конце разговора решился спросить: нашлось ли время прочесть? «Никогда так не волновался», – признался мне Димаш Ахмедович. Понять его состояние можно. Если Генсеку увиделись бы в книге те «хвосты» – «измы», Суслов успел бы организовать несколько нужных выступлений на съезде, что сказалось бы на результатах выборов руководства.

– Прочел, – наконец ответил Брежнев.

Еще одна тягостная пауза.

– Никакого там национализма нет, – медленно, с расстановкой, произнес Леонид Ильич. – И антисоветчины нет.

(По словам Кунаева, ответ маршала был по-солдатски более выразительным: «Ни хрена нет». Но в мемуарах члену Политбюро пришлось откорректировать.)

Окрыленный, Кунаев решился тут же еще более укрепить позиции.

– Дорогой Леонид Ильич, а можно на съезде мы изберем этого бузотера в состав ЦК? Дисциплинированней станет.

– Если достоин, избирай.

– Но Суслов будет против.

– А при чем тут Суслов? В республике кто хозяин? Ты или Суслов?

Долгие дружеские отношения этих двух людей, я считаю, благотворно сказались на развитии Казахстана. Генсека, осмеянного сатириками за взаимную любовь к геройским звездам и смачным поцелуям взасос, советский народ запомнил, как анекдотического героя с нарушенным речевым аппаратом, с замедленной реакцией – эдаким «тормозом», каким он действительно становился в последние годы пожизненной власти. Но историкам стоило бы повнимательней присмотреться к этой фигуре. Особенно к результатам деятельности Брежнева в первое десятилетие его мандата – с 1964 года до середины 1970-х. Не только цифры, но и книги, и фильмы, и научные успехи скажут, что это были годы наивысшего экономического и культурного подъема СССР. Никогда прежде темпы экономического развития не поднимались до 9 процентов в год. Такого

показателя, понятно, не будет при следующих руководителях – Андропове, Черненко, Горбачеве. В те годы можно было почувствовать, насколько взаимозависимы хозяйство и культура.

Великая наука, великое кино, музыка, поэзия шестидесятников – все это в эпоху раннего Брежнева.

На моих оценках может сказаться чувство благодарности за то, что Брежнев помешал осуществлению репрессивного сусловского плана. Но даже без этого частного эпизода я, как писатель, знаю, что термин «страна великого читателя» возник и наполнился реальным содержанием в период первого брежневского десятилетия. Книги стихов выходили тиражами в десятки и сотни тысяч экземпляров. (В мире такого никогда не было и, наверное, не будет.) Романы – сотнями тысяч, а то и миллионами («Роман-газета»). И не только в столице – по всей стране. Толстый литературный журнал «Жулдыз» печатался на казахском, ежемесячным тиражом 240 тысяч экземпляров. Тогда мы еще не агитировали с трибун за государственный язык, а массово публиковали интересную литературу на родном языке, и она доходила до каждой семьи. Почему бы сегодня не оглянуться на этот опыт – и понять, что без литературы и государственному языку трудно? Я работал и председателем Госкино республики. Знаю количество кинотеатров в городах. В каждом крупном селе – клуб с киноустановкой. Годовой план по посещаемости в Казахстане – 250 миллионов зрителей. При 17 миллионах жителей. И план этот перевыполнялся. Так было в каждой республике. Страна великого читателя и великого зрителя! Научный факт. Была ли в этом заслуга Брежнева? Конечно. Во всем,

что происходило в СССР в XX веке, во всем – и плохом, и хорошем – реально сказывалась ведущая роль партийного лидера.

В хорошем – сильного лидера, в плохом – слабого или катастрофически слабеющего, каким и предстает перед близорукими историками Леонид Ильич Брежнев.

Ученый «совет»

4 февраля 1976 года в Алма-Ате прошел съезд Компартии Казахстана, где меня неожиданно избрали кандидатом в члены ЦК. Сразу в члены поостереглись, но и в этом статусе я включался в партийную элиту. Теперь применять ко мне репрессивные меры ЦК КПСС не мог. Иначе нарушение партийной этики: «только что оказали высокое доверие и тут же высекли». В достижении этой планки и заключался план Кунаева – Месяца.

Суслов вынужден был перевести обсуждение на другой уровень, уже неопасный для республики – в Академию наук СССР. Оно состоялось 13 февраля 1976 года, в здании отделения общественных наук Академии на Волхонке. Пропускали по списку. 47 академиков, членкоров, докторов. Меня сопровождали уже не три заведующих отделами, а лишь один – Санжар Жандосов, завотделом науки ЦК. А третьим был Геннадий Толмачев, зам. главного редактора издательства, выпустившего книгу. Все мы – давние друзья. Обсуждение началось ровно в 9 часов. Открыл его академик Б. Рыбаков вступительным словом. Оно было кратким и сильным:

– Товарищи, в Алма-Ате вышла яростно антирусская книга под названием «Аз и Я». Вы все ее прочли. Приступим к обсуждению.

Б. Рыбаков за пару лет до этого опубликовал большую, оформленную книгу, посвященную «Слову о полку Игореве», академия выдвинула ее на соискание Ленинской премии. Все шло хорошо, и Рыбаков должен был ее получить уже в апреле – ко дню рождения Ленина. Но тут совсем неожиданно «в какой-то Тмутаракани» возникает «Аз и Я», где в числе других работ критически рассматривается и труд Рыбакова. Так как вал популярности зловредной книги, набирая силу, катил в сторону апреля, уважаемый академик, естественно, увидел прямую диверсию, направленную против его будущей премии. И со всей страстью включился в кампанию по сокрушению этого явно антирыбаковского, а значит, яростно антирусского литературного набега. В результате такой активности он пробился в первые ряды сусловской команды, что и помогло ему получить вожделенную премию. (В 1985 году журнал «Коммунист» решил отметить 800-летие «Слова». Юрий Афанасьев, работавший в журнале, пригласил меня выступать со статьей в юбилейном номере. Статья Рыбакова уже была набрана. Свою я принес позже. Академик, узнав, что и я печатаюсь, позвонил Афанасьеву с требованием не допускать Сулейменова в юбилейный номер: «Иначе я заберу свою статью».

– Забирайте, – ответил Юрий Николаевич. – Статья Сулейменова уже обсуждена, понравилась редакции, идет в набор.

– Он, наверное, опять меня критикует!

– О вас даже слова нет. Он пишет о поэзии памятника. А вы в поэтике не разбираетесь, поэтому и критиковать вас не за что.

– Тогда ладно. Оставлю свою статью. Так мы однажды напечатались рядом).

Обсуждение длилось до 18 часов, без перерыва на обед. В конце дали слово мне. Я тоже сказал кратко: «С некоторыми замечаниями уважаемых оппонентов я согласен. Но не со всеми. Категорически не приемлю оценку, данную академиком Рыбаковым. Я продолжаю считать, что вся моя книга – это признание в любви к «Слову», к русской культуре, к которой сам принадлежу большей частью своего воспитания и образования. Сожалею, что вы этого не увидели в книге, уважаемый Борис Александрович. Я знаю, некоторые люди привыкли, что в любви к великой культуре надо признаваться стоя на коленях. Иная форма признания показалась непонятной и оскорбительной».

Протокол обсуждения был вскоре опубликован в академических журналах «Вопросы истории» и «Вопросы языкознания». Но без моего выступления.

Все началось с курсовой...

Многолетняя читательская увлеченность «Словом» для меня не превратилась в профессию, в способ зарабатывания степеней, званий и гонораров. Меня кормили стихи, пока за них государство платило, и я мог себе позволить «бескорыстно» наслаждаться своими увлечениями: сначала «Словом», потом открытой мною тюркославистикой, универсальной этимологией, происхождением письменностей и богов. Сутки разделились на две смены, как писал в одном письме: «Пока светло, работаю на государство, а ночами – на человечество!».

А пока история, любая другая отвлеченность от мелочей писательского и просто человеческого быта помогала мне. Я отдыхал, успокаивался, разбирая надпись на шведском

камне. Здесь я ни от кого не завишу, здесь интересно быть рабом. Рабом своего увлечения.

Мои первые статьи о «Слове», попадали вечно спешащему ХаХа – профессору Хайрулле Хабибулловичу Махмудову, который мне, своему заочному аспиранту, делал деловые замечания по аппаратуре:

– Вот здесь должна быть ссылка на Д.С. Лихачева, типа: «Как правильно заметил...». А здесь на Б.А. Рыбакова, такого же типа: «Согласен со справедливым суждением...». Свободней, по-писательски, не как заскорузлый МНС!

– Но я же не согласен с его даже справедливым суждением! И не считаю, что правильно заметил Лихачев!

– Тогда не защитишься...

– Тогда буду нападать!

Впервые подходы к теме были опубликованы мною в казахстанском журнале «Простор». Запомнился один устный отзыв, изреченный «старшим наученным сотрудником» из института Славяноведенья. Он очень торопился на обед, читал, нервничая, захлопнул журнал и сказал: «Теоретически невозможно. Славно, что Вы интересуетесь этим, молодой человек, но, увы, против науки не попрешь!».

И эта встреча убедила меня, что против такой науки – надо!

...Во время встреч с читателями меня часто спрашивали: «Как долго писалась книга?» Увлечение «Словом о полку Игореве» началось вполне случайно. Осенью 1958-го на первом курсе Литературного института им. Горького профессор Сидельников, преподававший древнерусскую литературу, распределил темы первых курсовых.

Мне он поручил написать о восточных элементах в тексте «Слова». Как опытному студенту (все-таки второй вуз!), мне надо было бы списать нужные сведения из учебника, сдать курсовую и получить зачет. Подвела Ленинская библиотека, куда я заглядывал почти каждый день: готовил дипломную работу. Летом будущего года предстояла защита. (Закончив четвертый курс геофака в Казахском университете, я уехал в Москву, поступил в Литературный. Мне разрешили написать диплом заочно.)

В Ленинке вспомнил о курсовой, заглянул в каталог, чтобы найти что-нибудь посерьезней учебника, и увидел сотни названий трудов, посвященных «Слову о полку Игореве». Заинтересовался, поискал среди них «о восточных элементах». Наткнулся на диспут членов Императорской Академии Корша и Мелиоранского, посвященный выяснению происхождения термина кощей, встречающегося, оказывается, не только в сказках и былинах, но и в «Слове о полку Игореве». Спор академиков, напечатанный в нескольких номерах журнала (не помню какого), в итоге свелся к общему выводу: кощей, скорее всего, произошел от слова кошчи — «слуга», «раб», принесенного в Древнюю Русь каким-то тюркским наречием.

И тут я вспомнил, что похожее слово часто слышал прошлым летом на преддипломной практике в Северо-Восточном Прикаспии.

Пять месяцев наш маленький студенческий отряд мотался на грузовике по пустыне, собирая пробы воды из старых скважин и колодцев, чтобы потом сдать на анализ для выяснения, есть ли в какой-нибудь из проб следы нефти. Студенческая геология. С нами ездил местный старик – и объекты показывал (все колодцы в родной пустыне знал),

и кашеварил. К неснимаемому халату намертво привинчен «Знак Почета» образца 30-х годов.

Мы пытались узнать о его заслуженном прошлом. Кем работал? На нефтепромыслах? Он уходил от прямого ответа: «Я көшші, сынки. Любил ходить по земле туда-сюда. Всегда был көшші и сейчас с вами, выходит, көшші». Мы переспрашивали: «Койши?» («Пастух?») Он брезгливо отмахивался и терпеливо объяснял: «Я – көшші. Это который кочует. Сейчас так уже не говорят. Настоящих кощщи не осталось. Не кочует казах, за дом держится: дома мешок картошки есть».

Спор с дореволюционными академиками

Я выписал в читальный зал все журналы с Коршем – Мелиоранским и тогда же впервые внимательно прочитал «Слово о полку Игореве» (школьная хрестоматия знакомила только с пересказом).

Предложенное членами Императорской Академии «кошчи» фонетически можно было сблизить с похожими словами, встречающимися в «Слове». Князь Игорь напал на кочевья Кончака на реке Каялы и, потерпев поражение, пересел в «седло кощиево». По версии академиков – в седло слуги или раба. Но Кончак своего высокого пленника, к тому же свата, не низвел до положения слуги-раба. Обращался как с равным. В другом месте поэмы меня поразил призыв автора: «Стреляй, господине, Кончака – поганого Кощея». (Через годы я понял, что это прозвучал голос не автора, а монаха-переписчика XVI века. Литература светского содержания смывалась с пергамента, он освобождался для священных книг. Некоторые произведения перед этим переносились на бумагу – более дешевый материал. Переписчик свободно

обращался с текстами нецерковного содержания — редактировал, переводил на современный язык устаревшие речения. Дописывал, если нужно. Где мог, добавил «Слову» христианских выражений, явно несвойственных оригиналу, в котором ни разу не упоминается Иисус Христос, но часто языческие боги Велес, Стрибог, Даждьбог, Хорс... Определение поганый – «языческий», пришедшее из греческого церковного, противоречило характеру авторской речи.)

Содержание и этого места мешало согласиться с академиками. Едва ли половецкого хана-победителя при всей ненависти к нему даже в запальчивости можно было наречь слугой или рабом!

Мне показалось, что көшші «кочевник» из лексикона орденоносца более вписывалось в текст «Слова». И фонетически ближе, и по смыслу.

Игорь после поражения пересел из седла злата в седло кощиево (кочевника): в плену он, наверное, кочевал вместе с половцами. Христианин мог в ярости назвать Кончака поганым кощеем – некрещеным кочевником. (Здесь даже лексические отличия кощий и кощей свидетельствовали о том, что писаны были эти слова в разное время, разными людьми. Поэтически совершенное – «из седла злата в седло кощиево» принадлежало автору; первохристиански заостренное на язычников Дикого поля – перу монаха-переписчика XVI века. Этого стилистического разнобоя могли не заметить Корш и Мелиоранский: список «Слова» открыт недавно, изучение его только начиналось. У советской академии времени разобраться было достаточно – весь XX век. Но не обратили внимания. А могли бы осуществить исследование и понять, что Кощий (Кощей)

в раннем Средневековье могло быть обозначением обитателя Дикого поля. В разных краях исторической Руси и, видимо, в разные времена образовались две формы этого нарицательного имени. В сказках чаще употребляется Кощей. В былинах, записанных научной экспедицией Императорской Академии в Архангельской губернии – Кощщий. На мой взгляд, эта устная форма была ближе к исходной. В древнерусских письменных памятниках долгие, удвоенные согласные не обозначались – из соображений экономии места. Даже русский в летописях и в «Слове» всегда руский. Поэтому и «кощщий» должно было записаться сокращенно: кощий. А в другом диалекте и в другое время – кощей. Но в «Слове» неожиданно собрались обе эти разновременные и разно диалектные формы одного термина. Почему? «Вопрос ребром поставил и так стоять оставил». Это о себе, о нескольких подобных вопросах, обозначенных в книге и до сих пор упорно не замечаемых. Один и тот же предмет (или явление) в диалектах может называться по-разному (не о синонимах речь), но в литературном языке, тем более в отдельном произведении, это невозможно. И если такое случается, значит, одна из лексем дописана в другое время.)

...Почувствовав вкус первого успеха в споре с дореволюционными академиками, я в несколько недель перечитал значительную часть работ о «Слове» из каталога. И понял, что курсовая пропала: объемы узнанного не вмещались в несколько отведенных профессором страниц.

Хотя можно сказать, что курсовая все же состоялась, но через 16 лет под названием «Аз и Я». И сдавался зачет не одному профессору Сидельникову, а Большому Читателю (не

участников академического обсуждения имею в виду – во всяком случае, не всех). В книге упомянул забытое казахами «көшші» как праформу древнерусского названия обитателя Дикого поля, фигура которого в эпоху «трехсотлетнего ига» обрела почти сказочную фигуральность. Представления о неистребимом кочевнике нашли отчаянное воплощение в фольклорно-обобщенном образе Кощщия (Кощея) Бессмертного.

В XVI веке влияние Дешт-и-Кипчака («Степи кипчакской»), простиравшегося от Алтая до Черного моря, ослабло. Кочевники, называвшие себя «казак», оттесняются с Днепра, Дона до Волги и далее до Яика. Активно проявляет себя в отношениях с Русью ханский Крым, откуда в русский язык попадает много огузских (турецких) слов и выражений, пополняя накопленный ранее запас тюркизмов, но не заменяя их. И, пожалуй, только в одном случае произошло вытеснение прежнего кипчакского термина новым, огузским.

Впервые в «Сказании о Мамаевом побоище» появляются древнерусские кочевать, кочевой, кочевье, кочевник.

В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера поясняется, что эти слова произошли от тюркского **коč** – поездка, путешествие, переселение. И тюркологи не поправили. А должны были бы выяснить и сообщить, что в русский поступило не отдельное **коч (коč)**, а уже в комплексе с **–ев**, которое в турецком (а не в тех языках, которые упомянуты в словаре Фасмера) обозначает «дом, жилище» (**ev**). Сложным **kočev** (кочевое жилище, дом кочевья) турки (и крымские татары побережья), уже перешедшие к оседлости, так называли шатер, юрту.

И походное жилище, устроенное на повозке, санях. (Так, вероятно, и подсказали когда-то идею кареты.)

От основы ***кочев** в русском произошли слова **кочевье, кочевать, кочевник**. И название поселения – **ікі ev** – «два дома» (тюрк.-огуз.), которое в древнерусском превратилось в **Киев**.

Полемика, не увидевшая свет

Академик Кононов, считавшийся главным тюркологом страны, на том обсуждении призвал ученых сфокусироваться на профессиональных недочетах книги, а не на политических промашках.

Следуя этому призыву, известный тюрколог Баскаков вскоре принес в журнал «Вопросы литературы» статью, где указал на незнание автором «Аз и Я» важного закона казахского словообразования. Он напомнил: суффикс деятеля – ши (-щи, -чи) в тюркских языках образует нарицательное имя деятеля, присоединяясь к имени существительному. Ни к прилагательному, ни, тем более, к глаголу, а только к существительному. Примеры из казахского: **балық** – рыба, **балықшы** – рыбак; **темір** – железо, **темірші** – кузнец.

«Тюркологам, получившим филологическое образование, – заметил тюрколог, – это положение известно. Но О. Сулейменову, похоже, – нет. Он считает, что было возможно образовать имя деятеля кощщи – «кочевник» от казахского глагола кощ – «кочуй».

Редактор журнала В. Озеров сообщил мне о готовящейся публикации. Я как раз был в Москве, зашел в редакцию. Прочитал статью. Виталий Михайлович Озеров, известный советский критик, секретарь Союза писателей, переживал

за книгу и автора. «Это правда, о чем написал Баскаков? Есть такой закон в казахской грамматике?» – «Есть». В кабинете редактора написал на нескольких страницах ответ на статью. Где сообщил некоторые особенности тюркской грамматики, видимо неизвестные уважаемому тюркологу.

О том, что во многих тюркских наречиях сохранилось много слов, выполняющих, не изменяя форму, одновременно две-три грамматические функции: имя, глагол, прилагательное. Например, турецкое коч (коč) – «кочуй» являлось и именем существительным – «кочевье». В казахском таких примеров еще больше. **Кос** – 1) соединяй, 2) соединение. От именной формы образуется имя деятеля: **косши** – «присоединившийся, сопровождающий». Переносных значений несколько: ординарец, адъютант, помощник. В каких-то ситуациях могло быть и «слуга». Но никогда не «раб».

Это слово – прямая аналогия **кошчи**, обнаруженного Коршем – Мелиоранским в каком-то тюркском наречии, близком к казахскому. Баскаков прав, что в казахском есть глагол **кощ (коč)** «кочуй», но он не знает, что еще недавно это слово выступало и в именном значении – «кочевье». Жива еще старинная народная песня:

Қаратаудың басынан **көш** келеді…

«С вершин Каратау спускается кочевье…»

В ту (старинную) пору и образовалось личное существительное **көшші** – «кочевник», которое мы ныне вправе назвать первым древнеказахским словом, обнаруженным, благодаря древнерусскому памятнику.

...В XX веке наш народ трагически расставался с тысячелетним кочевым образом жизни. Революционный переход к оседлости в черные 1930-е сократил численность этноса

больше, чем наполовину. И слово **көш** утратило свою грамматическую половину – именное значение: кочевий в степи больше не было. Потому и **көшші** – «кочевник» вышло из употребления (возможно, было запрещено), заменившись другими обозначениями сельского деятеля новой эпохи – «колхозник», «тракторист», «звеньевой».

Но литераторам требовалось слово взамен забытого для описания проклятого кочевого прошлого. Оно было создано грамматикой отрицания: **көш** – кочуй; **көшпе** – 1) не кочуй, 2) кочевье. **Көшпелі** – кочевой. И в итоге вымучили усложненный термин **көшпелі адам** – человек кочевой – «кочевник». И это неуклюжее изобретение терминкома должно напоминать нам, что надо возвратить простое и древнее **көшші** в казахский язык!

Виталий Михайлович отдал исписанные мной листки на машинку и, созвонившись с Баскаковым, показал мой ответ.

Приведенные примеры оппонента, похоже, убедили: он забрал свою статью из журнала и нигде больше не предлагал. А я, признаться, жалею, что наша полемика тогда не увидела свет.

Двуязычное «Слово»

Вслед за **кощщий** мне открывались в «Слове» все новые тюркизмы. Они не выделялись, как ныне принято в научных текстах, шрифтами, и потому читатель, не знающий тюркского, понимал их как немного странные, но вроде бы русские слова.

Читателям древнерусских текстов приходилось разбираться в сплошных строках, не разделенных на отдельные

слова. Но когда в тексте встречались иноязычные термины, это еще более усложняло чтение. Например, в части, где описывается набег половцев на русские города, сплошную строку «сеуримкрчтподсаблямиполовецкими» в списке для Екатерины разбили так: «Се у Рим кричат под саблями половецкими...» И вынуждены были перевести: «Это у Рима кричат под саблями половецкими...»

Засомневавшись через десятилетия, потратили много сил, чтобы отыскать городок или поселение с похожим названием где-нибудь поближе к Киеву.

А монах-переписчик XVI века, вероятно, знал татарское слово **урим** – девичья коса, еще входившее в древнерусский лексикон, потому и оставил его в тексте, а не перевел. «Се урим кричат под саблями половецкими» – «Это девичьи косы кричат под саблями половецкими». Выходит, по автору, отрезанные саблями косы – знак девичьего бесчестия – плата за вероломное нападение Игоря на своего свата.

Вслед за отдельными «невидимыми тюркизмами» мне открывались куски текста, первоначально передававшие целые тюркские фразы, а то и несколько предложений кряду. Их понимали читатели XII века, но в XVI они уже были переведены на русский переписчиком (в «Аз и Я» об этом говорилось подробнее). Чем глубже вчитывался в такие строки памятника, тем яснее становилась догадка: оригинальный текст поэмы был писан человеком, знающим язык половцев. И писалась эта вещь для двуязычного читателя Киевской Руси XII века.

В «Аз и Я» проводилась параллель с русско-французским билингвизмом XIX века. Диалоги «Войны и мира», «Анны Карениной» писаны были для людей света, знающих французский не хуже, если не лучше, родного. В XX веке

российское общество стало моноязыким – и Толстого пришлось переводить на русский.

Каждый развитый этнос в своей истории переживал периоды двуязычия. Порой неоднократно приходилось оказываться под влиянием различных иноязычных культур. И ничего постыдного в этой правде нет. На том обсуждении выступил В. Абаев, членкор, один из самых авторитетных в мире индоевропеистов. Сообщил, что его институт исследовал проблему билингвизма. Они насчитали, к примеру, более пятисот иранизмов в грузинском словаре. Такое количество заимствований служит неоспоримым доказательством былого грузино-персидского двуязычия. «Витязь в тигровой шкуре» – порождение долговременного союза этих двух народов. Любое великое произведение древности – плод взаимодействия культур. «Тюркизмов в русском языке, я думаю, не меньше, чем иранизмов в грузинском, – сказал Василий Иванович. – Если не больше. Нужны масштабные исследования в этом направлении».

В начале XIX века в России было обнаружено несколько искусных подделок под старинные рукописи. И «Слово о полку Игореве» сразу попало под подозрение. Яростные защитники до сих пор доламывают обломки копья Мазона и пик нескольких других скептиков из прошлого. Но я считаю, что именно следы былого двуязычия являются самым убедительным аргументом подлинности «Слова». Фальсификатору не нужно было так насыщать текст тюркским материалом. И беда этого бесценного литературного текста еще и в том, что вот уже два столетия прочесть и истолковать «Слово» пытались и талантливые, и трудолюбивые слависты, но не знавшие тюркских языков и не придававшие этому фактору должного значения. Поэтому первая

же попытка двуязычного «любителя» по-новому разобраться в проблеме прочтения «Слова» немедленно получила сокрушительный отпор «профессионалов». Они не только следов тюркского языка в «Слове» не нашли, но и поэтического языка вещи не поняли.

Как описана ночь накануне роковой битвы!..

«Дремлет в поле Ольгово хороброе гнездо...»

Я подсчитал: очень много раз в «Слове» употребляется лексема «храбрый», пришедшая в древнерусский из южнославянского языка. Но лишь однажды автор применяет русский полногласный вариант «хоробрый». Почему?

Поэт ответит, что автор намеренно усилил в этой строке гармонию гласного О – самого минорного звука русской речи. Этот звук веками настоян на смыслах слов «холод», «голод», «зло», «зной», «мор», «стон», «горе», «Поле», «полон», «позор»...

Никакой фальсификатор не смог бы создать тонический подтекст такого совершенства. Но академия не слышит ничего ценного в этой строке и хладнокровно включает в школьные хрестоматии свой перевод: «Дремлет в поле Олегово храброе гнездо...» — грамматически правильный, но начисто разрушающий одно из убедительнейших свидетельств подлинности гениального «Слова». Повторяющийся минорный звук «О» наполняет тревогой, предчувствием последней, гибельной битвы, которая должна состояться утром. Такие строки больше говорят о подлинной древности и подлинности памятника, чем тома патриотической риторики.

Попутно. Об этимологии слова «хоробрый». В казахском языке выражение «қара баур» – «черная печень» характеризует жестокого человека, как в европейских наречиях возможное – «черное сердце». Но слово «қара» – «черное» в тюркских когда-то значило и «великое». Именно тогда возникло название «қара теніз» – «Великое море» (каз.) = гара денгіз (турец.). Но позже истолкованное как «Черное море» (тур., каз. и др.)

«Самое синее в мире
Черное море мое» – пел Утесов.

Во времена, когда создавались такие поэмы как «Слово о полку Игореве» выражение **қара баур** (каз.) – **қара боор** (кырг.) еще означало «великая печень», а не «черная». Так характеризовали смелых, великосердных воинов, а не злодеев. Гортанный согласный **қ** в славянском произношении передавался звуком **х**. (Так этноним **қазақ** до XX века в России произносили еще **казак**, обозначая сословие русских вольных людей, обитавших в степных регионах. В советское время утвердилась форма **казах**. Слава богу, что не **хазах**.). В **хоробр** узнаю кыргызское произношение: кипчакский (казахский) дифтонг **au** кыргызы системно превращают в долгий **о** – Ала-**Тау** > Ала-**Тоо**, Қара б**аур** > Хара б**оор**. Так я нашел первое древнекыргызское слово в славянских.

* * *

Спустя 10 лет мы с Андреем Вознесенским оказались в компании главного специалиста по «Слову о полку Игореве», академика Дмитрия Сергеевича Лихачева, — нас троих Союз писателей СССР делегировал на какой-то писательский форум в Сицилии летом 1985 года — разговоров о «Слове» никто из нас не затевал.

Только однажды. Мы обедали на берегу моря, стол на четверых под зонтом. Четвертый – итальянский сопровождающий. Учился в Москве. Историк. Главное блюдо – спагетти.

– Дмитрий Сергеевич, а знаете, откуда в Италию пришли спагетти? – спросил я.

– Ну раз Вы спрашиваете, – добродушно ответил академик, – значит, с Востока. Я прав?

– Абсолютно. Арбитром пусть выступит наш итальянский друг.

Итальянец пояснил. Марко Поло возвратился из своего путешествия в Китай и устроил в Венеции серию званых вечеров, где демонстрировал экзотические блюда, рецепты которых привез. И больше всего венецианским вельможам понравились спагетти. Вскоре их готовили по всей Венеции. А потом и по всей Италии. А «спагетти», предположил итальянец, наверное, какое-то забытое китайское слово. Лингвисты пока не нашли источник.

– Здесь тюркологи могут добавить – подключился я, – **aspah etti** – «лапша мясная» по-староуйгурски. Марко Поло, судя по этому термину, рецепт заимствовал в Восточном Туркестане, ныне провинция Синьцзянь в КНР….

– У нас сто пятьдесят видов спагетти, сто пятьдесят соусов, – добавил итальянец.

После этого Андрей заказал еще порции спагетти с другим соусом и осторожно спросил: «Дмитрий Сергеевич, а почему ученые навалились на Олжаса? Я бы на вашем месте за одно это объяснение спагетти простил бы ему все прежние ошибки!».

Дмитрий Сергеевич ответил, обращаясь ко мне, вполне серьезно: «Если бы Вы, Олжас, приехали ко мне в Ленинград с рукописью, мы посидели бы вместе пару

вечеров с красным карандашиком. Несколько вопросов на полях обозначили. Вы бы подумали. И вышла бы прекрасная книга».

Я же ответил: «Если бы я так поступил, книга не вышла бы вовсе, Дмитрий Сергеевич..».

С Дмитрием Сергеевичем мы встречались и в дни съездов народных депутатов. На одном из съездов, в конце мая 1989-го, выступая, академик вдруг сказал, что русская культура издревле взаимодействовала с восточными, в частности с тюркскими степными культурами. О чём ясно свидетельствует «Слово о полку Игореве».

***

Завершая, хочу сказать, что «Слово о полку Игореве» – литературный памятник трех временных срезов – XII, XVI, XVIII веков – продолжает ждать исследователей. Не столько патриотов, сколько ученых, способных выявить, какая из правд, накопившихся в науке за века изучения памятника, является истинной. То есть истиной.

Настоящий ученый – историк или языковед – не появляется в течение тех 4 лет университета и 3-4 лет аспирантуры с последующей защитой диссертации кандидатов в ученые. Активный период познания этим сроком ограничивается для большинства наученных работников.

Настоящие прозрения начинаются позже: через пятьдесят, а иногда и шестьдесят лет работы над темой. В твоем сознании постоянно живут факты, которые ты узнал и обдумал за все эти десятилетия. Оспорил или утвердил их. Множество фактов и деталей требуют обобщения. Найти

его трудно, но, накопленные за десятилетия, они начинают собираться и помогать обобщать всё, что ты узнал, – в систему.

Всё, что должен был узнать.

Благодаря таким знаниям, народы начинают вспоминать и ценить каждый свой интеллектуальный подвиг, сотворенный, может быть, только вчера или ещё в каменном веке. Сам процесс вспоминания и узнавания поступков, оправдывающих имя нашего вида Человек Разумный – умножает уверенность каждой великой и малой нации в своём и общем будущем.

Какими знаниями пополнилась наука о языках и культурах человечества за прошедшие полвека?

Научных званий в мире прибавилось, но знаний не становится больше. Не только в тюркологии – во всех гуманитарных науках. Развивались только те, которые работали на оборону. И нападение.

И мир подошел к обрыву, за которым нет дорог.

Больше 30 лет назад независимость в социальных явлениях распространилась и на литературу, породив в наших обществах независимость от **книги**. Следующие десятилетия должны стать для книги и нации временем осознанной взаимозависимости.

Пусть с этого начнется возрождение читающих наций.

Олжас Сулейменов
2025 г.

ОТ АВТОРА

В моей небольшой библиотеке сохраняются лишь те книги, к которым я постоянно возвращаюсь.

Книжный запой детства и юности сменяется штилем. В толпе уличных знакомых и приятелей находишь друзей, с которыми пройдет твоя жизнь. В море полиграфической продукции определяешь несколько книг, воспитывающих в тебе читателя.

Газеты призывают осваивать методы скоростного чтения, а тебе интересно провозиться всю ночь над строчкой, написанной несколько веков тому назад. И через годы открыть книгу на той же странице, отыскать ту строчку и понять, как изменился ты. Читаешь, бережно превозмогая свои и чужие вкусы. Пристрастия. Убеждения. Азбучную грамотность.

Строка уже не влетает в пустоту, не отскакивает от стены; она обитает в пространстве, обжитом твоим знанием.

Осознать космос культуры, в котором, как ядро, плавает слово, – это и есть наука чтения. Не освоив ее – невозможно писать самому.

Одним из таких учебников чтения стало для меня «Слово о полку Игореве».

Более десятка лет я пытаюсь покрыть расстояния между собой и этой Вещью. («Вещь» – мудрость, др. рус.).

Она отстоит от меня не только во времени. Наш взгляд направлен сверху вниз: мы видим лексику и поэтику памятника в плане. Нам доступны верхние этажи семантического и идеологического знания «Слова»: не всегда удается заметить тень на плоскости и по ней восстановить высоту конструкции и объем.

Мы глядим вниз, стараясь увидеть цветущие формы прошлого сквозь вековые пласты культурных предрассудков, которые старше нас, но моложе правды.

Разгребая взглядом **пыль**, угнетающую **истину**, мы узнаем их **силу**. (Местоимение «их» относится к трем подчеркнутым существительным.)

«Слово» – неожиданно.

Оно заключает в себе прозрения, кажущиеся подозрительными, тривиальные образы, покрытые патиной гениальности, и темные речения, великие уже потому, что понимаются банально.

Восковые розы, оборачивающиеся здоровенными розовыми кукишами; оазис в пустыне, принимаемый за мираж; историческая сказка и волшебный факт – замечательное «Слово».

«Слово» – своеобразный тест, проверяющий знания, мировоззрение и творческие способности читателя, его психологическую подготовленность к встрече с историей. Оно, как лакмусовая бумажка, определяет читательскую среду – в одном прочтении краснеет, в другом – синеет. А иногда и белеет.

Любопытное «Слово»!

«Слово» формировало мое миропонимание. «Слово» ввело в историю и позволило увидеть другими глазами многие стороны современности. Я понял, что историческая ложь может оскорблять вещего так же, как историческая правда невежду. Мне приходилось видеть, как исторический факт мотается на качелях субъективной логики, возносясь на метафизические вершины и обрушиваясь в бездонные пропасти объективного незнания.

Факт, взятый вне исторического контекста, превращается в мертвую игрушку ученых. Ибо факт – ядро эпохи, он живет в космосе обстоятельств своего времени, как земной шар в оболочке атмосферы. Разъять их невозможно без вреда для знания. В этой книге я хочу изложить основные моменты своего опыта читательской работы над «Словом»,

итогом которой должен в будущем явиться этимологический словарь «1001 слово».

Имею право ошибаться и признавать, и искать новые решения.

Имею возможность высказывать свои суждения по табуированным проблемам. В этом есть определенные преимущества не только для меня лично.

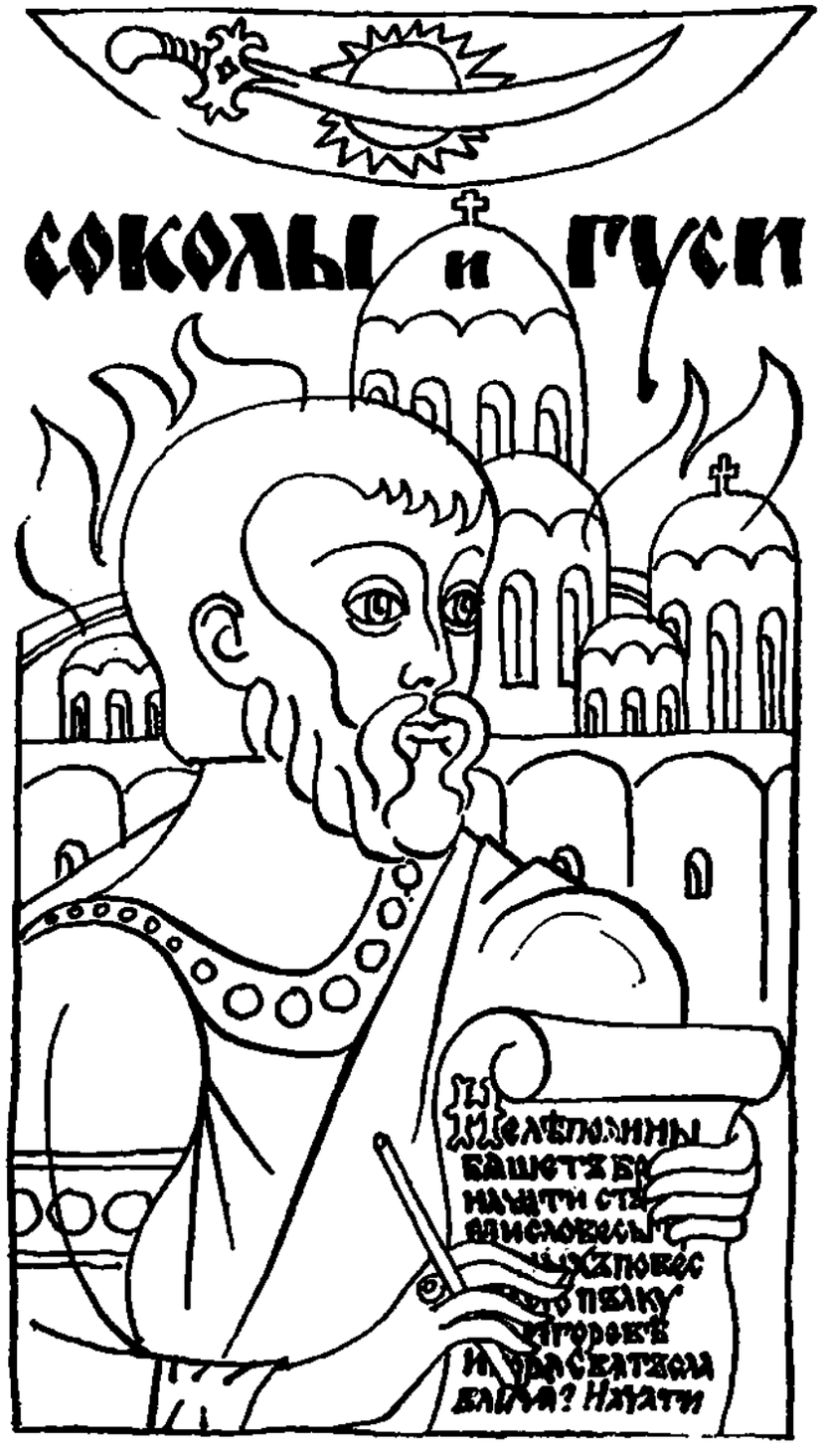
Я отказался от темы – «Тюркизмы в «Слове» – понял, что узкая специализация продуктивна в математике, а не в человековедении. «Слово» нужно читать не коллективом **МЫ** (Славист, Тюрколог, Историк, Поэт и др.), а коллективом **Я**. Те же персонажи, но объединенные в одной личности.

Читать «Слово» мне помогало природное двуязычие, знание культурных взаимоотношений Руси и Поля, увлечение этимологией и, может быть, чувство слова и образа, выработанное упражнениями в версификаторстве.

Не забуду упомянуть еще одно условие, необходимо дополняющее образ читателя. «Слово» не должно быть **средством**, как, впрочем, литература и наука вообще. От того, **как** ты прочтешь, **чью** точку зрения поддержишь, а чью опровергнешь, не должно зависеть твое бытование. Ты обязан быть предельно свободным в оценках работ своих учителей. Аксиома, но требующая ежечасных доказательств практикой творческой жизни.

Было бы слишком самоуверенно заявить, что я как читатель отвечаю полно всем требованиям, поставленным самим же. Но последнее условие я честно пытался соблюдать всегда. Соглашался только с тем, что мне в данный момент казалось истинным, и протестовал против своих и чужих вчерашних утверждений, если они сегодня устаревали.

Ибо путь к сути лежит через суд, через непрерывно заседающий в тебе трибунал мысли.



К ИСТОРИИ СПИ[1]

(Краткий очерк истории
«Слова о Полку Игореве» и «Задонщины»).

В 1791 году А.И. Мусин-Пушкин был назначен обер-прокурором Святейшего Синода. В том же году, 11 августа, Екатериной II был издан указ, по которому Синоду разрешалось собрать и изъять из монастырских архивов и библиотек рукописи, представляющие интерес для русской истории.

Этим занялся А.И. Мусин-Пушкин. Не позже 1792 года (точная дата не установлена) он приобретает сборник XVI века, в котором обнаруживается список «Слова о полку Игореве».

Жертвой московского пожара 1812 года становятся дом и библиотека графа. Список XVI века гибнет. В научный обиход приняты издание Мусина-Пушкина и список, сделанный для Екатерины.

Оригинальная история списка XVI века сразу же вызвала скептическое отношение к «Слову» у некоторых отечественных и зарубежных ученых, предположивших, что речь идёт о фальсификации, призванной оправдать империалистическую политику Екатерины аргументами прошлого. Назывались и возможные кандидатуры исполнителей подделки (в их числе и Мусин-Пушкин).

[1] Аббревиатура СПИ давно принята в науке.

Исторические и лингвистические доводы скептиков были столь внушительны, что вся литература по «Слову», накопившаяся за два века беспрерывного изучения, посвящена одному вопросу – подлинно ли «Слово о полку Игореве».

Спор скептиков и защитников, по сути, напоминает известный диспут Остапа Бендера и ксендзов.

– Бога нет, – сказал Остап.

– Есть, есть, – сказали ксендзы.

Скептики целиком отвергают «Слово», апологеты с такой же категоричностью признают его.

В первой половине XIX века, когда родилась скептическая школа в России, многие исторические факты, косвенно подтверждающие подлинность «Слова», ещё не были известны.

М.Т. Каченовский, главный представитель школы, провозгласивший принцип «Для науки нет ничего приличнее, как скептицизм»[2], в первой же своей статье «Об источниках русской истории»[3] подверг сомнению договоры Олега и Игоря с греками. В статье «Параллельные места в русских летописях» он усомнился в подлинности многих сообщений древнерусских хроник, полагая, что известия эти вписаны были позже, т. е. в XVI веке[4].

М.Т. Каченовский и представители его школы призывали: факты должны быть сопоставлены друг с другом, и судить о них надо в соответствии «с общими законами исторического развития». Впоследствии другой представитель скептической школы Н.И. Надеждин писал: «Всякий факт сам по себе имеет внутренние условия достоверности... Эти внутренние условия создают историческую возможность

[2] Каченовский М.Т. О «Римской истории» Нибура. «Вестник Европы», 1830, №17-20, стр. 75.

[3] «Вестник Европы», 1809, № 18.

[4] Там же.

факта... Никакой древний исторический манускрипт, никакой известный авторитет, выдержавший всю пытку обыкновенной критики, не убедит меня в подлинности факта, если он представляет решительное противоречие этим законам»[5].

Такое отношение к древностям было продиктовано необходимостью. С ростом национального самосознания наука нередко становится на службу казённому патриотизму, тогда историография начинает отходить от истории. Факты или неверно освещаются, или фальсифицируются в угоду возникающему на прошлое взгляду.

Явление это универсальное. Почти все европейские историографии пережили такой период. И основатель западной скептической школы Август Шлецер на реалиях обосновывал необходимость строгого недоверчивого отношения к историческим источникам. В XVIII веке и в начале XIX в России появилось значительное количество исторических подделок. Большинство из них было разоблачено скептиками и не успело войти в официальную науку.

Скептическая школа (несмотря на целый ряд неточных практических результатов) сыграла весьма положительную роль в развитии русской историографии. Она способствовала созданию нравственной атмосферы в науке, утверждению строгих моральных критериев, без которых наука как **объективное знание** существовать не может.

Скептики прошли сквозь «пытку» патриотической критики. Чрезмерной подозрительности им не прощали и не прощают. Отдельные ошибки, и серьёзные (неизбежные в практике любого научного метода), позволили противникам объявить эту школу консервативной и т. п.

В XX веке последователей Каченовского в России уже не осталось. И критика их приобретает особый характер.

«Очень важно отметить, что представители скептической школы были людьми консервативных, официальных

[5] Надеждин Н.И. Об исторической истине. СПб, 1837, т. 20, стр. 153.

воззрений. Своими реакционными взглядами был известен не только «парнасский старовер» М.Т. Каченовский, но и друг Ф. Булгарина – О.И. Сенковский, а также М.И. Катков. И.И. Давыдов известен тем, что с ним, как с директором Главного педагогического института, боролся Н.А. Добролюбов»[6].

Интересно, чьим другом был и с кем сражался К.С. Аксаков, резче И.И. Давыдова выступавший на стороне скептиков[7].

К.С. Аксаков и вовсе считал, что «Слово» подделано даже не русским патриотом, а иностранцем.

Новый этап в изучении «Слова о полку Игореве» начинается с открытием другого памятника – «Слова о великом князе Дмитрии Ивановиче» (или как принято называть по одному из списков – «Задонщина»)[8]. Считается, что создано оно вскоре после победы Дмитрия Донского над Мамаем (1380 г.). Автором считают Софония-«резанца», имя и прозвище которого упоминается в списках. Исследователи гадали, кто же конкретно скрывается под именем Софония-резанца. Называли то «рязанским попом», то «брянским боярином».

Б.А. Рыбаков настаивает на второй версии:

«Брянский боярин Софоний (носивший в рукописях загадочное и ничем не оправданное прозвище резанца)»[9].

[6] Лихачев Д.С. Изучение «Слова о полку Игореве» и вопрос о его подлинности. В кн.: «Слово о полку Игореве» – памятник XII века. М.-Л., 1962, стр. 21.

[7] Аксаков К.С. Полн. Собр. соч. Ломоносов в истории русской литературы и языка. Т. 11, М., 1875, стр. 142-147.

[8] Известны несколько списков «Задонщины»: Список ГПБ (Государственной публичной библиотеки) из собрания Кирилло-Белозерского монастыря № 9/1086 (К-Б); список из собрания Ундольского № 632 (У); список ГИМ (государственного исторического музея), собрание музейное № 2060 (И-1); список ГИМ, собрание музейное № 2060 (И-2); список ГИМ, собрание Синодальное № 790 (С) и другие. Мы будем в дальнейшем цитировать «Задонщину» по изданию «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла», под редакцией Д.С. Лихачева и Л.А. Дмитриева, издательство «Наука», М.-Л., 1966, раздел «Тексты Задонщины».

[9] Рыбаков Б.А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971, стр. 27.

«Резанцами» называли скопцов или христиан, подвергшихся насильственной мусульманизации, обрезанию. «Резанцами» на Волге и по сю пору прозывают мусульман.

Открыта была рукопись «Задонщины» в 1852 году. Черт, сближающих её со «Словом», оказалось так много, что это обстоятельство поставило в затруднительное положение и защитников, и скептиков, одинаково давая обеим сторонам грозные аргументы. Замешательство продолжалось долго. Наконец, французский славист Луи Леже в 1890 году опубликовал результаты своего историко-литературного анализа, который свёлся к следующему: «Слово о полку Игореве» – произведение подражательное и слабое. «Задонщина» – оригинальное и поэтически сильное. Он усомнился в дате открытия «Задонщины» и предположил, что эта рукопись была обнаружена в конце XVIII века и на основе ее неизвестным фальсификатором создавалось «Слово о полку Игореве»[10].

В последнее время гипотезу Луи Леже решительно развивал во Франции проф. А. Мазон и группа его единомышленников.

«В этом пёстром целом нет единства, – говорил о «Слове» Мазон, – кроме эпохи и среды. Эпоха – это конец XVIII века в торжествующей России Екатерины II, среда – несколько образованных людей, группирующихся в кружок около графа Мусина-Пушкина, библиотечных работников и людей светских, вдохновлённых историческими чтениями; льстецов, не менее чем патриотов, обративших свое вдохновение на службу своего национализма и политики императрицы»[11].

Сопоставив поэтику и лексику двух памятников, А. Мазон выдвинул несколько конкретных вопросов, которые могли, между прочим, задать себе и защитники.

[10] Луи Леже. Славянская мифология. Воронеж. 1908, стр. 4-5, перевод с французского издания, 1900.

[11] Mazon A. Le slovo d'Igor. Paris, 1940.

С возражениями А. Мазону выступили многие советские ученые: А.С. Орлов, С.П. Обнорский, Н.К. Гудзий, В.П. Адрианова-Перетц и др., зарубежные – А.В. Соловьев, И.Н. Голенищев-Кутузов, А.В. Исаченко, С. Леонов (Парамонов), Р.О. Якобсон и др. Ответы защитников составили не один том, где на все лады повторяется главный аргумент в пользу подлинности – убеждённость в подлинности.

Заслуживает серьёзнейшего, аргументированного ответа такое, например, замечание А. Мазона: «Язычество, самое искусственное, распространено на всем протяжении произведения вплоть до неожиданного предела весьма христианского содержания».

Определённее всех ответил С. Леснов (Парамонов), австралийский словист. Хотя стиль его ответов далёк от академизма и изложение грешит описательностью (он мало прибегает к доказательствам), заявления его часто оказываются ближе к искомой правде, чем многие более оснащённые научной аппаратурой труды других защитников. Он пишет: «Профессор Мазон настолько силен в своём анализе, что не понимает, что почти всё «христианство» «Слова» – это добавки монахов-переписчиков, которых не могло не шокировать полное умолчание христианства. Вставки их шиты белыми нитками, в особенности в конце о «хрестьянах», о которых в «Слове» до этого, кстати сказать, не было сказано ни одного слова»[12].

Многие защитники игнорируют проблему, поставленную А. Мазоном. Фигура умолчания не лучшая форма ответа на вопрос, решение которого прибавило бы нам знания духовной атмосферы древней Руси.

Повторяю, этот вопрос о взаимоотношении искусственного язычества и искусственного христианства в «Слове» должны были поднять сами защитники. А проще – исследователи «Слова» без добавочных определений.

[12] Леснов С. Слово о полку Игореве. Вып. 2, Париж, 1951, стр. 179.

Характерно, что в трудах, созданных в форме ответа на высказывания французского словиста, книга его цитируется не по достоинству скупо и в такой форме, с такими побочными, не имеющими отношения к науке комментариями, что непосвящённому читателю становится очевидной некомпетентность А. Мазона. Особенно показателен в этом отношении сборник статей под редакцией Д.С. Лихачева[13].

Именно в нем Н.К. Гудзий провозгласил тезис, благодаря которому можно объяснить все несуразности и грамматические, и литературные, и орфографические, которыми изобилует текст «Слова». Устав от щекотливых вопросов коварных «французов» и «немцев», уважаемый ученый сказал, как отмахнулся: «В качестве возражения и Мазону, и Унбегауну можно было бы указать, прежде всего, на то, что язык «Слова» – поэтический; он мог отклоняться и на самом деле отклонялся от общепринятого языка...»[14].

Ироническое заявление А.С. Пушкина – «поэзия должна быть глуповатой», – мне кажется, было понято слишком прямолинейно и стало основой предрассудочного отношения ученых к поэтическому языку.

...В последние десятилетия советская «словистика» находится в состоянии динамичной статики, природа которой не в самой науке, а возле неё.

Научный коллектив, говорят математики, дееспособен до тех пор, пока в нем есть некая критическая масса, то есть сумма полярных идей. **Когда все сказали «да», то или тема исчерпала себя, или коллектив исчерпал свои возможности.**

Незримый коллектив специалистов по «Слову» существует в нашей стране издавна. И все говорят «да». Любые

[13] Сб. «Слово о полку Игореве» – памятник XII века, М.-Л., 1962.

[14] См. указанный сборник, стр. 113.

попытки изменения всеобщего взгляда на биографию «Слова» вызывают немедленную анафему[15].

На поле – одна команда и вся состоит из защитников. Нападающие давно ушли в раздевалку. Команда имитирует яростную борьбу с жупелами – игра в футбол по телефону.

Прочтения, переводы, комментарии защитников опубликованы, признаны и вошли в учебники. Отречься, усомниться в ценности всего этого, десятилетиями накопленного багажа, на котором зиждется авторитет имени, трудно. Наука поставлена в зависимость от ученого.

Скептикам, целиком отвергающим «Слово», не доставало доверчивости; апологетам, целиком принимающим, – здравого скептицизма.

Не только сомнение – двигатель науки, но и не только безоглядная вера. Иначе историческая реликвия становится одним атрибутом двух религий – нигилизма и патриотизма. **Знать источник важнее, чем знать то, что нужно получить от него.**

В этих условиях самая ценная фигура в науке – скептик. Сохранить его – значит, продлить жизнь науке. Защитники бессознательно понимают это, потому нашли себе противника за рубежом. Негласный лозунг – сохранить А. Мазона! – читается между строк апологетических трудов. Скептик – это пчела с жалом, которую невежественный садовник отгоняет от цветов заповедного сада. Но именно пчела, вторгаясь в цветок, опыляет его. Охраняя от мохнатого разбойника драгоценный нектар, мы губим будущие плоды.

[15] Показательна в этом отношении судьба двухтомного труда А.А. Зимина, не так давно изданного на ротапринте количеством в несколько десятков экземпляров. В этом исследовании известный литературовед попытался оспорить подлинность «Слова». Материалы сокрушительной дискуссии, развернувшейся вокруг этой работы, были опубликованы в популярных изданиях гораздо большим тиражом, чем сам обсуждаемый труд. Я не согласен с выводами А.А. Зимина, но трудно согласиться и с методами подобных обсуждений.

Если бы математика и физика испытали такое насилие патриотического подхода, человечество и сейчас каталось бы на телеге. Способность увидеть вопрос в толпе восклицательных знаков – редкое качество. Сохранить А. Мазона! Носится по полю одинокий всадник, преследуемый толпой разъярённых пехотинцев.

Совершенно «в стиле» пишет свою критику С. Леснов (Парамонов): «Чтобы покончить с проф. Мазоном и более к нему не возвращаться, отметим, что критику эту мы пишем, конечно, не для того, чтобы разубедить проф. Мазона – его методы мышления и пользования научным материалом показывают, что это совершенно безнадёжное дело. Мы не запрещаем проф. Мазону и его единомышленникам высказывать сомнения в подлинности «Слова», ибо из столкновения мнений рождается истина. Но мы решительно протестуем против того, что проф. Мазон называет «Слово» посредственным, бессвязным, вялым и т. д.»[16].

В этом отрывке великолепно действует научное местоимение – «мы».

«Некоторые наши друзья сочли наши критические замечания слишком резкими по форме. Мы хотели бы указать им и всем придерживающимся принципа непротивления злу, что 1) всякому терпению бывает конец, 2) и в науке должна быть ответственность, безнаказанности здесь нет места!..

Хуже то, что в вопросе о «Слове» объединились русские всех цветов: «белые», «красные» и «зелёные» – очевидно, их единодушие имеет под собой более солидную базу, чем даже их разногласия»[17].

Любопытное наблюдение.

...История – интересует, историография возбуждает интерес. Я погрешил бы, заявив, что «Слово» так увлекло

[16] Леснов С. Слово о полку Игореве. Вып. 2, Париж, 1951, стр.181.

[17] Там же.

бы меня, если бы не кружилось оно в водоворотах многочисленных толкований. Без них оно могло стать обычной музейной редкостью, как многие другие древности с более благополучной судьбой, и не оказало бы воздействия на русскую литературу, искусство и филологическую науку последних двух столетии. За два века ораторства в библиографии по «Слову» накопилась не одна сотня названий, в которых, как в болоте, буксуют одни и те же аргументы, не всегда научные, но всегда патриотические. И литературе этой никакой пожар уже не страшен.

В спорах о «Слове» зачастую терялось чувство реальности, сгоряча пересматривалось отношение к понятиям общечеловеческим. Эмоциональные верхи памятника, доступные приблизительному пониманию, расцветали в ученом прочтении фантастическими до ядовитости цветами.

«Слово» дошло одним списком XVI века. Были ли другие экземпляры? Слухи о них ходили. В 1948 году в парижской газете «Русские новости» (№ 186) появилась статья, подписанная А. Л-ский:

«Журнал «Вопросы истории», в своё время, напечатал призыв акад. Тихомирова о необходимости организовать сбор древних русских рукописей, погибающих в глухих уголках огромной Советской страны. Журнал получил в ответ много письменных откликов и в последнем номере открыл кампанию за осуществление и проведение в жизнь «похода за рукописями», желая придать этой грандиозной экспедиции характер широкого общественного движения и привлечь к ней специалистов, учащихся и вообще все культурные силы страны.

Мы по своим личным воспоминаниям знаем, что почти в каждом русском доме, особенно в старинных городах, в имениях или монастырях где-нибудь на чердаках, в обитых железом сундуках хранились пожелтевшие связки писем, грамоты, рукописи всякого рода, книги с медными

застёжками. Большие архивные собрания и библиотеки в первые годы революции были увезены в города, но целые охапки рукописного материала оставались на местах, и все это необходимо собрать, чтобы не сделались добычей пожаров драгоценные, может быть, памятники русской письменности.

В ответ на письмо акад. Тихомирова журнал приводит отклики ученых и архивоведов, особенно рекомендующих обследовать северные области, приволжскую глушь, Алтайский край, Прибалтику и Западную Украину...

Но самый волнующий отклик получен от работника Псковского музея Л.А. Творогова, письмо которого о его поисках так называемого олонецкого экземпляра «Слова о полку Игореве» нельзя читать без волнения. Творогов сообщает, что проф. Троицкий в бытность свою воспитанником Олонецкой семинарии видел на занятиях в классе в руках у преподавателя рукопись, о которой этот преподаватель сказал: «Вот здесь содержится другой список «Слова о полку Игореве», но гораздо более подробный, чем тот, который напечатан». Но учитель вскоре умер, а рукопись куда-то исчезла.

Работая над текстом «Слова», Творогов очутился в 1923 году в Петрозаводске и там познакомился с одним из преподавателей Олонецкой семинарии, который подтвердил существование и характеристику рукописи.

Конец этой истории печален для русской культуры. Проф. Перетц рассказывал, что один из его учеников видел в Астрахани воз со старыми бумагами, которые крестьянин продавал на базаре. Студент обнаружил на возу среди всякого хлама несколько рукописных сборников, в одном из которых был список «Слова о полку Игореве». Но у него не было при себе денег, чтобы купить рукописи, и какой-то казах купил воз целиком, свалил вещи и книги в свою арбу и уехал...».

С каким намерением купил этот апокалипсический казах воз древнерусских рукописей трудно сказать, однако, зная, какими случайными путями входили в науку многие бесценные хронографы, можно предположить, что ещё большее число их исчезло в ситуациях, подобных той, которая произошла на астраханском базаре.

Могли никогда не дойти до современного читателя уникальные экземпляры таких бесценных памятников, как список Лаврентьевской летописи, в которой содержится единственный список «Поучения» Владимира Мономаха. Мусин-Пушкин случайно приобрёл Лаврентьевскую летопись в 1792 году – купил её с возом книг наследника петровского комиссара Крекшина.

Уникальность списка «Слова» не давала покоя некоторым «ревнителям» древности русской, и сразу же после публикации Мусина-Пушкина появились подтверждения в виде подделанных списков. Всего таких мистификаций было обнаружено четыре.

Известный археограф, собиратель и знаток древнерусской письменности М.П. Погодин рассказывал в некрологе А.И. Бардину[18].

«...Покойник мастер был подписываться под древние почерки. И теперь между любителями рассказывается один забавный случай, как подшутил он над знатоками – графом А.И. Мусиным-Пушкиным и А.Ф. Малиновским. Граф приезжает в восторге в Историческое общество: «Драгоценность, господа, приобрёл я, драгоценность!» – восклицает он, и все члены изъявляют нетерпеливое любопытство: – «Что такое, что такое?» – «Приезжайте ко мне, я покажу вам».

Поехали после собрания; граф выносит харатейную тетрадку, пожелтевшую, почернелую... Список «Слова

[18] «Москвитянин», 1841, № 3, стр. 245.

о полку Игореве». Все удивляются, радуются. Один Алексей Федорович (Малиновский) показывает сомнение.

– Что же вы?

– Да ведь и я, граф, купил вчера список подобный!

– Как так?

– Вот так.

– У кого?

– У Бардина.

Тотчас был послан нарочный, привезена рукопись. Оказалось, что оба списка работы покойного... не тем будь помянут».

Такие «шутки» ещё более сгущали тень подозрительности, окружавшую «Слово».

Если Мусин-Пушкин не мог распознать подлог Бардина, то где гарантии, что сгоревшая рукопись тоже не была чьей-то фальсификацией, Мусиным-Пушкиным не узнанной? И если бы Бардин продал только один свой список, так ли скоро мистификация бы открылась? Метод химического анализа чернил тогда не применялся, а бумага могла быть действительно старой с подлинными знаками XVI века. Запасы её дошли до XVIII века в монастырских библиотеках.

Вопросы вполне законные. И ответ на главный – было ли «Слово», или это подделка XVIII века? – мы можем получить лишь из анализа текста публикации Мусина-Пушкина в сопоставлении с текстами списков «Слова о великом князе Дмитрии Ивановиче».

В этих двух перекрещивающихся направлениях и повелась работа защитников. И сделано, безусловно, много, однако, все результаты в совокупности пока не способны конкретно ответить на вопрос главный.

Причины малого КПД работы огромного штата защитников по ходу рассказа моего были названы, остаётся подчеркнуть сторону чисто техническую – неправомерно приуменьшена доля творческого участия переписчика XVI века

в дошедшем до нас тексте. От него идёт языковой, стилистический и идейный эклектизм памятника.

Стремясь во что бы то ни стало убедить себя и других в том, что все в «Слове» подлинно (т. е. принадлежит XII веку), защитники усложняют ситуацию.

Мне кажется, следует хотя бы условно попытаться принять факт таким, какой он есть, и признать, что «Слово» – литературный памятник, по меньшей мере, двух временных срезов – XII и XVI веков. Что в нём сохранено от протографа и что привнесено Переписчиком? Отделить «зерно» от «плевел» может помочь «Задонщина», которая послушно следует поэтике «Слова». Настолько подробно она повторяет композицию и образы великого оригинала, что часто свидетельским показаниям «Задонщины» веришь больше, чем списку Мусина-Пушкина. Некоторые поэтические фигуры она передаёт точнее, не давая им лексического развития, что нередко случается в позднем «Слове».

Задача автора «Задонщины» иная, чем у Переписчика.

Первый использует лишь форму и потому, если встречаются детали непонятные или устаревшие, он их попросту опускает или передаёт средствами современными.

Переписчик же обязан был донести и форму, и содержание, причём подать так, чтобы было понятно современному читателю, и потому неясные места он расшифровывал, архаизмы пояснял надстрочными словами, тюркизмы (если смысл их был понятен) – переводил. Расшитые страницы собирал, стремясь не нарушить последовательность текста, что ему не всегда удавалось.

Он стремится не только нанести на «Слово» некоторый христианский налёт, но, что особенно печально, пытается, и небезуспешно, придать ему в нескольких местах достаточно патриотический характер в духе своего времени.

Может статься, что я пережимаю перо, но наличие цветной штукатурки на древней фреске, безусловно, установимо.

И будущие исследователи, пользующиеся более совершенным инструментом анализа, поправят меня.

Пока попытаюсь испробовать предложенный метод восстановления протографа. Совпадения в текстах «Задонщины» и «Слова» Мусина-Пушкина могут служить доказательством того, что эти места принадлежат оригиналу или древнейшим спискам «Слова», приближенным к подлиннику более, чем исследуемые произведения.

Формальные черты сходства «Слова» и «Задонщины» защитники объясняют так: «Слово» лежало на столе Софония-резанца, когда он писал свою повесть о победе Дмитрия Донского. «Задонщина» повествует о реванше, которого добились русичи на поле Куликовом за своё поражение на Каяле. Она писалась как своеобразный ответ на «Слово».

Эта схема отвечает не на все вопросы и рождает новые, но я, в общем, соглашаюсь с ней. Не исходил из неё, а прихожу к ней, как к вероятной.

...Хочу высказать одну из возможных версий происхождения «Задонщины» и коснусь при этом главы неофициальной биографии «Слова».

В драме «Слова», на мой взгляд, участвуют четыре главных персонажа: Автор, Переписчик, Софоний-резанец, Исследователь (будем подразумевать под этим именем обобщённый образ защитника).

Первый акт пока опускаем.

Акт II. Место действия – Южная Русь. Время действия – 1240 год. Взятие Киева ордами Батыя. Пожжены княжеские и монастырские книгохранилища. Уцелевшие книги из южнорусских библиотек вывозятся в северные области. Среди них несколько списков «Слова о полку Игореве». Эти копии, сделанные в XIII веке, ещё довольно точно передавали оригинал. Хранились они, как и вообще литература светского содержания, в княжеских или боярских библиотеках

и большой популярностью среди церковников не пользовались ввиду своей явной «чернокнижности». Надо полагать, что церковь и до нашествия уничтожила не одно произведение древнерусской литературы, в котором воспевались языческие боги или хотя бы была в ходу терминология дохристианских культов. Достаточно сказать, что церковники преследовали даже такие слова, как «вещий» – мудрый, потому что в применении к жрецам язычества оно приобрело переносное значение – «волшебник», «чудесник». В «Повести временных лет» историческое имя Олег Вещий потребовало специальной оговорки: «И прозвали Олега «Вещим», так как были люди язычниками и непросвещёнными».

В эпоху «избиения волхвов» произведения, насыщенные языческим колоритом, попросту смывались, и пергамент использовался для «правильных» писаний. Церковь причинила древнерусской художественной литературе не меньше вреда, чем пожары Батыя.

Итак, уцелевшие рукописи из разорённых княжеских собраний южнорусских городов перемещаются в северо-западные монастыри и попадают в руки церковников. Острая нехватка писчего материала для священных писаний могла оказаться фактором решающим в судьбе и некоторых списков «Слова». Историческое содержание его и отдельные моменты поэтики, вероятно, использовались при переписке и редактировании летописей и отдельных произведений светской письменности, которые по причине «нейтральности» или важности исторического содержания сохранились.

«Слово» же повествовало о деяниях малозначительного Новгород-Северского князька, о событиях к тому же печальных, что не могло в эпоху тотального поражения от степняков не сказаться на отношении к повестям с подобной фабулой. Воспитанию патриотизма они не способствовали и, следовательно, были бесполезны, если не вредны.

Требовались произведения, воспевающие былую славу христианского оружия, рассказывающие о победах над погаными. И по этой причине могло быть непопулярным «Слово».

До XIV века уцелело в анналах северо-западных монастырей, по большей мере, два списка «Слова».

Акт III. Место действия – один из московских монастырей. Время действия – некоторое время спустя после 1380 года (дата битвы на Куликовом поле). Действующее лицо – Софоний-резанец. Творческо-производственная характеристика: монах-копиист летописей, достаточно образованный по тем временам книжник, имеет склонность к литературному творчеству, развитую многолетними упражнениями по переписке и редактированию старых рукописей; этим же занятием воспитана способность к подражательству, оригинальным художническим даром не обладает. (Вероятно, существует в природе искусства такое понятие – «капельмейстерская музыка». Ходит человек всю жизнь во главе духового оркестра. И однажды садится и пишет свою симфонию. Так как музыка звучит у него больше в ушах, чем в душе, то и получается произведение, скомпилированное из обрывков «Амурских волн» и похоронных маршей. Некоторые композиторы достигали в этом деле высот совершенства.)

Софоний обнаруживает в монастырской библиотеке «чёрную книгу», литературный стиль которой соответствует его представлениям о настоящей словесности. Содержание же фабульное и идейное резко контрастирует с мировоззрением Софония, с современными событиями и настроениями Руси тех лет. Судьба «чёрной книги» решена.

Софоний, человек грамотный, много читавший, понимает, что «Слово» непопулярно и быть таковым не могло. Он о нем ничего не слышал раньше. Понимает, что перемещён этот список (а возможно, думает он, – оригинал) из сожжённого Киева. Он уверен, что это единственный уцелевший

экземпляр. До него в книжных завалах хранилища, которые, возможно, не разбирались с XIII века, никто не видел этой рукописи, иначе она уже была бы смыта.

Может быть, Софоний обследовал анналы как раз с такой практической целью – найти книгу нерелигиозного содержания, чтобы использовать её пергамент для своих работ. После прочтения Софонию приходит мысль написать подобную вещь, но другого, современного содержания. Жар куликовского события ещё не остыл в сознании.

«Слово» повествовало о битве русских со степняками на подходах к Дону. (Наша повесть будет о битве за Доном.)

«Слово» рассказывало о поражении русских от степняков. (Наша повесть будет о победе.)

«Слово» – о несчастном князе Игоре. (Наша повесть – о великом князе Дмитрии.)

На имеющемся запасе пергамента, предназначенном для другой работы, он начинает писать «Слово о Дмитрии Донском» («Задонщину».) Перед ним лежит великий образец. Зная наверняка, что «чёрная книга» будет все равно смыта (возможно, им же самим), Софоний-резанец без оглядки скальпирует её, делает пересадки живой ткани и органов обречённого гиганта.

...Если бы Софоний хотя бы подозревал, что перед ним не единственный экземпляр, что «Слову» ещё предстоит самостоятельная жизнь в русской литературе (да ещё какая!), едва ли он решился бы так просто и легко использовать его поэтику в собственном произведении, к тому же подписанном.

...«Задонщина» пришлась впору. Она прославила имя Софония-резанца. Размножилась в большом количестве экземпляров (хотя подлинник и не дошёл до нас.) Других повестей Софоний более не написал. Видимо, за неимением образцов.

Приложение к третьему акту.

Иначе представляется картина создания «Задонщины» в нашем литературоведении.

Полагают, что «Слово» в XIV веке ходило огромным тиражом. Было широко известно и любимо народом за красоты стиля и высоту мыслей. Величие его литературное уже тогда осознавалось широкими массами. Одним из ревностных поклонников стал «брянский боярин Софоний Рязанский». Восхищённый памятником, он садится и пишет ответное послание, в котором из чувства величайшего уважения к образцу, копирует поэтическое содержание его.

Читатели и слушатели «Задонщины», волнуясь, сравнивают оба популярных и чтимых опуса и мысленным взором окидывают расстояния, пройденные за два века родной словесностью.

Примерно, такое представление получаешь, читая объяснения, подобные тому, которые дал академик Б.А. Рыбаков.

«Победа Дмитрия Донского была воспета Софонием Рязанцем в «Задонщине», сложенной вскоре после битвы за Доном. С первых же строк автор начинает цитировать «Слово о полку Игореве», вдохновляясь им и настраиваясь на его торжественный лад. Очевидно, и читатели, и слушатели «Задонщины» хорошо знали «Слово о полку Игореве» и могли вполне оценить, какой великий образец был выбран для песни о Куликовской битве... Его (автора – О.С.) неотступное следование «Слову о полку Игореве» и его влюблённость в поэтику «Слова» объясняется торжественным великолепием избранного им образца, данью уважения к гениальности безымянного киевлянина 1180-х годов и его благородным помыслам»[19].

[19] Рыбаков Б.А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971, стр. 26.

Такие одические тосты еще более запутывают и без того сложный вопрос.

Акт IV. Место действия: один из псковских монастырей. Время действия: XV–XVI века. Действующее лицо: неизвестный монах-переписчик. Творческая характеристика: копиист с ярко выраженными задатками редактора – соавтора (качество, весьма характерное почти для всех переписчиков произведений светской литературы). Сюжет совпадает с предыдущим только вначале.

...Монах разбирает запасы монастырской библиотеки, в которой хранятся и остатки рукописных собраний, завезённых с юга в грозные времена. Его интересует и пергамент, которого все ещё не хватает для размножения религиозных сочинений, и древняя литература, спрос на которую все увеличивается. На Руси уже в ходу новый письменный материал – бумага. Она дешевле, хотя и недолговечней пергамента. Появление бумаги спасло древнерусскую литературу от полного уничтожения. **Теперь нецерковные тексты не просто смываются, а предварительно переносятся на бумагу.**

Круг грамотных на Руси расширяется. Книга, даже бумажная, стоит дорого, и монастырям (издательствам того времени) это выгодно. Книгопроизводство становится очень доходной статьёй монастырского бюджета.

Анналы библиотек, пребывавшие долгое время в забвении, перетряхиваются и на свет божий извлекаются старинные своды. В этих сборниках встречаются вещи, явно нехристианского содержания. Но и они будут размножены на бумаге с небольшой редакцией.

В связи с разрешением пергаментного кризиса – либеральнее и церковная цензура. К тому же изменилась и культурная ситуация. В XVI веке древнерусское язычество уже не опасно. Боги Перун и Белее, Стрибог и Хоре – прочно забыты в народе и не могут соперничать с Христом.

Элементы язычества сохраняются в народной культуре, но они не оформлены идеологией. Жалкие осколки былого монолита, разбитого в прах молотами православия. Лешие и домовые – не в счёт. Суеверие – не религия, милый анахронизм. И это понимают церковники. Да и само христианство переживает на Руси этап, которого не избежала ни одна религия – оно превращается в привычку.

Уничтожив главных соперников, воцарившись, идеология становится верой, потом – обычаем. Она эрозирует, стареет, погрязает в быту, притупляется. Она уже испытывает нужду в щекочущих воспоминаниях. Ей, одряхлевшей, заплывшей жиром власти, бесплотные тени древних врагов необходимы для постоянного самоутверждения. Так постепенно религия избавляется от категоричности. Дух её угасающий ещё поддерживают еретические течения. В борьбе с ними она продлевает свою жизнь. Внимание её отвлечено в эту сторону. Ибо здесь – живые, дерзкие программы, покушающиеся на авторитет ортодоксальной церкви. Их книги ещё сжигаются торжественно при народе. А Велесы и никудышные шамкающие Мокоши не выдвигают никакой программы, они – звук пустой и страшны церкви не более чем деревянные идолы самоедов.

И лёг на стол монаха последний пергаментный список «Слова о полку Игореве». Подновив, он выпустил его в свет в бумажных сборниках, один из которых приобрёл в XVIII веке Мусин-Пушкин. Другой, возможно, мелькнул на Печоре в XX.

А третий увёз с астраханского базара таинственный казах...

СИНЕЕ СОЛНЦЕ[20]

СВИСТ ЗВЕРИНЫЙ

Стиху учит «Слово». Годами вчитываясь в него, получаешь поэтическое образование. Живой учебник русского языка и поэтики, в котором зачастую правила обнаруживаешь и формулируешь сам, а исключения возвышаются над унылыми закономерностями. Поэзия не есть самовыражение грамматики, но грамматическое чутье позволяет порой понять поэзию.

...Войска Игоря и Всеволода встретились. Поход начался. (Привожу отрывок по мусин-пушкинскому изданию. Подчёркнуто мною.)

> *Тогда въступи Игорь Князь въ златъ стремень,*
> *и поеха по чистому полю. Солнце ему*
> *тьмою путь заступаше; **нощь стонущи***
> ***ему грозою птичь убуди; свистъ звериньъ***
> ***въ стазби;** дивъ кличетъ връху древа...*

Перевод Мусина-Пушкина: «Князь Игорь, вступя въ златое стремя, поехалъ по чистому полю. Солнце своимъ затмениемъ преграждаетъ путь ему, **грозная возставшая ночью буря пробуждает птицъ; ревутъ звери стадами**, кричитъ филинъ на вершине дерева...»[21].

[20] В этой главе и далее приведены прочтения отдельных тёмных мест памятника, ранее не публиковавшиеся.

[21] Слово о полку Игореве, под редакцией и в переводе графа А.И. Мусина-Пушкина, М., 1800.

Многие переводчики и комментаторы пытались объяснить «стазби», справедливо полагая, что разгадка смысла всего подчёркнутого мною тёмного места – именно в этом искусственном образовании, родившемся при членении сплошной строки памятника.

В.И. Стеллецкий[22] подробно рассматривает основную литературу по толкованию «стазби», – Максимович первый увидел здесь глагол «въста» и отнёс вторую часть начертания к следующему предложению. Основанная на его догадке поправка Потебни «узбися Дивъ», принятая В.А. Яковлевым в форме «збися Дивъ», а затем в этом виде акад. В.Н. Перетцем – в настоящее время так же находит сторонников (Д.С. Лихачёв, О.В. Творогов и др.).

Поправка В.Ф. Ржиги «въеста близъ» представляется недостаточно аргументированной с палеографической точки зрения и неестественной с литературной.

В.И. Миллер, А.А. Потебня, В.Н. Щепкин, В.Н. Адрианова-Перетц, А.С. Орлов, Д.С. Лихачев и переводчики А.Ф. Вельтман, Г.П. Шторм, Н.А. Новиков, Л.И. Тимофеев и многие другие полагали, что предложение кончается глаголом – въста, т.е. «свист звериный встал». Е.В. Барсов, С.К. Шамбинаго, Ф.Е. Корш и В.И. Стеллецкий видят в «збн» – глагол, завершающий предложение, а написание «въста» разбивают – «в ста». Мнения последних расходятся в толковании полученного огрызка – «ста». Одни (Барсов и Шамбинаго) видят остаток слова «стая», Корш – «стадо», Стеллецкий поддерживает вторую гипотезу.

Текст, стало быть, принимает у Стеллецкого такой вид:

> *нощь стонущи ему грозою*
> *птичь убуди,*
> *свистъ звериньъ въ ста(да) збн.*
> *Дивъ кличетъ връху древа.*

[22] Слово о полку Игореве, под редакцией В.И. Стеллецкого, М., 1967, стр.130.

И перевод:

ночь стонала ему грозою,
птиц пробудила,
свист звериный в стада их сбил.
Див кличет с вершины древа.

Из всех существующих академических и литературных переводов, мне кажется, этот – наиболее совершенный. Другие образцы являть долго и неинтересно. Можно привести в пример (чтобы показать дистанцию) юговский перевод:

И ночь, ропща на него грозою,
*птиц **прибила**!..*
*Взбился **половец**! –*
свищет свистом звериным
кличет с вершины деревьев.
(Подчёркнуто мною – О.С.)

Я попытался применить перед этимологическим методом – структурный. И расположил кусок текста в следующем порядке:

Солнце ему тьмою путь заступаше.
Ночь стонущи ему грозою.
*1) П т и ч ь убуди **свистъ**.*
*2) З в е р и н ъ въста **зби**.*
Дивъ кличетъ върху древа...

Для сравнения привлекаю еще один кусок из описания раннего утра перед боем:

Долго ночь меркнет.
Заря свет запала.

Мъгла поля покрыла.
*3) **Щекотъ** с л а в і й успе.*
*4) **Говоръ** г а л и ч ь убуди.*

Грамматическое родство предложений из двух мест текста «Слова» мне кажется вероятным. Отличаются они лишь местом подлежащего, но такая инверсия возможна и находит подтверждения в практике русского литературного языка, как и эпохи «Слова», так и позднейших.

Общие структурные черты конструкций 1, 2, 3, 4:

1) определение перед сказуемым (птичь убуди – зверинъ въста – славій успе – галичь убуди);

2) сказуемое выражается глаголом прошедшего времени (убуди – въста – успе – убуди);

3) определения – краткой формой прилагательного (птичь – зверинъ – славій – галичь).

Схематически строки 1 и 2 соответствуют друг другу так же полно, как 3 соответствует 4.

Таким образом, я пришёл к выводу, что птичь – краткая форма прилагательного, а не существительное, как полагают. При этом грамматическом прочтении устраняется вычурное, совершенно необычное для славянской литературы выражение «свист звериный». И возникает более точное и традиционное – птичий свист. (Мусин-Пушкин не решился сохранить в переводе «свист звериный» и заменил его на «ревут звери».)

Я привожу эти доказательства с некоторой робостью перед именами признанных лингвистов. Они были заворожены традицией, освящённой Мусиным-Пушкиным. И не «въстазби» оказалось причиной тёмного места, а прозрачнейшее «птичь», грамматические аналоги которому можно было найти в самом тексте «Слова».

...Неясное написание «зби» стоит на месте подлежащего и, скорее всего, относится к именам существительным.

И означает по семантической схеме – название звука, издаваемого зверем, или движение.

Ночь... грозою
Птичий пробудила свист,
Звериные восстали зби.

В древнерусском языке есть похожее слово – зыбь – беспокойство, смятение[23]. В современном – зыбь – колебание. Корень распространён в украинском, старославянском, словацком, сербском.

Это одно из возможных направлений поиска.

Весь отрывок я предлагаю читать:

Тогда въступи Игорь Князь въ златъ стремень
и поеха по чистому полю.
Солнце ему тьмою путь заступаше.
Нощь стонущи ему грозою.
Птичь убуди свистъ.
Зверинь въста зби.
Дивъ кличетъ връху древа...

ИЗЯСЛАВ НА КРОВАТИ

Не всегда в появлении тёмных мест виновен П-16[24]. Возникают они и от неверного членения строки. По признанию Мусина-Пушкина, разобрать рукопись «было весьма трудно, потому что не было ни правописания, ни строчных знаков, ни раздробления слов, в числе коих множество находилось неизвестных и вышедших из употребления»[25].

[23] Срезневский И. Материалы к словарю древнерусского языка. Т.1, 1893.

[24] Условное обозначение Переписчика XVI века. Соответственно Переписчик XVIII века - П-18.

[25] Калайдович К.Ф. Библиографические сведения о жизни, ученых трудах и собраниях российских древностей графа А.И. Мусина-Пушкина. Записки и труды ОИДР, 1824, ч.II.

Все это затрудняло чтение рукописи. Мусин-Пушкин опасался допустить ошибки, подобные той, какую сделал Щербатов при разборе грамоты новгородцев князю Ярославу («по что отъял еси поле заячь и Миловцы?» вместо «по что отъял еси поле заячьими ловцы?»).

Однако, вопреки собственному предостережению, Мусин-Пушкин допустил при расчленении сплошных строк на слова ошибки, не уступающие щербатовской: «Къ мети» вместо «къмети», «въ стазби» – «въста зби», «му-жа имеся» – «мужаимься» и т.д.

Непонятые редактором слова часто писались с большой буквы и превращались в собственные имена. Так у Мусина-Пушкина получалось «Кощей» – мнимое имя половца, «Урим» – имя воеводы или соратника Игоря.

Рассмотрим случай, когда неправильная разбивка привела к рождению ложной метафоры. Исследователи, пытаясь поправить Мусина-Пушкина, тратили много энергии и приходили к результатам ещё более курьёзным. Литературное бесчувствие ученых читателей порождает порой в «Слове» чудовищные в своей искусственности образы, не свойственные и «Слову», и литературе в целом.

«Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ позвони своими острыми мечи о шеломы Литовскія; притрепа славу деду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кроваве траве притрепанъ Литовскыми мечи. **И схотию на кровать и рекъ**: «Дружину твою, Княже, птиць крилы приоде, а звери кровь полизаша».

Подчёркнутое место Мусин-Пушкин перевёл так: «На семь то одре лежа произнесъ онъ». Поправок было множество. Наиболее интересные исправления следующие: 1) «И схоти юнак рова тьи рекъ». Перевод этого сербо-русского предложения предлагается такой: «И схотел юноша ямы (могилы) тот сказал». Но в словаре автора есть уже термин «уноша» – юноша, и «юнак» не проходит, но, несмотря

на это, продолжали: 2) «и схыти юнак рова...» – т.е. похитила юношу могила; 3) «и схопи» – т.е. схапала; 4) «и с хотию на кров а тьи рекъ» – «и с любимцем на кровь, а тот сказал»; 5) «и с хотию на кровать и рекъ» – «и с любимцем на кровать и сказал».

В.И. Стеллецкого шокирует эта картина, и он предложил перевести – «и с милою на кровать»...

Если бы мне пришлось иллюстрировать «Слово», я воплотил бы в красках все сочинённые толкователями образы. И этот эпизод просится под кисть.

Степь, политая кровью трава; разбросаны тела литовцев с помятыми шлемами. Среди поля широкого стоит деревянная кровать с никелированными шишечками. На ней лежит возбуждённый Изяслав с любимым человеком (признаки пола коего прикрыты фиговым щитом). А вокруг кровати – трупы, а на них – вороны...

Предложенные варианты разбивок отличаются грамматической и литературной недостаточностью.

Прежде всего, грамматической.

1) В разбивке Мусина-Пушкина утрачено, по крайней мере, два сказуемых. Они «подразумеваются».

Этот недостаток не устраняется и следующими «членителями».

2) Начинательный союз «и» в памятнике всегда употребляется перед глаголом. Н.М. Дылевский отметил этот пример как особый: «встречен только один случай с начинательным «и» не перед глаголом – «и с хотию на кровать»[26].

Опять исключительная грамматическая ситуация, как в истории с единичным применением «а» в финальной строке. Я рассматриваю весь кусок Изяслава как эпический монолит.

[26] Дылевский Н.М. Лексические и грамматические особенности языка «Слова о полку Игореве». В кн.:»Слово о полку Игореве» - памятник XII века. М.-Л., 1965, стр.241.

Моя разбивка:

...Единъ же ***Изяславъ сынъ Васильковъ***
позвони *своими острыми мечи о шеломы Литовскія;*
притрепа *славу деду своему Всеславу,*
а самъ подъ чрълеными щиты
на кровавѣ траве, притрепанъ
литовскыми мечи
исхоти *юна кров.*
А тьи рекъ: Дружину твою, княже,
птиць крилы ***приоде****, а звери кровь полизаша.*
Не бысь ту брата Брячаслава, ни
другаго – Всеволода. ***Единъ же***
изрони *жемчюжну душу из храбра тела,*
чересъ злато ожереліе.

(Один же Изяслав сын Васильков
позвонил своими острыми мечами о
шлемы литовские,
«притрепал» славу деду своему Всеславу,
а сам под красными щитами
на кровавой траве «притрепанный»
литовскими мечами
исходил юной кровью.
А тот сказал: Дружину твою,
князь, птиц крылья приодели,
а звери кровь полизали.
Не было тут брата Брячеслава,
ни другого – Всеволода. Один ты
изронил жемчужную душу из храброго
тела через златое ожерелье...)

«Исходить кровью» – устойчивое сочетание во многих славянских языках. Значение его – «умирать от потери крови» (Даль). Вероятно, «исходи» – написание авторское. Если бы в оригинале значилась форма – «исходи», Переписчик, несомненно, узнал бы её и сохранил орфографию.

И грамматически, и литературно это прочтение точнее.

Вместо ужасной кровати на поле кровавой битвы, вместо любовника Изяславова – простой, известный фразеологизм, точно вписывающийся в образный строй и стилистику эпического текста.

Дополнение

Обидно. Литературы по «Слову» накопилось за два века великое множество. За всем уследить просто невозможно. Особенно за старыми, «провинциальными» выступлениями, которые не попали в основное русло науки по «Слову».

Когда статья уже была написана, мне в каталоге одной библиотеки встретилась карточка: Н.И. Маньковский. «Слово о полку Игореве» – лирическая поэма внука Боянова. Житомир, 1915 г.

Я затребовал и обнаружил в этой книжке разбивку «юна кров» (стр. 98).

Уже тогда можно было избавиться от «любовника на кровати». А он пребывает на оной до сего дня.

ПОД ТРУБАМИ СПЕЛЕНУТЫ

...**В**севолод представляет Игорю своих воинов:

А мои ти Куряни сведоми къмети,
подъ трубами повити, подъшеломы
взълелеяны, конецъ копія въскрълмлени...

Перевод Мусина-Пушкина:

Мои Курчане въ цель стрелять знающи,
подъ звукомъ трубъ они повиты, подъ
шлемами возлелеяны, концомъ копья
вскормлены...

Романтический портрет средневекового русского воина.

Первый переводчик не понял «къмети» и разбил слово, получив новый смысл.

Не буду останавливаться на истории «къмети». Термин последующими переводчиками узнан и довольно близко истолкован – «воины».

Гораздо интересней судьба глагола «повити», который все производят от корня «вить» и переводят – «спеленуты». Не замечая, как нарушается размашистая поэтическая схема, в которой неуместно мелкое, бытовое наблюдение – спеленуты.

А мои-то куряне – умелые воины,
*под трубами **спеленуты** (?)*
под шлемами взлелеяны,
с конца копья вскормлены!..

Прозаизм «спеленуты» разрушает эпически обобщённый смысловой ряд.

Глагол «повиты» встречается в одном из поучений Паисиевского сборника XIV века: «...человеци есмы повиты въ гресехъ»[27].

Едва ли следует понимать церковный афоризм как «человеки спеленуты во грехах».

Думаю, что в поговорке воплотилась христианская мысль «человек **порождён** во грехе», и этим отличается от бога, который зачат безгрешно и порождён Девой!

И разве основная обязанность народных акушерок (**повитух, повивальных бабок**) пеленать, а не помогать роженице? На Урале я слышал в русской деревне пословицу: «Коза не разродится – идет к овце-повитухе».

Латинское слово «вита» – жизнь, вероятно, было причиной появления и «повити», и «повитух».

[27] Срезневский И. Материалы к словарю древнерусского языка. Т.2, стр.47, 1902.

Этот книжный термин стал основой для русского слова «обитать» – жить (обвитать), «обитель» – место жизни (обвитель) и, наконец, поэтического «витать» – находиться, жить, обитать (ср. витает в облаках).

Это заимствованное слово не выдержало конкуренции общеславянского омонимичного «вить» (свивать, веять) и сохранилось лишь в отдельных конструкциях.

Слово «повиты» могло бы служить доказательством древности памятника. Если его не узнали сотни специалистов по древнерусскому языку за два века беспрерывного изучения «Слова» и бесчисленных источников по славянским языкам и говорам, то каким языковедом-гигантом должен был быть фальсификатор XVIII века, чтобы найти этот давным-давно забытый термин и употребить его в единственно возможном (в этом контексте) литературном значении.

Термин, надо полагать, уже в XII веке применялся редко, и то в литературном, книжном языке. Кажущаяся легкость прочтения гапакса[28] ввиду услужливой близости глагола «вить» обернулась непониманием. Метод «народной этимологии», применённый учеными, позволил им при взгляде сверху вниз увидеть лишь крышу одноэтажной лексемы.

А мои-то куряне – умелые воины:
под (звуки боевых) труб ***рождены,***
под шлемами взлелеяны,
с конца копья вскормлены.

...Автор «Задонщины» не обошёл вниманием эпическую формулу. Он переносит её в своё произведение и применяет для характеристики литовских союзников братьев Ольгердовичей:

[28] Гапакс – термин, обозначающий редкое слово, вышедшее из употребления в современном языке, но встречающееся в отдельных литературных памятниках литературы.

В разных списках «Задонщины» формула выглядит так:

«Те бо суть сынове храбры, кречаты в ратном времени и ведомы полководцы, под трубами, под шеломы злаченными в Литовской земли» (У).

«Те бо суть сынове храбрии, кречати в ратном времени, ведоми полководцы, под трубами и под шеломы возлелеяны в Литовской земле» (И-1).

«Ти бо бяше сторожевыя полкы на щите рожены, под трубами поють, под шеломы възлелеяны, конец копия вскормлены, с вострого меча поены в Литовьской земли» (К-Б).

«Тые ж бо есть сынове храбрии, родишась в ратное време, под трубами нечистых кочаны, коней вскормлены, с коленых стрел воспоены в Литовской земли» (С).

Переписчики явно перерабатывали не во всем ясные речения оригинала «Задонщины».

Список И-1 опускает непонятное «повиты»: «под трубами и под шеломы взлелеяны».

Список У опускает и «взлелеяны»: «под трубами, под шеломы злаченными в Литовской земле».

Список С создаёт четырёхчлен, добавляя необходимое для эпического ряда начальное – «рождены», – но, создав для нового глагола подходящее, на его взгляд, окружение (родишась в ратное время), «возлелеяны» он переводит – «кочаны»; из «конца» или «копья» производит непонятных «коней». Добавлены стрелы.

Наиболее близок к оригиналу в данном случае список Кирилло-Белозерского монастыря. Здесь мы видим уже пятичлен: рождены – поют – взлелеяны – вскормлены – поены.

Полагаю, что в авторском экземпляре «Задонщины» эпическая формула «Слова» была дополнена недостающими деталями по закону былинной поэтики. Если есть «вскормлены», должно быть и «вспоены», если есть «взлелеяны», то должно быть и начальное – «рождены». «Повиты» не было понято и превратилось в «поют» – несуразное в этом

ряду. Но – как дань образцу. Близость музыкального термина «трубы» определило судьбу слова «повиты».

Таким образом, лексема из южнорусского диалекта XII века уже была непонятна в XIV веке на севере Руси. Не понята и современными исследователями, хотя все содержание контекста говорит об одном значении этого слова, возглавляющего эпический трёхчлен: рождены – взлелеяны – вскормлены.

КОЛИ СОКОЛ В ЛИНЬКЕ БЫВАЕТ

Когда до великого князя Киевского Святослава Всеволодовича доходит известие о разгроме на Каяле и о том, что половцы направляются к русским границам, он произносит злато слово, в котором заявляет о готовности отстоять «родное гнездо» в следующих выражениях:

А чи диво ся, братие, стару помолодити?
Коли соколъ ***въ мытехъ бываетъ,***
высоко птицъ възбиваетъ; не даст гнезда
своего въ обиду.

Мусин-Пушкин: «Но мудрено ли, братцы, и старому помолодеть? Когда сокол перелиняетъ, тогда онъ птицъ высоко загоняетъ и не даетъ в обиду гнезда своего».

Д.С. Лихачев перевел грамматически точнее:

Когда сокол линяет,
высоко птиц взбивает,
не даст гнезда своего в обиду.

И пояснил: «Термин «в мытех» означает период линьки, особенно той, когда молодой сокол надевает оперение взрослой птицы. Взрослые соколы отважно защищают свои

гнезда от более сильных хищных птиц (например, от орла-беркута)»[29].

Приведу из массы подобных же переводов один из последних – В.И. Стеллецкого: «А диво ли, братья, старому помолодеть? Когда сокол **перелиняет**, высоко птиц загоняет, не даст гнезда своего в обиду». (Подчёркнуто мной – О.С.) Возврат к мусин-пушкинскому вольному переводу. Но комментарий писан как будто к лихачёвскому:

«Мыть» или «мыт» – линение, линька, ежегодная смена перьев у соколов. Линяние характеризует зрелость и связанную с ней охотничью опытность сокола. Автор говорит о соколе, «**находящемся в мыте**» (подчёркнуто мной – О.С.). В период линьки сокол находится около своего гнезда и охраняет его с особенной яростью, нападая на приближающихся к гнезду птиц»[30].

...Охота с ловчими птицами – древнейшая из охот.

Считают, что в Европу она пришла через южные русские степи из Азии. И много столетий была едва ли не главным развлечением знати в Германии, Голландии, Франции, Англии, Венгрии, Польше. Охота с ловчими птицами на лебедей, журавлей, уток, цаплей и коршунов ценилась больше других охот. И потому за хорошую ловчую птицу (из соколов чаще всего за кречета) платили огромные деньги... Нередко, заключая мир, какой-либо князь, государь или хан в одном из пунктов высокого соглашения требовал: «И прислать десять хороших кречетов».

После неудачной битвы с турками при Никополе (1386 г.) французский король Карл VI выкупил двух своих маршалов де-Бусико и де ля Тремогля за несколько кречетов. А герцог Бургундский добился освобождения своего сына у тех же турок за дюжину ловчих птиц. Иван Грозный, желая поладить с Англией, посылал в подарок королеве Елизавете

[29] Слово о полку Игореве, М., 1961.
[30] Слово о полку Игореве. Перевод и комментарии В.И. Стеллецкого. М., 1967.

русских кречетов, но отказал в этой же милости Стефану Баторию, написав: «Были прежде у меня кречеты добрые, да извелись».

На Руси сокол всегда был птицей высокочтимой. Уже на гербе Рюриковичей родовой эмблемой был сокол. Что касается соколиных охот, то о них летопись впервые упоминает в IX веке: «Олег в Киеве завёл соколиный двор». Ярослав Мудрый учредил уже государственную соколиную службу с большим числом мастеров этого дела. Сокольники были людьми, приближенными ко двору, среди них были любимцы царя, они пользовались почётом и множеством привилегий. Во главе дела был старший сокольничий – лицо, стоящее в одном ряду с окружающей государя знатью». В. Песков[31].

На фоне этого весьма содержательного сообщения хорошо смотрится информация из «Слова», свидетельствующая о знакомстве автора с соколиной темой. «Тогда пущашеть ѵ соколовь на стадо лебедей, который дотечаше, та преди песь пояше... Боянъ же, братие, не ѵ соколовь на стадо лебедей пущаше, нъ своя вещиа пръсты на живая струны въскладше: они же сами княземъ славу рокотаху»[32].

Неоднократно в разных метафорах участвует в «Слове» образ сокола. Изо всех птиц, упоминаемых в тексте, пожалуй, эта была наиболее знаема человеком той среды, которую, скорее всего, и представлял автор. Он, судя по многочисленным и довольно точным описаниям природы, был достаточно опытным натуралистом и едва ли допустил бы ошибку в передаче не им самим изобретённой, а скорее всего традиционной формулы. Он должен был знать, что мыт[33] – **это болезнь**. Когда птица линяет, она беспомощна. Линяющий, т.е. теряющий перья сокол не взлетает, не взбивает, не крушит врагов своих, а отсиживается в гнезде, моля своего пернатого бога только об одном, чтобы не тревожили его. Он беззащитен в этот период. Состояние у него «мутное». Именно в этом состоянии и изымают ловцы дикого сокола из гнезда. В Древней Руси ловцов кречетов называли «помытчики». Сокол линяет в своей жизни несколько раз. После **двух-трёх** линек это уже боевая, могучая птица.

Это выражение «три линьки» хорошо известно профессиональным охотникам и сейчас. (Обобщающее число «три» выражать могло понятие «множество», а не конкретное число линек.) В тексте же речь идёт о находящемся в «мыте» соколе, т.е. **линяющем**, а не **перелинявшем**.

Грамматическая форма вступает в противоречие с литературным смыслом контекста. В метафоре участвовать должен был образ многократно перелинявшего сокола.

Вероятно, следовало усомниться в правильности передачи оригинала переписчиком.

Старший из известных примеров определения линьки птицы относится к XV веку. В списке этого времени «Слова в неделю сыропустную» читаем: «мытятся яко ястреби и понавляются яко орли».

В.П. Адрианова-Перетц справедливо считает, что термин «мытиться», чтобы попасть в такой далёкий от природоведенья жанр, как церковное поучение, должен был быть широко распространённым в народном языке, иначе само сравнение, рассчитанное на приближение религиозной темы к слушателю-читателю, осталось бы непонятным[34].

В XVII веке в высших кругах России интерес к соколиной охоте возрождается (возможно, в связи с тем, что ею

[31] «Комсомольская правда», 1971, 16 октября, «Ловчие птицы».

[32] ѵ буква «и-десятеричный» под титлом означала цифру 10.

[33] Кстати, ещё один пример древнего заимствования из латинского. Ср. mut – линяние; mutare – менять, сменять. Сравните – мыт, мыть, мытарить, мытарство, муть.

[34] Адрианова-Перетц В.П. Фразеология и лексика «Слова о полку Игореве». В кн.: Памятники Куликовского цикла. М.,Л., 1966.

увлекался царь Алексей Михайлович) и печатается «Урядник сокольничьего пути». Тогда-то в поздних списках «Повести об Акире» появляются вставки в старый текст, упоминающий о линьке сокола.

В одном списке: «он готов бысть на царскую службу, аки трех мытей сокол бывает, он не даст ся с гнезда своего взяти»[35].

Нет оснований полагать, что эти наблюдения помытчиков (трижды перелинявший сокол не даст с гнезда себя взять) и сокольничих (трёх мытей сокол – готов к охоте) были сформулированы только в XVII веке. Сокольничья служба – отлов и приручение хищных птиц при княжеских дворах, практиковалась издревле. Поговорка и пословица могли войти в язык уже в веке X–XI.

В древнерусском письме, по заимствованной у греков традиции, в качестве цифр использовались буквы. Причём в глаголической системе – 28 букв алфавита, в кириллице – цифровое значение получали лишь буквы, заимствованные из греческого письма.

Так, оригинальная буква **Б** (буки) в кириллице не использовалась как цифра. Так же и **Ж** (живете) и др.

В глаголице этот принцип не соблюдался. И потому порядок любой буквы в алфавите придавал ей числовое значение. **Аз** – 1, **буки** – 2, **веди** – 3, **глаголь** – 4, **добро** – 5 и т.д. В кириллице: **аз** – 1, **веди** – 2, **глаголь** – 3, **добро** – 4.

Лишь буква «и-десятеричный» – в обеих славянских системах обозначала число 10, как в греческом письме.

Вероятно, глаголический принцип более удобный, «пальцевый», находил применение и в кирилловском письме. (Любопытно, что В.И. Стеллецкий при издании своего перевода допускает «глаголические» ошибки. В мусин-пушкинском издании числа переданы буквами под титлом: «чрьная

[35] Памятники старинной русской литературы. Вып.II, Спб., 1860, стр.368.

тучя съ моря идутъ, хотятъ прикрыти $\overline{\text{Д}}$ солнца». В копии для Екатерины переписчик расшифровал цифру – «четыре солнца». В.И. Стеллецкий, основываясь на «екатерининском» прочтении, правит мусин-пушкинский вариант: «$\overline{\text{Г}}$ солнца», и в своём переводе – «четыре солнца». По глаголическому «пальцевому» способу. В кириллице же $\overline{\text{Г}}$ = три.

Такую же ошибку совершает Д.В. Айналов в статье «К истории древнерусской литературы[36]. Он приводит цитату из Радзивиловской летописи под 1141 годом: «егда же несяху ко гробу дивно знамение бысть на небеси и страшно: была солнца сияюще». И поясняет в скобках: («4»). На этой ошибке Д.В. Айналова другой исследователь Г.И. Имедашвили построил очень убедительную гипотезу. Прочитав «Слово» в переводе, он обнаружил «чёрные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца» и сравнил их с четырьмя солнцами Д.В. Айналова. Этого оказалось достаточным для заявления «четыре солнца ... не есть вымышленная аллегория, символ, метафора, а реальное событие, имевшее место в 1185 году перед битвой на Каяле»[37].

Увлечённый своей идеей, Г.И. Имедашвили идёт, мягко говоря, на преувеличение: «русскими летописями в 1185 году отмечено появление четырёх солнц». Однако такого сообщения нет ни в одной из изданных летописей.

Путали глаголическое и кирилловское правила даже летописцы.

«Ошибки в чтении цифр случаются часто. В древнейших кирилловских рукописях открыты случаи неверного перевода глаголических цифр оригинала (по большей части отдалённого) на кирилловские. Так, например, при переписке глаголического текста S вопреки кирилловскому

[36] См. Труды отделения древнерусской литературы АН СССР, М.-Л., 1936, т. III, стр.23.

[37] Имедашвили Г.И. Четыре солнца в «Слове о полку Игореве». В книге исследований и статей о «Слове о полку Игореве». М.-Л., 1950, стр.221.

счёту принимается иногда за 8 (как в глаголице) вместо ожидаемого шесть»[38].

Знак «титло», который ставится над буквой, чтобы превратить её в цифру, по наблюдению палеографов, часто терялся, не замечался переписчиками в «побледневшем, полусмытом, полустёртом, замаранном письме» (В.Н. Щепкин).

Мне кажется, что в протографе «Слова» исследуемое место было писано так:

«Коли соколъ в мытей бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ, не дасть гнезда своего въ обиду».

Автор, переводя **устную** пословицу в письмо, применил при передаче числительного «**трёх**» глаголическое правило (*аз* – 1, *буки* – 2, *веди* – 3). Переписчик или не заметил титло, или рукопись дошла до него уже без оного. Цифра превращается в букву, и он получает право подчинить «*в мытехъ*», добавив к букве «*веди*» недостающий ей твёрдый знак. Грамматически фраза стала правильной, но смыслово – парадоксальной.

ПОВЕЛЕЯ ОТЦА СВОЕГО

Святополк увозит с поля битвы тело тестя своего Тугрохана. «Святоплъкъ повелея отца своего междю Угорьскими иноходьцы ко святей Софии къ Кіеву».

Так в мусин-пушкинском списке.

Необычный термин, не встреченный более в древнерусской письменности и в живых языках, взывает к исследователям. В.И. Стеллецкий: «В первом издании напечатано «повелея», но такого глагола нет. Следовательно, необходима конъектура (поправка). Принимаю поправку Потебни «полелея». Эта поправка принимается почти всеми современными комментаторами. Однако старая конъектура

[38] Щепкин В.Н. Русская палеография, М., 1960, стр.151.

(1819) Пожарского (повеле яти), принятая акад. Ф.Е. Коршем (а в настоящее время также Д.С. Лихачевым и Л.А. Булаховским), должна быть окончательно отвергнута, если принять во внимание сохранение ритма... Поправка М. Максимовича «Яроплъкъ» вместо «Святоплъкъ» разрушает звуковую систему этого отрывка (разрушается аллитерация «Святоплъкъ – своего – святей Софии – Кыеву»). Поэтому, думается, текст должен читаться с этой минимальной поправкой Потебни. Так написал автор»[39].

Убеждённо, но не убедительно.

В говорах глагол «лелеять» выступает в значении «лететь»: «а он (муж) уж прилелеял», «ох, детычка, как налелеяли к нам немсы у хату», «налелели овсы на гарот».

В тексте «Слова» – лелеять – укачивать («под шеломы взлелеяны», «лелеючи корабли на сине море»).

И если бы автор применил здесь глагол – «полелея», то, вероятно, в значении, не отличном от других случаев употребления в тексте.

А что если поверить написанию «повелея»? Но производить не от «велеть» (веление, воля), а попытаться использовать глагол – «вълечь», «влек». Этот смысл подсказывается содержанием отрывка.

Славянские формы глагола влечь (влекти) восходят к общему источнику велк (Фасмер). Возможен ли в древнеславянских диалектах полногласный вариант «велек»?

Может быть, эта форма ещё сохранялась в говоре Автора и отразилась в «Слове»? Впрочем, возможно – авторская описка. Переписчику она не знакома. «Влек» он, наверное, скопировал бы правильно, но написание «велекъ» ему ничего не говорило. Он предположил описку. Сочетание «**къ**» в рукописном исполнении похоже на древнерусскую букву «иотированное а». И Переписчик получает вместо

[39] Слово о полку Игореве. М., 1967, стр.144.

непонятного «повлекъ» слово «повелея», которое соотносится хотя бы со знакомым «повелел». Общий смысл фразы от этой конъектуры не прояснился, но первейшая задача Переписчика – сделать понятной лексему.

В итоге фраза оригинала мне видится такой:

Святополъкъ повелекъ отца своего
междю Угорьскими иноходьцы...

Повез (поволок) убитого тестя своего Туграхана на волокуше-носилках между венгерскими иноходцами. Такой способ транспортировки убитых и раненых был принят в степи до недавнего времени.

...Из 2800 лексем «Слова» только четыре содержат в своем составе «КЪ» – «рекъ», «кобякъ», «гзакъ», «кончакъ». И я не уверен, что в этих случаях мусин-пушкинский список в точности копирует орфографию списка XVI века. Вполне возможно, что эти слова в списке XVI века были без редуцированного на конце. Есть доказательства того, что Мусин-Пушкин привнёс в список орфографические правила своего времени. Так несколько раз он записывает: «оттвориша», и современные исследователи вынуждены, сохраняя в комментариях смущённое молчание, выправлять – «отвориша». В древнерусской письменности долгие согласные не обозначались. (Часто встречается в его списке и удвоенное «с» в слове «русский».)

Этой тонкости недоучёл Мусин-Пушкин. Вполне возможно, что он не заметил в тексте нелюбви к сочетанию «КЪ» и простодушно проставил недостающий «ъ» там, где его не было.

Впрочем, Переписчик XVI века мог и «пропустить» такое окончание в имени «Кобякъ» из соображений этимологических: за несколько слов до фразы «падеся Кобякъ» Переписчик уже исполнил это имя с другим окончанием: «поганого Кобяка». Таким же образом написание «Кончакъ» подтверждалось примерами «Кончака», «Кончакови».

Слово «рекъ» семантически прозрачней, чем «рея». Мне непонятно только одно – как уцелел Гзакъ.

Гзакъ бежить серымъ влъком
Кончакъ ему следъ править къ Дону Великому.

Может быть, по аналогии с «Кончакъ»?[40]

НЕУВИДЕННЫЙ ПЕРЕВОДЧИК

Десятки писателей и ученых переводили «Слово» с древнерусского на современный. Во главе этого перечня имён можно было бы поставить имя Переписчика XVI века, если бы оно было известно. Он первым предпринял попытку **перевести** «Слово» на язык своего века.

Литературное произведение исторически обусловлено, неповторимо; между оригиналом и списком не может быть полного тождества, невозможно сохранить полностью специфичность подлинника. Такая задача практически граничила бы с требованием фотографической дословности, машинного копирования. Такого уровня дубликации не могли достичь даже ученые – переписчики XVIII века, которые уже относились к «слову» как к памятнику бесценному. Расхождения между мусин-пушкинским и екатерининским списками значительны.

Перед П-16 не ставилось требования натуралистически точно передать оригинал со всеми подробностями «ошибок». «Слово» предназначалось не для науки (которой ещё не существовало), а для бытового чтения. И потому задача П-16 формулировалась просто – старую повесть сделать

[40] В летописях и «Слове» встречается необъяснимое написание этого имени - Гзя. (Рече Кончакъ ко Гзе...») Возможно, предшествовало - Гзкъ?

понятной читателю XVI века. Он выступал одновременно как переводчик и как комментатор. Такой подход приводил к художественному пересозданию типичных черт оригинала. В частности, к переосмыслению непонятных образов, к домыслу.

Литературное произведение черпает содержание из общественного сознания, а реализует его с помощью средства общения – языка; эта конкретизация не искажает действительности, **только если общественное сознание и средство общения у автора и читателя едины**.

По мере развития общественного сознания народа, в среде которого возникло произведение, содержание его в некоторых частях устаревает, становится непонятным и вызывает превратные толкования: так устаревают исторические реалии, особенности отношений между людьми и пр. Развивается и язык, главным образом, его стилистика: выражение, использованное автором, как просторечие, так и воспринимающееся современным автору читателем, может потерять просторечный характер, а то и вовсе превратиться в архаизм. Поэтому нынешний читатель воспринимает подлинник искажённо, а переводчик должен бы исходить из первичного – неискажённого – восприятия, – говорит теоретик перевода Иржи Левый[41].

Переписчик, как читатель XVI века, воспринимал многое в подлиннике XII века искажённо. Специфические выражения, характерные для авторского диалекта, представляли бессодержательную форму, поскольку не могли быть конкретизированы в восприятии Переписчика. Он не всегда заменял форму, но наполнял её новым содержанием, используя все доступные ему средства.

Расхождения между лаконичными фразами подлинника и описательным пространным толкованием в

[41] Иржи Левый. Искусство перевода. М., 1974, стр.130.

списке-переводе – одна из труднейших проблем при работе над древнейшими поэтическими текстами. Здесь очень часто один и тот же персонаж или предмет обозначается поразному, порой просто намёками или косвенными указаниями, которые понятны лишь тем, кто хорошо знает историю и мифологию. И, добавим, – палеографическую традицию.

При решении проблемы Переписчика, которая существует, к сожалению, незаметно для исследователя, необходимо учитывать и следующие практические моменты, возникающие в процессе работы переводчика.

От оригинального художника требуется постижение действительности, которую он изображает, от переводчика – постижение произведения, которое он передаёт. Хороший переводчик должен быть хорошим читателем.

...Проникновение переводчика в смысл произведения проходит, грубо говоря, на трёх уровнях.

Первой ступенью является дословное понимание текста, т.е. понимание филологическое. Филологическое постижение не требует от субъекта никаких особых данных, кроме специальной подготовки и ремесленной практики. На этой ступени причины переводческих ляпсусов чаще всего следующие:

А. Омонимические ошибки.

1. Неправильное решение при выборе частного значения слова.

2. Принятие одного слова за другое, сходно звучащее.

3. Замена иноязычного слова сходно звучащим словом своего языка.

Б. Ошибки из-за неправильного усвоения контекста.

1. Неправильное включение слова в реальный контекст произведения (непонимание реалий).

2. Неправильное включение слова в систему авторских взглядов (непонимание замысла).

Вторая ступень проникновения в авторский замысел. При правильном прочтении читатель постигает **стилистические факторы** языкового выражения, т.е. настроение, ироническую или трагическую окраску, наступательный тон или склонность к сухой констатации и пр.

Третья. Через постижение стилистического и смыслового наполнения отдельных языковых средств и частных мотивов переводчик приходит к постижению **художественных единств**, т.е. явлений художественной действительности произведения: характеров их отношений, места действия, идейного замысла автора. Этот способ постижения текста наиболее труден, поскольку переводчик, как и каждый читатель, тяготеет к атомистическому восприятию слов и мотивов, и необходимо развитое воображение, чтобы целостно воспринять художественную действительность произведения. Не составляет труда, например, схватить стилистический строй одной реплики, но трудно из всех реплик и действий персонажа составить себе представление о его характере. Воображение необходимо переводчику не менее, чем режиссёру, без него трудно добиться целостного постижения подлинника. Под обычным требованием к переводчику – ознакомиться с реалиями среды, изображённой в оригинале, – подразумевается необходимость непосредственно изучить действительность, отражённую автором, чтобы воссоздать её отражение при переводе.

Во всех случаях переводческого непонимания действуют два фактора: неспособность переводчика представить себе изображённую в произведении действительность или мысль автора и ложные семантические связи, на которые наводит язык оригинала, будь то случайные омонимы или подлинная многозначность текста...»[42].

[42] Иржи Левый. Указанное сочинение, стр.60-61

Я так обильно цитирую положения, высказываемые теоретиком художественного перевода, потому что они целиком приложимы и к работе нашего Переписчика. Мы встречаем в его списке ляпсусы, типичные для переводческой практики: и омонимические ошибки, и ошибки из-за неправильного усвоения контекста. Сталкиваемся со случаями явного непостижения художественных единств «Слова»: образов Автора, Игоря, Бояна, Святослава Всеволодича, отношений – этих персонажей между собой и сложное авторское отношение к проблеме Поля и, как следствие, – непонимание идейного замысла автора, выпукло проявляющее себя в комментариях и дописках Переписчика.

Исследователи несправедливо приуменьшают роль Переписчика. Почему-то выгодней видеть в нем копииста и не больше, вопреки известному положению – **копировалось механически, почти машинно лишь священное писание**; даже клякса чернильная, сделанная в ранней копии, повторялась последующими книгописцами; произведения же светской литературы **не копировались, а переводились** на язык переписчика. Переписчик был волен сокращать оригинал и вносить дополнения, расшифровывать имена и пояснять реалии. «Слово» не избежало участи всех других произведений жанра, подвергшихся размножению. И с этим печальным фактом, как бы ни хотелось в него не поверить, приходится соглашаться. Ибо обусловлен он исторически. Нет никаких оснований полагать, что к «Слову о полку Игореве» Переписчики отнеслись иначе, чем к другим многочисленным произведениям литературы несвященного содержания.

Мы вправе считать «Слово» памятником языка и поэзии двух эпох – XII и XVI веков и относиться к Переписчику не как к бездумному копииисту, а как к творчески активному интерпретатору, редактору и в некоторых случаях – соавтору.

Только такой реалистический подход позволяет правильно понять судьбу «Слова» и прочесть текст. А, установив механику методов Переписчика – отделить зерно оригинала от плевел, попытаться воссоздать подлинный текст XII века. Постскриптум: Переписчик XVIII века (Мусин-Пушкин) тоже внёс несколько своих пояснений в текст «Слова». Они легко вычленяются. Мусин-Пушкин знал историю лучше, чем его предшественник: он пользовался, несомненно, более широким кругом материалов при работе над своим списком. Он часто уточняет персоналии «Слова». В одном месте чётко выделена вставка Мусина-Пушкина.

Пети было песь Игореви
того (Олга) внуку.

Случайно уцелели скобки. Если бы Мусин-Пушкин хотел сделать явным своё написание, стилиз «Олга» был бы излишен. Достаточно «Олега», чтобы не понадобились никакие скобки: написание выдавало бы новую орфографическую норму.

В большинстве других подобных случаев Мусин-Пушкин устранил скобки, и его добавления вошли в авторский текст. Возвращаю утраченные скобки:

...Были вечи Трояни,
минула лета Ярославля,
были плъцы Олговы,
(Ольга Святьславлича)
Тъй бо Елегъ мечемъ крамолу коваше.
...Два солнца померкоста,
оба багряная стлъпа погасоста,
а съ нимъ молодая месяца
(Олегъ и Святьславъ) тьмою ся
поволокста...

...Певше песнь старымъ княземъ,
а потомь молодымъ пети:
слава Игорю Святьславличю!
Буй туру Всеволоду!
(Владимиру Игоревичу!)
Здрави, князи и дружина...

И в самом начале:

...трудныхъ повестии о пълку Игореве,
(Игоря Святьславлича)...

Мусин-Пушкин хотел скрыть свое участие в тексте. Переписчик XVI века не скрывал. Перед ними стояли разные задачи.

НЕВИДИМЫЕ ТЮРКИЗМЫ

В великом «Слове о полку»,
как буйная трава,
вросли в славянскую строку
кыпчакские слова.
С. Марков

В число тюркизмов, которые подлежат здесь рассмотрению, я не включаю лежащие на поверхности русского текста тюркские лексемы. Это всем известные и не однажды рассмотренные термины, нуждающиеся не в комментариях, а в простом переводе – яругы, япончицы, ортьмы, оксамиты, хоругви, чага, кощей, когань, ногата, котора, крамола и другие. Некоторыми из них занимались Мелиоранский, Корш, Ржига. Правда, их переводы слов «оксамиты», «хоругвь», «кощей» неточны, но останавливаться на

разборе этих переводов я не стану, хотя непрояснённость такого тюркизма, как «кощей», имеет важное значение для понимания «Слова».

ТУР НА БОРОНЕ

В «Слове» мы встречаемся с несколькими случаями кальки. Одни сделаны Переписчиком (они, как правило, создают тёмные места в тексте), другие принадлежат литературному языку эпохи Киевской Руси и употребляются автором привычно и не создают завихрений в контексте. К последним относится «злат стол» – княжеский престол (алтын такта), «беля» – серебряная монета («акша»).

Стремление перевести каждое узнанное им тюркское слово приводит Переписчика к необходимости грамматически устраивать свой перевод в контексте. Иногда это ему удаётся. К несчастью для авторского текста. Но чаще – нет. Знание тюркского языка у Переписчика весьма поверхностно. Ему, вероятно, знакомо одно из наречий. Поэтому некоторые тюркские термины, употреблённые автором в гуще русской речи, Переписчик не опознал. Он признает их только в скоплении, как, например, в описании добычи первого боя и в перечислении «былей» Ярослава. Отдельно встречающиеся «кощей», «яруги» и некоторые другие прочно вошли в литературный язык XVI века и потому не требуют перевода.

К числу неувиденных Переписчиком тюркизмов я отношу прозвище Всеволода – буйтур. Летописи благосклонно отзываются об этом князе, отмечая его воинскую доблесть и мужество. В «Слове» описанию его ратных подвигов уделено немало места. Видимо, не случайно Автор называет Всеволода «буйтуром». Это находка для тюркологов, мечтающих понять этимологию слова батыр (батур, боотур, богатур, богатырь). «Слово» – единственный памятник, где

отразилась праформа этого популярного после XIII века термина. В источниках X века его еще нет. Родился он, скорее всего, в кипчакской среде в XI–XII веках (буй-туре – буквально «высокий господин»). Сохраняет черты языка волжских тюрков.

...Игорь ждеть мила брата Всеволода.
И рече ему буйтуръ Всеволодъ...

Мусин-Пушкин попытался осмыслить это необычайное имя: «Буй – значит Дикий, а тур – вол. Итак, Буйтуром, или Буйволом, называется здесь Всеволод в смысле метафорическом, в рассуждении силы и храбрости его. Вероятно, что из сих двух слов составилось потом название богатыря, ибо другого произведения оному слову до сих пор не найдено. Всеволод Святославич, меньший брат Игорев, превосходил всех своего времени князей не токмо возрастом тела и видом, которому подобного не было, но храбростию и всеми душевными добродетелями прославился повсюду».

Типичный пример «народной этимологии». Великий Господин превратился в Дикого Вола. Переписчик XVI века и автор «Задонщины» так же не поняли этого термина и подвергли его ложному осмыслению. Редкий случай совпадения трёх разных по времени оценок.

Ни один из позднейших толкователей не увидел в «буйтуре» постоянного сочетания. Эпитет «буй» в дальнейшем тексте «Слова» произвольно заменяется Переписчиком на другой, созданный им по аналогии – яр, также в форме краткого прилагательного. Это выдаёт его понимание эпитета «буй» (буй – буйный, следовательно, «ярый» должен быть в форме «яр»).

*...**Яръ туре** Всеволоде,*
стоиши на борони,
прыщеши на вои стрелами,
гремлеши о шеломы мечи
харалужными.

*Камо **Туръ** поскочаше...*
Тамо лежать поганыя головы Половецкия;
поскепаны саблями каленьми шеломы Оварьскыя
*отъ тебе **Яръ Туре** Всеволоде.*

Переписчику не понравилось постоянное употребление композиции «буй-туре», и он решается разнообразить, обогатить «бедную» на эпитеты авторскую речь. В одном случае, как видим, он вовсе отказывается от эпитета. В протографе, я полагаю, значилось:

1) Буйтуре Всеволоде,
стоиши на борони.
2) камо буйтуре поскочаше...
3) от тебе, буйтуре Всеволоде...

...Автору «Задонщины» понравилось необычное сравнение русского князя с диким быком. Эпитет, правда, показался ему не совсем удачным. Если бы он читал «Слово» в редакции XVI века, то, несомненно, «яр тур» ему пришёлся бы по душе. Но, видимо, в том списке, которым располагал автор «Задонщины», яр тура ещё не было.

«...Не тури возгремели на поле Куликове побежени у Дону великого.

То ти не туры побежни, посечени кнзи рыскыя и воеводы великог кнзя и кнзи белозерстни посечены от поганых татар» (И-1). «Всталъ уж туръ оборонъ (И-1). «Уже сталъ во ту на боронъ» (И-2). В этом списке «тур» более не встречается. В списке С нет «тура на бороне», но зато: «не турове рано возрули на поли Куликове, возрули воеводы...». В списке К-Б уже нет и этого примера. В наиболее полном списке (У): «Уже бо ста туръ на оборонь». «Не тури возгремели у Дуная великого на поле Куликове...». Мы можем сделать вывод, что в протографическом тексте «Задонщины» в двух

местах упоминался «тур». Один раз обобщающе, без эпитета: «Не тури взревели у Дона». И с эпитетом: «уже стал буй тур на борони».

В процессе переписки «буй тур» искажался по непониманию («уже стал **во ту** на борон»), толкуясь, эпитет превращался в грамматическую частицу «уже **бо** ста **тур** на оборонь». В заключение скажем, что в оригинале «Слова» вместо «яр туре Всеволоде, стояши на борони» было, по всей видимости, «буйтуре Всеволоде...». Во всяком случае, повторяю предположение – автор «Задонщины» видел тот список «Слова», в котором «яр тура» не было.

Мазон считает, что «буй тур» и «яр тур» доказывают позднее происхождение «Слова». Эти образы навеяны фальсификатору литературой об Америке и индейцах: «Эпитет, присвоенный Всеволоду, – вроде индейского прозвища. Он является, вероятно, одним из наиболее странных изобретений автора «Слова»... Следует отметить, что «Слово обильно употребляет выражение «буй». И нужно признать, что буй тур и яр тур – нововведения, звучащие фальшиво. Присутствие их меньше удивило бы в описаниях путешествия в Америку, чем в средневековой русской поэме. Придирчивый изыскатель мог бы напомнить с этой точки зрения, что эти имена на манер индейских могли возникнуть в результате влияния двух литературных течений, бывших в моде в XVIII веке: это, во-первых, книги о морском разбое и морских разбойниках, с одной стороны, и описания путешествия в Америку – с другой»[43].

И действительно, если «буй туре» понимать по-русски – «буйный бык», то это, несомненно, подозрительный эпитет, нехарактерный для славянской поэзии в целом.

А. Мазону возражают: в старых русских текстах встречаются «подобного рода клички», например, воевода «Волчий

[43] Mazon A., Le slovo l'Igor, 1940, стр.66-67.

хвост», встречаются личные имена, заимствованные из мира животных («Ворон», «Волк», «Собака», «Воробей», «Бык» и т.д.).

Но, во-первых, эти имена – клички простолюдинов, а не князей. Во-вторых, термин «тур» даже не в качестве имени-прозвища, а в обычном употреблении никогда не встречается с определением, не говоря уже о таких необычных эпитетах, как «буй» или «яр». А в эпоху постоянного эпитета такое разнообразие – неоправданная роскошь: «комонь» всегда «борзый», «волк» всегда «серый» (или «босый», от тюркского бос – серый), «ворон» всегда «чёрный». Море – синее, трава – зелёная, солнце – светлое.

Чем же заслужил не очень популярный «тур» – буйвол сразу два эпитета, и притом такие редкие. Если бы Автор хотел передать, прилагательное «буйный» в краткой форме, то, вероятно, получил бы «буйн», «буен», а не «буй».

БУЙНЫЕ

...Святослав Киевский трижды рекомендует Игоря «буим». Мне кажется, термин «буй» входил в число титулов, выражая какую-то ступень княжеской иерархии в Киевской Руси.

В тюркских языках варианты буй, бий, бай, бей, бой – применялись к людям, пользующимся властью и уважением.

В Златом слове есть случаи оригинального употребления интересующего нас эпитета. Святослав, обращаясь к князьям с призывом встать на защиту Русской земли, находит каждому достойное, уважительное определение. И вдруг почему-то к четырём князьям он обращается одинаково.

*...**Ты буй** Рюриче и Давыде!*
Не ваи ли злачеными шеломы
по крови плаваша?
*...**А ты буй** Романе и Мстиславе!*
Храбрая мысль носить ваю умъ на дело.

Переводят так, как и понимал Переписчик-16:

...Ты буйный Рюрик и Давыд!
...А ты буйный Роман и Мстислав!

Много буянов в «Слове». От Святослава ожидаешь более точного обращения. Местоимение множественного числа «вы» ему, как и Автору, известно, и в данных примерах оно было бы к месту.

В оригинале, вероятно, было следующее:

...Аты буй Рюриче и Давыде!
...Аты буй Романе и Мстиславе!

Сие обращение переводится с тюркского: «Именитый», буквально «Высоко именный»:

...Славные Рюрик и Давыд!
...Славные Роман и Мстислав!

Действие метода народной этимологии, применённого Переписчиком, а вслед за ним и остальными исследователями, прекрасно иллюстрируется этим примером.

Тюркизм «аты буй» сохранился благодаря своей невидимости: простота и благозвучие (вернее – созвучность славянским лексемам) спасли термин от калькирования или переделки.

ВОСЬМИМЫСЛЕННОСТЬ

Меньше повезло другому тюркскому определению. Святослав обращается к галицкому князю со словами: «Осмомысл Ярослав!».

Мусин-Пушкин никак не объясняет прозвище.

Свод толкований эпитета «Осмомысл» дан В.Н. Перетцем. Лучшее из них предложил Ф.И. Покровский. По его мнению, это прозвище было как бы обобщением «восьми наиболее важных забот, которые занимали князя Ярослава в его государственной деятельности»[44]. Современные комментаторы согласились с этим объяснением. В.И. Стеллецкий: «Ярослав был крупным государственным деятелем, известен был своим красноречием. Все это и выразил автор «Слова» эпитетом Осмомысл (т.е. заботящийся одновременно о восьми различных делах), который в других древнерусских памятниках не встречается»[45].

Таким образом, «Осмомысл» понят как «Восьмимысленный».

...В казахском эпосе, если хотят высоко представить мужа всесторонне развитого, умелого и в бою, и в искусстве, в труде, в красноречии и науках, то называют его «Сегіз єырлы». Эпитет буквально переводится современным русским словарем «Восьмиугольный», или «Восьмигранный».

Древнерусским языком перевелось бы – «Осмомыслый», если бы «мыс» означало «угол», как, например, в современных говорах... Тогда бы – калька. Авторская? Едва ли: тюркские выражения характеризуют речь Святослава. Ни в каком другом куске «Слова» мы не встретим такого скопления тюркских слов и фразеологизмов, как в отрывках, относящихся к Святославу (сон Святослава, толкование сна боярами, Златое слово).

Переписчик старательно переводит узнанные им тюркские речения, выхолащивая особый колорит **прямой речи** киевского князя и бояр.

Если бы Переписчик хотел выразить смысл, который видит исследователь, то форма эпитета была бы сложнее – «Осмомыслен».

[44] Ярослав Осмомысл. Сб. статей в честь акад. А.И.Соболевского. Сб. ОРЯС АН, т.101, №3, стр.199-202.

[45] Слово о полку Игореве. М., 1967, стр.171.

РАСТЕРЕТЬ НА КУСТУ

Особый интерес у меня вызывают «невидимые тюркизмы» в составе русских слов. Показатель высшей степени усвоения заимствованной лексемы.

В диалекте автора есть несколько слов с тюркскими основами – «припешали», «потручати», «расушась».

Припешали (препишали) – перерезали, от «**пишь**» – резать; расушась – разлетевшись, от «**уш**» – летать.

Один же глагол, на котором мне хочется остановиться, восстановлен недавно. Значение его понято из контекста, но этимологически не доказано: «река Стугна: худу струю имея, пожрѣши чужи ручьи и стругы ростре на кусту...».

Мусин-Пушкин: «река Стугна: она погубными струями пожирает чужие ручьи и разбивает струги у кустов...».

За время, прошедшее после первого издания, исследователям удалось привести этот отрывок в следующий вид: «река Стугна, худу струю имея, пожреши чужи ручьи и струги, **ростреча** к усту...».

В.И. Стеллецкий: «река Стугна: скудную струя имея, поглотив чужие ручьи и потоки, расширяясь к устью...».

«Ростре на кусту» переводили как «растерев на кусту», «простерев на кусту», имея в виду значение слова «стругы» – корабли. Потом выяснилось, что «стругы» синонимично лексеме «ручьи» – в источниках эти написания заменяют друг друга.

Я предлагаю видеть здесь билингву, скрещение двух синонимов. Таких пар в «Слове» несколько: «туга и тоска» (туга-тоска), «свет-заря», «свычаи-обычаи». В этот ряд помещаю – «ручьи и стругы» («ручьи-стругы»).

Переводим: «река Стугна скудную струю имея, вбираешь чужие ручьи-струги, ростроена к устью».

Стеллецкий угадал близкое значение глагола. Оно подсказывается содержанием отрывка. Но корень «трен» более нигде не встречен.

Может быть, «ростерена»? Контекст противоречит этому смыслу.

В казахском языке есть «**терен**» – 1) глубокий, 2) содержательный. Терен су – глубокая вода. Терен ой – глубокая мысль; терен магналы соз – слово с глубоким смыслом. Но значение «глубокий», по-моему, вторично. Слово происходит от «тер» – собирай. Терен – причастие прошедшего времени, буквально «собранное», «содержательное», «умноженное». Оно могло одинаково выступать и в значениях – «увеличенное в объёме», «расширенное в плане». Мне представляется возможным, что вначале это образование выражало именно увеличение площади (если применить его к земле, к рекам и подобным объектам).

Диалектная форма тірін (татарское), вероятно, предшествовала славянской палатализованной – «ширина».

Таким образом, считаю, что **ростерена** могла быть старой формой глагола **расширена**.

«Слово» – уникальный памятник, в котором сохраняются многие тюркские лексемы в их самых первых значениях. Невидимый тюркизм – одно из главных доказательств подлинной древности «Слова о полку Игореве», в основе языка которого лежит южнорусский диалект XII века.

ДО КУРИЦ ТМУТОРОКАНЯ

Всеслав «изъ Киева дорискаше до куръ Тмутороканя».

Мусин-Пушкин решил, что князь «рыскал до Курска и Тмутороканя», поэтому и писал «Куръ» с заглавной буквы.

Ныне принято объяснение Д.С. Лихачёва – «до куръ = до петухов», подразумевая «до пения петухов».

Я предлагаю рассмотреть выражение «до куръ Тмутороканя» и с другой стороны. Есть тюркское слово «кура» – стена, ограда (в современном татарском – кура, в казахском – кора). Древность его доказывается тюркскими памятниками X–XI веков. Происхождение его прозрачно – от корня «кур» – строй, воздвигай; (курган – крепость, постройка)[46].

В «Слове» ещё не употребляется лексема «стена» (она германского происхождения и пришла в русский язык позже). Её эквивалент – «забрало» («въ Путивле на забрале»). Стена русского города Путивля – забрало; стена половецкого города Тмутороканя – «кура».

Родительный падеж множественного числа – «кур». Таким образом, перевожу: Всеслав «доскакал до стен Тмутороканя». «Кура» – ещё один **невидимый тюркизм** «Слова». Переписчик мог уже и не знать древнего значения этой лексемы, но сохранил её без перевода и толкования благодаря тому, что она звучала знакомо. В русском языке были формальные аналоги. По этой причине могли сохраниться и некоторые невидимые тюркизмы в «Слове» и прочих памятниках.

[46] Подробнее см.: В.В. Радлов. Словарь тюркских наречий.

ПТИЦА ГОРАЗДА

Ни хытру, ни горазду,
ни птицю горазду
суда Божіа не минути.

Мусин-Пушкин: «Какъ бы кто хитръ, какъ бы кто уменъ ни былъ, хоть бы птицей леталъ, но суда Божия не минетъ».

Приведена ходовая церковная пословица. В одной из редакций «Моления Даниила Заточника» (XIII век) эта пословица выступает в таком виде: «Суда де божия не хитру уму ни горазну не минути».

Здесь опущена таинственная «птица горазда».

В.А. Жуковский и П.П. Вяземский предлагали читать «гораздый по птице», что могло, по их мнению, значить – умеющий гадать по полёту птиц.

Другого объяснения не было.

Нам сегодня кажется естественным поклонение древних могучим зверям-тотемам. Даже кабана на знамени можно понять, все же с клыками. Но мы не можем понять египтян, которые обожествляли блохастого краснозадого павиана только за то, что он первый криками встречал солнце. И мы не можем понять фараонов, которые останавливали войско, чтобы не помешать священному насекомому скарабею сделать своё великое дело. Мы стыдливо прикрываем таинственной вуалью имени обыкновенного навозного жука, созидающего шарики. **Магия знака** была столь сильна, что этот скромный круглый комок навоза отождествляли с самим солнцем. **Сила формы** превалировала над гнусным бытовизмом содержания.

Заурядный петух в Индо-Европе почитался как божество восходящего солнца, символ жизни и воскрешения на том же основании, что и египетский павиан. Именем петуха называли себя народы, и изображение его становилось гербами империй. Петуха вышивали на коврах и рушниках, он

венчает крыши храмов и домов и могилы, пока его не заменит новый символ огня – крест, получивший имя своё от старого доброго петуха-солнца.

И вожди славянского христианства не стеснялись бороться с петухом. Они ему угрожали в своих церковных формулах страшными карами как самому главному врагу греческой религии.

Ни хытру, ни горазду,
*ни птицю **горазу***
суда Божіа не минути!

Но серьёзный ученый никогда не поверит в то, что такие солидные люди, как древнерусские отцы религии, могли себе позволить унизиться до теологических диспутов с какой-то пернатой тварью. Поэтому выражение из «Слова о полку Игореве» до сих пор не может уместиться в сознании. Другое дело, если бы была названа мифическая птица Гаруда, известная по авторитетным индоиранским фольклорным источникам, или хотя бы таинственная Жар-птица, так нет же – курицын сын!

Культ сына Солнца – петуха был, вероятно, общим у иранцев, близких к Ирану тюрков и некоторых славянских племён.

Тюрки сохранили петуха – **кораз, гораз, гаруз, кураз, каруз, хорус** и т.п. Славянские формы, вероятно, были так же разнообразны. В «Слове» упоминается бог солнца – **Хорос**.

Пословица, приведённая в «Слове», не изобретена Автором. Она уже была в ходу, вероятно, не один век. «Гораздый» уже достаточно далеко ушло от кораз (гораз), а произносящий эту пословицу мог не улавливать прямой семантической связи рифмующихся слов.

СОН СВЯТОСЛАВА

А Святославъ мутенъ сонъ виде. «В Кіеве на горахъ си ночь съ вечера одевахъте мя, – рече, – чрьною паполомою на кроваты тисове; чрьпахуть ми синее вино съ **трудомь смешено**, сыпахуть ми тьщими тулы поганыхъ **тльковинъ** великый женчугь на лоно и негують мя. Уже дьскы безъ **кнеса** вмоемъ тереме златовръсемъ. Всю нощь съ вечера **босуви врани** възграяху у **Плесньска на болони беша дебрь Кисаню и несошлю** къ синему морю».

И ркоша бояре князю: «Уже, княже, туга умь полонила. Се бо два сокола слетеста съ отня стола злата поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомь Дону. Уже соколома крильца припешали поганыхъ саблями, а самая опустоша въ путины железны». (Подчёркнутые места подлежат объяснению.)

Не будем отвлекаться на перевод Мусина-Пушкина, он почти без изменения повторился в последующих. Приведём один из самых поздних и лучших переводов, выполненных группой ученых – Л.А. Дмитриевым, Д.С. Лихачёвым и О.В. Твороговым. «А Святослав смутный сон видел в Киеве на горах. «Этой ночью с вечера одевали меня, – говорил, – чёрной паполомой на кровати тисовой, черпали мне синее вино, с горем смешанное, осыпали меня крупным жемчугом из пустых колчанов поганых толковин и нежили меня. Уже доски без князька в моем тереме златоверхом. Всю ночь с вечера серые вороны граяли у Плесньска на лугу, были в дебри Кисановой и понеслись к синему морю».

И сказали бояре князю: «Уже, князь, тоска ум полонила. Вот слетели два сокола с отцовского золотого престола добыть города Тмуторокани или хотя бы испить шлемом Дона. Уже соколам крылья подрезали саблями поганых, а самих опутали в путы железные»...[47].

[47] Слово о полку Игореве. Комментарий О.В. Творогова. М.-Л., 1967, стр.61.

Пояснения к переводу принадлежат О.В. Творогову и отражают проделанную несколькими поколениями ученых работу по установлению значений некоторых мест приведённого отрывка. Но, к сожалению, комментарии О.В. Творогова страдают, на мой взгляд, излишним лаконизмом. Например, «Великый женчугъ – в русских поверьях видеть во сне жемчуг: слезы, печаль» (стр. 498).

Мы сейчас в состоянии задать вопрос и ответить на него, почему именно **такой** сон увидел Святослав Киевский? Случайна ли символика этого сна?

Святослав увидел во сне, что **его готовят к погребению по тюркскому, тенгрианскому обряду**.

Подробнее о формуле обряда можно узнать в исследовании «Шумер-наме» (глава «Тенгрианство»), которое печатается во второй части этой книги.

Кто участвовал в обряжении? Двоюродные братья, Игорь и Всеволод.

Си ночь съ вечера одевахъте мя, – рече...

Полагаю, что в пергаментном списке термин «Сыновчь» (племянники, двоюродные братья) оказался в конце строки и был сокращён в аббревиатуре «СНЧЬ».

Следующая строка начиналась: «съ вечера», и Переписчик, расшифровывая титлованное написание, учёл это соседство, которое подсказало ему самое близкое решение – «Си ночь».

«Синее вино с трудомь смешено».

Удивительный образ родили переводчики: «тёмно-голубое вино с горем смешено». Подобного нет в мировой поэзии, начиная с древнеегипетских гимнов. Волшебство этой строки снимается после этимологического анализа слов, придающих ненужную абстрактность выражению.

«Синее вино» достаточно оговорено[48]. «С трудом» – не понятно, ибо слишком поспешно переводчики поверили созвучию с современной лексемой «труд» – работа.

«С работой смешено!» – звучит достаточно абстрактно, поэтому и придумали новый смысл общеизвестному слову «труд» – горе, скорбь, чтобы как-то оправдать употребление в этом контексте.

И опять – Переписчик.

В оригинале ожидается – «синее вино **съ трутомь** смешено». Автор мог употребить здесь характерное тюркское слово «турта» – осадок, подонки (чагатайское), турту – то же (османское). Например: шарап туртусу – осадок вина. Происходит слово от тур – стоять, отстаиваться.

Таким образом: «огненное вино с осадком смешенное». А слово «труд» – работа, дело происходит от другой тюркской формы. «Турт» – 1) толкай, 2) тыкай, 3) бей (общетюркское). Сравните русское простонародное «трутить» – толкать, давить; украинское «трутити», «тручати» – толкать, бить; чешское «троутити» – толкнуть.

В «Слове» есть любопытный глагол – «потручати», смысл которого выступает из контекста – «бить».

В древнеславянском рабовладельческом обществе каждый класс вырабатывал свой термин для обозначения понятия «дело». Класс рабов – работа (от «рабити»). Класс воинов – **трут, труд** (от «трудити» – бить, воевать).

Я считаю, что первым значением слова «труд» было – война, ратное дело. В мирное время название воина «трутень» получило народное переосмысление – дармоед, тунеядец. («Вероятно, ещё в общеславянскую эпоху, на что указывает широкое распространение значения. Сравни словацкое – труд – дармоед, древнечешское – трут и т.п.)

[48] См. подробнее: О.Сулейменов. Синие молнии и синяя мгла. «Простор», 1968, №5.

Развитие значений «война = работа» характерно для многих языков на определённой стадии развития общества. Сравните, например, тюркское «**ис**» – 1) битва, война; 2) дело, работа, труд.

...Автор «Слова» знал две неомонимичные формы «**труд**» – война и «**трута**» – осадок. И очень точно поместил их в нужные контексты:

1) «Не лепо ли ни бяшеть, братие, начати старыми словесы **трудныхъ повестій** о пълку Игореве» (воинские повести);

2) «Синее вино съ **трутомь** смешено» (с осадком).

Переписчик, не узнав второй формы, посчитал её за ошибочную передачу первой.

Кто сыплет жемчуг на грудь Святослава и ласкает его? Тощие вдовы язычников, т.е. половцев.

Тул – вдова (общетюркское). Ещё один невидимый тюркизм.

Переписчик и Переводчики ориентировались на древнерусское «тула» – колчан и создали очередной алогичный образ: «тощими (значит, пустыми) колчанами поганых язычников сыплют крупный жемчуг на грудь мне и нежат меня».

В «Слове» дважды встречаются «тули»:

...луци у нихъ напряжены,
тули отворены.
...лучи съпряже,
тугою имъ тули затче.

Значение – колчаны – создается всем содержанием контекста. В этих прозрачных примерах мы видим слово другое, отличное от **тулы** сна Святослава.

Автор различал написания **тули** и **тулы**. Единственное число могло быть соответственно **тула** и **тул**. В протографе, вероятно, значилось: «Сыпахуть ми тъщии тулы поганых

тлъковинъ великый женчюгь на лоно и негують мя», т.е. «сыплют мне тощие вдовы поганых язычников жемчуг на грудь и нежат меня».

...Этот отрывок густо насыщен тюркизмами: 1) **тлъковин** – калька с «язычник», 2) **женчюг** – кипчакская передача китайского «йенчу», 3) **тул** – вдова.

Двуязычный читатель XII века иначе понимал содержание сна Святослава, чем моноязычный читатель XVIII и последующих.

Сотрудничество двоюродных братьев Святослава с худыми вдовами-половчанками о многом говорит. Братья и вдовы (обида половецкая) обряжают его к погребению по тенгрианскому (половецкому) обряду.

«Уже дьскы безъ кнеса вмоемь тереме златовръсемъ».

«Дьскы» комментаторами понято как «доски».

«Кнес» – имеет несколько толкований: 1) конёк крыши, 2) верхнее бревно под коньком крыши. «То, что Святослав видит во сне исчезновение «кнеса» со своего терема, не только вполне естественно (?!), но и окончательно разъясняет ему смысл всех предшествующих примет... «кнеса» нет, доски, которые он скреплял, повисли в воздухе, и сомнений не остаётся: Святославу грозит гибель, смерть»[49].

Объяснение вполне приемлемое. Смущает только то, что формы «дьскы» (т.е. «диски» или «дески») и «кнес» – необычны для восточнославянских языков и ни одним памятником древнерусской письменности не подтверждаются.

Для западнославянских языков эти написания обычны (например, в старочешском «деска» – 1) стол, 2) доска; «кнез» – князь).

[49] Алексеев М.П. К «Сну Святослава» в «Слове о полку Игореве», в кн.: «Слово о полку Игореве». М.-Л., 1950, стр.247-248.

Колебания в семантике первого слова объяснимы. Оно пришло в славянские языки из германского, где первоначально выступало в значении «плоскость», от которого развились конкретные – стол, блюдо. (Сравни англосаксонское «диск» – стол, блюдо; древневерхненемецкое «тиск» – стол, доска. Первоисточник латинское «дискус» – круг.)

Подобный переход значений наблюдается и в тюркском «**тахта**» – 1) престол, 2) доска.

...Слово «кнес», скорее всего, устная форма западнославянской лексемы «кнез» – господин, князь.

«Дьскы безъ кнеса» похоже на идиоматическое выражение – «престол без князя».

Здесь не место подвергать анализу все термины, входящие в систему обозначения государственных понятий. Не все слова занимают в этой системе одинаковое место. Одни из них являются основными терминами группы, составляя костяк государственной лексики («князь», «великий князь», «стол», «злат стол», «боярин»), другие выступают лишь ситуативно в качестве заместителей общепринятых терминов («когань», «блъван», «буйтур», «были» и пр.).

В Киеве XII века, вероятно, сложилась политическая ситуация, при которой лексикон боярский мог пополниться западнославянскими терминами в узко специальных значениях: «дьскы» – киевский престол, «кнес» – великий князь киевский.

Я предполагаю, что фразеологизм этот был представлен в самом тайном разделе боярского дипломатического словаря. Нам известна важная часть этого лексикона: «Вся Русская земля и чёрные клобуки хотят тебя».

Этими словами приглашали бояре нового великого князя. Может быть, в формулу приглашения входила и эта зловещая фраза: «уже дьскы безъ кнеса», означавшая, что предыдущий великий князь уже устранён или должен быть

устранён. Этой формулой западники, составлявшие ядро киевского боярства в конце XII века, пользовались как орудием в дворцовых интригах.

Жертвой тайной политики бояр, ориентирующих взоры престола на запад, пали Юрий Долгорукий и его сын Глеб, стремившиеся сохранить союз с Полем.

«Уже дьскы безъ кнеса!» – возможно, предупреждение великому князю, не согласному с боярством.

Неудивительно, что страшная фраза могла **присниться** Святославу наряду с другими грозными символами. Степь, обиженная сыновцами, угрожает ему **политической смертью**, – вот, по-моему, смысл образной и лексической атрибутики сна Святослава.

«Всю нощь съ вечера босуви врани възграяху у Плесньска на болони беша дебрь Кисаню и несошлю къ синему морю...» Самая сложная часть рассказа Святослава.

О.В. Творогов: «Предлагались различные исправления этого явно испорченного в мусин-пушкинском списке места. Большинство исследователей приняло лишь поправку «**бусови**» (т.е. «серые») и «не сошлю» на «несошася». Остальные поправки приняты лишь некоторыми комментаторами. Так, предлагалось читать: «беша дебрьски сани» с двумя толкованиями – «адские сани» или «живущие в дебрях змеи». А.С. Орлов предлагал перевод: «У Плесньска в преградье были в расселинах змеи и понеслись к синему морю». Более вероятно другое понимание текста: вороны «възграяху» у Плесньска, были в дебри (лес в овраге, овраг) Кисаней и понеслись к синему морю. Большинство ученых сходится во мнении, что Плесньск «Слова» – это плоскогорье вблизи Киева. Слово «Кисаню» Н.В. Шарлемань предлагал читать как «Кияню», по его мнению, «дебрь Киянь» – это лес в овраге, прорытом речкой Киянкой в окрестностях Киева. Перевод слова болонь (чаще – болонье) как «предгорье» не

совсем точен. Болонь буквально – «заливной луг, низменность у реки»[50].

В.И. Стеллецкий: «Текст явно испорчен, что и затруднило его понимание, поправки здесь необходимы. Принимаю конъектуру С.К. Шамбинаго и В.Ф. Ржиги как наименее произвольную»[51].

И переводит: «Всю ночь с вечера вещие вороны каркали у Плесньска на лугу, были они из Ущелья слез Кисанского и понеслись к синему морю»[52].

«Что касается слова «Кисани», то это, по-видимому, название местности, а именно «дебри» (т.е. лесистого ущелья, лесной долины). Следует, мне кажется, принять во внимание также догадку П.П. Вяземского о возможной этимологической связи слова «Кисани» с сербским «кисанье» (от «кисати») – возбуждение плача...

При поправке Н.В. Шарлеманя «дебрь Киянь» текст остаётся неразъяснённым и нельзя объяснить, зачем упоминается это уточнение местности в устах киевского князя»[53].

...Немало загадок произвёл радивый Переписчик XVI века, пытаясь разобраться в словах Святослава.

Добавил тайн и Мусин-Пушкин, расчленив текст по своему разумению и выделив заглавными буквами те полученные лексемы, которые показались ему топонимами («Плесньска», «Кисаню»).

...Много мук доставил ученым XVIII–XIX веков и текст «Хождения за три моря» Афанасия Никитина.

Сегодня писатели выделяют иноязычные речения шрифтом, древние этим способом не пользовались. Страницы «Хождения» пестрят тюркскими терминами и выражениями. Ныне почти все они благополучно выправлены на

[50] Слово о полку Игореве. Комментарий О.В. Творогова, М.-Л., 1967, стр.499.
[51] Слово о полку Игореве. М., 1967, стр.157.
[52] Там же, стр.70.
[53] Там же, стр.158.

русские кроме тех, которые считаются индийскими и пишутся поэтому с большой буквы как имена. Так уцелело вполне русское название индийских статуй «Кот Ачук». Афанасий Никитин для передачи «срамного» слова прибегал к тюркскому, как нынешние ученые – к латыни.

Путешественник-христианин, потрясённый зрелищем обнажённых идолов, выполненных с натуралистической полнотой, не смог найти в официальном языке своего сочинения точного эмоционального выражения, не оскорбившего бы слуха читателей, и прибегает к «запасному» языку. Острота второго языка всегда чуть приглушена. *Коти ачук* – «голожопые» (тюркское).

Я не зря завёл этот разговор: мне кажется, **босуви врани граяли Святославу на тюркском языке**. Речи их не поняли ни Переписчик, ни Мусин-Пушкин, потому постарались скомпоновать текст так, чтобы получались лексемы, похожие на русские. Переписчику это место рукописи казалось безнадёжно испорченным. Буквы слагались в русские слова, но общий смысл от этого не становился яснее. Руководствуясь желанием сделать место хотя бы читаемым, Переписчик дописал несколько слов. «**Всю нощь съ вечера**» подсказано ему началом отрывка «Си ночь съ вечера», но писано уже языком своего диалекта. Этим я объясняю разность двух написаний. На фоне чрезвычайно запутанной фразы чересчур ясное грамматически и лексически «всю нощь с вечера» вызывает оправданное подозрение. Клише привлечено для поддержания композиции «босови врани», полученной Переписчиком из толкования одного непонятного термина.

...Ни в фольклоре, ни в письменности славянских народов вороны таким эпитетом не определялись. Всегда – постоянный эпитет «чёрный ворон», «чёрный вран». (Ср. в «Слове» – «чёрный ворон, поганый половчине!»)

Даже удачная, на первый взгляд, попытка истолковать «босови» как «серые» от тюркского бос, боз – серый, не разрешает сомнения. «Серые вороны» – безусловно модернизм, хотя в природе они и существуют, но русские именовали их галками. (Кстати, в «Слове» они названы трижды.) Лишь сравнительно недавно стали различать: ворон – чёрная птица и ворона – серая птица (использовав польское «врона» – чёрная птица), но в древнерусском – ворон, вран всегда обозначает чёрную птицу, даже без постоянного эпитета. Поэтому «серый ворон» в то время попросту невозможное сочетание. «Босови» не цветной эпитет. В сочетании с «волком» он ещё может выступать в этом значении или в другом: «босой», т.е. голоногий (как и предлагают многие). Но к нашему примеру и это значение не подходит: представьте себе «босых воронов». Переводчики перебрали все случаи употребления эпитета «босый» в славянских языках. Пожалуй, в статьях не фигурировал только разговорный «бусый» – пьяный ввиду явной ненаучности своей.

...Я предполагаю, что Переписчик столкнулся здесь с ещё одной обобщающей кличкой половцев. В «Слове» прозвищ множество. Степняков называют «половцы», «кощей», «поганые», «хинове», «бесовы дети» и калькированными терминами – «толковин», «птиц подобие». Часто – в нагромождении – «чёрный ворон, поганый половчин», «поганый толковин», «поганый кощей». «Задонщина» послушно повторяет прозвища степняков: «хинове», «половцы», «поганые», но и – «бусурманы».

В «Слове» не хватает как раз такого определения.

...Арабы называют верующих в Аллаха – муслим («покорный»). Турки контаминировали два слова: «мысыр» – Египет (арабское) и «муслимин», создав термин «мусурман». Он распространился и на тюрок, принявших ислам. Кипчаки превратили турецкое изобретение в «бусурман». Русские восприняли кипчакскую форму, адаптировав её в

диалектах – «бусурман», «бесермен», «басурман», «босурман» и др. В южнорусском диалекте была форма с «книжным» долгим «у» – «босоурман», давшая в устном – «босоврман». В украинском сохранилось до XIX века необычное название мусульманина «бусовир» (Преображенский). Во множественном числе первичная форма, надо полагать, выглядела развитей – «бусоврмане» или «бусоврамне».

Если бы Переписчик встретил во сне Святослава знакомых ему «босурман», то мы бы сегодня не бились над загадкой таинственных «босовых вран». Смею предположить, что в протографе некие «босоврамне» издают какой-то шум, скорее всего «глаголахуть», но Переписчику показался более уместным в данном случае глагол – «**граяхуть**».

Думаю, что в оригинальном тексте были следующие комбинации букв: «босоврамне... плеснь с кана болони беша дебрь кисан юин ес ошлюксин». П-16 выделяет похожие на русские слова «болони», «дебрь» и «несош люк син...».

Последнее сочетание показалось ему оборванным. Он дописывает очевидное «...ему морю». Таким образом, получает приблизительный смысл «и несёт луке синему морю».

Значение всей фразы рассыпается, но каждое слово в отдельности ему почти понятно: его задача добыть «местный» смысл. Может быть, в угоду этому «местному» смыслу были заменены и некоторые буквы. Например, в «топониме» – «Плесньск». Тюркский текст, пройдя сквозь строй Переписчиков (П-16 и П-18), едва ли мог сохраниться в доподлинности, но и то, что уцелело, поддаётся прочтению. «...бусурмане: «знаешь, как вернуть разум?» Пять железных пут омой – (**инес**) мстливый ты...» (Подчёркнутое место мною не понято.) Этот текст могли произнести «тощие тулы поганых толковин», которых Святослав, через предложение возвращаясь к ним, называет – бусурманами. Это они осыпают его жемчугами, нежат его, больного, и предлагают лекарственный совет.

Для меня главное в этом тексте «дебрь кисан» – железные путы, кандалы.

В известных тюркских источниках есть множество диалектных вариантов названия железа – *темір*, *томор*, *тимур*, *темур*, *тамир*, *тебрь*, *дамір*, *тімар*, *тімер* и т.п. Словаря, охватывающего материал всех тюркских наречий и диалектов, пока нет. Возможно, в одном из современных диалектов и сохранилась древнекипчакская форма – дебир (в русской транскрипции – дебрь). В топонимах эта лексема отражена.

В Венгрии, куда часть кипчаков ушла в XIII веке после разгрома монголами, они основали города-крепости под названием «*Дебрь-кент*», «*Дебрь-кен*», «*Темер-кен*», «*Томор-кен*», т.е. «*Железный город*».

Мадьяры произносят – «*Дебре-цен*»[54], хотя в других случаях сохраняют «*Темер-кен*», «*Томор-кену*» и др. И на восточной границе Кавказа известно название ключевого города-крепости «*Дербент*» (предполагаю искажение *Дебр-кент*).

Тюрки-огузы издавна (с VIII века) называли этот город железными вратами (в Малую Азию). В орхоно-енисейских надписях фигурирует термин «*Темір капка*» (Железные ворота), в современном турецком – Дамір Капу.

Так или иначе, но кипчакская форма дебір (дебрь) – железо некогда, вероятно, была широко известна. Как и устойчивое сочетание «дебрь кисан» (дебір кісен) – железные путы. Сравните в современном казахском «темір кісен» и у крымских татар «дамір кісан». Почему мне кажется оправданным присутствие «дебрь кисан» – железных пут в сне Святослава? Потому, что бояре, толкуя его сон, видимо, имеют в виду смысл этого выражения, говоря о **железных путинах**, в которые заковали «соколов». Эта

[54] См. подробнее: Ю. Немет. Два кипчакских географических названия в Венгрии. В сб. «Исследования по тюркологии». Алма-Ата, 1969, стр.26-33. Перевод с венгерского.

ассоциация – возможно, следствие прямого перевода боярами тюркского текста из сна Святослава.

Бояре очень точно опираются на детали сна в своих объяснениях.

а) «И ркоша бояре князю: «уже, княже, туга умь полонила» (уже, князь, тоска ум полонила).

Это отклик на тему, заявленную в вопросе бусурман – «знаешь, как вернуть здравый ум?»;

б) «Се бо два сокола слетеста съ отня стола злата поискати града Тьмутороканя».

Отклик на корреспонденцию – «уже престол без князя»;

в) «а любо испити шеломомь Дону». Расшифровка картины – «синочь... чрънахуть ми синее вино съ трутомь смешено»;

г) «уже соколома крильца **припешали** поганыхъ саблями, а самаю опустоша въ **путины железны**».

Это толкование слов «дебрь кисан» – «железные путы».

д) «Темно бо бе ГДН» (читают как «3-й день». Я предлагаю видеть под титлом не одну букву, а всю аббревиатуру, которая возможно, читалась – «господин». Тогда – это обращение бояр к Святославу).

Темнотой объясняется «черная паполома».

е) «Два солнца померкоста, оба багряная стлъпа погасоста и съ нимъ молодая месяца тьмою ся поволокоста».

Продолжение темы «чёрной паполомы», которой покрывают Святослава его младшие двоюродные братья.

Далее ещё более удивительно развивается тема Чёрного Покрывала.

На реце на Каяле тьма светь покрыла:
по Руской земли простроша
*Половци, **аки пардуже гнездо,***
и въ море погрузиста,
и великое буйство подасть Хинови.
Уже внесеся хула на хвалу...

Смысл возникает, прямо скажем, странный. По русской земле «простёрлись» половцы как гнездо пардусов и в море погрузились и этим придали великое буйство хинове, т.е. себе же.

Исследователи увидели здесь оплошность П-16, вставившего в этот кусок строку из другого места. Поэтому выражение «и в море погрузиста и великое буйство подасть хинове» изымается из этого отрывка и переносится в другой.

Мне кажется, операции можно избежать, если повнимательней всмотреться в подчёркнутое место.

Посмотрим, как толкуется это необычное для древнерусской литературы выражение в одном из наиболее свежих и полных переводов «Слова».

В.И. Стеллецкий: «После поражения Игоря половецкие князья Гза и Кончак предприняли набеги на Русские земли. «Пардусы» переводчиками «Слова» обычно переводились словом «барсы». Но барс – высокогорное животное, встречается лишь в горах Центральной Азии. Нередко слово «пардус» в древнерусских памятниках переводилось словом «рысь». Здесь, по всей вероятности, автор «Слова» имел в виду рысей, которые, как и все представители семейства кошачьих, не охотятся стаями, а в одиночку, в паре или «гнездом».

Предположение И.А. Новикова и Н.В. Шарлеманя о том, что здесь упомянуты не барсы, а гепарды, нельзя признать правильным. Гепарды не водились в Киевской Руси, а привозились из стран Малой Азии. Гепарды приручались и дрессировались для княжеской охоты. Дрессированные гепарды служили для княжеской забавы. Их было не так много на Руси. На княжескую охоту не брали гепардов выводками, с котятами не ездили на охоту хотя бы потому, что они ещё не были выдрессированы»[55].

[55] Слово о полку Игореве. М., 1967, стр.160.

С такой же серьёзностью рассуждают о возможных пардусах и другие комментаторы.

Простится мне и эта смелость: не было пардусов в оригинале. Они появились, скорее всего, под пером П-16.

В тюркских эпосах встречается сочетание «ак пардажи уй» – «ханская походная ставка», буквально «белозанавесный шатер».

Этим термином и русские могли называть княжеский походный шатёр. Боярам же – **белозанавесный шатер** Игоря и Всеволода понадобился для противопоставления Чёрному Покрывалу, которое надевают на Святослава в мутном сне.

Белозанавесный шатер погрузился в море и тем придал великую гордость половцам.

П-16 любопытно осваивает непонятное ему выражение. Двум первым словам он находит формальные аналоги в русском летописном словаре, третьему – нет. Он признает его тюркским и калькирует. «Аки пардужий шатер». Смысл его не удовлетворяет. Он вспоминает близкое к «уй» слово – «уйа» – гнездо (тюркское) и, полагая, что автор попросту не дописал одну букву, «восстанавливает» её и переводит: «аки пардужье гнездо».

Теперь это выражение относится не к князьям русским, а к половцам и общий смысл отрывка искажается до обратного.

Восстанавливаем текст:

«На реце Каяле тьма светь покрыла: по Руской земли простроша́ся Половцы. **Ак пардажи уй** в море погрузиста и великое буйство подасть Хинови»[56]. (Великое буйство, вероятно, – великая гордыня.)

О том, что войско Игоря после поражения «в море истопаша», сообщает Ипатьевская летопись.

О тонущих половцах известий там нет.

[56] Хинови – люди востока.

П-16 переводил для своего читателя те тюркские слова, которые сам мог различить и выделить в сплошном тексте. Но старые словеса русские (архаизмы) он не переводил, а пояснял, если значение им было хоть как-то понято.

Палеографами отмечена неоднократно черта, свойственная многим переписчикам – их активное отношение к лексике переписываемых произведений, склонность к добавлениям в тех местах, которые могут вызвать вопросы у читателя. Часто поясняются имена и архаические термины, не поддающиеся буквальному переводу. Например, переписывая «Историю иудейской войны» Иосифа Флавия, книгописец Кирилло-Белозерского монастыря Ефросин часто проявляет свою эрудицию. В главе, посвящённой осаде Иерусалима, упоминается имя Тита, римского полководца. Ефросин считает нужным разъяснить читателям это имя. «Титъ же по градомъ постави стража» (К-Б, 53, л. 455).

«Тить же **Успасиана царя млстивъ сынъ** по градомъ постави стража» (К-Б, 22, л. 416).

Или «Утро же въ 8 день горпия месяца солнце въсиавъ» (К-Б, 53, л. 487).

«Месяц горпия же есть сен(тябрь). Утро же въ 8 день горпиа месяца солнце въсиавъ... (К-Б, 22, л. 420).

Ясность местного смысла – вот главная цель Переписчиков, и они её достигают, даже если в некоторых случаях приходится идти на нарушение формы произведения и значительные дописки.

П-16 не был исключением: он вносит несколько отдельных пояснений к именам древним и терминам, и эти дописки попали в живой текст поэмы, может быть, по вине Переписчиков XVIII века.

Рассмотрим случай, когда редакторский комментарий, попав в авторский текст, придал ему исторически ложное значение. Бояре продолжают толковать сон Святослава:

Уже снесеся хула на хвалу,
уже тресну нужда на волю,
уже връжеса Дивъ на землю...

Переписав последнюю строку, П-16 засомневался. Все слова этого отрывка будут понятны читателям, кроме, пожалуй, одного – Дивъ. Если бы оно встречалось здесь впервые, можно было бы не беспокоиться: отношение к нему подсказано контекстом. Но беда в том, что имя-то употреблено уже второй раз. Причём из содержания первого контекста можно понять, что Див – персонаж отрицательный. Див там вроде предупреждает врагов Игоря о нашествии.

Дивъ кличеть връху древа,
велить послушати земли незнаеме –
Влъзе и Поморію, и Посулію и Сурожу, и
Корсуню и тебе, Тьмутораканьскый блъванъ.

И вдруг здесь Дивъ выступает уже в явно положительной роли: его свержение расценивается как беда русского народа.

Можно понять смятение П-16. Он вспоминает производные «диво» – «дивное», несущие вполне добрые значения, и решается пояснить этот термин. Подписывает его помельче – **«се бог отский»**[57] (т.е. «это божество предков») и далее продолжает нормальным полууставом переписывать авторский текст:

Красныя девы въспеша на брезе синему морю...

Переписчик XVIII века (Мусин-Пушкин) не узнает дописку П-16, вставляет её в текст и разбивает по-своему:

[57] «Отский» – возможно, диалектная передача формы прилагательного, «отеческий», равная форме «отьнь» от праосновы «от» – отец. Сравните: «отня стола злата».

Се бо Готскія красныя девы въспеша на брезе синему морю...

Так могли появиться знаменитые готские девы.

П-16 едва ли сам придумал «готских дев»: он этнонима такого попросту знать не мог. Но просвещённому Переписчику Мусину-Пушкину готы были знакомы.

Итак П-16 продолжает:

...Красныя девы
въспеша на брезе синему морю,
звоня рускымъ златомъ -
поють босоврамне,
лелеють месть Шароканю...

Наткнувшись снова на «босовран», П-16 отчаивается совершенно. Если выше они глаголили, то здесь они уже «поют» открытым текстом, как соловьи какие-то. Причём прямо указывается, что под босовранами надо понимать красных дев. А может быть, в этом слове и не вороны вовсе кроются? Он делает вторую попытку освоить термин и превращает его в сочетание – «босуви время», что довольно приятно согласуется с текстом. Возвращаться и переосмысливать предыдущий пример употребления этого, наконец, понятого выражения уже невозможно. П-16 примиряется и идёт на подлог: чтобы не возникло ненужных параллелей «босуво время» и «босуви врани», он инверсирует последнее своё «открытие» и видоизменяет огласовку – «время бусово».

Так, думаю, появляется знаменитое «время Бусово» в сочетании с «готскими девами», произведшее много шуму в славянской историографии. Отголоски этого «шума из ничего» слышны до сих пор.

...Бусурманские красные девы, которые радостно поют, звоня русским **золотом**, радуясь **отмщению** за Шарукана, деда Кончака, некогда потерпевшего сокрушительное поражение от русских (князя Святополка) – это отражение тощих **вдов** бусурманских, которые льют слезы (жемчуг) и нежат Святослава.

Отрицательная параллель очевидна: вдовы – девы, жемчуг – злато, нежность – злорадство, добрый врачующий совет вдов – жажда мести красных дев.

Таким образом, все символические образы мутного сна Святослава разъяснены боярами.

ЦАРЬ ДОДОН И ГЕРОДОТ

Теперь мне хочется показать на живом примере, какое эхо может вызвать в науке неверная нота, взятая Переписчиком. Неразоблачённая ошибка писца, размножаясь в современных толкованиях, приобретает силу неопровержимого исторического факта, на котором воздвигаются порой крепости невероятные.

В.И. Стеллецким кратко описана история толкований строки «поют время Бусово, лелеют месть Шароканю», в которой удалось поучаствовать и мне.

В.И. Стеллецкий: «Первая часть предложения представляет собой неясное место в «Слове». Высказывались различные предположения. Н. Грамотин в 1823 году предполагал, что Бус – имя половецкого хана. С 30-х годов в советской науке утвердилось мнение, высказанное Е. Огоновским в 1876 году, что под Бусом следует понимать Божа, одного из князей предков восточных славян, именуемых в науке условно «антами». В 375 году Бож был побеждён готским королём Винитаром. Он, его сыновья и семьдесят знатных антов были взяты в плен и казнены.

Особую точку зрения занимал Н.К. Гудзий. Он писал: «Бус, очевидно, один из прославившихся победами половецких ханов». («Слово о плъку Игореве», 1938). В своей «Хрестоматии по древней русской литературе», однако, он уже пишет: «Бус – антский князь Бос или Боус».

В 1962 году О. Сулейменов высказал мнение, что оба рассматриваемых предположения относятся к одной и той же битве 1107 года, в которой половецкие ханы Боня и Шарухан «старый» были разгромлены объединившимися русскими князьями... С поражением Игоря перед Кончаком, сыном Артыка и внуком Шарухана, открылась возможность отомстить за злоключения своего отца и деда, потому-то «готские девы» и вспоминают о недавнем поражении, позорном бегстве кипчаков и радуются победе Кончака. И в казахском языке сохранилось точное определение такого массового побега целого племени или народа, какое пришлось испытать кипчакам после разгрома. Оно называется «**босу**». «**Время босу**», или, если взять конструкцию «Слова», «***время босуво-бусово***»[58].

В.И. Стеллецкий принимает это объяснение и переводит: «поют про время (давних) напастей, лелеют месть за (поражение) Шарухана»[59].

О.В. Творогов также согласился с доводами моей статьи и отказал Божу в доверии[60].

Победу эту я могу считать тем более значительной, что Бож олицетворяет все то худшее, что несла в науку «патриотическая» историография. Почему в XIX веке изобретение Е. Огоновского не было принято ни одним из ученых? Почему в 30-х годах нашего века все советские исследователи единогласно признали изобретенье за великое открытие?

[58] Слово о полку Игореве. Перевод и комментарии В.И. Стеллецкого. М., 1967, стр.160-161.

[59] Там же, стр.70.

[60] Слово о полку Игореве. Комментарий О.В. Творогова, М.-Л., 1967, стр.503.

Один Н.К. Гудзий ещё сопротивлялся в 1938 году, но и он, в конце концов, был вынужден принять эту версию, успевшую превратиться в аксиому.

На примере Божа можно убедиться, как просто делается история.

...Е. Огоновский[61], увлечённый соседством «готских дев» с «временем Бусовым» (в написании Мусина-Пушкина), обратился к сочинению римского историка Иордана (VI век) «О происхождении и деяниях готов», где в одном из рассказов обнаружил имя «Бооз». Этого оказалось достаточным для рождения гипотезы, которую он высказал весьма неубеждённо.

Через полвека мысль его была подхвачена и получила неожиданное направление. Бооз – превратился в «Божа» (хотя в латинском алфавите нет буквы «ж», и Иордан никак не мог бы написать эту форму); анты объявлены восточными славянами только на том основании, что автор «Слова» якобы помнил о существовании Бооза.

За четыре истёкших десятилетия уравнение анты = восточные славяне вошло в сознание историков без всяких доказательств, и в солидных научных работах по истории восточных славян этот тезис приводится походя, как сам собой разумеющийся.

А.К. Югов и вовсе превратил Божа в русского: «упоминают смерть князя русского Божа – славят и отмщение за Шарухана».

Так ошибка Переписчика XVI века породила целое направление в исторической науке.

В 1962 году в статье «Босый волк и напевы готских дев»[62] я усомнился: «Почему злополучные девы – в связи

[61] «Слово о полку Игореве» – поэтический памятник русской письменности XII века. Львов, 1876.

[62] «Простор», 1962, № 11.

с незначительным, в сущности, поражением Игоревых ратей вспоминают так легко и привычно тоже незначительное, в общем, событие тысячелетней давности?

А автор «Слова», каким бы просвещённым он ни был, едва ли он, сын своего века, мог знать факты столь отдалённые, тем более что в этом, по-видимому, не было никакой надобности. Вероятно, речь идёт о чем угодно, только не о мифическом анте Бозе».

Сегодня, перечитывая ту свою работу, я отказываюсь от неё. Кроме приведённого отрывка. И добавляю: для автора даже времена Ярослава Мудрого – давние. Историческое прошлое, в его представлении, ограничивается пределом XI века. У интеллигента XVIII века прошлое включает, по крайней мере, два тысячелетия. Приписывая Автору столь глубокий взгляд в древность, мы невольно искажаем картину диалектического развития исторического сознания.

И действительно, чтобы так запросто упоминать историческое имя, Автор должен быть уверен, что читатели поймут даже такой намёк. Мы должны признать, что история антов была широко известна в Киевской Руси XII века. Каждый грамотный русич знал её. Но что тогда поделать с тем фактом, что ни один из многочисленных источников славянской письменности не углубляется в своём знании истории ниже IX–X веков? И нет никаких доказательств того, что произведение Иордана читалось в Руси. Но даже если бы его переводили и любили, почему именно антов автор избрал в качестве предков славян? Ни о языке их, ни о культуре, даже о месте обретания их в 375 году нет у Иордана никаких известий кроме того, что он их называет гуннским племенем. Но и сейчас вряд ли какой историк назовёт гуннов славяноязычным народом.

Автор «Слова», мне кажется, вовсе не знал о существовании гуннов, готов и тем более антов (ант, скорее всего

связано с латиногреческим анти – противоположное; древнее; чужое. Так могли обобщённо называть латиняне любого противника.)

«Амал Винитарий... с горечью переносил подчинение гуннам. Понемногу освобождаясь из-под их власти и пробуя проявить свою силу, он двинул войска в пределы антов»[63]. Здесь «ант», возможно, синонимично термину «гунн». Но даже если поверить всему, что нагородили историки, вызывает возражение и то, что «готские девы», враждебные анту – Игорю, поют радостно о поражении его предка Боза и лелеют месть за половецкого хана Шарухана. Так близко к сердцу могли принимать поражение половцев в начале XII века, наверное, половецкие девы, а вовсе не древнегерманские.

«Простор» опубликовал и ответ на мою статью, который был прислан В.Ф. Соболевским, известным специалистом по древнерусской литературе[64].

Всю эту работу он посвятил одному – защите Божа. Правда, никаких новых аргументов в пользу его уважаемый автор не представил, справедливо полагая, что в некоторых условиях убеждённость – главный аргумент: «Ошибочность суждения О. Сулейменова явно проистекает из утверждения о случайном фонетическом совпадении «Боза» и «Бусово». Такой вывод противоречит историческим данным». Или: «Чем же была вызвана у автора «Слова» надобность говорить об антском короле Бусе (уже не «Бооз» – О.С.), о факте столь отдалённом, и заставлять «готских дев» поминать об этом? Вот здесь и выступает действительный **общий замысел «Слова» – подействовать** на патриотические чувства у всех русских князей, напоминая им о **тех далёких временах, когда антский король Бус отражал набеги готов...**».

[63] Иордан. О происхождении и деянии готов. («Готика»). АН СССР, 1960, стр.115.

[64] Соболевский В.Ф. Готские девы в «Слове о полку Игореве». «Простор», 1963, № 5.

Напоминать можно тем, кто знал об этом. Неужели все русские князья XII века проходили в школе подробнейший курс по истории готов и антов? И потом, не так уж успешно отражал Бооз набеги готов, если оказался распятым на кресте вместе со своими сыновьями. Примеры такого отражения можно было бы найти и не в столь далёкой истории...

Далее В.Ф. Соболевский приводит свой главный аргумент: «**Можно не сомневаться в том, что автору «Слова» были известны исторические материалы, которыми он пользовался**».

Доказательств столь ответственного утверждения нет пока, но есть уверенность. Таким образом, В.Ф. Соболевский убедил меня, что автор и все его читатели – удельные князья, бояре и прочая, и прочая знали десять строк из сочинения Иордана.

...Даже описывая всем известные действия или выражения книжного происхождения, писатель или переписчик обычно делали ссылки на источник (чаще всего церковный), из которого почерпнуто знание. Например, в «Житии и хождении Даниила» (Кирилло-Белозерский список) часты библиографические ссылки типа: «якоже во Еуангелии писано» (л. 142), и «прочаяписано в Паремии» (л. 159), и «прочая писано в Житии ея (богородицы)» (л. 148), и «прочая в Деяниях» (л. 142), и пр., и пр.

Авторы и книгописцы так кратко отсылали читателя к произведениям широко известным.

Если же источники малоизвестны, то ссылки более подробны и событие малоизвестное описывается значительно шире. В «Слове» же «время Бусово» никак не комментируется, что может служить доказательством или некнижного, т.е. неисторического его происхождения, или же чрезмерной известности этого выражения, что невозможно.

Лингвисты-тюркологи, несомненно, уточнят прочтение и разбивку найденной в гуще древнерусского текста тюркской фразы. Может оказаться, что некоторые сочетания неверны. Но композиция «**Плеснь**» (білесін) – «знаешь» и «**дебрь кисань**» – «железные путы» мне кажутся твёрдо доказуемыми.

Более десяти лет назад я впервые так прочёл «плеснь ... дебрь кисань», непрерывно искал им опровержения и лишь сейчас решаюсь опубликовать эту находку. Ценность её для истории языковых взаимоотношений Руси и Поля неоценимо велика, и относиться к ней надо со всей бережливостью.

Это первое тюркоязычное предложение, обнаруженное в славянском источнике до XIII века. Мы не встречали до этого рубежа даже пары тюркских слов, объединённых синтаксической связью.

Итак, весь микроэпос «Сон Святослава и его толкование боярами» в протографе выглядел, по-моему, в следующем виде:[65]

А Святославъ мутенъ сонъ виде:
В Кіеве на горахъ ***снчь***
съ вечера одевахъть мя, рече,
чрѣною паполомою на кроваты тисове:
чрѣпахнуть ми ***синее*** *вино съ* ***трутомь*** *смешено.*
Сыпахуть ми тьщи ***тулы*** *поганыхъ* ***тльковинъ***
великый женчюгь на лоно и негують мя.
Уже дьскы безъ кыеса вмоемъ тереме златовръсемъ.
(Всю нощь съ вечера) ***бусоврамне*** *(възграяху).*
«Блеснь скана
болони беша дебрь кисан ю инес ошлюкъ син
(ему морю)».
И ркоша бояре Князю:

[65] В скобках даны дописки Переписчиков. Подчеркнуты объяснённые мною места.

«Уже, Княже, туга умь полонила;
Се бо два сокола слетеста съ отня стола злата:
поискати града Тьмутороканя,
а любо испити шеломомь Дону.
Уже соколома крильца ***припешали***
поганыхъ саблями,
а самаю опустоша въ путины железны,
Темно бо бе, гдн:
два солнца померкоста,
оба багряная стлъпа погасоста
и съ нимъ молодая месяца (Олегъ и Святъславъ)
тьмою ся поволокоста на реце на Каяле.
Тьма светь покрыла: по Руской земли
прострошася Половци.
Ак пардажи уй *въ море погрузиста и великое*
буйство *подасть*
Хинови.
Уже снесеся хула за хвалу,
уже тресну нужда на волю,
уже връжеса дивъ на землю
(се бог отский)
Красныя девы въспеша на брезе синему морю,
звоня руским златом.
Поють **бусоврамне**,
лелеють месть Шароканю.
А мы уже, дружина, жадни веселія».

ЧЕСТНОЕ «СЛОВО»

Моя слабость? Непоследовательность.
Моя сила? То же самое.
Тагор

НЕДОУМЕНИЯ

«Слово» – старая, ветшанная картина, изображающая реалии XII века, была реставрирована и подкрашена в XVI.

Второй этап реставрации «Слова» пережило в XVIII веке.

Слои цветной штукатурки покрывают оригинал.

Задача исследователей – не добавлять красок, а снимать следы кисти позднейшей, добираться до протографа.

И в конце работы может выясниться, что икона-то висит на стене неверно, и изображён на ней не бог Игорь, а живой человек с дьявольскими чертами.

Не грех напомнить, что в одном злополучном музее картины Пикассо до последнего времени висели «вверх ногами».

Мы имеем реальную возможность убедиться в том, что отличие форм мировоззрения Автора и Исследователя мешало последнему правильно понять идейное содержание поэмы, и отсюда – неверные прочтения ключевых текстов «Слова».

Представим схематически идейный сюжет памятника по тому списку, который в наличии.

«Слово» **осуждает** Игоря, начавшего несправедливую войну.

Радуется первой победе.

Жалеет воинство Игоря, потерпевшего поражение во второй битве.

Оплакивает русскую землю, на которую вызвано ответное нашествие половцев.

Призывает князей устами Святослава Всеволодича встать на защиту родины.

Осуждает былые распри и сегодняшние которы.

Восхваляет Игоря, его князей и дружину за победу над погаными.

Большинство толкователей поэмы не хотят замечать явной противоречивости этой схемы. Они акцентируют внимание на столпах Оплакивает, Призывает, Восхваляет.

В 1964 году на заседании отделения этнографии географического общества СССР с докладом «Монголы XIII века и «Слово о полку Игореве» выступил историк Л.И. Гумилёв. Попытался опровергнуть дату создания «Слова». По его убеждению, оно написано не в XII веке, а в XIII человеком, далёким от тех событий, и поэтому излагавшим их не очень точно. Версия аргументирована, на мой взгляд, недостаточно, но ход рассуждений местами очень интересен. Привлекает и то обстоятельство, что в докладе (хоть он и не получил большой огласки) впервые в нашей славистике заявлено сомнение в достоверности некоторых заповедных мест памятника.

«**Недоумение**. Принято считать, что «Слово» – патриотическое произведение, написанное в 1187 году и призывающее русских князей к единению и борьбе с половцами, представителями чуждой Руси степной культуры. Предполагается также, что этот призыв «достиг тех, кому предназначался», т.е. удельных князей, организовавшихся в 1197 году в антиполовецкую коалицию. Эта концепция, действительно, вытекает из буквального понимания «Слова» и потому, на первый взгляд, кажется единственно правильной. Но стоит лишь сопоставить «Слово» не с одной

только группой фактов, а рассматривать памятник вместе со всем комплексом реальных событий как на Руси, так и в сопредельных ареалах, то немедленно возникают весьма тягостные недоумения.

Во-первых, странен предмет выбора. Поход Игоря Святославича не был вызван политической необходимостью. Ещё в 1180–1183 годах Игорь находится в тесном союзе с половцами, в 1184 году он отклоняется от участия в походе против них, несмотря на то, что поход возглавлен его двоюродным братом Ольговичем – Святославом Всеволодичем... И вдруг ни с того ни с сего он бросается со своими ничтожными силами завоевать все степи до Чёрного и Каспийского морей. При этом отмечается, что Игорь не договорился о координации действий даже с киевским князем. Естественно, что неподготовленная война кончилась катастрофой, но когда виновник бед спасается и едет в Киев молиться «Богородице Пирогощей», вся страна вместо того, чтобы справедливо негодовать, радуется и веселится, забыв об убитых в бою и покинутых в плену...»[66].

С этого недоумения и должно было некогда начаться прочтение «Слова».

Чтобы понять позицию Автора, его отношение к Игорю, следует сначала выяснить мотивы, побудившие северских князей вступить в безнадёжную войну.

Начать придётся издалека, чтобы быть в курсе политических событий Киевской Руси эпохи «Слова».

В 1162 году власть киевского князя Ростислава испытывает покушение со стороны сильного союзника Мстислава Волынского. Ростислава не поддерживают и киевское боярство, и гвардия – чёрные клобуки. Он вынужден поделиться властью с Мстиславом, отдав ему из своих владений Белгород, Торческ, Канев и даже земли чёрных клобуков.

[66] Доклады отделения этнографии. Вып. II, Л., 1966, стр.56-57.

Чувствуя, что киевский стол под ним зашатался, Ростислав обращает взор в степь и едет к хану Белуку с просьбой выдать дочь за сына своего – Рюрика. Брак состоялся. Половецкая поддержка укрепила Ростислава на престоле.

В феврале 1164 года скончался отец Игоря, черниговский князь Святослав Ольгович. В Чернигове силой утвердился племянник умершего князя – Святослав Всеволодич. Своих двоюродных братьев, сыновей Святослава – Олега, Игоря и Всеволода – он изгоняет из Чернигова в Северскую землю. Эту обиду братья ему не простят. Она будет управлять их действиями на протяжении двух десятилетий. Будет между ними и резня, и союзничество, и вежливость, но подлинного братского мира, видимо, уже не наступит. Враждебность открытая и затаённая окрасит отношения братьев и Святослава Всеволодича.

Уже через два года северские князья начинают войну.

Святослав приглашает половцев, которые нападают на Новгород-Северский.

Ростислав способствует примирению сторон.

В 1167 году умирает Ростислав, и борьба за киевский престол вступает в новую фазу. Киевский люд и чёрные клобуки посланы за Мстиславом Волынским. Последний, «отодвинув» законных наследников престола, сыновей Ростислава (Рюрика и Давыда), 15 мая 1167 года «вниде» в град Киев и «седе на столе».

Киевляне и чёрные клобуки, вероятно, поддерживали Мстислава ещё и потому, что он решительно не признавал союзов с половцами, которые были врагами и чёрных клобуков, и торкинов, и берендеев.

Киевляне и чёрные клобуки не любили Ростислава потому, что он опирался на половцев.

С приходом Мстислава на Руси громко заявляется новая политика. Половцы готовят поход на Киев. Великий князь

Мстислав собирает силы и весной 1168 года наносит удар по Полю. В этом походе участвуют многие волынские князья. Крутой на расправу великий князь заставляет направить свои полки и черниговских, и северских князей («бяху бо тогда Олговичи в Мьстиславии воли») и даже Ростиславичей – Рюрика и Давыда.

Он собрал под свои знамёна войска всей лесостепной полосы от бассейна Вислы до Северного Донца. Ударной силой была конница торков под началом Бастея, чёрные клобуки и берендеи.

Поход начался ранней весной (2 марта), когда степняки только собираются перекочевывать на летние пастбища.

Начинается окот, стада отяжелены молодняком.

Половцы не успели организоваться. Русские войска обогатились добычей – «и толико взяша полона множьство, якоже всимъ рускимъ воемъ наполнитися до изобилия и колодникы и чагами и детми их и челядью и скоты и конми».

Победа эта прославила политику Мстислава. Новгород изгоняет Святослава Ростиславича и требует сына Мстислава – Романа. Великий князь удовлетворяет просьбу «вольного города», и 14 апреля Роман прибыл в Новгород.

Но и оппозиция не бездействует. Суздальский князь Андрей Боголюбский (сын Юрия Долгорукого) организует коалицию князей, недовольных распространением власти Мстислава и резким поворотом в отношениях со Степью.

В 1169 году войска двенадцати князей двинулись на Киев. Вместе с ними идут и «половецкие князи».

В марте 1169 года Киев был взят и разграблен. На престол восходит Глеб Юрьевич, сын Юрия Долгорукого от половецкой княжны, родной брат Андрея Боголюбского.

Попытка Мстислава в корне разрушить традиционные отношения со Степью окончилась неудачей.

Главную роль в свержении Мстислава играли князья, связанные с половцами кровным родством (сыновья Юрия

Долгорукого; Ольговичи – Олег и Игорь; Ростиславичи – Рюрик и Роман и др.).

В 1170 году Андрей Боголюбский занят возвращением Святослава Ростиславича на новгородский престол. Успеха не имеет. Войска его разбиты новгородцами. Святослав Ростиславич умер. Воспользовавшись ослаблением главного своего противника, Мстислав Волынский с чёрными клобуками, с галицкими и туровскими полками двинулся на Киев. Горожане открывают любимому князю ворота без боя.

Глеб Юрьевич бежит к половцам и через месяц (в апреле) возвращается с Кончаком и изгоняет Мстислава. Тот скончался после болезни в августе 1170 года в своём Владимире-Волынском.

Его сын Роман покинул Новгород, и его место занял по договору с Андреем Боголюбским Рюрик Ростиславич.

Можно считать, что традиционный порядок восстановлен. Ключевые города Руси в руках князей, стоящих за прежние отношения с Полем.

Но киевские бояре и церковь ещё раз доказывают свою силу. Глеб Юрьевич отравлен 20 января 1171 года. Его постигла участь отца, и погребение его рядом с могилой Юрия Долгорукова в церкви Спаса на Берестове.

Бояре настояли, чтобы Ростиславичи, вопреки воле Боголюбского, пригласили на княжение Владимира Мстиславича. Но тот оказался неспособным продолжать политику отца и, прокняжив четыре месяца, умер от таинственной болезни. Скорее всего, от той же, что и предыдущий князь.

В июле 1171 года в Киеве по согласию с Андреем стал княжить Роман Ростиславич. Он, вероятно, учёл печальный опыт предшественников и вступил в мир с боярами. А это значило разрыв отношений с Андреем Боголюбским. Но Андрей – далеко, в Суздали, а бояре вот они, рядом.

В начале 1173 года Андрей снова потребовал выдачи убийц от брата. Ростиславичи вынуждены были отказать и позволить боярину Григорию Хотовичу и его сообщникам скрыться.

Тогда Андрей потребовал ухода Романа. Ростиславичи сначала подчинились, а затем послали объявление войны и в ночь на 24 марта 1173 года ворвались в Киев. Великим князем стал более решительный из Ростиславичей – Рюрик.

Несмотря на то, что он женат на половчанке, политическая программа его, очевидно, не противоречит планам киевского боярства и чёрных клобуков. Киеву нужна сильная рука, способная объединить Русь и вывести её из-под власти Поля. И, прежде всего, надо противостать могучему Андрею Боголюбскому.

И Рюрик решается на этот шаг.

Теперь на сцене появится Святослав Всеволодич, который пока отсиживался в своём Чернигове, наблюдая со стороны перипетии борьбы за киевский престол, восхождения и падения марионеток Андрея.

Настала пора и ему включиться в эту борьбу. Он многое понял – оценил силу боярства, стремления их и слабость позиций великих князей, сменившихся на его глазах за несколько лет.

Он не выбирает, чью же сторону принять. Это ясно. Андрей ещё могуч, у него большой опыт и мощное влияние. Ростиславичи, которых он поддерживал, стали врагами. В этой ситуации выгодно выступить Ольговичу на стороне Андрея. Союз этот не покажется Боголюбскому противоестественным: традиционные связи Ольговичей с Полем общеизвестны. И кто, как не Ольговичи, может плодотворно продолжать политику Андрея на киевском престоле. Но, воцарившись, Святослав найдёт общий язык с киевским боярством. Он понимает силу этого сословия

и справедливость их устремлений. Объединение Руси – цель благородная. Но достижимая только в том случае, если у кормила будет властелин решительный, как Мстислав, но хитрее. Андрей посылает на Ростиславичей пятидесятитысячное войско. К ним присоединяются и Ольговичи – Святослав Всеволодич и Игорь Святославич.

Киевские князья затворились в Белгороде и Вышгороде, что потребовало от нападающих разделения сил.

Двадцатидвухлетнему Игорю с другими младшими князьями выпало идти на Вышгород, где 8 сентября 1173 года Мстислав Ростиславич Храбрый разбивает их.

Осада Вышгорода продолжается более двух месяцев. Безуспешно.

К ноябрю в Киев прибывает Ярослав Луцкий. Оценив ситуацию, он принимает сторону Ростиславичей, которые обещают ему в случае победы уступить Киев. Победа. Ярослав Луцкий на престоле. Его быстро сменяет Роман Ростиславич. Черниговец ждет своего часа. Есть подозрение, что это он в мае 1176 года навёл половцев на Русь. Роман послал брата Рюрика и двух сыновей против них. В битве у Ростовца войска киевских князей разгромлены; половцы взяли шесть городов берендеев.

Святослав, узнав о случившемся, по словам летописца, «обрадовался». Поражение Ростиславичей от половцев привело к тому, что к Святославу прибывает депутация чёрных клобуков и киевлян, сообщая, что Роман уже покинул Киев и укрылся в Белгороде.

20 июля 1176 года Святослав стал великим князем.

Подчёркиваем это обстоятельство: **поражение киевского князя от половцев приводит к смене власти.**

Прецеденты есть. В 1068 году в первой битве русских с половцами войска киевских князей братьев Ярославичей (Изяслав, Святослав и Всеволод) потерпели поражение

на реке Альте. В результате на престоле оказался их враг Всеслав. Его пригласили киевляне. («Слово» подчёркивает, что Всеслав проявил хитрость.)

Не применил ли Святослав через век после битвы на Альте «хитрость» Всеслава? Оказавшись у власти, новый великий князь ищет поддержки против Поля «на стороне», женив своего сына Всеволода Рыжего на дочери польского короля Казимира.

В том же 1179 году он выдаёт свою дочь за Владимира Глебовича Переяславского, делая его этим актом своим вассалом.

Результаты не замедлили сказаться. Половцы во главе с Кончаком напали на Переяславль и Посулие. Пожгли поселения, хотя города и не взяли.

В 1179 году скончался давний враг Святослава – его двоюродный брат Олег Святославич, а Святослав созывает в Любече съезд Ольговичей, на котором окончательно распределяются уделы. Брату своему Ярославу великий князь отдает Чернигов, князем Новгород-Северским стал Игорь.

Святослав проявляет себя в первые годы весьма гибким политиком: он не порывает союза с Полем, но и подготавливает основы будущих враждебных отношений с ним. Поле ему пока необходимо, чтобы утвердить свою власть на Руси и сдержать главных соперников – Ростиславичей.

В 1180 году они затевают грандиозную усобицу и оказываются в Киеве. На помощь Святославу идут Ярослав Черниговский с ковуями и, наконец, Игорь Святославич с половецкими дружинами Кончака и Кобяка.

Летом 1181 года Киев возвращён. Но в битве у Днепра Ростиславичи наносят сокрушительный удар Игорю и его свату Кончаку. Убит брат Кончака Елтут Атрахович (Ельтут Артыкович).

Взяты в плен двое сыновей Кончака.

«Игорь же видевъ Половце побеждены и тако съ Кончакомъ въскочивша въ ладью и бежа на Городец къ Чернигову».

Святослав с войсками, очевидно, находится в Киеве и не предпринимает ничего, чтобы нанести ответный удар.

Но и Ростиславичи устали. В результате переговоров Святослав остался великим князем киевским. Рюрик Ростиславич стал его фактическим соправителем. («И урядився съ нимъ (Святославом) съступися ему старейшиньства его ради Киева, а собе взя всю Рускую землю».)

Святослав фактически признает своё вассальство по отношению к Ростиславичам, женив сына Глеба на дочери Рюрика.

После этого Святослав и Рюрик «живяста у любви и сватьствомь обуемшеся (объединившись)».

Теперь, когда примирились две могущественные княжеские линии, можно было начинать «мстиславову политику» в отношении к Степи, чего так ждали киевские бояре и церковь.

Святослав Всеволодич в молодые годы был бит половцами, побывал в плену (был выкуплен Изяславом Давыдовичем), и теперь у него появляется первая возможность отплатить степнякам за то «гостеприимство».

В походе 1184 года, который по размаху не уступал походу Мстислава 1168 года, участвуют войска одиннадцами княжеств, торкская конница и чёрные клобуки. Характерно, что Ольговичи (Игорь Святославич, Всеволод и Ярослав Черниговский) отказались под разными предлогами от этого похода. Летописец приводит отговорки: «А своя братья не идоша, рекуще: «Далече ны есть ити вниз Днепра: не можемъ свои земле пусты оставити...».

Войска собрались летом (в июле), и мне кажется, что Ольговичи предполагали неблагополучный исход предприятия киевского великого князя. Весьма вероятно, что такой результат ими ожидался с нетерпением.

Поражение Святослава открывало бы путь Игорю или Ярославу к престолу киевскому.

Но они просчитались. Половцы не ожидали летнего наступления. Они разбиты. 17 вождей их пленены, и до 7000 кипчакских мужчин, женщин и детей приведено в Русь.

Любопытно поведение Игоря в этой неожиданной для него ситуации. Прослышав о победе, он вместе с Всеволодом и племянником Святославом Ольговичем идёт к реке Мера урвать куш от общей победы, «молвяшеть бо ко братьи и ко всей дружине: Половцы оборотились противу Рускимъ княземъ и мы безъ нихъ (т.е. в отсутствии половецких воинов) кушаемся на вежах ихъ ударити...».

Это место летописи правильно истолковано Б.А. Рыбаковым: «Не общерусская оборонительная борьба и даже не защита своих собственных рубежей, а лишь желание захватить половецкие юрты с женами, детьми и имуществом толкало князя на этот поход – своего рода репетицию будущего похода 1185 года. И действующие лица в той репетиции те же самые: Игорь, буй тур Всеволод, Святослав Ольгович и княжич Владимир»[67].

Он углубляется в степь не более чем на 60-70 километров, разбивает отряд в четыре сотни и грабит беззащитные кочевья.

...В 1185 году половцы собирают силы для ответного наступления на Киев. В феврале 1185 года Кончак по зимнему пути подошел к пограничной реке Суле.

Рассказ о приходе половцев взят из летописи Святослава: «Пошелъ бяще оканьный и безбожный и треклятый Кончакъ со мьножествомь половецъ на Русь.

Похупся, яко пленити хотя грады Рускые и пожещи огньмь: бяше бо мужа такого бусурменина, иже стреляще живымъ огньмъ. Бяху же у нихъ тузи самострелнии одва

[67] Рыбаков Б.А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971, стр.211.

50 мужъ можашеть напрящи. Но всемилостливый бог гордымъ противиться и съвети ихъ разруши».

Святослав посылает за помощью к братьям – Ярославу и Игорю. Оба, найдя благовидные причины, отказывают ему в поддержке. Ещё раз пытают судьбу – может быть, Кончак сделает то, что не удалось Кобяку прошлым летом.

Святослав и Рюрик направились к Суле сами. Торкская конница и чёрные клобуки, перейдя Хорол, 1 марта нанесли неожиданный удар по расположению Кончака. Кончак бежит, побросав свою «артиллерию». Чёрные клобуки Кунтугдыя численностью в 6000 всадников преследовали его, но не достигли «бяшеть бо тала стопа за Хороломъ» (т.е. «талые степи за Хоролом»). Распутица помешала «обрести» самого Кончака.

Святослав стремится закрепить победу: «Тое же весне князь Святославъ посла Романа Нездиловича съ берендичи на поганее половце. Божию помочью взяша веже половецкеи много полона и коний месяца априля въ 21 на самый Велихъ день». Он замышляет летний поход – «идти на половцы къ Донови на все лето».

И маршрут необычен, и сроки задуманного похода. Если предшественники ограничивались отражением половцев на пограничных землях и походы эти занимали от силы месяц, то Святослав решил идти в глубь Дикого Поля, к Дону, где русские войска никогда не бывали.

Святослав едет собирать войско «от верхних земель», уговаривать князей присоединиться к нему.

Новгород-Северский он застал опустевшим: его двоюродные братья Игорь и Всеволод, «утаившись его», ушли сами завоёвывать всю степь до Дона. Они решили, что Кончак, не оправдавший их надежд, разгромлен окончательно, и грех не воспользоваться благоприятной обстановкой.

Неожиданный поворот событий изменяет тактику Игоря. Ориентироваться на помощь Поля, обессиленного

поражением, теперь не приходится. Ситуация благоприятствует иному решению той же задачи. Русь окрепла, степь ослабела. Чтобы войти в Киев, нужно завоевать расположение народа киевского, бояр и чёрных клобуков. А это значит – нужно добить степь, дойти до края её, до Дона, завоевать мифический град Тмуторокань, потерявшийся где-то на окраинах Дашт-и-кипчака, выйти к морю и тем добыть славу великого полководца, погромче Святославовой. Не Святослав, а именно Игорь должен покорить степь, чего не удавалось ни одному из русских князей.

Успеть это сделать раньше, чем Святослав двинется в Поле!..

И тогда!..

Вот, на мой взгляд, основные мотивы, подвигнувшие Игоря на его «безумно смелый» (по выражению Д.С. Лихачева) поход.

Вначале все складывалось для Игоря удачно, так же как весной 1184 года, когда он грабил половецкие кочевья. В пятницу он встречает какой-то перекочевывающий на летние пастбища род и уничтожает его.

«Победа» эта описана в «Слове». Русские воины «помчаша красны девки половецкие, злато и половокы и драгие оксамиты. Орьтмы и япончицы и всякымы узорочья начаша мосты мостити по болотамъ и грязевымъ местамъ». В качестве трофеев Игорю достаются красный стяг и белая хоругвь на серебряном древке.

Упоенный успехом Игорь, по словам летописца (Лаврентьевская летопись), ликует: «Братья наши ходили со Святославом великим князем и бились с ними (половцами), оглядываясь на стены Переяславля, а в землю их не смели итти. А мы в земле их, и самих убили, жен их полонили и дети у нас. А теперь пойдём на них за Дон и до конца изобьём их. Идём на них в лукоморье, где не ходили деды наши, и возьмём до конца свою славу и честь» (перевод).

А наутро – «изумешися князь»!.. Увидев, какая сила стала на его пути, Игорь не мог знать, что половцы, разбитые Святославом, способны оказать ему серьёзное сопротивление. И понятно изумление Игоря и последовавшие за разгромом плач и раскаянье.

Он по самонадеянности перешёл дорогу Святославу, погубил своё войско и идею великого князя.

Автор «Слова» знал все эти события и понимал их значение. Мотивы поступка Игоря были ему, скорее всего, ведомы. Простое сопоставление фактов обнажает их. Факты общеизвестны, доступны каждому исследователю. Но, к сожалению, они мало повлияли на оценку действий Игоря. Приписываются чувства и мысли ему не свойственные. Его вели не патриотические чувства, а непомерное честолюбие. Корыстолюбивый, вероломный, в воинском деле «несведомый», нечестный по отношению и к Руси, и к Полю – вот каким характеризуют Игоря его деяния, отражённые в летописях.

Потому идеологический разнобой «Слова» – два авторских отношения к Игорю – вызвали недоумение историка Л.Н. Гумилёва. **Не поняв значения исторического космоса «Слова», невозможно правильно прочесть поэму**.

Вот как громко и неточно толкуются мотивы «подвига» Игоря ведущим специалистом по «Слову» Д.С. Лихачёвым: «Совесть государственного деятеля, совесть князя – это то самое, что бросило и героя «Слова о полку Игореве» князя небольшого Новгород-Северского княжества Игоря Святославича в его безумно смелый поход. С небольшим русским войском Игорь пошёл навстречу верному поражению **во имя служения Русской земле**, побуждаемый к тому своей проснувшейся совестью одного из самых беспокойных и задиристых князей своего времени»[68].

[68] Слово о полку Игореве. Вступительная статья Д.С. Лихачева, Л., 1967, стр. 7.

Через 8 веков, зная печальный исход предприятия Игоря, мы можем назвать его поход подвигом «безумно смелым», потому что он явно шёл «навстречу верному поражению». И объяснить это самопожертвование высочайшими мотивами, привычными читателям XX века – «во имя служения Русской земле». Но Игорь-то всего этого не ведал, он шёл навстречу неминуемой победе, шёл во имя служения своим тщеславным замыслам.

Бездоказательны характеристики Д.С. Лихачёва – «прямодушный и честный Игорь».

Нет в источниках малейших свидетельств правоты столь лестных определений.

«Слово», например, устами Святослава Киевского называет войну Игоря попросту нечестной; «нечестно одолевше бо нечестно кровь погану пролиясте», т.е. нечестно вас одолели (во второй битве), ибо нечестно кровь язычников пролити (в первой битве).

Д.С. Лихачёв упорно переводит «нечестно» термином «бесславно», желая смягчить оценку Автора. Но «честь» и «слава» очень хорошо разграничиваются в понимании Автора. Он не путал эти слова.

Д.С. Лихачёв присваивает Игорю черты рыцаря-великомученика, принявшего истязания на алтаре русской свободы. «Высокое чувство воинской чести, раскаяние в своей прежней политике, преданность новой – общерусской, ненависть к своим бывшим союзникам (половцам) – свидетелям его позора – муки страдающего самолюбия – все это двигало им в походе»[69].

В этом звонком перечне не обозначено ни одно чувство, которое могло вести Игоря, даже ненависти к половцам у него, скорее всего, не было – 1) злоба и обида за обманутые надежды, 2) азарт охотника, узревшего слабого,

[69] Слово о полку Игореве. Вступительная статья Д.С. Лихачёва, Л., 1967, стр. 7.

3) изумление и страх – вот (поэтапно) гамма чувств, испытываемая Игорем в степи к своим бывшим союзникам. Д.С. Лихачёв в приведённом куске замещает причины следствием. Раскаивается в своей прежней политике Игорь не до похода, и не во время его, а после позорного поражения, когда стало ясно, что авантюристический план завоевания киевского стола рухнул и никаких надежд на княжескую карьеру у него не осталось.

Текст раскаяния этого, скорее всего, сочинён летописцем, ибо фигура раскаянья – необходимое звено в христианской диалектике образа грешника. Ведь и поражение на Каяле – это наказание божье. Всепрощение христианское распространяется и на Игоря.

Ипатьевская летопись подчёркивает календарно момент прозрения блудного сына: «Итак в день святого воскресенья навёл на нас господь гнев свой, вместо того чтобы даровать нам радость, заставил нас плакать, вместо веселья послал нам печаль на реке Каяле». Сказал тогда Игорь: «Вспомнил я грехи свои перед господом-богом моим, ибо много убийств, кровопролитий учинил я в земле христианской, не пощадил христиан, а взял приступом город Глебов у Переяславля. Немало зла приняли тогда невинные христиане: родителей разлучили с детьми их, брата с братом, друга с другом, жён с мужьями их, дочерей с матерями их, подругу с подругой её. Все были в смятении от плена и скорби. Живые мёртвым завидовали, а мёртвые радовались, что они, словно мученики святые, получили огнём испытание в сей глуши; старцы умерщвлялись, юноши получали лютые, жестокие раны, мужчин убивали и рассекали на части, а женщины терпели поругание. И все это совершил я, – сказал Игорь, – и вот вижу возмездие от господа бога моего...

Так воздал мне господь за беззаконие моё в гневе своём на меня... Но, владыка, господи боже мой! Не отвергни меня до конца» (перевод В.И. Стеллецкого).

Потом, в плену, наступила пора «мук страдающего самолюбия», и, оставив в полоне брата, сына и племянника, бежит он при помощи половца Овлура в Русь.

Нет, не жажда принять мученическую смерть за Русскую землю увела его так далеко от стен родимого города, не патриотический акт видится нам в его поступке, не раскаяние в своей прежней политике, не «преданность новой – общерусской».

«Страшный враг, ужас и проклятие Руси»[70] – не половцы даже, а скорее князья, подобные Игорю. Это они «несут розно русскую землю», кричат летописи. Это они приводят половцев или провоцируют их набеги. Ученые, оправдывая Игоря, ещё более усложняют обстановку, сложившуюся вокруг «Слова».

Характерно, что, живописуя образ благодетеля русской земли, Д.С. Лихачёв не привлекает для характеристики Игоря яркие исторические краски, содержащиеся в эпизоде самобичевания.

Процитирую себя: «*И в конце работы может выясниться, что икона-то висит на стенке неверно, и изображён на ней не бог Игорь, а живой человек с дьявольскими чертами*».

Астраханский губернатор Василий Никитич Татищев задумал написать «Историю Российскую с древнейших времен» по летописям. Он собственноручно переписал известные ему источники, в том числе и Ипатьевскую. Но переписывал не как копиист, а как редактор-соавтор. Его поправки к текстам Ипатьевской летописи отражают уровень исторической науки XVIII века, когда русский интеллигент почувствовал обиду за «подлое прошлое» народа. Он оценивает факты истории, «уточняя» и дополняя их по своему усмотрению.

[70] Лихачев Д.С., там же, стр.10.

Татищев так пополняет придуманными сведениями сообщения источников, что, сравнивая позже летописи и татищевский свод, историки увидели разительные расхождения и не нашли ничего другого, как предположить: Татищеву были известны более подробные списки летописей, которые исчезли после «употребления». Таким образом, Татищев признан копиистом, буквально переписавшим неизвестные источники, не изменив в них ни одной буквы.

Почему «татищевские летописи» приняты на веру без должного сомнения? Почему эта грандиозная подделка вошла в список наиболее авторитетных и серьёзных источников?

«Совершенно особый интерес представляют летописные данные собрания В.Н. Татищева, – пишет академик Б.А. Рыбаков. – В руках этого неутомимого историка побывало много рукописей, из которых часть в дальнейшем исчезла бесследно, и поэтому его «Историю Российскую» можно считать последним летописным сводом, сделанным с большой тщательностью и добросовестностью»[71].

Отсебятина Татищева легко выделяется при сравнении с текстами списков Ипатьевской летописи, например. Метод его переписки очевиден: он расширительно толкует краткие сообщения, «оскорбительные» места уравновешивает, домысливает картины, данные намёком, и т.д.

Например, Ипатьевская летопись информирует, что после тотального поражения Игоря спаслось 15 русских воинов и ещё меньше ковуев. («По наших Руси с 15 мужъ утекши, а ковуев мнее».)

Скупое предложение это Татищев переписывает так: «Токмо 215 человек Русских пробився сквозь половцов в последнее нападение пришли в Русь, а ковуев хотя и **много ушло**, но мало спаслось» (подчёркнуто мной – О.С.).

[71] Рыбаков Б.А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971, стр. 31.

По летописи, Святослав Всеволодич, узнав о случившемся, «вельми вздохнувъ утеръ слезъ своихъ и рече: о люба моя братья и сынове и муж земли Руское! Далъ ми бяше бог **притомити** поганыя, но не воздержавшие уности, отвориша ворота на Руськую землю». Татищев переписывает: «О любимые братья и воины Русские! Бог дал мне половцев **довольно победить и в страх привести**, но вы невоздержною младостию своею **посрамили все победы русские и ободрили боящихся нас нечестивых** и отворили им врата в Русскую землю».

Подчёркнутые мною слова появились в результате толкования летописного глагола «притомить». В этом заявлении Святослава, возможно, заключен замысел его похода весной 1184 года. Он встретил их на границе, ослабил, «опас» русскую землю. Татищев, императорский ставленник в колонии, управляющий боязливыми потомками тех незадачливых половцев, не смог сдержать пера своего и приписал Святославу слова для XII века преждевременные.

...Летопись не знает подлинного числа половцев, напавших после победы над северскими князьями на Русь. Лаврентьевская летопись: «Половцы же ...взяша все городы по Суле и у Переяславля бищася весь день».

Далее кратко описывается неудачная вылазка Владимира Глебовича. Его ранят тремя копьями, дружинники едва спасают князя и «вбегоша въ городъ и завторишася. А они (половцы) возвратишася со многыми полономъ въ веже».

Ипатьевская летопись подробнее. Из неё мы узнаем, что половцами у Переяславля руководил Кончак, что были посланы гонцы к Святославу и Рюрику и к Давыду за помощью. Давыд Смоленский отказался идти «искать битву». Но Святослав и Рюрик поспешили на выручку. Услышав об этом, половцы отступили от Переяславля и по пути в степь взяли город Римов. Захватили пленных и пошли восвояси. Летописец обобщает эти описания традиционной

присказкой: «Бог казнит нас нашествием язычников, чтобы мы опомнились и не шли по пути зла» (перевод).

Татищев разворачивает этот эпизод в целый эпос. Он по-своему объясняет отступление половцев от Переяславля. «На сем бою половцев весьма много побито, и принуждены они отступить от града за день езды, где ожидали к себе ещё войск».

Творчество Татищева особенно явственно проявляется в переписке одного слова, которого он не понял. В эпизоде осады и взятии Римова Ипатьевская летопись приводит любопытную подробность – обрушились две градницы (башни) с людьми («Летеста две городницы съ людми»). После этого на осаждённых «найде страх», и город пал.

Татищев понял «городнице» соответственно лексикону своего времени и переписал эту фразу так: «Два городничих, собрав людей, вышли из града...». Описаны подвиги этих городничих (хорошо, ещё не городовых!), и заканчивает: «Половцы возвратились в свои жилища не столько русских пленя, сколько своих потеряли».

Ипатьевская летопись (в переводе): «А другие половцы пошли по другой стороне Днепра к Путивлю. Это был Кзак с большими силами. Разорили они волость, сожгли села путивльские и внешнюю ограду Путивля и возвратились восвояси».

Татищев и это скромное сообщение хроники разворачивает в грандиозное полотно, где «Гзя, князь половецкий, Путивля не взял и «потерял много людей а паче знатных» и отступил поэтому. И послал в Посемье 5000 и «едва 100 их назад возвратилось, ибо 2000 побиты, а с 500 знатных и подлых пленено, сын же и зять князя Гзи побиты. Гзя о том уведав с великой злобой и горестью возвратился. Тако половцам (Кончаку и Кзаку) обоюдо равная «удача» была и один перед другим не мог нахвалиться разве большим потерянием своим».

С баснословными цифрами татищевскими и в других местах неблагополучно. Здесь 2000 половцев убито, 500 пленено, 100 возвратились, а где же остальные 1400? Пропали без вести.

Летописи ничего не говорят о сумме выкупа. Татищев предлагает свой «прейскурант»: за одного только князя Игоря половцы якобы запросили ни много ни мало 2000 гривен, т.е. около 4 центнеров чистого серебра. А за всех четырёх князей 5000 гривен, т.е. тонну серебра. Это половина годового дохода всей Руси, или годовой доход шести крупнейших княжеств. Не думаю, что эти гигантские цифры, если бы существовали, прошли мимо летописцев. Хоть в каком-нибудь источнике они отразились бы.

Татищев любит круглые цифры. Особенно 5000. Столько, по его мнению, на Каяле было пленено русских воинов. Столько же потерял один только Кзак на Посемьи. И если к этому прибавить его потери у Путивля и приплюсовать число половцев Кончака, погибших при осаде Переяславля и при сокрушительной вылазке римовских «городничих», то баланс явно в пользу Руси.

Этого вывода, пожалуй, и добивался Татищев при обработке Ипатьевской летописи. И эта работа, как мы уже читали у академика Б.А. Рыбакова, была выполнена «с большой тщательностью и добросовестностью».

Талант дописчика проявляется у Татищева по всему тексту. На протяжении своего рассказа он искусно формирует тот образ Игоря, который ему нужен. Татищев очень последователен в изложении сюжета, предложенного Ипатьевской летописью. Он не упускает ни одной исторической мелочи и даже добавляет свои толкования. Но одно место, большой кусок летописного текста, **опущен целиком**. Именно тот, который отрицательно характеризует «буйного» Игоря – **покаянный монолог** после битвы, где он сообщает о взятии им города Глебова, о жестокой

расправе, учиненной им над мирными жителями русского города.

Так первый историк императорской России делал историю. Он уже твёрдо знает, что нужно взять от источника, а что сокращать. Он первым делает из Игоря патриота, страдальца за родную землю и вот кончает свою «летопись» описанием возвращения Игоря из плена: «была в Новгороде и по всей северской земле радость неописанная. Радовалися же не мало и во всей русской земле, зане сей князь своего ради **постоянства и тихости** любим у всех был». (Подчёркнуто мною – О.С.)

Недоумение вызывает не история, а её прочтения. Несовместимость формул патриотизма Автора и Исследователя мешала последнему понять и правильно истолковать многие важные выражения «Слова», образы главных его героев и суть событий, лёгших в основу фабулы поэмы.

Понятия «**свой**» и «**чужой**» в XII веке ещё не столь прямолинейны, как, скажем, уже в XIV или в XVIII веке. Они лишены этнической окраски.

Даже монахи-летописцы называют своими не только русских, но и чёрных клобуков, берендеев, торков и ковуев.

Клички «поганый» удостаиваются враги независимо от их расовой и культурной принадлежности. Под этим именем фигурирует однажды и Игорь, напавший на Ростиславичей.

Русские XII века не могли быть расистами: слишком тесны были кровные, культурные и политические связи с тюрками. Русь срослась с Полем, и мы видели, в какую драму превращались попытки нарушить хотя бы политические, самые непрочные коммуникации.

Для удельного князя «своими» были те, кто в нужный момент оказывал ему поддержку (часто ими были и половцы); «чужими» – те, кто стоял на пути его захватов или покушался на его удел. (Чаще всего ими были русские князья.) До XIV века русские не вели общенародных, национальных

(с известной поправкой) войн. (Это обстоятельство важно учитывать при характеристике мировоззрения русского книжника той эпохи. Приличнее в данном случае термин – **феодальное сознание**, в отличие от поздних форм **национального** и **имперского**. Термин «Русь» в устах писателя XII века выражает понятие значительно более узкое, чем позже. Суздаль, Новгород, Рязань, Галицкие земли, Новгород-Северск, Полоцк, Чернигов и другие княжества не считаются Русью. Только владения Киева охватываются этим термином – традиция, идущая ещё с варяжских времен.)

«Русский» – в большинстве случаев обозначало «киевский».

Рязанцы нападают на «русские обозы», т.е. на киевские. Когда Игорь сообщает своим соратникам, что «русские князья пошли на половцев, а мы в это время покусимся без них на кочевья половецкие», то имеет в виду киевских князей.

Когда киевляне приглашают на престол очередного князя, они посылают ему сказать традиционную формулу «*хочет тебя вся русская земля и все чёрные клобуки*», т.е. все население Киева и войско.

Расширялись владения Киева, и расширялось значение термина «Русь», он переносится на все новые и новые земли, становясь обобщающим названием краёв, принявших власть Киева.

После уничтожения Киева Батыем термин «Русь» окончательно утрачивает свою привязанность к этому же несуществующему городу, и постепенно, благодаря книжникам, переписывающим киевскую литературу, становится именем всей территории, населённой восточными славянами.

С перенесением центра в Москву историческая Русь стала окраиной государства – Украиной.

...Если бы существовал в XII веке термин «русский патриот», то относился бы он, прежде всего, к патриоту Киевского

княжества. Такими были и киевские бояре, и чёрные клобуки (каракалпак), торки и берендеи.

Города, на которые после победы над Игорем сделали поход Кончак и Гзак, уже входят к тому времени в понятие «Русь».

Б.А. Рыбаков, которого трудно упрекнуть в малом знании источников, также обращает внимание на то, что и галицкие, и новгородские, и смоленские летописцы XII века (добавим: и киевские) под словом Русь понимают только южную. «Если из Новгорода или Суздаля едут в Киев, то это обозначается так, что едут в «Русь»; галицкие войска, противостоящие киевским, обозначены в летописи как воюющие с «русскими полками», Смоленск, Полоцк, Рязань – все они оказываются вне «Руси», так как под «Русью» часто понимают лишь южную Русь»[72].

Но вывод из этого наблюдения Б.А. Рыбаков делает, на мой взгляд, неточный. Он считает, что такая традиция – «воскрешение старого, архаичного, ограниченного понимания Руси»[73].

«Зачем летописцам понадобилось воскрешать устаревший взгляд на Русскую землю, ...умалив, урезав значение слов Русская земля?»

И отвечает, что этим летописцы, вероятно, хотели подчеркнуть независимость своих городов от Киева.

Вывод недостаточно обоснован хотя бы потому, что и **киевские летописцы** следуют этой традиции. Видимо, не для того, чтобы сделать очевидной независимость Киева от Рязани.

Мне кажется, будет правильней считать, что географически расширенный смысл «Русь» получила не раньше XII века, а значительно позже. И этот взгляд не противоречит диалектике развития русского государства.

[72] Рыбаков Б.А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971, стр.158.
[73] Там же.

ГАЛИЦА ИЛИ СОКОЛ?

Важным диагностическим признаком, помогающим отличить авторский текст «Слово о полку Игореве» от плодов творчества Переписчика, является, на мой взгляд, наличие в тексте двух отношений к Игорю и его воинству.

Одно, более негативное, идёт, вероятно, от протографа, другое – неприкрыто восторженное и жалостливое – принадлежит Переписчику.

Для последнего главным, определяющим моральную основу «подвига» Игоря, становится следующий очевидный факт – русский князь воюет с погаными и терпит от них обидное поражение. Переписчик – больший патриот (в современном понимании), чем Автор, и это сказалось при переписке.

От авторского отношения к Игорю остаются лишь намёки – те места, идеологическое содержание коих Переписчик не понял глубоко и потому оставил в тексте нетронутыми.

В качестве главного мотива, побудившего Игоря пойти покорять степь, Автор выдвигает стремление добыть славу великого полководца для достижения киевского престола. Но высказывает эту мысль не прямо, а облекая прозрачной тканью поэтической аллегории. Эти метафоры не поняты Переписчиком, поэтому сохранились и вносят смятение в умы современных исследователей.

Как правило, негативная оценка вкладывается в уста героев «Слова» – мифического певца XI века Бояна и князя Святослава. Боян выражается поэтически сложно, Святослав – резко и прямо, как и подобает великому князю киевскому.

Он так оплакивает своих братьев: «О моя сыновчя Игорю и Всеволоде! **Рано еста начала** Половецкую землю мечи цвелити, а **себе славы искати**. Нъ **нечестно** одолесте, **нечестно** бо кровь поганую пролиясте ... рекосте: мужаимеся

сами, **преднюю славу** сами похитимъ, а **заднюю** ся сами поделимъ». (Подчеркнуто мной – О.С.).

Тема славы проходит через все «Слово». Всеволод так характеризует своих воинов: «скачуть акы серые волцы в поле, ищущи себе чти, а князю славы».

Слава в те времена понятие не столь эфемерное. Она означает – власть.

Лаврентьевская летопись под 1185 годом также вполне определённо называет мотив: «Задумаша Олгови внуци на Половци... Сами пойдоша особе, рекуше: «мы есмы ци не князи же? Такы же собе хвалы добудем».

Памятуя сказанное, приступим к анализу одного из самых «тёмных» мест «Слова», вызвавшего удивительные толкования. Автор задаёт себе вопрос – как бы мудрый Боян воспел поход Игоря? И предполагает варианты зачина боянновой песни:

Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая –
Галици стады бежать къ Дону великому.

Или «вспел» бы мудрый Боян так:

Комони ржуть за Сулою –
звенить слава въ Киеве.

Отношение Автора к тактике Игоря выражено поэтически откровенно в первом варианте боянова запева.

Нет не соколов буря несёт через поля широкие, –
то галочьи стаи стремятся к Дону великому.

Оглушительное сравнение игорева воинства не с соколами (как было принято), а с галками – ярче многих описаний характеризует рыцарское отношение Автора к проблеме «свои» и «чужие».

И, действительно, Игорь не как сокол летит на израненную от ударов Святослава степь, а как галица на падаль. Так «летал» он на беззащитные кочевья весной 1184 года. Репетировал – по выражению Б.А. Рыбакова.

Автор не решился сам, в авторской речи, так повернуть традиционный, былинный параллелизм, и вручает поэтический меч придуманному Бояну, который без опаски, широко и свободно сечёт «своих».

В данном случае Игорь – не свой, он соперник и враг Святослава Киевского, и хотя совершает на первый взгляд богоугодное дело, но делает его **нечестно** по отношению и к Святославу, и к Руси, и к половцам. Поэтому он не сокол, а птица, питающаяся падалью.

В прочтении этих двух метафор и проявилась со всей очевидностью разность прямолинейного, **общего** взгляда исследователей и **конкретный** сложный феномен авторского отношения к описываемым событиям. Для исследователей к Игорю применимо традиционное фольклорное – Сокол. А галицы – это, естественно, половцы. И Автор, несомненно, именно такое противопоставление имел в виду, потому что он тоже – свой.

Все толкователи, без единого исключения, приняли желаемое за действительное. «Соколы – русские, галки – половцы», – выражает общее мнение Д.С. Лихачёв[74]. И это несмотря на вопиющее противоречие литературного характера, возникающее при таком прочтении. Смысловой перевод в таком случае выглядит нелепо:

Не буря русских воинов несёт через поля широкие –
то половцы стремятся к Дону Великому.

[74] Слово о полку Игореве. М.-Л., 1961, Комментарий и перевод Д.С. Лихачёва, стр. 197.

Как будто не Игорь собирался «*приломить копья конец поля половецкого испить шеломом Дону*», и не воинов своих призывал: «*а всядем, братья, на своих борзых комоней да позрим синего Дону*», и не Игорю «*спалила ум похоть – искусить Дону Великого*».

К каким результатам приводит науку принцип субъективистского подхода к источнику – заметно на этом примере. Вопрос: принимать факт литературный таким, каким он был, или должен был быть? – как видим, все ещё актуален.

...Лишь писатель А. Югов почувствовал противоречие в толковании отрицательного параллелизма и предложил считать его положительным: и соколы – русские, и галицы – русские, но «галицы» – это вовсе не птицы, а галичские полки, которые идут вместе с Игорем. И не метафора это вовсе, а реалистическая деталь, не замеченная исследователями. Перевод его поразителен:

Не буря соколов занесла
через поля широкие –
галицкое войско несётся
к Дону Великому[75].

Главное достигнуто, соколы остались за Игорем. Но, начав превращать стаи галок в полки галичан, надо продолжать. И А. Югов продолжает. Пейзажное описание «Слова»:

Длъго ночь меркнеть,
Заря – светъ запала,
Мъгла поля покрыла,
Щекоть славий успе,
Говоръ галичь убуди.

И, разрушая один из самых прекрасных пейзажей европейской средневековой литературы, заслуженный поэт

[75] Слово о полку Игореве. М., 1945. Перевод и комментарий А.Югова, стр. 53.

и прозаик А. Югов глухо и бессмысленно переводит последнюю строку:

Говор галичан умолк[76]

Не говоря уже о том, что «*убуди*» это форма глагола убудить, т.е. пробудить в противоположность «*успе*» – уснуть.

Не говоря уже о том, что ни один поэт древний и современный не решился бы в этот эпически обобщённый ряд помещать реальных галичан или псковичей. Закон былинного параллелизма: рядом с птицей – птица, рядом со светом – мгла (сокол-галка, соловей-галка).

Но в третий раз, встретив галиц в «Слове», А. Югов столь же решительно оставляет их в покое.

«Нъ часто врани граяхуть трупиа себе деляче, а галици свою речь говоряхуть – хотят полететь не уедие».

И здесь галица рядом с птицей (вороном), но в соседстве столь неприличном, что Переводчику показалось выгодней поверить в правду текста. Воистину, «непоследовательность – моя сила».

Не поняв первого зачина, не поняли и второй. Чьи комони ржут за Сулою? Естественно, половецкие, полагают многие. Ведь Сула – пограничная река. За Сулой степь. И опять обратимся к пояснению акад. Д.С. Лихачёва: «Половецкое войско было конным. Приближение конного войска степняков поражало обычно скрипом телег и ржанием коней. Сула (левый приток Днепра) была наиболее близкой и опасной к Киеву границей Половецкой степи. В целом фраза эта, в которой передаётся поэтическая манера Бояна прославлять победы русского оружия, может означать следующее: «только враги подошли к границам Руси, как слава русской победы над ними уже звенит в Киеве[77].

[76] Там же, стр.59.

[77] Слово о полку Игореве. М.-Л., 1961, стр. 197.

Но ведь Автор описывает здесь обратное движение – в конце апреля 1185 года не половцы идут к границам Руси, а войска Игоря отправляются «за Сулу».

Прочтение, подобное вышеприведенному, возможно, если рассматривать метафору вне событийного и литературного контекста поэмы.

Правильней, на мой взгляд, прочли В.И. Стеллецкий и О.В. Творогов.

«Комони (русских) ржутъ за Сулою – звенитъ слава (этих побед) въ Кыеве»[78].

Но и они не связывают эту образную картину с походом Игоря, предполагая, что «здесь содержится намёк на победоносный поход коалиции русских князей против половцев в 1184 году»[79].

В этой метафоре, по-моему, выражено отношение Автора к **стратегии** Игорева похода, к честолюбивым замыслам северского князя, отправившегося «поискать славу». Путь к киевскому столу для него теперь лежит через Поле. Если комони его пойдут за Сулу, то победа его эхом отзовётся в сердцах держателей престола – киевской знати, политическая программа которой Игорю известна. Окончательный разгром половецкой державы может стать решающим аргументом в споре за титул великого князя.

Какая буря, какая необходимость острейшая понесла Игоря в поля широкие? Буря непомерного честолюбия, алчба легкой наживы – добыть славу, потоптав лежачего...

В этих двух «эпиграфах» – авторская расшифровка замысла Игоря, отношение Автора к походу (к тактике и стратегии северского князя), его политические взгляды.

Я пока не говорю о художественном блеске кристаллических фраз этих – любой поэт позавидует такому умению

[78] Слово о полку Игореве. Л., 1967, стр. 478

[79] Слово о полку Игореве. М., 1967, стр. 129

малым выразить многое – я хочу указать на то громадное расстояние, историческое, идеологическое и нравственное, которое пропастью пролегло между современным читателем и этими прозрачнейшими (лексически и грамматически) словосочетаниями, которые в ученом прочтении превратились в «тёмные» места «Слова».

Одни эти кощунственные, обескураживающие галицы могут достойно представлять подлинную древность памятника, ибо ни один писатель России XVIII века не допустил бы такого высокого моветона по адресу доблестных предков. На частном, древнерусском материале Автор попытался коснуться нравственной проблемы общечеловеческой значимости – «**свой неправ**».

Практика мировой литературы сохраняет считанные примеры подобного откровения. А возможно оно лишь по отношению к **современникам** Автора. Фальсификатор же, сочиняя лжеисторическую повесть, даже возвышаясь над уровнем науки и литературы XVIII века, не мог бы угадать подлинные намерения Игоря и уподобить его воинов стаям галиц, слетающихся на падаль.

Первое время читателей «Слова» шокировало и то, что воины Всеволода «скачутъ аки серые волци в поле».

Ни в одном памятнике после «Слова» христианин не уподобляется серому. (Это положительный образ идёт со времен дохристианских культов. В тюркской и монгольской фольклорных традициях волк – образ мужества. Сравнения с волком удостаиваются не многие герои. Волк – один из авторитетнейших тотемов степного культа. В некоторых генеалогических легендах тюрки и монголы ведут своё происхождение от волка. Вспомните и древнерусский культ волка.)

Характерна реакция «Задонщины».

С соколами сравниваются только русские воины, а татары – это волки, вороны, гуси-лебеди (тоже, кстати, отрицательный образ в былинной традиции).

А рассмотренный отрывок передан в «Задонщине» так:

Ци буря соколи занесет
из земли Залеския
в поле Половецкое:
на Москве кони ржут,
звенит слава по всей земле
Русской...

Автором «пересказа» использована форма метафор «Слова», содержание (ни литературное, ни историческое) не было понято.

И в дальнейшем сложная диалектика идейного содержания памятника ординарным прочтением упрощена и сведена к прямолинейному стереотипу – призыв объединиться перед лицом варварской степи. Используя этот вывод как универсальную отмычку, иные толкователи пытаются взломать железные врата, ведущие в мир честного «Слова».

БЫЛА ЛИ ДЕВА?

«Уже бо, братие, невеселая година въстала, уже пустыни силу прикрыла. Въстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука, вступилъ девою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы на синемъ море у Дона, плещучи убуди жирня времена».

Перевод Мусина-Пушкина:

«Невесёлая уже, братцы, пора пришла: пала въ пустыне сила многая, возъстала обида Даждь-Божымъ внукамъ. Она, вступивъ девою на землю Троянову, восплескала крылами лебедиными на Синемъ море у Дону, купаючись, разбудила времена тяжкие».

Так из-за неверной разбивки родилась ещё одна поэтическая красивость – образ Девы-Обиды, не свойственный славянской мифологии. Последующие поколения переводчиков согласились с таким членением и внесли только две грамматические поправки: «вступила», вместо «вступилъ», и «убуди» – распугала вместо «убуди» – возбудила.

С девами в «Слове» вообще много мороки, а здесь ещё одна. Да какая! «Дева-Обида – это всенародное бедствие, которое неотвратимой волной нахлынуло на всю страну, – комментирует М.В. Щепкина, – олицетворение это поражает не только силой, но и красотой, которая ставит его наравне с таким замечательным памятником античной скульптуры, как Самофракийская Ника»[80].

П.П. Вяземский был уверен, что Троян – это царь Трои – Пергама и под Девой-Обидой Автор «Слова» подразумевает саму Елену Прекрасную.

Литература по этому отрывку накопилась громадная. Общие усилия увенчались следующим прочтением: «Уже, братья, невесёлое время наступило, уже пустыня силу русскую прикрыла. Встала Обида в войсках Дажь-Божа внука (то есть русских), вступила она Девою на землю Трояновую (то есть русскую землю), всплескала лебедиными крыльями на синем море у Дона и плещущи распугала счастливы времена».

Такое понимание принято во всех последних изданиях «Слова».

Смысл текста запутан окончательно.

Я проверяю разбивку Мусина-Пушкина. Вреда большого для наших знаний о памятнике, думаю, не будет, если подвергнуть сомнению одну буквенную комбинацию Мусина-Пушкина. Зато мы избавляемся от необходимости вносить грамматические поправки. Думаю, что и Переписчик-16

[80] Щепкина М.В. К вопросу о неясных местах «Слова о полку Игореве». В сборнике статей под ред.Адриановой-Перетц. М.-Л., 1950, стр. 194.

это место читал по-иному. (Соответственно с разбивкой изменена нами и пунктуация.) «Уже бо, братие, невеселая година въстала; уже пустыни силу прикрыла. Въстала обида в силахъ Дажь-Божа внука: «вступилъ, де, вою на землю Трояню», въсплескала лебедиными крылы на синемъ море у Дона; плещучи убуди жирня времена».

Этой разбивкой «*девою*» – «*де, вою*» оправдан мужской род глагола «вступилъ», ибо относится глагол не к «обиде», а к Игорю, который вступил войной на землю Трояню.

Дажь-Божий внук обижается на Игоря. Это его обида всплескала крыльями у Дона, т.е. там, куда пришёл Игорь войною. Эта его обида возбудила времена «жирные». Автор как бы становится над схваткой (употребим современную формулу) и, пытаясь сохранить объективность, объясняет причину ответного нападения половцев на Русь. Он выражает этот мотив словами обиженного Игорем Дажь-Божья внука, «вступилъ, де, вою», и не кажется противоестественным, что использован в этом контексте термин из половецкого словаря.

...Опять мы, кажется, встречаемся со случаем превращения сочетания «**къ**» в «**я**» (тюркское «**жирикъ**» – разрыв, в переносном смысле «раздор» (каз.). Происхождение его прозрачно: жирт – разорви; жира – место разрыва; жирикъ – разрыв, раскол, раздор.

В рукописях часто путаются «и» и «н» из-за графической схожести. Палеографы могли бы найти много примеров буквенного чередования къ/я, особенно в написаниях лексем, смысл которых переписчикам не был ведом.

В правильности догадки убеждают меня следующие за «жирными временами» строки, смысл которых настолько прозрачен, что искажение его почти невозможно, хотя Переводчики и доказывают обратное.

«Усобица Княземъ на поганыя – погыбе, рекоста бо братъ брату: «се – мое, а то – мое же» и начаша Князи про малое «се – великое» млъвити, а сами на себе крамолу ковати».

Перевод: «Войны князей с половцами – погибель, говорит брат брату: «это – моё, а то – моё же» и начали князья про мелочь говорить «это – великое», а тем самым навлекают на себя беду». Здесь обвиняемая сторона – князья. Они покушаются на чужое под видом защиты своего. Мелкие князьки, воспаляясь честолюбием, мнят себя великими. Они провоцируют половцев на ответные удары: «А погании съ всехъ странъ прихождаху съ победами на земли Русскую». Иронией и печалью проникнуты обобщающие слова куска:

«О, далече зайде соколъ, птицъ бья – къ морю. А Игорева храбраго плъку не кресити».

Автор продолжает разоблачать былинный стереотип: «сокол» звучит здесь как бы в кавычках.

Сокол, защищающий своё гнездо, – вот положительный образ князя. Таким предстаёт матёрый, перелинявший сокол – Святослав Киевский, который «не даст гнезда своего в обиду». Сокол же, который летит к морю «бить птиц», вызывает у Автора осуждение, ибо такая княжеская «охота» приводит к гибели простых людей, сочувствием к которым пронизана поэма.

Половцы приходили на Русь, как правило, по приглашению самих князей.

Весной 1184 года навёл Кончака на Киев, по всей видимости, Игорь. Бессмысленное стояние Кончака на пограничной Суле с огромным войском, оснащённым самым современным оружием «огнестрелами», ничем не объяснимо, кроме как одним – Кончак **ждал** начала выступления северских князей и черниговского Ярослава. Не случайно Святослав тут же посылает людей к Игорю и Ярославу. Те поддаются уговорам, отказываются от своих прежних намерений, но и не принимают предложения Святослава двинуть свои войска на Кончака. А тот, пока происходят переговоры Ольговичей, терпеливо ждёт за Сулой сигнала своих союзников.

У Кончака никогда не было такой громадной армии. Использовав фактор внезапности, он бы мог самостоятельно взять Киев, если бы имел такую задачу. А он стоит, не переходя границу.

Святослав «обзванивает» князей, собирает силы. Именно он, как ни парадоксально это звучит, использует фактор внезапности. Его конница – берендеи и чёрные клобуки – тайно перешла Сулу и нанесла неожиданный удар по расположению Кончака.

Игорь и Ярослав предали своего союзника, поставив его, прямо скажем, в неловкое положение.

И через неделю «сват» Игорь вероломно нападает с ковуями Ярослава на мирные кочевья Кончака, оставленные «без присмотру».

И встала обида в силах половцев, и пробудила времена раздора. Под временами «жирик», видимо, понимались первые годы соседства, когда половцы, вытеснив печенегов, приходили в неизбежные столкновения с Русью.

И теперь захватническая политика удельных князей, распространившаяся на «земли Трояна», привела к тому, что нарушились «сватовские», «братские» отношения со Степью. Впервые за много лет (за весь XII век) половцы «без приглашения» нападают на Русь. Причина этому, утверждает Автор «Слова о полку Игореве», – обида.

Почему обида половецкая машет лебедиными крыльями?

Гуси и лебеди – отрицательные образы древнерусского фольклора и письменности. Если русских в поэзии обозначают – соколы, то степняков – гуси и лебеди. В «Задонщине»: «Когда гуси возгоготаша на речкы на Мечи, лебеди крилы въсплескаша. Ни гуси возгоготаша, но поганый Мамай на Русскую землю пришел, а выводы своя привел». (Список И-1). «Уже бо те соколы и кречеты за Дон борзо перелетели и ударили о многие стада лебединые. То ти наехали руские князи на силу татарскую» (У).

Автор «Слова», как мы видели, покушается в иных местах на одномерность сравнения князь – сокол. Однажды он даже позволяет Бояну наречь северских князей не соколами, а галицами. Параллель же половцы – лебеди у него не вызывает возражения. Все, что имеет какое-то отношение к половцам, часто несёт в поэме чёткий знак лебедя. Удивительные образы рождены поэтом в разработке лебединой темы! Даже телеги половецкие «кричат» у него словно «лебеди распуганные». Такое пронзительное одушевление трудно встретить и в современной, более изощрённой поэзии.

Ночами в панике бегут кочевые аулы от войск Игоря, жалкий скарб на колымагу, детей – в короб, кнутом – по чалому и – «Кричат телеги в полуночи как лебеди распуганные».

Чтобы описать в нескольких словах бегство суздальских крестьян, Автор нашёл бы другое сравнение скрипу несмазанных колёс, и тогда, возможно, кричали бы телеги как кречеты...

Мне кажется, не последнюю роль в рождении этого уподобления сыграл тюркский этноним – «казак». В народной этимологии он и поныне разлагается на «каз ак» – гусь белый, т.е. Лебедь[81].

Благодаря такому пониманию народного имени Лебедь и Гусь стали своеобразными поэтическими тотемами казахов. Народ Белый Гусей обожествлял этих птиц. Убить гуся или лебедя считается великим грехом и поныне.

Исследователь эстетических взглядов древних казахов не обойдёт вниманием Белого Гуся: люди многое брали от своих тотемов. Эти пернатые стали одушевлёнными идеалами красоты.

Европейского слушателя, привыкшего к другой системе поэтических уподоблений, могут шокировать, например,

[81] Во всех тюркских языках «каз» – гусь, «ак» – белый.

такие строки из эпоса «Ер-Таргын», где дочь Акша-хана находит лучшее для себя сравнение:

Атам менен апамнын асыранды қазы едім.
(У отца с матерью я росла, как ручная гусыня.)

В одной книге мне довелось прочесть комментарий к этим строкам, комментарий, иллюстрирующий метод вульгарно-социологического подхода к поэзии: «Сравнение Ак-Жунус с домашним гусем, надо полагать, не случайно. (!) По-видимому, она была дочерью крымского хана, который жил оседло и разводил домашних гусей»[82].

Экономическими причинами едва ли можно объяснить обилие гусей в казахской народной поэзии.

Әуеде ұшып жүрген қаз баласы...
(Гусенок, летающий в небе) – поёт казах о любимой.

Он сравнивает её шею с гусиной («каз мойын»), её руки с крыльями гусиными («каз канат»), её голос с гусиным («каз даусты»). Красноречие почиталось главным из искусств. («Өнер алды – қызыл тіл», т.е. «начало всех искусств – красная речь».) Лучшим ораторам степным присваивалось звание – қаздауысты (гусиноголосый).

Какой казах не знает великого оратора древности Каздауысты Казбека? Нет, не потому, что казахи содержали птицефермы, они воспевали гусей и подражали им, а потому, наверное, что нашли Белого Гуся в своём имени. Для древнего это значило, что Белый Гусь – его предок. Культ предков лежит в основе степных религий.

...Каждый народ пытается осмыслить своё наименование. Он осваивает его, подгоняя, если возможно, форму этнонима к знакомой лексике. «Казак» толкуется слишком

[82] Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов. Алма-Ата, 1971, стр.209.

легко, и это подозрительно. Но нас сейчас интересует даже не праформа этнонима, а то, как давно он стал пониматься – Гусь Белый.

Мне кажется, славяне знали термин в этом смысле ещё до эпохи «Слова». Если значение этнонима, хотя бы приблизительное, было известно, они калькировали его. Так каракалпак (чёрный колпак) стал весьма популярным чёрным клобуком.

Думаю, та же судьба постигла и «казакъ». Но кальке «лебедь» трудно было существовать в качестве самостоятельного этнонима в официальных русских летописях.

В поэтическом же языке «лебедь» остался как один из основных былинных образов степняка.

Именно осознав степняков в этом символе, сказители X–XI веков могли найти поэтический противообраз, лестный для своих богатырей. В природе нет гусю-лебедю страшнее врага, чем стремительная хищная птица – сокол. Поэтическому рождению своему Сокол, возможно, обязан Гусю-Лебедю.

...Русская обида не могла бить лебедиными крыльями. Крылами соколиными – да. Законы былинной поэтики.

На Алтае в местах кочевий рода куман есть несколько рек под названием Куманды (т.е. Куманская). Русские старожилы Алтая называют эти реки Лебедиными, а тюркоязычных насельников этих мест – лебединцами. Вероятно, термин «Куман» этимологизировался как «Ку-ман». Ку – во многих тюркских языках обозначает лебедя. Ман – участвует в сложных лексемах южнотюркских языков в значении «человек». (Сравните: туркман = тюркский человек и др.) Скорее всего, формант заимствован из индоевропейских языков.

Возможно, описательный термин «казак» и привёл к появлению этнонима «куман», который стал одним из самоназваний племён, входящих в кипчакскую федерацию.

Византийцы знали половцев под этим именем. Да и русские летописцы подчас проводили знак равенства между этими этнонимами – «кумане рекше половцы».

Таким образом, метафора «половцы – гуси-лебеди», мне кажется, не случайна. Русские знали народный перевод самоназваний «казак» и «куман».

Почему степняки названы потомками Даждь-бога? В «Слове» это имя упоминается ещё раз: «Тогда при Олге Гориславличи сеяшется и растяшеть усобицами погибашеть жизнь Даждь-Божа внука. Въ княжихъ крамолахъ веци человекомъ скратишась».

Автор расследует историю усобиц Руси с половцами. Не случайно упоминается Олег Святославич, названный весьма прозрачно «Гориславличем». Дед Игоря и Всеволода, он одним из первых стал привлекать половцев. Благодаря женитьбе на половчанке он приобретает право родственника на защиту и, искусно пользуясь этим, получает княжение в Тмуторокани, а потом захватывает Чернигов: «**Се – мое, а то мое же**».

В этих битвах Олега за престолы гибли и его союзники, половцы – Даждь-божьи внуки.

Кто же такой Даждь-бог? В летописи под 1114 годом в выписке из византийской хроники Малалы рассказывается о верованиях египтян, которые чтили сына Сварога «именем Солнце, его же наричють Даждь-бог». Книжники по христианской традиции производили славян от Яфета, сына Ноева, а степные народы – от остальных сыновей благословенного праотца – Сима и Хама. От последнего произошли, по христианской генеалогии, и египтяне. Таким образом, по мысли книжника, если египтяне поклонялись некогда Даждь-богу, то и половцы имеют в корнях отношение к оному. Способствовать этой догадке книжника могло и «официальное» мусульманское название южнорусских степей «Дашт-и-кипчак» (т.е. страна кипчаков). И половцы,

и русские не понимали слова «Дашти». Книжники соотнесли его с именем египетского бога Даждь и увидели близость. Таким образом, жители Дашт-и-кипчака могли превратиться в потомков Даждь-бога.

...Монах, переписывавший Псковский Апостол в 1307 году, использовал формулировку из «Слова» в таком виде: «гыняша жизнь наша, в княжьих крамолах веди скоротишася человеком».

Непонятное «Даждь-божии внуки» заменил местоимением «наша». Содержание отрывка «Слова», на первый взгляд, подсказывает именно такое решение. Опираясь на «перевод» Апостола, исследователи укрепились во мнении, что Автор подразумевал под Даждь-божими внуками – русских. Хотя, повторяю, значение этого недвусмысленного оборота прочитывается в самом «Слове» без помощи достаточно подозрительной вставки в список Апостола.

Названа главная причина обиды половецкой: «вступил, де, войною на землю Троянью».

Кто он, злополучный Троян? Он упоминается в «Слове» четырежды.

БЫЛ ЛИ ТРОЯН?

Большинство исследователей под именем Трояна увидели римского императора Траяна (98–117 гг. н. э.). Лишь П.П. Вяземский был уверен, что Троян – это, скорее всего, царь гомеровской Трои.

Автор «Слова», должно быть, был человеком весьма начитанным в древнеримских хрониках и «Илиаде».

Наивные лингвистические упражнения комментаторов «Слова» базировались на знании имён и фактов, ставших доступными благодаря развитию европейской историографии в XVIII–XIX веках.

В ту эпоху на младенческой почве исторического знания появилось множество искусственных всходов. Факты мирового прошлого спешно пересаживались на славянскую почву, дабы дорисовать парящую в умах картину общеевропейской древности. Созвучности имён урартских царей Рус I и Рус II с великим этнонимом ещё не так давно казалось достаточно, чтобы объявить правителей допотопного государства русскими.

Но в ситуации, сложившейся в научной мысли XIX века, таким мелочам зачастую не придавали значения. Казалось естественным, что древнерусский книжник запросто знал научную историю Рима. Но бог его ведает, почему он упоминает четырежды имя заурядного императора Траяна, и притом в необычных поэтических обстоятельствах.

«На седьмомъ веце Трояна връже Всеслав жребий о девице себе любу» – что сие означает? Наверное, на седьмом веке от Трояна. Высчитываем – 2 + 7 = 9 век по христианскому летоисчислению. Но Всеслав жил и творил жребии в XI веке, по тому же календарю.

Были вечи Трояни, *(II век)*
минула лета Ярославля, (XI век)
были плъци Олговы,
Ольга Святъславличя (XI век).

Века Трояна, скорее всего, были расположены не столь далеко от лет Ярослава и походов Олега.

Боян жил в XI веке. И, мысленно обращаясь к нему, Автор восклицает: «О, Боян, соловей старого времени!» (XI век для поэта – уже «старое время»). «Если бы ты воспел нынешние походы ...стремясь в **тропу Троянью** через поля на горы, то пел бы ты такую песнь Игорю, того внуку (т.е. внуку Олега): не буря соколов несёт через поля широкие, то галочьи стаи летят к Дону великому». (Перевод.)

Тропа Троянья действительно функционирует в XII веке, Бояну предлагается воображением пройти этот путь, путь, по которому идут полки Игоревы к Дону. Где-то там и расположены земли Трояньи.

Ключ к пониманию термина Троян, по-моему, хранится в этом куске.

В копии, сделанной для Екатерины, на месте «Трояна» значится написание «Зоян».

Предположили, что писец перепутал лигатуру «тр» и букву «з». В смелой догадке этой есть рациональное зерно, которое, к сожалению, не развилось в побег. Если бы и далее пошли по сему пути, возможно, встал бы вопрос: если Троян необъясним ни историческими, ни литературными, ни культурными причинами, почему не испытать путь палеографического исследования?

...Из соображений экономии дорогого писчего материала книгописцы отказались от интервалов между словами в строке и, более того, стали сокращать в некоторых случаях наиболее употребительные слова, смысл которых был бы ясен читателю и в аббревиатурах. Часто, дабы избежать переноса, сокращали термин, оказавшийся в конце строки. Твёрдых правил аббревиатур не существовало. Если можно вывести хоть какую-то закономерность из способов сокращения церковных терминов (хс – Христос, стая бца – святая богородица и пр.), то светские термины, в особенности имена, сокращались авторами произвольно.

Историк всегда пишет для современников: такова природа психологии любого творчества.

Проходит время, термин уже не столь популярен, читатель изменяется, он не знает многого из того, что необходимо для правильной расшифровки аббревиатуры, а она – неузнана.

В происхождении «Трояна», мне думается, виновны Переписчик-16 и Мусин-Пушкин.

Предлагаю к обсуждению следующую версию:

1. «Троян» – аббревиатура.
2. В списке XVI века она была под титлом троян .
3. Титло было неясным, и писец екатерининской копии принял его за надстрочную букву s (зело), так как описки в рукописях иногда поправлялись надстрочной буквой, причём ошибочное написание не зачёркивалось. Писец Екатерины вносит правку в строку и получает – «Зоян».
4. Мусин-Пушкин – человек образованный. Комбинация «Троян» ему кажется вполне благозвучной. Он легко вызывает исторические ассоциации. И он игнорирует надстрочный знак. Может быть, и угадал в нем титло, но вполне целое «Троян», по его мнению, не могло быть аббревиатурой: в сокращениях чаще всего страдают гласные, а здесь вокал достаточно полный. И, навечно утверждая своё толкование этого написания, он вносит в список имя «Троян» без титла.

...Я думаю, сокращению подверглось слово «Тьмутороканъ». Каждый раз, когда оно оказывалось в конце строки, оно принимает у Автора вид трокънь.

Переписчик XVI века, встречая «КЪ» в непонятном слове (как уже говорилось), получает «Я».

Предполагаю, что Тьмутороканъ упоминалась в «Слове» не три раза, а все семь.

1. «И тебе тьмутороканьский блъван».
2. «Рища в тропу трокъню» (Трояню).
3. «Были вещи трокъни» (Трояни).
4. «На землю тркъню» (Трояню).
5. «На седьмом вече трокъни» (Трояни).
6. «Дорискаша до кур Тьмутороканя».
7. «Въ граде Тьмуторокане».

Это название города-княжества, которым в XI веке управлял дед Игоря Олег-когань.

Лаврентьевская летопись называет одной из главных целей Игорева похода – «поискати града Тьмутороканя».

Официальная версия – Ольговичи хотят вернуть потерянную вотчину. Конечный пункт их похода – «торпа[83] Тмутороканa».

Скажем, что меняется от замены «тропа» на «торпа»? А. Мазон много внимания уделил некоторым лексическим особенностям памятника, свидетельствующим, с его точки зрения, о неумении фальсификатора подделаться под старый язык и изобличающим его в ложных архаизмах.

Слово «тропа», как указывает А. Мазон, по памятникам не засвидетельствовано ранее XVI века. Следовательно, в оригинале, если бы он действительно создавался в XII веке, «тропы» не могло быть. На эту претензию отвечает Н.К. Гудзий: «Далеко не все слова живого русского языка нашли себе отражение в древнерусских письменных памятниках (а в «Слове» присутствие в большей мере живой, не книжной речи несомненно)[84].

Но в этом конкретном случае я согласен с А. Мазоном. «Тропы», по-видимому, не было в оригинале «Слова». Она появилась под пером Переписчика XVI века в результате ложной этимологизации формы «торпа» подлинника. В одном случае «торпа» освоена Переписчиком в виде близкого «тропа», а во втором – автором употреблён русский синоним «земля».

Итак, предлагается новое смысловое прочтение: «Встала обида в войсках **половецких**: «вступил **де, войною на** землю **Тьмутороканью**», всплескала **лебедиными крыльями** на синем море у Дона; плещущи, **разбудила** времена **раздоров**».

[83] «Торпа» – земля (тюрк.). Эта форма сохраняется в западнотюркском ареале.

[84] Гудзий Н.К. По поводу ревизии подлинности «Слова о полку Игореве». В кн.: «Слово о полку Игореве» – памятник XII века. М.-Л., 1961, стр. 112.

НЕ ПО ЗАМЫШЛЕНИЮ БОЯНА

Игорь бежит из плена.

...не сороки втроскоташа – на следу Игореве
ездить Гзакъ съ Кончакомъ...
Млъвитъ Кзакъ Кончакови:
«Аже соколъ къ гнезду летить,
соколича растреляевъ своими злачеными стрелами».
Рече Кончакъ ко Гзе:
«Аже соколъ къ гнезду летить а ве соколца опутаеве
красною девицею».
И рече Гзакъ Кончакови:
«Аще его опутаеве красною девицею,
ни нама будетъ сокольца,
ни нама – красны девице,
то почнуть наю птици бити въ поле половецкомъ».
Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля,
пестворца стараго времени
Ярославля, Ольгова коганя хоти...

На этих словах, по-моему, и обрывается авторский текст «Слова». Поэтому исключительно важно узнать, какой же смысл заключался в подчёркнутом выражении.

Мусин-Пушкин понимал его так: «Сказал сие Боян и о походах воспетых имъ в прежние времена князей Святослава, Ярослава и Ольга сим кончил...»

Всю историю толкования этого места привести не удастся. Вот некоторые известные поправки: «Рекъ Боянъ исходъ на Святославля (Бутков, Дубенский, Миллер) – «Сказал Боян про Святославля»...

Переводчики не учли грамматическую форму имени Святослава: суффикс «ля» в данном случае указывает на принадлежность предмета или субъекта, обозначенного словом «ходына», Святославу. И, кроме того, подтверждает

женский род этого предмета (или субъекта) и единственное число. Примеры тому в древнерусском языке: «град Святославль», но «деревня Святославля», «грады Святославли».

О других толкованиях акад. А.С. Орлов говорит: «Чтение «ходына» объяснили как «година» (час) или как имя песнотворца «Рек Боян и Ходына...», но певца Ходыны нигде в «Слове» не упомянуто, трудно объяснить неожиданность его появления. Ходыну изобрёл И.Е. Забелин и поддержал его В.Н. Перетц»[85].

А.И. Лященко в 1928 году предложил читать: «Рекъ Боянъ на ходы на Святъславля – песнотворецъ...»[86].

Это искусственное образование поддерживает ныне В.И. Стеллецкий. Последний переводит его так: «Молвил Боян о походах Святославовых»[87].

Мусин-Пушкин добивался такого же смысла без замены и – на, которая, кстати, ничего не прибавляет фразе, кроме лишней грамматической неловкости.

И получилось: «Молвил Боян о походах Святославовых, песнотворца старого времени Ярославова, коганя Олега жены...».

Ни одно из имеющихся толкований, ни одна из конъектур не придаёт смысла этому отрывку. Причём здесь походы Святославовы, и кто этот Святослав? А.И. Лященко полагал, что имеется в виду Святослав II. В.И. Стеллецкий решительно отвергает второго и неуверенно предлагает первого (Святослава I Игоревича, отца Владимира I). Единственный аргумент в пользу этой кандидатуры – «провёл большую часть времени своего княжения в походах»[88].

[85] Орлов А.С. Слово о полку Игореве. М.-Л., 1946, стр. 134.

[86] Пояснения одного місця в «Слові о полку Игореве». Ювіл збірн на пошану акад. М.С. Грушевського, Ч.II, Київ, 1928, стр. 187-189.

[87] Слово о полку Игореве. Под редакцией В.И. Стеллецкого, М., 1967, стр. 210.

[88] Слово о полку Игореве. Под редакцией В.И. Стеллецкого, М., 1967, стр. 211.

Святославов, которые ходили в походы, в истории Руси X–XI–XII веков можно найти не один десяток.

Причём тогда «хоти» Олега, и почему он назван коганем? О каком песнотворце старого времени говорит Боян? Эти вопросы не сняты исследователями. Мне кажется, в авторский текст вмешалась пояснительная фраза Переписчика, она-то и внесла сумятицу. Он, несомненно, подработал этот кусок, в котором были, очевидно, термины, недоступные его пониманию. Их он «освоил», подогнал к своему словарю.

Посудите сами, должен ли был П-16 вмешаться, дабы у читателя не оставалось сомнений относительно личности Бояна.

Млъвитъ *Гзакъ Кончакови...*
Рече *Кончакъ ко Гзе...*
И рече *Гзакъ Кончакови...*
Рекъ *Боянъ...*

Структура всего куска подводит к убеждению, что некий Боян участвует в диалоге половецких ханов. Боян замешан в контексте, который рисует его отрицательной краской и сближает с половцами: Боян почему-то «ходил» на кого-то из Святославичей и жену Олега.

Встретившись вновь после большого перерыва с персонажем по имени Боян, к тому же обретающимся в нездоровой компании с Кончаком и Гзаком, П-16 счёл необходимым выделить его из их среды и объяснить читателю, что Боян вовсе не соучастник ханов, а тот самый певец XI века, о котором говорится в начальной части поэмы. И он подписывает под именем «Боян» пояснительную фразу – «пестворец стараго времени» и уточняет, какого именно времени – «Ярославля».

В списке XVI века рассматриваемый кусок мог выглядеть примерно так[89]:

Рекъ Боянъ и ходына Святъславля
пестворецъ стараго времени, Ярославля.
Ольгова коганя хоти...

Межстрочная приписка показывала, что П-16 пытался толковать смысл переписанной им фразы и хоть чем-нибудь помочь будущему читателю. Надо полагать, что вставка была выполнена более мелкими буквами, чтобы можно было отличить её от авторского текста. Мусин-Пушкин не понял назначения «мелкой» записи и при переписке включил её в основной текст, тем самым окончательно затемнив и без того тёмное место.

Разобравшись в этой механике, мы можем попытаться узнать то, что не поняли ни псковский монах, ни ученый граф, т.е. значение авторских слов – «и ходына Святославля, Ольгова коганя хоти...».

О чем говорят Гзак с Кончаком, читателю XII века известно. Метафорический диалог «скрывает» популярный факт из истории Ольговичей: Владимир Игоревич в плену, после побега отца, женился на дочери Кончака. Ипатьевская летопись под 1187 годом сообщает:

«Приде Володимеръ изъ половцевъ съ Кончаковной и створи сватбу Игорь сынови своему и венчаша и съ детятемъ».

...Итак, Кончак предлагает опутать Владимира красной девицей и тем связать Игоря родственными узами, лишив его права на месть и дальнейшие «покушения».

Гзак – сторонник иных мер, он категоричен: убить Владимира («соколича»), наказав Игоря за побег.

[89] Для удобства чтения расчленим, расставим знаки препинания, выделим имена.

Гзак убеждает верящего в договоры Кончака. Не та эпоха, не те нравы. Брачные союзы уже лишаются прежнего политического смысла. Опутав соколича красавицей, и её потеряем, и соколич не станет своим, и будут соколы «наших птиц» бить в нашем поле.

Тема «женитьбы» продолжается, если «ходына» связать с тюркским словом «*ходын*» – 1) баба, 2) госпожа, 3) жена[90].

Боян говорил о «бабе» Святослава и о жене Олега-кагана. (В «Слове» уже употреблялась лексема «хоти» в значении «жена», «супруга». Так называет автор жену буй-тура Всеволода.) Форма «ходына» еще один из гапаксов «Слова». В известных памятниках древнерусской литературы употребительна ордынская форма «катунъ», например, в «Задонщине» в речи татар: «уже намъ, брате, в земли своей не бывати, а детей своихъ не видети, а катунъ своих не трепати» (Список И-2).

Чем же были «интересны» жены Святослава и Олега, если о них шла речь в «Слове» в связи с женитьбой Владимира Игоревича? И кто они – Святослав и Олег?

Я предполагаю, что Автор имел в виду отца Игоря – Святослава и деда (Олега). Оба они были женаты на половчанках: Святослав на дочери хана Аепы, а Олег на дочери Тугра-кана.

Князь Олег Черниговский и Тьмутороканский пользовался большим влиянием в степи. Никакой другой из известных нам Олегов XI–XII веков не мог величаться тюркским титулом «каган», т.е. старший хан[91].

Если наше предположение верно, то смысл оборванной фразы будет таким: «Сказал Боян: и баба Святослава и Олега-кагана жена»... были половчанками. Но пришёл

[90] Фонетические варианты в тюркских наречиях: хотын, хатын, катун, катын и т.д.

[91] В IX–X веках несколько великих князей Руси «официально» носили этот титул.

ведь войной в степь сын и внук их Игорь. Разве придаст он теперь освящённое традицией значение браку своего сына, если пренебрёг он прежними узами кровного родства?

В довольно неожиданной роли выступает песнетворец старого времени. Переписчик не удивился тому, что Боян, отпевший своё уже в XI веке, высказывается по поводу событий конца XII. А был ли Боян в этом месте протографа?

Анализируя лексику «Слова», я не раз сталкивался с тем, что П-16 при переписке путал авторское написание «къ» с «я», но только в тех случаях, когда «**къ**» встречалось в лексемах, значение которых ему уже было непонятно. Так, на мой взгляд, появились тёмные слова «повелея» (из «повелекъ»), «жирня» (из «жирикъ»), «троян» (из аббревиатуры «трокънъ»).

Так же могло появиться в последнем случае «боянъ» из «бокънъ»[92].

Предлагаю читать: «Рекъ бо кънъ: «и ходына Святъславля, Ольгова коганя хоти...».

Это авторская расшифровка метафорической речи Гзака.

Бо – частица, используемая при подобного рода обнажениях метафор.

Кънъ – вероятно, написание титула кон (кан). В русском языке утвердилось произношение «хан».

Не Бояну, а хану Гзаку, скорее всего, и принадлежали слова – и «баба Святослава и Олега кагана жена...».

Не Боян, а хан Гзак убеждал Кончака, что и отец, и дед Игоря состояли в родственных отношениях со степью, и новый брак Ольговича ничего хорошего не обещает половцам. Уже не метафорой, а прямым текстом излагается суть происходящих событий, очень важных для истории взаимоотношений Руси и Поля.

[92] Боян упоминается в «Слове» несколько раз. Вполне возможно, что для передачи звука «я» автор употреблял букву Ѧ. Переписчик же только букву Ꙗ.

...Читая «Слово», я неоднократно убеждался – Автор знал один из тюркских языков и разбирался в наречиях. Он не стенографирует речи персонажей, но достаточно точно стилизует их: бусовранне у него говорят на западнокипчакском звонком диалекте, Гзак окает, как среднеазиатский тюрк: «ходын» вместо «хадын», «когань» вместо «каган».

Половецкая конфедерация племён не была моноязыкой, как, например, казахская после XVI–XVII веков. Языки половцев ещё не утратили племенной специфики, и поэтому мы вправе ожидать в тюркских элементах «Слова» диалектное разнообразие.

«Ордынский» язык XV–XVI веков был уже однообразнее. И даже если П-16 знал его обиходно, то не все авторские тюркизмы «Слова» были доступны его пониманию. Остались непонятными и «дебрь кисань» из диалекта бусовранней, и «ходына» из речи Гзака.

Автор, строя речь Гзака, в первом случае называет жену князя тюркским словом, далее – русским синонимом «хоти» из соображений стилистических. Он часто использует синонимы, дабы избежать лексического однообразия.

Он пародирует произношение Гзака не случайно: киевлянам важно знать позицию «окающего» племени в конфликте 1185 года.

В утраченных страницах Гзак, очевидно, высказывал эту позицию: предлагал Кончаку иную, более агрессивную систему отношений с Русью. События, последовавшие после разгрома Игоря, характеризуют Гзака резко отрицательно с точки зрения воинской морали. Кончак предлагает: «Пойдемъ на киевьскую сторону, где суть избита братья наша и великий князь наш Бонякъ» (Ипатьевская летопись). Кончак хочет мстить Святославу за лето 1184 года и за то, что послал на него Игоря. Этот жест ещё как-то согласуется со средневековым кодексом рыцарской

чести. Как и то, что он поручился на поле битвы за раненого Игоря, не дал его добить.

«А Кза молвяшеть: пойдемъ на Семь, где ся остале жены и дети, готовь намъ полонъ собранъ, емлемъ же городы безъ опаса».

Слова неблагородной «галицы», собирающейся полететь на «уедие». Гзак, по существу, предлагал поступить так же, как Игорь в 1184 году.

«И тако разделишася надвое. Кончакъ пойдя к Переяславлю и оступи городъ и бишася ту всю день...

А друзии половце идоша по оной стороне къ Путивлю, Кза у силахъ тяжкихъ, – и повоевавши волости ихъ и села ихъ пожогша же и острогъ у Путивля...» (Ипатьевская летопись).

Текст обрывался, по-видимому, на слове «хоти»... Переписчика подвело открытое им предложение «Рекъ Боянъ...».

Глагол «Рекъ» предполагает следом прямую речь. В авторском тексте П-16 следов речи Бояна не нашёл. Он предположил, что она осталась в потерянных листах. Что же изрекал песнотворец? Вероятно, какую-то обобщающую мудрость в форме пословицы. Она, наверное, подводила черту под историей пленения князя и бегства его из плена и предвосхищала финальную часть – встречу Игоря на Руси. И П-16 подбирает подходящую пословицу, которая как нельзя лучше описывает положение народа без князя и князя без народа.

...Тяжко ти головы кроме плечю,
зло ти телу кроме головы.

И добавляет от себя конкретный вывод:

Руской земли безъ Игоря!

Автор, Если верить содержанию всего «Слова», не мог заставить Бояна прийти к такому поразительному итогу.

На этой, увы, неуклюжей «мудрости» искусственно выведенного Бояна многие исследователи строили своё отношение к Игорю. И доходили в своих обобщениях до таких, например, гипербол: «князь Игорь выделялся среди других князей, тем более что он не ставил перед собой эгоистических задач по увеличению своего удела, а думал обо всей Русской земле!»[93].

И это сказано историком, который профессионально занимался темой Игоря. Ни одного факта, свидетельствующего в пользу столь ответственного утверждения (кроме «мудрости Бояна»), во внушаюших доверие источниках найти невозможно. Нельзя же всерьёз принимать слова Татищева о «тихости» Игоря.

Академик Б.А. Рыбаков, изучавший летописные материалы, где упоминается этот князь, вынужден был сделать огорчительный вывод из своих наблюдений: «Игорь не был борцом за Русскую землю и действовал преимущественно в своих интересах»[94].

К такому заключению можно было прийти уже в XVIII веке, когда историки впервые заинтересовались этим новгород-северским князьком. Тогда бы легче было понять и авторское отношение к Игорю, и содержание «Слова», и отделить дописки П-16 от авторского текста.

АМИНЬ!

Итак, мы предположили, что пергаментный список «Слова» дошёл до Переписчика XVI века без последних страниц. И ему пришлось дописывать окончание.

---

[93] Позднеев А.В. «Слово о полку Игореве» и летописи. В кн.: «Проблемы истории литературы», труды Московского государственного заочного педагогического института, выпуск I, М., 1961, стр. 31.

[94] Рыбаков Б.А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971, стр. 228.

Он не обладает всей суммой знаний исторических и выдающимся литературным даром, которые требуются для завершения такой непростой вещи. Да ему этого и не нужно. Задача его проста – сделать переписанную повесть понятной читателю XVI века.

В последней уцелевшей части «Слова» описывается побег Игоря, и этот эпизод, по мнению невольного соавтора, завершался в утерянных страницах картиной возвращения князя на родину, всенародной радостью по случаю его избавления.

Воинские повести, которых в те дни немало писалось, обычно кончаются здравицей в честь героев. И нарушать столь популярную традицию Переписчик не стал.

Таким путём, на мой взгляд, сложилась фабула Дописки. Стилистически весь финал – вполне цельный, самостоятельный кусок, резко отличный от остального текста. Кажется, что все слова финала изображены заглавными буквами. То ли предвкушение окончания трудной работы наполняет ликованием последние строки? То ли представившаяся возможность самостоятельного творчества даёт эмоциональный разгон перу копииста? Но очевидно одно – невероятная гремящая нота разрушает тонкую, пластичную конструкцию поэмы. Нелепая, как фанфара в финале «Концерта для струнного оркестра». Как туш и призы чемпионские марафонцу, пришедшему последним.

Не мог сам Автор сделать такой вывод в пользу Игоря. Он-то знает его подлинную цену.

Переписчик же уверен, что литературные произведения в древности посвящались самым выдающимся деятелям Руси. Ход его мыслей вполне прочитывается – была веская причина у киевского писателя обратиться к житию Игоря. И, видимо, скрывалась она в утерянных страницах. Возможно, там Игорь стал великим киевским князем и прославил своё имя победами над погаными. А весь предыдущий

текст – лишь вступление к настоящей повести о голове русской земли. После побега Игорь, вероятно, собрал новое войско и нанёс поганым сокрушительное поражение. И это логично, ибо стоило ли браться за перо для того, чтобы отметить неудачу какого-то князя! – полагает П-16.

Так, по-моему, Игорь стал головой русской земли. Весь последующий текст развивает тему головы.

Солнце светится на небесе –
Игорь князь въ Руской земли.
Девици поютъ на Дунаи,
вьются голоси черезъ море до Кіева.
Игорь идетъ по Боричеву къ Святой Богородици
Пирогощей.

Давно исследователи стараются понять, почему Игорь, вопреки летописным сведениям, едет из плена в Киев, а не в Новгород-Северск. Но если учесть, что из текста «Слова» не явствует его новгород-северская «прописка» и Святослав Киевский называет Игоря и Всеволода «о моя сыновчя», термином, вышедшим к XVI веку из употребления (сыновец – племянник, двоюродный брат) и отчество у Игоря – Святославич, то нетрудно решить, в каких отношениях состоит «юный» Игорь с великим князем, и где дом его отчий. В Киеве. И после побега, куда стопы свои направит блудный сын? В Киев, к отню злату столу. А других источников по Игорю, как я предполагаю, Переписчик попросту не знал, ориентировался исключительно на те данные, что сумел почерпнуть из «Слова». Проверять свою версию анализом летописной литературы он не счёл нужным: отношение к «Слову» у него было не такое, как у нас. Он выполнял работу не исследовательскую. По нему – лишь бы складно. Но, указав путь следования Игоря к Киеву, он допускает очень любопытную неточность. По Боричеву взвозу проходит дорога, ведущая **не из Поля, а из глубин Руси**.

Пешему Игорю надо было обогнуть Киев, дав огромный круг, чтобы вступить на Боричев взвоз.

Страны ради, гради весели

Формально строка совершенна. Гремящая аллитерация с открытым гласным (ра-ра-ра), маршевый ритм создают музыкальный подтекст, соответствующий праздничному смыслу лексической композиции. Великолепная стилизация.

...Изъявление радости, как говорилось, – традиционная деталь сюжета летописной повести, если речь идёт о победе или избавлении. В Ипатьевской летописи: «Се же избавление створи господь въ пятокъ въ вечеръ. И иде пеш 11 день до города Донця, и оттоле иде во свой Новъгородъ и **обрадовашася ему**. Из Новъгорода иде ко брату Ярославу къ Чернигову, помощи прося на Посемье. Ярославъ же **обрадовался** ему и помощь ему да(ти) обеща... Игорь же оттоле еха ко Киеву къ великому князю Святославу и **радъ бысть ему** Святославъ, такъ же и Рюрикъ, сватъ его».

Этими словами кончается летописная повесть.

Отметим, что ни о каком молении не упомянуто: Игорь озабочен насущными делами.

Фактическая сторона летописной информации не вызывает сомнений. Маршрут его логичен и оправдан: Поле – Донецк – Новгород-Северск – Чернигов – Киев.

Единственно, в чем может упрекнуть летописца строгий историк, – в христианской жалостливости. Хронист-монах за событиями не видит того идейного смысла, который явлен Автору. Он по-христиански порицает Игоря за разбой в Переяславском княжестве более, чем за опрометчивый поход его в Степь. Недаром в горьком монологе у Каялы Игорь вспоминает своё избиение «христиан». И вот теперь бог покарал его. Половцы, по мнению летописца, бич божий, наказующий Игоря за грехи его прежние.

Но в муках грешник очистил душу и исцелённым возвращается на родину, прощённый богом.

И рады ему жители Новгород-Северского за то, что вернулся сам, оставив в чужой земле тысячи их сынов, братьев и отцов. И рад двоюродный брат Ярослав Черниговский (погиб воевода Ольстин Олексич и весь полк его).

И рад Святослав Всеволодич и сват его Рюрик (им пришлось по вине Игоря ещё раз встретиться с Кончаком у Переяславля и считать пленённых и казнённых половцами людей русских, не говоря уже о том, что Игорь сорвал их далеко идущие замыслы).

Когда Святослав узнал от купцов о разгроме и пленении Игоря, он будто бы сказал: «Да како золъ ми бяшеть на Игоря, тако ныне жалую болми по Игоре, брате моемъ».

Святослав при встрече с обесславленным, несчастным князем мог проявить жалостливую радость сильного. Иного неудачник Игорь и не достоин. Последнюю попытку выбиться в «великие» он использовал, и другой возможности ему более не представится. И при всей доброте, проявленной к Игорю, летописец не может заставить ликовать всю Русь по случаю возвращения Игоря («Голова Руси» бьётся у чужих порогов, вымаливая крохи помощи).

Чувства, описанные в летописи, не общенародные, а **частные, родственные**. «Страны ради, гради весели» – мог утверждать человек, незнакомый со всей этой историей.

Лаврентьевская летопись и вовсе «безрадостна». Её сообщение кончается сухо и деловито: «И по малыхъ днехъ ускочи Игорь князь у половець. Не оставить господь праведного въ руку грешничю, очи бо господни на боящаяся его, а уши въ молитву ихъ. Гониша бо по немъ и не обретоша».

Постскриптум:

Радость, обобщённая, общехристианская, была уже знакома книжнику XVI века. Это возвышенное чувство

испытано Русью, сбросившей трёхсотлетнее иго. И выражение в литературе такой радости становится привычным настолько, что, описывая поэму, повествующую о **поражении**, книжник заканчивает её бравурными фразами, более подходящими к победным сводкам.

«Слово» начиналось славой князьям XI века, старому Ярославу, храброму Мстиславу и др. Тем, кто объединял, собирал Русь. Им автор противопоставляет некоторых старых и нынешних князей, несущих розно родную землю.

И этим князьям не песнь его, а обличение. Зачинщиком распрей Автор считает Владимира Мономаха. Он проводит линию «от старого Владимира до нынешнего Игоря».

Исследователи увидели в этом соседстве оппозицию. Переписчик же и вовсе решил, что Автор хочет воспеть нынешних князей, также как Боян – прежних. Он использовал зачин как предлог для кольцевой композиции, и появляются в финальной части обобщающие формулы:

Певше песнь старымъ княземъ, а по томъ молодымъ пети –
Слава Игорю Святъславлича, буй-тур Всеволоде
(Владиміру Игоревичу!)
Здрави князи и дружина: побарая за христьяны
на поганыя плъки!

Боян пел славу старому Ярославу, храброму Мстиславу, красному Роману Мстиславичу понятно почему. Но почему теперь должна возноситься слава этим «молодым»? Неуместность подобной здравицы очевидна.

...Впервые в тексте появляются «христианы», причём в написании позднем, не ранее XV–XVI веков. В эпоху «Слова» в ходу иная форма – «крестьяне» («кристиане»). И только когда старое произношение наполнилось иным содержанием – земледелец, утверждается единственная – христиане.

И, наконец, последний аккорд финала.

Блик странного света, на миг вырвавший из темноты истинный лик писателя-Переписчика.

Строка выдаёт его настоящее отношение к идее княжеской славы, которая добывалась дорогой ценой. Он мог лишь догадываться о будущих победах Игоря, но он твёрдо знал уже, что одно его мероприятие закончилось трагически.

В княжеских сварах гибли люди и во времена Переписчика. Он давно размножает рукописи, в которых князья добывают себе честь и хвалу, принося в жертву многие тысячи крестьянских жизней. И как бы ни вставал он на цыпочки, выкрикивая славу неведомым князьям – Игорю и Всеволоду, забыть только что переписанные им строки, живописующие кровавую участь дружины их, он не мог.

«...Чрьна земля подъ копыты костьми была посеяна, а кровію польяна...»

«...ту крова̀ваго вина недоста, ту пиръ закончаша храбріи Русичи – сваты попоиша, а сами легоша за землю Рускую...»

«...а Игорева храбраго плъку не кресити...»

«Слово» переписывалось для продажи какому-нибудь владетельному лицу. Возможно, князю. И Переписчик был ограничен в выражениях чувств своих. Он скрывает под ворохом крашенных лепестков славословия блестящий, горький шип.

Тѐрмин «аминь», заключая каждую молитву, каждый церковный текст и многие произведения героического жанра, приобретает в народном языке предметное значение – **конец**[95].

Народная семантика тонко обыграна Переписчиком.

...Мусин-Пушкин расчленил последнюю фразу «Слова о полку Игореве» так:

«Княземъ слава а дружине! Аминь».

[95] Смысл древнееврейского слова «аминь» – истинно, правильно, верьте!

И перевёл: «Князьям слава и дружине! Конец». Эта разбивка и перевод приняты всеми следующими Переводчиками.

В предисловии к своему изданию Мусин-Пушкин писал: «Остались ещё некоторые места невразумительными, то и просит (Переводчик) всех благонамеренных читателей сообщить ему свои примечания для объяснения сего древнего отрывка Российской словесности».

До сих пор «благонамеренные читатели» признают, что противительный союз «**а**» здесь употреблён автором в значении сочинительного – «**и**».

В «Слове» чётко разделяются эти два союза.

«...А Игорь Князь поскочи горностаемъ къ тростію **и** белымъ гоголемъ на воду. Въвръжеся на бръзъ комонь **и** скочи съ него босымъ влъкомъ **и** потече къ лугу Донца **и** полете соколомъ подъ мьглами, избивая гуси **и** лебеди завтроку **и** обеду **и** ужине...» И т.п.

Нет ни одного случая применения «а» в качестве союза «и», да и зачем, если оба союза полноправно участвуют в грамматике «Слова».

«...не мало ти величия, **а** Кончаку нелюбия, **а** Руской земли веселиа.»

«...Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, **а** самъ въ ночь влъкомъ рыскаше...» И т.п.

Но мы договорились, что заключение написано другим человеком, в другое время. Может быть, в языке Переписчика «а» употреблялось вместо «и»?

Вот примеры из финала:

«...Певше песнь старымъ Княземъ, **а** по томъ молодымъ пети...»

«...Здрави князи **и** дружина...»

Как видим, и здесь оба союза выступают в традиционных для русского языка значениях. Нет никаких грамматических и исторических оснований подозревать, что писатель вдруг

применяет союз «а» в качестве сочинительного, противоречa грамматике всего текста.

В «Слове» союз «**и**» встречается в 88 случаях, «**а**» – в 55.

Н.М. Дылевский отмечает с полной серьёзностью этот удивительный факт: «В одном случае союз «а» встречается в соединительном значении: «Княземъ слава а дружине»[96].

Одно то, что он признает возможность такого невероятного, необъяснимого нарушения, делает несерьёзным название его статьи. Он даже не пытается найти хоть какое-то объяснение подозрительно одинокому «а» или объявить розыск прецедентов в истории древнерусской письменности. Просто констатирует наличие – и всё. Почему не признают знаменитое «а» противительным союзом? Потому, что получается фраза шокирующая:

«Князьям – слава, а дружине – аминь!»

Не укладывается это в сознании мудрых ученых. Позволить себе такое! Закончить дерзостью великое произведение, гордость славянской литературы!.. Невозможно! Пусть лучше это треклятое «а» превратится в «и».

...Фемиде завязывали глаза, дабы взор её не отвлекался на созерцание многочисленных истин. Ибо Истина – одна, в сердце твоём. И только она подскажет тебе нужное решение. Эту Истину сейчас называют убеждённостью. Или более точным термином – предубеждённостью.

Великое произведение должно быть во всем строгим и последовательным. Никаких тебе отклонений в стороны: не до шуток. И уничтожают таким прочтением одну из самых гениальных строк мировой поэзии.

Сверкнув случайно из-под пера рядового монаха, и не мечтавшего о литературной славе, она по достоинству стала

[96] Дылевский Н.М. Лексические и грамматические свидетельства подлинности «Слова о полку Игореве». В кн.: «Слово о полку Игореве» – памятник XII века. М.-Л., 1961, стр. 241.

печальным алмазом в жестяном венце златого слова славянской письменности.

Веками, тысячелетиями скачут лихие воины «аки серые волци в поле, ищущи себе чти а князю славы».

Слава Игорю Святъславлича!
Буйтур Всеволоде!
(Владиміру Игоревичу!)
Здрави князи и дружина,
побарая за христьяны на поганыя плъки!
Княземъ – слава, а дружине –
аминь...

Автор «Задонщины» имел перед собой полный экземпляр «Слова». И мы вправе предположить, что отблеск подлинного финала отразился в завершающих словах «Задонщины». «Слово о великом князе Дмитрии Ивановиче» посвящено замечательной победе объединённых сил восточных славян и их союзников литовцев над ханом Мамаем. Эта победа вдохнула уверенность в Русь: впервые почувствовала она, что сокрушить силу татарскую можно.

Казалось бы, здесь место здравице и славе великому Дмитрию Донскому и его сподвижникам, действительно «побаравшим за христиан» поганые полки.

Дмитрий Донской, великий князь, заслужил право называться головой русской земли, солнцем на небесах её, право быть воспетым странами и городами. И уж такой литой строкой – «страны рады, грады весели», если бы она значилась в «Слове», автор «Задонщины», надо полагать, не преминул бы воспользоваться.

Во всем послушно следуя поэтике великого образца, Софоний, надо полагать, придал бы достойное значение в своём труде и апофеозному финалу, который более подходит к «Задонщине», чем к «Слову». Но этого не

случилось, вероятней всего потому, что в том экземпляре «Слова» заключительные строки несли другое, несравненно более грустное содержание. **Заканчивалось «Слово» не здравицей, а монологом Игоря**, в котором он подводит печальный итог своей деятельности. И слушателем его единственным был Овлур. Маршрут побега пролегал мимо поля несчастной битвы, и горестные воспоминания заставили князя произнести прочувствованно те слова, ради которых и писалось, наверное, «Слово о полку Игореве».

Лучшие строки поэмы. И эмоциональное воздействие их так сильно, что автор «Задонщины», перелагая на свой материал, создаёт самую художественную, самую волнующую часть «Задонщины», в которой живёт свет истинной, драматической правды.

Поразительно – **повесть о великой победе русского народа кончается не здравицей, не славой, а печалью.**

Монолог Дмитрия Донского после битвы:

«И князь великий Дмитрий Иванович говорит:

Братья и бояре, князья молодые! Вам, братья, место суда между Доном и Днепром на поле Куликовом, на речке Непрядве; положили вы головы за русскую землю и за веру христианскую. Простите меня, братья, и благословите в этом веке и в будущем.

Пойдём, брат, князь Владимир Андреевич, в свою залесскую землю и сядем, брат, на своём княжении. Чести мы, брат, добыли и славного имени. Богу нашему слава». (Перевод.)

Сколько достоинства и скромности в словах Освободителя Родины. Мягко, ненавязчиво оттенена мысль о бескорыстности его служения: не за великий престол, не за право быть самодержцем – эта битва.

Я предполагаю, что в покаянном монологе Игоря говорилось все то, что скрывалось прежде в намёках Бояна. И, наверное, были там слова: «Простите мя, братья...»

НАМЕРЕННЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

(Приложения, исторические справки)

Здесь Геродот из Фурий излагает то,
что ему удалось узнать, дабы дела человеческие
не были повергнуты временем в забвение и дабы
великие, дивные деяния, совершенные как эллинами,
так и варварами, не утратили своей славы.
Геродот

БРАКИ

В 626 году Византия заключает с хазарами союз против арабов. В этот и последующие века (вплоть до XII) политическая жизнь Византии не мыслится без участия кочевых тюрок.

В VII–VIII веках связи с хазарами расширяются и укрепляются. Византия впадает в определённую зависимость от сильной Хазарской державы, которая служит Византии прочным щитом от арабской экспансии.

Византийские императоры вступают в браки с хазарскими принцессами.

Юстиниан II женат на дочери кагана, получившей в крещении имя Теодора.

Тиберий II тоже женится на дочери кагана и возвращается из Хазарии в Константинополь в 708 году с хазарской дружиной. Женой Константина V (741–775) также была дочь кагана, в христианстве – Ирина. Её сын, император Лев IV, известен в истории под именем Хазар.

В IX веке византийские императоры создают при дворе хазарскую гвардию. Многие из хазарских воинов возвысились и получали высокие чины в императорской армии и в администрации. Так, Варданиос Туркос из Крыма был произведён в стратеги Анатолии. Жены императоров, вероятно, способствовали возвышению своих соплеменников, состоящих на византийской службе.

...Традиция династийных браков тюрков идёт издавна. Уйсуньский гуньмо, вассал Поднебесной, был женат на дочери императора (III век). Не каждый тюркский властитель удостаивался такой чести. В 630 году Сыби-хан, претендуя на большую власть, просит китайского императора выдать за него дочь. Возражая ему, последний ответил: «Дом тюкуский (тюркский – О.С.) теперь в смутных обстоятельствах, и кто будет царём – ещё не решено. К чему заботиться о браке? Пусть каждый управляет своим аймаком и не нападает друг на друга» (А. Бичурин). Судя по ответу, император не был заинтересован в возвышении Сыби-хана и объединении беспокойных соседей под одной рукой. Брак с дочерью императора давал бы Сыби-хану гарантию поддержки.

В Средней Азии в ту же эпоху тюркские ханы олицетворяют сильную сторону. И поэтому согдийские правители женятся на тюркских принцессах.

В 618 году каган Гун-шеху подчиняет среднеазиатских вождей. Покорив их, он выдаёт за наиболее сильного самаркандского правителя свою дочь. Несколько раньше таким же образом каган Датон (правил с 575 года по 603) «приручает» правителя Согда по имени Тайжени.

В этой формуле дипломатического брака (дочь сильного выдаётся за вассала) выразились пережитки идеологии матриархата: женщина считалась главой семьи, и дети от неё принадлежали по крови её роду. Тюркская пословица «сыновья – дети матери» выражает ту же мысль. Сыновья её наследовали престол в подчинённом народе. Династийные

браки преследовали далеко идущие цели. Наследник престола – сын и воспитанник матери.

В тюркском обществе женщина пользовалась широкими правами. Она активно участвовала в управлении племенем и государством.

...Ислам, пришедший в Среднюю Азию с арабами, нарушил формулу династийного брака. Ислам низводит женщину до уровня рабыни. Жена – это одна из наложниц в гареме. Мусульманские правители не выдают своих дочерей замуж за неверных. Но сами охотно включают иноверок в свои гаремы, не придавая этому никакого политического значения. Жена – это добыча сильного. Дань поверженного.

Исламизированные тюрки накладывают новую идеологию на старую, традиционную, не зачёркивая её. Ханы-мусульмане женятся на дочерях слабых врагов, принимая на себя политические обязательства.

В XIV веке Трапезунд (владения Византии в Малой Азии) переживает время последнего кризиса. Это агония остатков великой державы. Единственно, чем может гордиться Трапезунд, – своими красавицами, славными на всем Востоке. Он откупается ими от возможных «насильников».

Туркали-бей – глава туркменского государства аккойнлу, опаснейшего соседа Трапезунда, в 1351 году женится на Марии, сестре молодого императора Алексея III Комнина. Вторая сестра, Феодора, была выдана в 1358 году за Хаджи-Омара, эмира провинции Хальбин. Одна дочь Алексея III вышла замуж за сына Хаджи-Омара Сулейман-бея, другая – за эмира Эрзерума Арсини, третья, Евдокия, за Таджи-Эддина, эмира Лимнии, четвертая – за внука Турали Кара-Юлука... Такой ценой продлевались дни Трапезунда.

...Но тюрки, не принявшие мусульманства, продолжают древнюю традицию династийного брака по формуле – дочь сильного выдаётся за слабого.

В 1124 году грузинский царь Давид IV, потерявший царство (Грузия захвачена арабами и сельджуками), просит

руки дочери кипчакского хана Артыка. Русские летописи называют его – Отрок, Отрак; грузинские – Атраха. Это о нём – летописная легенда, по которой Майков сложил свою знаменитую балладу «Емшан». Настоящее имя дочери Артыка не сохранилось, грузинская летопись называет её – Гурандохта. Скорее всего, это искажение традиционного персидского определения тюркских принцесс – Турандохта – «Туранская девушка», или «дочь Турана»[97]. Девушка, спасшая Грузию и Армению в XII веке, была родной сестрой Кончака. Неизвестно, что побудило Артыка выдать дочь за «царя без царства». Писатель К. Гамсахурдия в романе «Давид IV Строитель» полагает, что Артык польстился на деньги, стал наёмником Давида. Но едва ли у Давида оставалось что-либо, кроме титула и скорби по поруганной земле своей. Захватчики подвергли поголовной мусульманизации население Кутаиси и Тбилиси. Непокорных истребляли, наполняли христианской кровью бассейны и плавали в них.

Мусульманский геноцид поставил под угрозу само существование христианских культур и народов Кавказа. Нет, не жажда наживы побудила хана Артыка с 45 тысячами кипчакских воинов выступить против 300-тысячного войска арабо-сельджукской коалиции в одно из утр 1125 года на поле Дидгори, близ Тбилиси.

КОЧЕВНИКИ И РУСЬ. ТОРКИНЫ, ТОРКИ

Схема отношений христианской Руси с кочевниками во многих частях повторяет византийскую: агглютинативная связь (военные союзы; тюркские дружины у отдельных правителей; тюркские колонии в русских городах). Отличие – Русь была раздроблена на удельные княжества,

[97] «Тураном» иранские и кавказские источники называли страну, населённую тюрками. Среднюю Азию, в частности.

Византия – едина. Поэтому отдельные русские княжества находились по отношению к Полю как бы в вассальной зависимости. Об этом свидетельствуют и княжеские браки. Удельные князья женятся на принцессах Турандот, и, скрепив таким образом союз со степными владыками, расширяют свои земли в Руси. Эти браки означали долгосрочный воинский союз. Род, выдавший девицу, обязан был относиться к князю как к родственнику, не нападал на его княжество, а при случае защищал. Те же самые обязательства принимал на себя и русский «зять». Торкины, т.е. родственники по женской линии, пользуются у тюрок особыми привилегиями и правами. Они считались ближе, чем родственники по мужской линии. И эта традиция сохранилась до позднейших времен. По свидетельству Гродекова, казахи кочевали обществами одного рода, допуская в свои аулы из других родов лишь родственников по женской линии, т.е. торкинов или бедняков, нанимающихся в работники.

Народ, к которому принадлежит жена, по-тюркски – «торкин». Слово, вовлечённое в русскую грамматическую эволюцию, переразложилось – торки, так называют летописи кочевое племя, самоназванием которого было – узы. Вероятно, одно из огузских племен. В источниках приняты написания этнонима – «огуз», «оуз», «уз».

Первые торки упоминаются в «Повести временных лет», под 985 годом, когда Владимир Святославич со своим дядей Добрыней пошёл против волжских болгар. «А торки берегомъ приведе на конихъ». Здесь не говорится, что русские князья и их торки участвуют в совместных действиях впервые.

Далее по летописи торки помогают отражать печенегов, потом половцев.

В конце XII века летопись упоминает «Торцького князя» Кунтувды[98], которого арестовал Святослав Всеволодич

[98] Кунтувды – буквально «Солнце взошло». Сравните имя половецкого хана – Куначук – буквально «Ясное солнце».

(двоюродный брат князя Игоря) по ложному доносу. За него вступились другие князья, как за человека храброго и преданного Руси. Вступились и степные родственники, которые в отместку за обиду Кунтувды совершают набег на Киевское княжество. Кунтувды переходит на службу к Рюрику, и тот дает ему город Древень, по реке Рось, – «русской земли для».

Есть многочисленные доказательства тому, что кочевники прочно оседали на территории Киевского государства. Об этом ясно говорит и топонимика: Торчиново городище, село Торское – Харьковщина, урочище Торч, Торчин, река Торчанка (приток Уши), село Торчица на реке Торчице, село Торческий степак, река Торча, Торчицкое взгорье (Киевщина), город Торчин на Волыни, село Торчицы – в Чёрной Руси, город Торчин, город Торков (в Подолии), в Галицкой земле – Торки (Пермыш. повет), Торки (Сокальский повет), Торчиновичи (Самборский повет).

Город Торческ в Поросье в истории военных столкновений князей удельного периода играет роль центра, к которому тянулись другие торкские поселения. Торки жили не только в тех городах, которые сохраняют их имя в своих названиях. Они, вероятно, составляли значительный элемент в смешанном населении многих южнорусских городов и поселений.

БРАЧНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА В ЯЗЫКЕ

Характерно, что летопись уже не упоминает случаев женитьбы князей XI–XII веков на дочерях торков. Они уже «свои». Здесь, возможно, была бы обратная связь – русские княжны выходят за вассалов. Но, к сожалению, хроники не уделяют внимания бракам вождей подчинённых тюрок.

Зато появление в русских дворах XII века половецких «красных девок» часто отмечается. Союза с предводителями кипчакских племен, захватившими пространство

южнорусских степей после разгрома печенегов, князья добивались.

Именно история XII века наиболее насыщена сведениями о династийных браках с Полем.

Без преувеличения можно сказать, что почти все влиятельные княжеские рода в Киевской Руси состояли в кровном родстве со Степью. Укажем родословную линию Ольговичей, героев «Слова».

Олег, благодаря женитьбе на дочери Тугра-Хана, стал князем черниговским. Сын от этого брака, Святослав, продолжает политику отца, и, женившись на дочери Аепы повторным браком, добивается титула «великий князь киевский».

В жилах сыновей его Игоря и Всеволода течет добрая струя кипчакской крови. На ком они женаты, летописи не сообщают, но сын Игоря Владимир в плену справляет свадьбу с дочерью Кончака.

В.А. Пархоменко в статье «Следы половецкого эпоса в летописях»[99] отмечает: «Даже прославленный «добрый страдалец за Русскую землю» Владимир Мономах женил двоих своих сыновей – Юрия в 1107 году и Андрея в 1117 году на половчанках. Тут уж не приходится говорить о каком-то расовом или культурном антагонизме. Очевидно, высшие общественные классы и Руси, и половцев имели кое-что общее, какими-то общими интересами друг к другу притягивались».

Интересы эти, на мой взгляд, очевидны – политический союз, в котором заинтересованы русские князья. Брак с Полем означает мир и поддержку. В летописи под 1107 годом: «Иде Владимир и Давыд и Олег к Аепе и ко другому Аепе и створиша мир; и поя Владимир за Юргя Аепину дщерь, Осеневу внуку, а Олег поя за сына Аепину дщерь, Гиргеневу внуку, месяца генваря 12 день».

[99] Проблемы источниковеденья. М.-Л., 1940, т.III, стр. 391.

В XI–XII веках половцы воюют против **отдельных** княжеств, входивших в систему Киевской Руси, в качестве союзников, заступаясь за своих «сватов».

Может быть, историки отнеслись бы к степнякам благосклонней, если бы Русь и её союзники вели в этот период войны с внешними врагами. Но беда в том, что княжества спорили в подавляющем большинстве случаев только друг с другом и вовлекали в междоусобные распри своих степных родственников.

Чтобы правильно понять эпоху «Слова», надо учесть следующее обстоятельство – Русь XI–XIII веков не вела ни религиозных, ни общенародных, ни расовых войн, только – феодальные.

Князь, как правило, – патриот только своей вотчины. Великий, славный, чтимый летописями и академиями радетель Руси Владимир Мономах первый навёл половцев на земли русские, чтобы завоевать Полоцкое княжество. Только один Мономах приводил их 19 раз, а все Ольговичи (включая деда и внука) – 15[100].

...Биографические сведения в летописях весьма скудны: далеко не все браки русских князей «зарегистрированы». А из тех, что фиксировались, не все сохранены в процессе многочисленных позднейших переписок.

Браки X века вовсе не указаны. Как протекали отношения славян с кочевыми соседями во времена дохристианизации, нам, по сути, почти ничего не известно, кроме отдельных упоминаний византийских историков (союз с аварами против Византии) и факта ассимиляции булгар.

Остаётся один источник исторических сведений – язык. Наиболее объективный, беспристрастный документ прошедших эпох. Он лишён предвзятости летописцев. Он вне временных предрассудков; не подвластен идеологическим

[100] Соловьев С.М. История России. М., т. I , стр. 347 и 379.

колебаниям. Самый точный источник. В русском, украинском, болгарском, сербохорватском бытует книжное слово «**брак**» – женитьба, супружество. В древнерусском «брак» – союз («Быть же брак велик»). Предлагали (Траутман) производить от глагола «брать». Таким образом, «брак» должно было означать – взятие. Преображенский и Фасмер (авторы самых известных этимологических словарей русского языка) соглашаются, однако с сомнением. Но такая этимология не объясняет оригинальности морфологического и семантического процесса.

Судя по тому, что термин не получает общеславянского распространения и не стал простонародным в указанных языках, образован (или заимствован) он сравнительно недавно и скорее всего в южнославянских (по типу неполногласных – врата, злато, вран, враг и т.п.). В восточнославянских он не успел преобразоваться в одногласную форму «борок». Такая метаморфоза произошла бы в случае, если слово получило общенародное распространение. (Так в русском языке почти каждому «болгаризму» соответствует древнерусский фонетический вариант. Злато – золото, врата – ворота, вран – ворон, славий – соловей и т.п.). До низов слово «брак» не дошло, хотя появилось уже в старославянском.

Я предлагаю взять за исходную форму кипчакскую «**бірак**» – союз (буквально «соединение, сочетание», от числительного **бір** – один).

Так как чаще всего союз скреплялся женитьбой князя, слово приобрело новое конкретное значение. То, что термин не стал народным, свидетельствует в пользу этой версии. Только княжеские супружества назывались браком, ибо лишь они выражали идею объединения, политического союза. (В монгольском языке понятия «союз», «примирение» тождественны и выражаются термином «эвлэх»,

происходящим из древнетюркского **еблек** – женитьба, от **ебле** – женись, букв. «обзаводись домом».)

Во времена общения с булгаро-аварскими племенами в южнославянские языки могло войти то же слово, но в форме булгарской – **пірак** – соединение (**пірагу** – соединить). Оно стало общенародным, ибо выражало не политическое понятие, и конкретизировалось в терминах ремесла. Благодаря тесному народному общению славян с дружественными тюрками заимствованное слово сохраняет оригинальные фонетические черты – мягкость гласных. Чего не произошло в случае предыдущем. Даже колебание к/г тюркских образцов отражается в славянских дублях. (В тюркских конечное «к» перед любым гласным превращается в «г».) В славянских эти гласные палатализируются только под влиянием мягких гласных: к/ч.

Лексема эта пришлась славянам весьма кстати. От неё образовано целое гнездо слов, объединённых смыслом – соединить.

Сравните: пряжа, пряжка, упряжь, спряжение, прясть, пряду, прясло, напряг, запряг (но – запрячь, напрячь).

Чередованием я/у в данном случае я объясняю возможную замену – пірагу – піруга.

Сравните: 1) сопруга, сопруг (гласный приставки ассимилируется ударным, корневым гласным – супруга, супруг); 2) подпруга; 3) упруг, пружина.

В церковнославянском деформируется не только форма, но и смысл. Книжники, взяв из народного словаря термин «распряг», т.е. разъединил, придают ему политическую окраску и выделяют ложное существительное – распря – разъединение, разделение. Не очень точно определив смысл приставки рас- (раз-), они вычленяют новое слово «пря» в значении «ссора» (масштабно ославленная распря). Но именно приставка придавала негативный, обратный смысл корню пряг, пря. Калькой «распряг» можно считать русское

новообразование – «разъединил», где «единил» занимает место «пряг».

Славяне встречались со многими тюркскими племенами, и поэтому часты заимствования, сохраняющие диалектные особенности тюркских языков. Числительное «один» представлено в современных тюркских такими формами: мир (шорское), пір (хакасско-тувинское), пер, перре (чувашское), бир (азербайджанское, кумыкское, туркменское, алтайское), бір (ногайское, каракалпакское, киргизское, узбекское, казахское, уйгурское, турецкое), бер (татарское, башкирское), биир (якутское).

В языке орхоно-енисейских надписей (VIII век) – бір. Праславянской «**прягу**» предшествовала скорее всего – **пірагу**, где **і** – ослабленный мягкий полугласный звук, который может в славянской передаче редуцироваться или просто влиять на качество предшествующего согласного.

В слове **бьраты – единять** (собьрати, собирати – соединять. Сравните: разбирать – разъединять) участвует скорее всего форма «**бір**». Корень полногласный – «**бир**» появился в славянской литературе позднее.

Булгарская форма «пер», уцелевшая только в чувашском (она и повлияла на татарский и башкирский, превратив «бір» – в «бер»), отразилась в славянских вариантах порядкового числительного «**первь**», «**перший**». В местоимениях – «перед», «предь», «прежде». В приставках – пре-; пере-; при-.

(Давно лингвисты обратили внимание на супплетивность форм количественного и порядкового числительных «один» и «первый» в индоевропейских языках. Эта черта констатирована, но не объяснена. Ибо истолкованию не поддаётся и не поддастся, если и дальше не будут учитываться данные тюркских языков для выяснения некоторых «тёмных» страниц биографии индоевропейских языков.)

В тюркских языках имеются несколько видов числительных: количественное, порядковое, избирательное. Например, казахские: **бір** – один, **бірінші** – первый, **біреу** – один из многих (в русской транскрипции – брев).

Славяне ныне знают лишь два вида: количественное и порядковое. Из каких моделей они могли исходить, чтобы получить «первь» и «перший»? Мне кажется, из булгаризмов – «перів» – один из многих и «перірші» – первый.

При определении направления, в котором шло заимствование, я придерживаюсь морфологического принципа. Если анализ входных лексем, взятых из разных языков, показывает, что этимологии (прежде всего – грамматической схематизации) поддаётся одна из них, то её и следует признать первичной.

Например, славянское «перший» не этимологизируется средствами индоевропейских языков. Тюркское «**перінші**» – легко разлагается на корень **пер** – один и суффикс порядкового числительного **-інші**, восходящий к пратюркскому **-інті**. Выпадение согласного «н» объясняется фонетическим законом («падение носовых»), действие которого на раннем этапе испытали все славянские языки. Таким образом, я прихожу к выводу о первичности тюркской лексемы по отношению к славянской.

Связь тюркских числительных с индоевропейскими – тема обширная и многозначная. Она давно должна была бы стать объектом специальных лингвистических (палеографических) исследований, результаты коих могут оказаться неожиданными для историков.

Моя задача значительно уже – обосновать возможность проникновения в славянские языки тюркских лексем, связанных с идеей объединения.

В «1001 слове» выделены в самостоятельное семантическое гнездо все тюркизмы, несущие значение совокупности, связи, умножения. В эту группу включено и слово «брак».

Браки временно усиливали удельных князей, и это объективно ускоряло процесс объединения Руси.

Форма вассальных союзов со Степью, ещё продуктивная в начале XII века, за столетие обнаружила свою историческую непригодность. Русь крепла, и все чаще наносила удары по Полю. Родственные коммуникации настолько усложнились к тому времени, что браки со Степью утрачивали главный смысл. Почти все княжеские роды имели в Степи влиятельных свойственников.

Тугрохан выдаёт всех своих дочерей за русских князей. Всех зятьёв он по брачному договору обязан поддерживать в их удельных стремлениях. Но даже женитьба на сёстрах не примирила их. Они продолжают враждовать. Тесть оказывается в сложном положении. Принимая сторону одного зятя, он вынужден стать врагом другого. Так и получилось.

Великий Тугрохан, защитивший византийскую империю от нашествия печенегов, гибнет в мелком сражении от стрел воинов своего зятя Святополка.

Эта смерть символична. Она знаменует собой крах идеи династийного брака со Степью в условиях Руси начала XII века. Все меньше князей ездят в степь за невестами.

И постепенно забывается первое значение термина брак – «женитьба князя на дочери хана с целью установления тесных политических отношений».

Уже любая свадьба (правда, пока ещё только в высшем боярском сословии) называется браком. И остаётся, в конце концов, упрощённый смысл – «вступление в супружество». Вынужденная женитьба сына Игоря на Кончаковне – пожалуй, одно из последних звеньев в цепи династийных союзов с Полем, идущей из веков дохристианской Руси. Эпоха ига степных невест завершалась.

ЦВЕТА МЯКИНЫ

(Обобщающие имена степняков до XIII века)

БЕРЕНДЕИ

По примеру торкинов, шли на службу к русским князьям и другие тюркские роды, даже не связанные княжеским браком. Чаще всего это были обиженные печенегами, а позже половцами мелкие кочевые роды, которые не выдерживали конкуренции в Диком поле и становились федератами сильных северных соседей. Этих кочевников, отклонившихся, предавшихся Руси, надо полагать, печенеги и половцы прозвали «**берінді**» – в ассимиляции – **берендi**. I – в русском произношении «и» – совпало с окончанием множественного числа. В таких случаях в единственном числе появлялся рефлекс «й». Сравните: зодчи – зодчий, казначи – казначей. Такого происхождения «й» в окончаниях польских фамилий. Берендеи отличались от обычных наёмников жестокостью по отношению к своим степным соплеменникам.

В 1155 году берендеи, состоящие на службе у Юрия Долгорукого, захватили в плен много половцев. Уцелевшие сбегали в степь за «помочью», подошли к Киеву и просили Юрия, чтобы он приказал наёмникам вернуть пленных. Долгорукий только руками развёл, ибо берендеи отказались: «Мы умираем за русскую землю с твоим сыном и головы свои складываем за твою честь». Они отстояли своё право федератов на военную добычу и право изгоев на месть.

Берендеи, как и большинство торкинов, жили на Руси постоянно, «с родом своим». Они хотят за службу не денег, как того требовали варяги у новгородцев, но города для жительства (бенефицию).

В 1159 году предводители берендеев Дудар Сатмазович, Каракоз Миюзович и Кораз Кокей сочли для себя выгодным перейти от князя Изяслава к Мстиславу. Они послали Мстиславу сказать: «Если нас хочешь любить, как нас любил отец твой, и по городу лучшему (лепшему) нам дать, то мы на том от Изяслава отступим».

Мстислав согласился и выделил для них города.

Не все города русские, в которых жили берендеи, сохранили в названиях память о них. На Житомирщине, например, известен город Бердичев (в XVIII веке – ещё Берендичев).

КОВУИ

Рода ковуев пришли в Русь необычным путём. По летописной легенде XI века хан Редедя (Ер-дада), правивший народом косог, предложил Мстиславу храброму вместо боя поединок на условиях: победил – все моё переходит к тебе. И войско, и весь народ становится рыцарской добычей.

Мстиславу бог помог, и он «зарезал» Редедю. И увёл косогов в Чернигов. Потомки их служили верой и правдой Ярославу Черниговскому, который отпустил часть своей тюркской дружины с Игорем, и они полегли до единого на берегах Каялы. Половцы их в плен не брали. Потомки мстиславских косогов в XII веке выступают уже под именем – ковуй.

...Тюркские самоназвания в разные эпохи создаются по разным семантическим схемам. Летописи и «Поучение Владимира Мономаха» называют ряд имён половецких вождей, которые оказываются при рассмотрении названиями родов: Арслан-оба («дом Арслана»), Китан-оба («дом

Китана»), Алтун-оба («дом Алтуна»), Аепа («дом Айа») и т.д.[101].

В Ипатьевской летописи под 1185 годом перечисляются половецкие роды, участвовавшие в битве против Игоря: – «И токсобичи, и етебичи, и тертробичи, и колобичи».

Я восстанавливаю: токсоба («девять домов»), етіоба («семь домов»), тертоба («четыре дома»), колоба («пять домов»).

В этнонимах лексика сохраняется, подчас в весьма древнем состоянии. Так, форма «терт» – 4 во всех наречиях изменилась в «торт» (дорт, дурт, турт). Кол – уцелела лишь в значении «рука», а как числительное уже не употребляется. Вытеснена индоевропейским пес (бес) – 5.

Этноним «токсоба» еще в XIX веке отмечался в Средней Азии как одно из родовых названий кипчаков.

...В орхоно-енисейских памятниках (VIII) и в огузском эпосе распространены этнонимы «он ок» (десять стрел), «уч ок» (три стрелы), «бес ок» (пять стрел).

Слово «ок» – в большинстве тюркских наречений выступает в одном значении – «стрела».

В языках Алтая сохраняется «ök» – дом, род. Случайно, участвуя в составе этнонимов, ок – стрела стало обозначать – дом, род. К этому семантическому ряду я отношу и отмеченный летописью термин «косок» (косоги) – буквально: «объединённые роды».

Это же название союза родов. Редедя руководил, вероятно, одним из родов косогов.

Переселившись в Чернигов, этот род стал называть себя – кобуй («много домов») – ослабленная калька «косога»[102].

---

[101] Древнетюркское еб, аб – дом, юрта. В огузских и кипчакских наречиях формы развивались: оба (турецкое, крымское, ногайское, туркменское), уй (казахское, татарское, башкирское и др.).

[102] В Западном Казахстане и поныне сохраняются этнонимы этого типа: жетіру – «семь родов», бесуй – «пять домов», кобей (вероятно, из кобуй) – «много домов» и т.д. В Башкирии есть род – тюртуй – «четыре дома», имя стало названием города.

В «Слове» перечисляются «дома» (семьи), входящие в состав ковуев – могуты, татраны, шельбиры, ольберы, топчаки, ревуги.

С. Малов видел здесь имена батыров – предводителей отряда ковуев. С некоторыми его этимологиями можно согласиться. Реконструкции «Ер-буга» (ревуга), «Алпер» (ольбер) вероятны, ибо подобные имена встречаются в тюркской (в частности, казахской) ономастике. Как и Ер-деде (Ределя), Челебир (Шельбир).

ЧЁРНЫЕ КЛОБУКИ

Ещё одним, очень распространённым именем «своих» тюрок стало – «чёрные клобуки» (историки считают буквальным переводом известного поныне тюркского этнонима – **Каракалпак**). Если ковуи – гвардия черниговских князей, то чёрные клобуки – киевских. Чёрные клобуки очень влиятельны в Киеве XII века. Участвуют в киевском вече, наравне с русским населением избирают князя. Их мнение в выборе князя постоянно подчёркивается летописью.

Сын Юрия Долгорукого обращается к своему отцу в 1149 году со словами: «Слышал я в Киеве, что хочет тебя вся Русская земля и Чёрные клобуки».

Смерть киевского князя Изяслава оплакивала «вся Русская земля и все чёрные клобуки».

А когда на киевский стол прибыл Ростислав Мстиславич (сын Владимира Мономаха), то «были ему рады все: и вся Русская земля и все чёрные клобуки обрадовались».

После смерти Ростислава киевляне и «чёрные клобуки» приглашают Мстислава. Эта характерная формула «вся русская земля и чёрные клобуки» показывает, какое активное участие в политической жизни Киева принимало племя Кара-калпак.

НЕХРИСТИ

Психологически необходимость отрицательного имени – лжеэтнонима оправдана. Этнически и расово отличные миры находят друг другу универсальные определения, в основу которых подчас ложатся весьма общие характеристики.

1. В дохристианской Руси функцию обобщающего имени кочевников несли слова – языки, язычники – т.е. степняки (от древнетюркского йазык – степь, равнина).

Церковь придала этому лжеэтнониму новое значение – нехристиане, нехристи. В связи с этим он теряет конкретную направленность, им нарекают уже не только степняков, но и литовцев, и русских, не принявших истинной веры. Потребовалось новое имя для кочевников.

2. У греков заимствуется «*немас*» – пастух. Проходит стадию «народной этимологии», превращается в «*немес*», «*немец*» (корень совпадает с «нем» – т.е. дикоговорящий, неговорящий, непонимающий). Приложилось к западным народам, языков которых славяне не понимали.

3. Известно слово «*паган*», но церковники и ему со временем добавляют смысл – нехристь (старославянское «*погань*» – язычник, варвар, болгарское «*поганец*» – язычник, славянское «*похан*», древнепольское – «*поган*», современное польское «*поганин*», литовское «*пагонас*», латышское «*паганс*»). Сейчас производят от латинского «*паганус*» – сельский, новогреческого «*паганос*» – мужицкий (Фасмер и др.).

Едва ли славяне исходили из этих значений. Не все славяне были горожанами и не все жители сел – нехристями. И в древности, насколько нам известно, таких психологических ножниц между городом и деревней ещё не было.

Источником для славянского термина (и для греческого, латинского, болгарского), мне кажется, могло послужить

тюркское паган – «пастух» (паган, пакган, баккан, бакган) причастие прошедшего времени от пак (бак) – паси.

В дохристианские времена «паган», скорее всего, было нормальным, рядовым земледельческим термином в славянских языках. Во всяком случае, корень «пак» им известен. От него происходили глаголы «паси», «паши». Термином же, выражающим значение «возделывай землю», во всех славянских было – «ори» (орать). (Сравните чешское пахать – 1) пасти скот; 2) делать работу.) Лишь в русском «орать» заменяется глаголом «пахать».

4. Ещё одним обобщающим названием степняков стало **кощей, кощий**. В былинах – кощей, кощеище.

Термин встречается и в «Слове о полку Игореве»: «пересел Игорь из седла злата в седло кощиево».

В «Этимологическом словаре» Фасмера: «кощей, кощий – отрок, мальчик, пленник, раб («Слово о полку Игореве» из тюрк. кошчи – невольник от кош – лагерь, стоянка». Со ссылкой на Мелиоранского, Беркнера. Не согласен Фасмер с этимологией Соболевского (1866 г.), производившего от «костить» – бранить.

Значение слова определено неверно, как и семантика «прототипов». Мелиоранский и вслед за ним Фасмер определяют смысл «кощея» лишь по одному примеру из «Слова». Игорь после разгрома попал в плен, следовательно, напрашивается – пересел в седло раба.

Но тогда автору отказывает чувство реальности, если он и победителя, хана Кончака, называет кощеем. Князь Святослав Киевский обращается к Ярославу Галицкому с призывом отомстить за землю русскую, на которую сделал ответное нашествие Кончак – «стреляй, господине, Кончака, поганого кощея». Кончак не был ни пленником, ни рабом. Мелиоранский (1902 г.), на мой взгляд, неверно определил прототип – киргизское кошчи (которое, кстати, значит

«напарник», «ординарец», а вовсе не «невольник». И происходит от «кош» – «соединяй», а не «лагерь», «стоянка»).

А. Попов и вовсе предложил: кошчи – пахарь.

Думаю, что правильнее было бы сравнение с казахским **кощ** – кочевье, **кощщи** – кочевник.

В устной традиции долгий согласный сохранился в имени мифического героя, злого демона русских сказок – Кощей Бессмертный – олицетворение злой, непрекращающейся, неистребимой агрессии степи в эпоху Ига. А не Раб Бессмертный, и не Пахарь.

Игорь пересел в седло **кочевника**. Кончак – поганый **кочевник**.

В самом термине «кочевник (диалектная форма – «кощевник») слышится корень – кощ (коч). И в слове «кощун» – богохульник тоже раздаётся знакомый отголосок: речи и поступки нехристя – кощунство.

Так казахское кощщи – превратилось в письменные древнерусские формы – кощий, кощей, и в устные – Кощей Бессмертный. (Рефлекс «й», «ей», как в беренді – берендей, казначи – казначей, зодчи – зодчий и т.п.)

...Ни в каком другом языке так точно не сохраняются тюркизмы, как в русском. Мне в этом приходилось убеждаться, работая над «1001». Даже монгольский по общему признанию тюркологов наиболее родственный (из неродственных) корёжит тюркизм до неузнаваемости. В русском же сберегаются порой мельчайшие диалектные изгибы тюркского слова.

Я не берусь определять сходу факторы, способствующие столь высокой степени сохранности лексем, которые зачастую исчезают, не доходят до современных тюркских языков. Замечу лишь, что лингвистам-тюркологам, которые занимаются составлением национальных этимологических словарей, полезно, хотя бы на этот период стать славистами.

ПОЛОВЕЦ

Существует только одно толкование, утвердившееся в науке. От русского половый (половъ) – «светло-желтый, блеклый». Следовательно, уже не этническое, а расовое определение.

Славяне общались с десятками других тюрко-монгольских народов, принадлежавших к той же расе, что и кипчаки. Почему же цвет кожи именно этих последних настолько потряс воображение летописцев XI века, что они закрепляют впечатление в этнониме. (Попытки привести и синонимичное «куман» к смыслу «желтый» поражает своей искусственностью.)

К тому же, половый (плав – в южнославянском) не всегда обозначает цвет половы, но и «голубой» (сербо-хорватское и словацкое).

Методологической ошибкой этимологов, я считаю, попытку рассматривать историю слова вне его исторического контекста, в отрыве от семантического гнезда, которое составляют другие обобщающие названия степняков X–XII веков (торки, берендеи, печенеги, кумане, кощеи, поганые, языги, толковины). Типологически «половец» относится к этому ряду. И то обстоятельство, что термин не успел получить церковной окраски, как «языги», «поганые», может свидетельствовать в пользу его сравнительно позднего происхождения. «Языги» и «поганые» превратились в нехристей в первые времена христианизации, когда церковь яростно отделяла новообращенных от Поля, старалась нарушить вековые связи, придавая популярным в языческой славянской среде терминам отрицательное значение в соответствии с новой идеологией. Социальная структура восточнославянского общества «скотовод – оседлый земледелец» превратилась в резкую оппозицию «нехристь – христианин», и в непрерывной борьбе идейное противопоставление

приобретало все более эмоциональный характер: варвар – цивилизованный, чужой – свой, враг – друг и т.д.

Сила и письмо были в руках церкви; и постоянно употребляясь в негативном контексте, слова «поганый», «язычник», «кощей» приобрели значения, которые нам известны. Подлинные смыслы их были подавлены христианской оценкой.

Церковь популяризировала земледелие, насаждала этот новый для проторусичей способ производства, дабы прикрепить их к земле, ибо кочевничество и христианство – понятия несовместные. Где прикажете установить храм, если народ бродит? (Ещё в XIII веке упоминаются русские кочевники «бродники» с предводителем по имени Плоскиня. Скорее всего, это потомки древнерусских скотоводов, укрывшихся от преследования христиан в степи. В XV веке «бродники» стали называться казаками, пополняясь за счёт беглых крестьян, они образовались в самостоятельную русскую формацию, сохранившую в своём сложном этносе и древний способ производства.)

Свидетельством упорной борьбы церкви с русским кочевничеством может служить и лингвистический факт. В слове «крестьянин» совмещены понятия «христианин» и «земледелец». Ибо только земледелец мог стать христианином. Ни в каком другом европейском языке эти значения не контаминируются в одном термине.

Лишь в конце XIV века утверждается современный смысл, официально знаменуя окончательную победу земледельческого способа производства в Руси. До этого семантики «христианин» и «земледелец» выражались отдельно («крестьянин» и «оратай»). Борьба ещё продолжалась.

Из церковнославянского языка входит в русский специальная терминология: ори, орать, оратарь (оратай). Но она не стала народной.

Позиции скотоводов слабели. Русские оседают в городах и весях. Термины скотоводства переосмысливаются и становятся народными терминами земледелия. Диалектное «пахать» – пасти скот получает новое значение и утверждается повсеместно. Но и до сих пор недалеко ушли друг от друга **«паси»** и **«паши»**, ибо восходят к диалектным разновидностям одного и того же корня – пак (пах).

...Противопоставляя оседлых русичей кочевым (поганым), церковь сочиняет для первых название «поляне» от греческого полис – город, поселение. (Славянизированный грецизм участвует в именах городов современных: Севастополь, Симферополь, Тирасполь, Чистополь, Каргополь, Янополь и др.)

Поляне – не племенной этноним, а сословный. Этого не поняли следующие поколения древнерусских историографов, которые и «древлян» (как обобщённо назывались предки восточных славян, т.е. древние) толковали от «древо» (с ними согласны и современные нам исследователи). Выяснив таким образом «типовой проект» этнонимов, созданных до них, эти книжники сочиняют и «дреговичей» от дрегва – болото. То есть, если поляне – жители полей, древляне – насельники лесов, то людей, живущих в болотистых местах между Припятью и Западной Двиной, естественно назвать дреговяне, или по морфологической схеме, свойственной уже эпохе этих неологистов, – дреговичи.

...Поляне – любимое «племя» летописей; они противопоставляются былым «древлянам», пребывавшим в языческом невежестве. Искусственное книжное образование «поляне» – оседлые, горожане не было принято в качестве нарицательного термина. Причина этому, мне кажется, в том, что корень совпал с народным словом «полъ» – равнина, пустошь. Но насаждаемая церковниками оппозиция полис-полъ скажется на судьбе проторусской лексемы. Появляется довольно рано (в XI веке) компромиссный

термин – «поле» – равнина, где содержание сохраняется традиционное, но форма грецизирована. Он вытесняет из общерусского языка в диалекты старое полъ. Эти исторические обстоятельства (космос слова) надо учитывать при этимологии – «половец».

...Несколько лет назад я высказал в статье «Невидимые слова» осторожное мнение о происхождении «половец» от «поле». Сегодня хочу уточнить свою версию, предложив другой корень – «полъ». Суффикс принадлежности -ов, суффикс лица -ец.

...Форма «половец» построена по той же морфологической схеме, что и «степовец» и означает – «человек, принадлежащий полу», т.е. степи. Книжники XI–XII веков уже не знали этимологии этого слова, ибо «полъ» был вытеснен «полем».

Таким образом, «половец» – безукоризненная калька слова «язычник» в первом значении.

Калька понадобилась, ибо «язычник», приобретая новую расширенную функцию, перестал быть этнонимом.

Итак, обобщающие названия тюркского населения южнорусских степей с X по XII века составляют, по-моему, две семантические группы.

I. Этнонимы, образованные от терминов родства:

1) **Торки** – «родственники жены» (торкін).

2) **Печенеги** – «свояки» (паджанак).

II. Этнонимы, образованные от «хозяйственных» и географических терминов:

1) **Кощей** – «кочевник» (кощщі).

2) **Паган** – «пастух» (паган).

3) **Язычник** – «степняк» (йазык – нікі).

4) **Толковин** – неудачная калька предыдущего слова. Только в «Слове о полку Игореве».

5) **Половец** – «степняк» – калька «язычника».

Отдельно стоит **«берендей»** – «предавшиеся» или «подданные». Это уже кличка, данная кипчаками кочевникам, поступившим на службу к русским князьям (берінді).

«Черные клобуки» – калька тюркского самоназвания «Каракалпак».

Ковуи – передача казахского родового термина «кобуй». Этнонимы показывают сложную картину взаимоотношений христианской Руси с кочевыми племенами, сменяющимися в южнорусских степях на протяжении, по крайней мере, трёх веков.

КЫПЧАК

...Многие тюркские этнонимы являются как бы названием племенной тамги (герба).

Особенно заметно это в казахской этнонимике, так как большинство казахских родов и племён помимо имени сохранили и тамгу. Причём, как правило, знак древнéе названия. Форма знака толковалась неоднократно, и это отразилось в этнонимах.

Так тамгой рода «ойък» является круг. А эта геометрическая фигура в казахском называется – «ойък». Название тамги стало названием рода.

Простая черта является тамгой рода «тілік», и черта по-казахски – тілік.

Род балталы весьма гордится своим гербом «балта» (топор), а изображается он простым крестом.

Род найзалы – не менее мужественен. Его тамга – схематическое изображение копья (найза – копье, каз.).

В книге В.В. Вострова и М.С. Муканова «Родоплеменной состав и расселение казахов» (Алма-Ата, 1968 г.) приводится много примеров, показывающих, что этнонимы часто происходят от названия родового герба.

«Некоторые роды племени найман также получили своё наименование по значению тамг. Род баганалы имел тамгу бакан (от слова «бакан» – шест, подпирающий купол юрты)».

Трезубец был гербом нескольких казахских родов и племён. И толковали его значение по-разному. Одно из них мы уже привели – бакан. Другое «тарак» – гребень, легло в основу названия рода Тараклы (гребенные).

В наименовании крупнейшего казахского племени Жалайыр отразились два этапа осмысления племенного герба: жал – грива, и айыр – вилы, трезубец. Хотя позднейшее название тамги «тарак». Как видим, первое название тамги становилось названием рода (племени) и зачастую уже не осознавалось. Последнее название тамги могло отличаться от этнонима.

Тамга кипчаков – две вертикальные черты. Современное название «кос-алип» описательное – «два алипа» (первая буква арабского алфавита, альфа, изображается вертикальной чертой).

Несомненно, существовало до принятия арабского письма какое-то иное название тамги. Не сохраняется ли оно в этнониме «кипчак»?

В «Глиняной книге» я предложил возможный архетип **«ікі – пчак» (екі – пшак)** – т.е. **«два ножа»**, **пчак (пшак)** – очень узкий нож, стилет.

Весьма вероятно, что тамга «две вертикальные черты», некогда была названа ікі – пчак (еки – пшак), и это словопредложение в процессе слияния в одну конструкцию превращалось в кипчак (кыпшак). «Два ножа» удивительный этноним, если бы рядом не было таких, как «копейные» (найзалы), «топорные» (балталы), «круглый вырез» (ойык), «черта» (тілік), «грива-вилы» (жалайыр), «гребенные» (тараклы), «столбовые» (баганлы); если бы начиная с VIII века не отразились в письме племена «Десять стрел» (он ок),

«Три стрелы» (учок). К этому ряду я присоединяю и «пару стрел» (косок).

Тюркским самоназваниям вообще не повезло в летописной традиции. Племена «уз» (огуз, гуз) русские книжники величают торками, племена, «кангар» (возможно, канглы) – печенегами, кипчаков – куманами, половцами. А тех, и других, и третьих сообща – терминами, прошедшими церковную обработку, – язычники, поганые...

Книжная терминология в подобных случаях редко отражает народную.

Народ «кыпчак» упоминается в тюркской письменности очень рано. На каменной стелле, найденной на Енисее, писана хроника царствования кагана Союн-чура (VIII). Четвёртая строка начинается: «турк кыбчак еліг йыл олурмыс» – «тюрки-кыбчаки 50 лет обитали (у реки Орхон)».

В словаре Махмуда Кашкарского (XI век) говорится, что кыпчаки («кыфчак») распространили свои земли на западе до Руси и Рума (Византии). Тогда страна от Иртыша до Чёрного моря и стала называться в арабо-иранских источниках «Дашт-и-кипчак» – Страна Кипчаков. Название это сохраняется до XVI века. (Под кипчаками уже в раннем средневековье подразумевались все северотюркские кочевые племена).

Кыпчаки соседствуют с Русью и Византией почти два века, до взятия Киева Батыем (1240 год). В этой исторической ситуации они оказались реальной силой, могущей противостоять арабам и сельджукам.

...Роль, которую объективно сыграли тюрки-тенгрианцы в судьбах Восточной Европы в VII–XII веках, ещё по достоинству не оценена историками. С VII века начинается арабская экспансия. Объявлена Священная война – газават, конечная цель которой по грандиозному замыслу автора ислама – исламизация мира, обращение или истребление неверных.

В союзе с Византией против арабов в Малой Азии воюют хазары и другие тюркские народы. Кавказ покорен мусульманами.

Волны агрессии разбиваются о Хазарию, где находят приют бежавшие от мусульманского геноцида христиане и иудеи. Если в XI и XII веках Византия в огне газавата, то до Руси не долетела ни одна головня из этого гигантского костра. Пламя священной войны гасло, натыкаясь на обугленные южные окраины страны кипчаков.

Летописи, очень внимательные к любой стычке с Востоком, не приводят до XIII века ни одного случая нашествия мусульманских отрядов на пределы Киевской Руси. Поле преграждало путь исламу в Восточную Европу. Едва ли вожди кочевников до конца осознавали свою миссию. Но борьба за южнорусские степи велась, по-видимому, не только с целью захвата новых пастбищ, как договорились считать историки. Тюрки могли бы кочевать и по меридиану – лучшие пастбища оставались севернее, по Волге и Уралу. Со времен тюркского каганата по землям тюрок проходит Шёлковый Путь – самая знаменитая торговая артерия, соединяющая Восток с Европой. Высокие пошлины товарами (десятая часть с каждого вьюка) получают властители степи, гарантирующие безопасный путь караванам. Каждая тамга получает свою долю (тамгой – племенным гербом обозначаются границы расселения).

Войны между тюркскими кланами вызваны и стремлением удлинить в широтном направлении пределы тамги. Южнорусские степи издревле стали важнейшим ключевым участком караванного пути. И борьба за них была особенно ожесточённой. С X по XI век здесь сменяется власть двух тюркских народов огузов, печенегов. Последних вытеснили кипчаки.

...Замечательная деталь уцелела в летописи. Торговые караваны могли спокойно проходить через степь, невзирая на военные действия. (Лаврентьевская летопись, 1186 год).

Сведения о разгроме войск Игоря принёс Святославу Киевскому русский купец Беловолод Просович, проходивший с караваном по полю сражения. И половцы не причиняют ему никакого вреда. Половцы, которых историк А.И. Попов характеризует кратко и категорично – «кочевое население разбойничего склада».

Эти «разбойники» принесли с собой новую мораль. В 1054 году состоялось совещание Ярославичей, постановившее внести поправку в уголовное уложение Ярослава. Читаем в «Пространной правде»: «отложиша убиение за голову, но кунам ся выкупати, а ино все яко же Ярославъ судилъ, тако же и сынове его установиша».

Указана главнейшая задача совещания: отмена на Руси института кровной мести и переход на куновую систему – вещественную плату за кровь. «Кун» – плата за преступление (древнетюркское)[103]. Заимствование названия предмета может произойти и при случайных контактах, но восприятие закона нравственного свидетельствует о высокой степени государственных и культурных отношений.

В течение двух веков половцы прикрывали Русь с Юга и Востока, но поединка с монголами они не выдержали. Меч войны, поднятый Чингисханом, обрушился прежде всех на голову кипчаков.

Мои юношеские стихи:

Города возникали как вызов плоской природе.
И гибли в одиночку.
Старики, я хочу знать, как погибли мои города!

...Сырдарья погоняет ленивые жёлтые волны.

[103] Среди других юридических терминов, заимствованных в те времена, считаю слово **улика** – «вещественное доказательство преступления» от тат. lik – «труп».

Белый город Отрар,
где высокие стены твои?
Эти стены полгода горели от масляных молний,
Двести дней и ночей здесь осадные
длились бои.
Перекрыты каналы - ни хлеба,
ни мяса,
ни сена,
Люди ели погибших
и пили их тёплую кровь.
Счёт осадных ночей
майским утром прервала измена,
И наполнился трупами длинный
извилистый ров.
Только женщин щадили,
Великих, измученных,
гордых,
Их валяли в кровавой грязи
Возле трупов детей,
И они, извиваясь, вонзали
в монгольские горла
Исступлённые жала
изогнутых тонких ножей.
Книги!
Книги горели!
Тяжёлые первые книги!
По которым потом затоскует спалённый
Восток!
Не по ним раздавались
протяжные женские крики,
В обожжённых корнях затаился
горбатый росток.

Отрар был уничтожен дотла (1218 год). С этой зловещей победы и началось нашествие Чингисхана на мир. Отрар более не поднялся.

Сейчас – это обширный глиняный холм, испаханный траншеями археологов. Судьба Отрара мне напоминает историю кипчакского народа.

...Монашеское отношение к степнякам передалось и современным историкам. Так римляне всех неримлян (даже эллинов) нарекали варварами. Китайские хронисты не признавали за людей ни индийцев, ни иранцев.

Арабы, давшие миру алгебру, химию и астрономию, фигурировали на страницах европейских хроник только в качестве сарацинов, т.е. язычников и не более.

Кипчаки были полуоседлым народом. Они составляли значительный процент населения среднеазиатских городов Сыгнака, Туркестана, Мерке, Тараза и, главным образом, Отрара.

Отрарская библиотека считалась второй после знаменитой Александрийской. Из среды кипчаков вышли выдающиеся деятели науки и культуры Востока – Исхак аль-Отрари, Исмаил аль-Жаухари, Жемал аль-Туркестани, аль-Сыгнаки, аль-Кыпчаки и др.

Солнцем в этой плеяде звёзд был, несомненно, Абу Наср аль-Фараби (870-950 гг.), кипчак из города Отрара, основатель арабской философии, Второй Учитель мира, как называли его при жизни. Очень рано он добился возможности ознакомиться в подлинниках с произведениями великого Аристотеля, Платона и других древнегреческих философов. Он сделал музыковеденье отраслью математики. Оставил труды в самых разных областях науки. Писал стихи, как многие ученые-энциклопедисты того времени.

В Европе X века не было ни одной фигуры равной по значению для мировой культуры «поганому половцу» аль-Фараби.

...Монгольская опасность объединила на поле Калки кипчаков, русских и их вассалов – ковуев, берендеев, чёрных клобуков... Пёстрый образ народа южнорусских

степей. Калка стала последним щитом Руси. И этот щит не выдержал удара туменов Субудей-багатура. (Я не удержался и использовал значения тюркских слов **калка** – щит, **калк** – народ.)

13 – несчастливое число у христиан. **XIII век** стал трагически несчастливым и для кипчаков.

Монгольский буран разметал их по земле. Часть занесло в Венгрию, другие укрылись в горах Кавказа, некоторые оказались в арабских странах.

За века последующие кипчаки так и не смогли подняться и вновь обрести самостоятельность. Они ассимилировались в среде племён, увлечённых чингизидами, и после развала империи вошли в состав казахского, узбекского, татарского, каракалпакского и башкирского народов. В Крыму их потомки – степные ногайцы, на Кавказе – балкарцы, карачаевцы, кумыки, кавказские ногайцы.

...В метафорической фабуле казахского эпоса «Кара Кыпчак Кобланды» («Великий Кипчак Кобланды») выражена судьба кипчаков. Богатырь Кобланды могуч и щедр. Он никому не отказывает в помощи. Он отправляется в дальние походы выручать народы, нуждающиеся в поддержке. Единственно кого он не смог защитить – себя. Возвратившись из последнего похода, Кобланды нашёл свою землю разграбленной. Жену и детей его увезли неизвестные враги.

...В современной историографии и художественной литературе кипчакам повезло ещё меньше, чем на Калке. Раненных мечами добивают перьями.

К. Гамсахурдия не может простить им участия в освобождении Грузии. (См. роман «Давид IV строитель»). В битве при Дидгори на стороне Давида было 60 тысяч воинов. Из них 45 тысяч конников хана Артыка. Остальные – грузины, армяне, осетины.

Чтобы подчеркнуть роль рыцарей Картли, писатель-патриот превращает союзников в недочеловеков. Армяне

и осетины, по его мнению, трусы. Кипчакам же достаётся больше всех. Они, прежде всего, варвары, грабители, а не воины. В меню их входит человечья кровь и «собачье мясо, сваренное в кумысе». Шатры их почему-то покрыты шкурами белых медведей. (Хотя белых медведей кипчаки впервые увидели в XX веке, в Алма-Атинском зоопарке). Имена их в романе весьма характерны – «Абай», например.

М. Блок писал о некоторых французских эрудитах, яростно восставших уже в наши дни против реформ Великой французской революции. В частности, против конфискации земельных владений. Тон их критики был так оскорбителен для революции, что М. Блок вынужден был заметить: «*Какая была бы смелость, если бы они заседали в конвенте и там отважились говорить таким тоном! Но вдали от гильотины такая абсолютная храбрость только смешна! Было бы лучше выяснить, чего же в действительности хотели люди...*»[104].

Роман К. Гамсахурдия, вышедший в 1945 году (тоже символично!), вызвал две очень резкие рецензии – В. Шкловского («Знамя», № 5-6) и А. Антоновской, автора романа «Великий моурави» о Георгии Саакадзе («Новый мир», № 10). Основная мысль этих выступлений – формы патриотизма К. Гамсахурдия, мягко говоря, несовременны.

Автор не принял ни одного замечания, и в дальнейшем роман выходил без поправок.

(Кстати, несколько лет назад опубликован перевод «Алексиады» Анны Комнин. Большинство «византийских эпизодов было перенесено в роман из дореволюционного издания «Алексиады». Автор вольно использовал сведения византийского источника. Анна Комнин, описывая деяния своего отца, императора Алексея Комнина, показывает образец предельно правдивого отражения исторического

[104] Блок М. Апология истории. М., 1968, стр. 78.

факта в литературе. Чего стоит хотя бы такой трогательный эпизод из описания битвы Алексея с печенегами: «Сильный ветер и атаки печенегов не позволяли императору прямо держать знамя. Один скиф, схватив обеими руками копье, нанёс Алексею удар в ягодицу и, хотя копье не оцарапало кожи, тем не менее, причинило Алексею невыносимую боль, которая не покидала его в течение многих лет. Все это заставило императора свернуть знамя и спрятать его от людских глаз в кустиках чебреца. За ночь он благополучно добрался до Голон...» (стр. 212).

Не каждый современный писатель решится в таких неэпических подробностях изобразить подвиги своего национального героя.

В византийской армии служили представители многих народов. Известны имена военачальников тюркского, армянского, грузинского происхождения. Одного из них – Бакуриани К. Гамсахурдия вводит в число главных героев своего романа. Несмотря на то, что в «Алексиаде» ему посвящено всего несколько строк, К. Гамсахурдия вторгает его во все дела Византии, в сражения, в которых он не участвовал.

Так в романе красочно описано сражение греков в союзе с кипчаками против печенегов. Эта битва действительно состоялась в 1091 году, и завершила шестилетнюю войну Византийской империи с печенегами. Кипчаками в том сражении руководил Тугра-хан и Боняк, известные и русским летописям. Греками – Алексей Комнин. И Бакуриани (добавляет автор романа). Хотя последний, по сообщению той же Анны Комнин, погиб в битве с печенегами в 1086 году в самом начале войны, в первой же схватке. Смерть его описана в «Алексиаде»: «Доместик (Бакуриани) яростно сражался, с силой набрасывался на врага, но ударился о дуб и тотчас же испустил дух» (стр.202).

Хан Артык – отец Кончака и Турандохты (жены Давида IV). Его возвращение в степь описано в летописной легенде. Сырджан, брат его, прискакал на Кавказ, где Артык обитает уже долгое время. Он не поддаётся уговорам вернуться на родину. И тогда рассерженный брат выхватывает из-за пазухи клок травы степной. Запах сухого стебля полыни бросает Артыка на коня... Летопись приписывает ему слова «да лучше есть на своей земле костю лечи нели на чуже славну быти».

Эта же мысль выражена в казахской пословице: «*Бөтен ельде сұлтан болғанша өз еліңде ұлтан бол*» – «*Чем быть султаном в чужой стране, лучше – нищим на своей земле*».

Сын Артыка – Кончак помогал нескольким русским князьям восходить на киевский престол. Его активнейшее участие в политической жизни Руси освещено летописями. Он удостоился чести стать героем «Слова».

Сын его Юрий Кончакович руководил кипчакскими воинами в битве с монголами на Калке. Там же и сложил голову.

...О кипчаках нет ни одного научного исследования.

С горькой гордостью должен констатировать тот факт, что тема «кипчаки» стала появляться в казахской литературе лишь в последние десять лет, после моих исторических циклов «Дикое поле» и статей о «Слове» (1961–1965 гг.). По моему «заказу» Морис Симашко написал повесть «Емшан» о мамелюке Бий-Барсе, и Юрий Плашевский – роман «Кипчакская стезя».

Ученых же пока всколыхнуть не удалось. Историки наши до сих пор пребывают в состоянии летаргической спячки. Никогда не забуду январь 1964 года. В каталоге библиотеки Академии наук Казахской ССР я обнаружил русское издание «Хроники Вриенния» (1890 г.).

Вриенний – муж Анны Комнин, и сопоставление его хроники с «Алексиадой» (дореволюционное издание которой

мне было известно) могло и уточнить некоторые моменты в истории союзных отношений кипчаков с Византией, и дать новые сведения, упущенные Анной. Послав заказ, с нетерпением ждал...

Я разрезал листы хроники Вриенния расчёской.

Теперь, отправляясь в библиотеку академии, я запасаюсь костяным ножом для разрезания бумаг. Многие дореволюционные источники по кипчакам в нашей библиотеке вскрыты мною.

...Однажды Сергей Николаевич Марков, поэт-историограф, приехав в Казахстан, побывал на одном писательском пиру.

Он рассказал мне об этом событии, тряся головой от удивления: «Как можно не знать элементарных вещей!..». Контакты человека, переполненного с пустотой, всегда кончаются удивлением обеих сторон.

...а я одинок за столом –
кипчаков живые потомки
забыли о славном былом,
но русская муза готова,
склоняясь на пыльный гранит,
прочесть половецкое слово
на жаркой груди пирамид...–

написал он после того застолья.

В 1929 году опубликован рассказ С.Н. Маркова «Синие всадники», выдержки из которого могут дать хотя бы конспективное представление о последнем этапе биографии исторических кипчаков:

«Мне пришлось два дня делить хлеб и табак с двумя кавалеристами из национального эскадрона. Они носили толстые, как сугробы, белые фуфайки, начищенные сапоги со шпорами и синие мундиры и штаны. На чёрных крючках вагонных полок висели две фуражки, отмеченные красными

звёздами... Рядом с фуражками как маятники качались шашки в чёрных ножнах. На убогой станции Тонкерыс в двери вагона втиснулся беспокойный старец в огромной бараньей шубе. Он разыскивал место и таскал по вагону, держа в руках новое седло со связанными на луке стременами. Один из кавалеристов вежливо освободил новому спутнику кусок наших нар.

– Хорошо, хорошо, воины, – заверещал старик, сбрасывая шапку с потной головы. – Ваши мечи не упадут с крючков на мою недостойную голову? Слушаю покорно ваши мудрые ответы. Я из племени Джетыру, из рода Тама...»

Нам интересен конец рассказа. «В вагоне таминец снова начал разговор о предках:

– Воины, – спросил он, – я забыл узнать у вас, из какого рода вышли вы и ваши отцы?

– Мы кыпчаки, – ответил Кабыр-жан, – наша тамга – две короткие чёрные черты, как два прямых копья.

– Как же вы попали на Кургальджин? Ведь ваш род кочует по Тургаю. И вас очень мало сейчас на земле...»

Автор, удивлённый встречей с живыми потомками кипчаков, не удержался и привёл справку сведений о последнем важном периоде истории средневековых кочевников: «Кыпчаки прошли мир от Арала до Чёрного моря и венгерских степей. Они были наиболее древним казахским родом. Может быть, они возводили город Азак на побережье Азовского моря. Они валялись в каменной пыли Южного полуострова у подножья Генуэзских башен, и защитники разбойничьих твердынь сбрасывали на голову азиатов гранитные глыбы.

Раненых и пленных кыпчаков генуэзцы сковывали попарно цепями, бросали в трюмы кораблей и везли в Африку на невольничий рынок.

Азиатские невольники, главным образом кыпчаки и черкесские рабы, были названы в Стране пирамид именем

мамелюков. Они составили касту рабов и в последствии – воинов. Один из египетских султанов в полдень тринадцатого века составил из мамелюков свою личную гвардию. Раскосые гвардейцы, получив в руки оружие, решили уничтожить навеки следы рабских плетей. Они дождались знаменательного 1250 года, когда по свидетельству истории, мамелюки свергли тех, кому они служили, и посадили на султанский трон потомка рабов, кыпчака Убака. Во время царствования мамелюкских султанов сумрачные дворцы все время озарялись заговорами, дворцовыми переворотами и убийствами.

В 1381 году, через год после того, как русский князь Дмитрий Иванович, известный под именем Донского, покрыл берега Дона у Куликова поля трупами татар, мамелюки сменили первую и возвели на трон вторую династию.

Мамелюки постепенно получали в свои руки оружие, власть и, наконец, земли. Наделённые тучной нильской землей, бывшие рабы превратились в феодалов. Им принадлежали рисовые поля и длинная египетская пшеница. Они командовали войсками и сумели удержаться даже после завоевания Египта турками. Турецкий престол окружала местная знать, представленная теми же бывшими невольниками.

Первым, кто подорвал господство мамелюков, был молодой, длинноволосый французский полководец. Он сумел натравить на мамелюков безземельных феллахов, внушив им страшную ненависть голодных. Мамелюки сначала не простили Бонапарту этого поступка.

«Маленький капрал» вернулся во Францию, оставив в Египте своего наместника генерала Клебера. Этот генерал торжественно признал мамелюка Мурад-бея всеегипетским султаном и вассалом Франции. Но Мурад-бей решил своеобразно отблагодарить французского генерала

и, не откладывая в долгий ящик своего намерения, убил Клебера.

В 1811 году некий Махмед-Али, наместник Турции, круто расправился с мамелюками. Они были слишком беспокойными людьми и, конечно, мешали каждому свежему завоевателю. И поколение рабов было истреблено солдатами Махмед-Али.

Но на этом не закончилась вся история свирепых воинов, рабов, царедворцев и снова рабов великого военачальника, видевшего пожар Москвы.

Наполеон Бонапарт вывел из Египта экзотический «конно-гвардейский эскадрон» для своей личной охраны, и беспокойным и храбрым сердцем этого отряда были мамелюки. Они сопровождали императора во всех его походах.

И я сам видел последний мучительный знак их существования и конца под золотыми орлами корсиканца.

...Я возвращаюсь в яблочные сады Подмосковья, туда, где пыльные Кунцево и Фили лежат на высокой гряде Сетунского стана. Один из медленных дней Сетунского стана был украшен сказочным событием. Рабочие, копавшиеся в земле, неподалеку от дороги, по которой когда-то шёл на Москву Наполеон, вырыли и поставили на откос три почерневших неизвестных гроба. Когда отлетели почерневшие источенные временем крышки гробов, жители Сетунского стана увидели прямые, как оружейные стволы, трупы в ярких мундирах.

Сухой песок чудесным образом сохранил тела; они были нетленны; в тёмных ртах мертвецов белели крепкие зубы. Пятки гвардейцев были составлены вместе, носки раздвинуты, как у людей в строю, а шпоры согнуты, видимо, потому, что они мешали положить на тела гробовые крышки. В них, очевидно, упирались поднятые шпорами носки высоких ботфорт.

Почерневшие лица хранили на себе спокойную широкую улыбку. Её портили лишь вылезшие ресницы и брови. У мертвецов были раскосые глаза и широкие скулы.

Это были, судя по форме, солдаты мамелюкского отряда. Он окружал Наполеона при его вступлении на Поклонную гору.

Мамелюки завершили круг невероятной жизни своих поколений у подножья горы, за головой которой стоит Москва.

И в час, когда тёплый ветер играл клочьями ненадёжных, как прошлогодняя листва, мундиров и весёлые люди-землекопы, лётчики и водители автомобилей, проходя мимо гробов, заглядывали в лица мумий, приехавший из города музейный человек обратил моё внимание на один из трупов, наиболее рослый и пышный по своей одежде.

На согнутом чёрном пальце мертвеца голубел широкий перстень предков с изображением кыпчакской тамги. Может быть, его делали хмурые мастера на улицах древней кыпчакской столицы – Отрара, от которой остались только кирпичи и прекрасные песни.

Сколько крепких жёлтых пальцев знало это кольцо бессмертного народа на своём пути от пустынь, венгерских степей, генуэзских твердынь к пирамидам Египта, влажным камням Венеции и, наконец, к чёрной земле Сетунского стана?»

ИСТОРИКИ И ИСТОРИЯ

Лицо обращено к тебе,
но очи смотрят мимо...

Академик Греков в капитальном труде «Киевская Русь» (1953 г.) обобщил широкий материал, накопленный летописями. В предисловии он писал: «И письменные, и неписьменные источники к нашим услугам. Но источник, какой бы ни был, может быть полезен лишь тогда, когда исследователь сам хорошо знает, чего он от него хочет»[105].

В этих словах изложена суть метода, принёсшего много бед историографической науке. История, повинуясь ему, послушно открывала только то, чего от неё ждали. Факту прошлого отводилась пассивная роль доказательства современной идеи.

И, к сожалению, главный специалист по Киевской Руси в упомянутой работе подтвердил продуктивность такого подхода. Стремясь доказать, что Киевская Русь была государством цивилизованным, автор в угоду европейским связям решительно обрывает нити, соединяющие её с Востоком. Главе «Древнерусское государство и кочевники южнорусских степей» в томе из 600 страниц отведено 3 страницы. Из них 2 посвящены конфликтам Византии с печенегами. Картина эта нужна только для того, чтобы сделать очень важный вывод: «Как мы легко можем убедиться, печенеги не вызывали на Руси никакой паники»[106].

[105] Греков Б.Д. Киевская Русь, М., 1945, стр. 21.
[106] Там же, стр.470.

Полстраницы отведены половцам. А все три вместе взятые должны иллюстрировать основную мысль автора – Русь часто воевала с кочевниками, иногда покупала (или захватывала) у них скот, но **никогда** не вступала в культурное взаимодействие.

Куцый образ кочевника представлен в одной ипостаси – варвар.

...Научная историография зародилась в России, уже принявшей статус империи. Официальная наука, естественно, не позволяла себе даже намёка на возможность иных взаимоотношений в прошлом народов метрополии и колоний.

Средневековые летописцы выполняли заказы князей, выражая мнение сюзерена и церкви. Историки официального толка подтверждали на примерах былого правоту самодержавного государства.

К несчастью, ученые предрассудки нигде так не живучи, как в истории и лингвистике.

Можно понять ученого XVIII века: культурная отсталость, нищета подневольных тюркских насельников окраин Российской империи могли внушить ему всякие чувства, кроме уважения.

Но современные знания позволяют представить диалектическую картину развития общества, взлёта и деградации культур; отличить зерно фактов от плевел монашеско-княжеской констатации и не принимать оценочные соображения за образ истины.

Объективные сведения о материальной и духовной культуре тюркских народов средневековья, которые не существовали изолированно от передовых цивилизаций того времени, тех народов, с коими довелось им теснейшим образом общаться, можно было бы собрать и в прошлом веке, и в настоящем. Источники те же.

Объективными я называю эти сведенья потому, что содержатся они в хрониках мусульманских, буддийских и христианских государств, чьих авторов нельзя уличить в добром отношении к кочевникам, и потому, что последние, с точки зрения всех новейших религий, были не больше чем язычники, и потому, что чаще всего необходимость писать о них возникала в моменты драматические для тех народов.

В русской исторической науке XIX века выделялись отдельные работы, в которых проглядывали признаки новаторского отношения к тюркской проблеме.

Первые опыты обзора политической жизни хазар и анализа их своеобразного социального устройства были даны в работе замечательного востоковеда В.В. Григорьева (1816–1881 г.г.). Его блестящие статьи «О двойственности верховной власти у хазаров» и «Обзор политической истории хазаров», несмотря на издержки теоретического свойства, общие для большинства исторических исследований того времени, сохраняют бóльшую объективность в подборе и оценке фактов тюркской истории, чем многие работы, написанные на эту же тему значительно позже.

«Когда величайшие безначалие, фанатизм и глубокое невежество оспаривали друг у друга владычество над Западной Европой, держава хазаровская славилась правосудием и веротерпимостью, и гонимые за веру стекались в неё отовсюду. Как светлый метеор ярко блистала она на мрачном горизонте Европы и погасла, не оставив никаких следов».

Броскость этого заявления была вызвана необходимостью привлечь внимание ученых к вопросу взаимоотношений Руси со степными соседями.

Через век выводы В.В. Григорьева были оспорены в небольшой по объёму и грозной по следствиям для хазарской

темы статьёй П.И. Иванова, называвшейся весьма характерно «Об одной ошибочной концепции»[107].

После этого выступления появились работы, извращающие подлинную историю хазар с целью, во что бы то ни стало принизить историческое значение этого народа и созданного им государства[108].

В 1962 году опубликован обширный труд М.И. Артамонова «История хазар», обобщающий почти всю мировую литературу по хазарской проблеме. Чтобы понять результаты этой гигантской работы, и цели её, и сложности, стоящие перед незаурядным историком, разрабатывающим конфликтную тему, достаточно сравнить Предисловие и Заключение.

В предисловии: «Хазары создали обширное государство, в течение длительного времени вели ожесточённую борьбу с арабами и остановили их продвижение на север. С их помощью Византия выстояла в схватке с арабским халифатом. Одного этого достаточно, чтобы обеспечить хазарам прочное место на страницах всемирной истории и истории нашей страны, и привлечь к ним внимание исторической науки.

Не следует также забывать, что хазарское государство было первым, хотя и примитивным феодальным образованием Восточной Европы, сложившимся на местной варварской основе... Хазария вместе с тем была первым государством, с которым пришлось столкнуться Руси при её выходе на историческую арену. Это исторический факт, который невозможно опровергнуть и который необходимо учитывать в полной мере для того, чтобы правильно понять ход исторического развития не только Руси, но и всей Восточной

[107] «Правда», 25 декабря 1951 г.

[108] Рыбаков Б.А. Русь и Хазария. Академику Грекову ко дню семидесятилетия. Сб. статей, 1952 г.

Европы. **Три века существования не могли пройти бесследно**...» (Подчёркнуто мной – О.С., стр. 38).

Эти слова согласуются и с фактами, и с основными положениями трудов отца русской хазарологии В.В. Григорьева.

Теперь почитаем заключение:

«Русские никогда не чуждались культурных достижений Востока. От тюрок они унаследовали титул кагана, который принимали первые русские князья, от печенегов была заимствована удельно-лестничная система – знаменитый «ряд ярославль», от половцев изогнутые сабли и многое другое, а **от итильских хазар русы не взяли ничего!**» (Подчёркнуто мной – О.С., стр. 458).

Вот вам и три века существования и взаимодействия, которые «не могли пройти бесследно»!

Почему-то в книге не нашлось места хотя бы для такой справки из русских летописей, которые сообщали, что Киев, ставший центром русского государства, основали хазары.

В выводах своих заключение безукоризненно совпадает с категорическими утверждениями автора давней заметки П.И. Иванова, который по признанию самого М.И. Артамонова не был специалистом-хазарологом...

А.И. Попов в 1946 году выступил с большой статьёй «Кипчаки и Русь», до сих пор пользующейся спросом у специалистов по «Слову».

Лингвист нынче без историка ни на шаг. Историк формирует его взгляды, и он подходит к лексическому материалу с засученными рукавами. А.И. Попов выступал сразу в двух качествах – как специалист-фактограф и как языковед.

Историк А.И. Попов начинает просто и решительно: «Следует сразу же сказать, что воздействие половцев на русских было ничтожным. В соответствии с этим число половецких слов, попавших в русский язык, ничтожно» (стр. 114).

Странные выводы историка А.И. Попова приводят и лингвиста А.И. Попова к таким же результатам.

Он решается назвать точную цифру слов, заимствованных русскими у тюрок – 10 (десять). Как-то – сайгат, кочь, кощей, чага, ватага, евшан, кумыз, курган, ортьма, япончица. Но тут же оговаривает: «С уверенностью нельзя назвать именно половецкими почти ни одно из этих слов, так как с неменьшей вероятностью можно приписать их туркам и берендеям. Из всего домонгольского запаса тюркских включений в разговорном русском языке пережили до наших дней 2-3 слова (курган, ватага, кумыс), причём, нельзя поручиться, что здесь есть преемственность от половецкого времени, так как эти слова могли много раз быть переданными с востока и позже – при монголах, что гораздо вероятнее.

Это показывает слабость культурного влияния половцев на Русь, что, разумеется, является вполне естественным. **Если хазарские и булгарские отношения со славянами не оставили почти никаких следов в славянских языках и фольклоре, то что могли оставить половцы!**» (стр. 117).

Вся работа написана с целью обосновать (не фактами сопоставляемых словарей, а громкими заявлениями) подчёркнутый мною вывод.

Историки, касающиеся вопросов тюрко-славянских отношений, любят, как я заметил, характеристику – «ничтожные».

Ф.П. Сороколетов, автор солидного труда «История военной лексики в русском языке», встречаясь с тюркизмом, словно извиняется перед читателем, предваряя объяснение такими, например, скороговорками: «Ертаул (ертоулъ, ертулъ). Татаро-монгольское влияние на формы организации русского войска и методы ведения войны, как отмечалось многими военными историками, было ничтожно»[109].

[109] Сороколетов Ф.И. История военной лексики в русском языке. Л., 1970, стр. 194.

Неужели эти слова необходимы только для того, чтобы ослабить воздействие рядового сообщения, следующего ниже?

«Ертаул обозначает один из военных отрядов, составляющих боевые порядки русского войска. До встречи с татаро-монголами в русских войсках такого отряда не было, не было, естественно, и термина».

В другом месте, прежде чем сообщить, что – «несомненными тюркизмами в системе обозначения воинов являются баскакъ, уланъ, есаулъ, сеунчь, калга, улубий, чеушъ», – автор информирует, что «тюркский вклад в русскую военную терминологию остаётся, в общем, незначительным. Как тюркская военная организация и военная тактика не затронули основ русского войска, так и лексические заимствования из тюркских языков не оставили сколько-нибудь заметного следа в русской военной терминологии»[110].

Настойчиво и однообразно подчёркивается мысль, что «незначительные вкрапления иноязычных слов в систему обозначения оружия (сабля и саадак и некоторые другие) не меняют дела. Не оставило заметного следа в военной лексике, как и в самом военном искусстве, татаро-монгольское владычество. До половины XVI века русская военная лексика была в основном свободна от иноязычных (читай тюрко-монгольских – О.С.) влияний».

И совсем иначе обстоит дело с вопросом западноевропейских влияний.

...Было бы правильней делать выводы после сопоставительного изучения древнерусских и древнетюркских материалов. Сравнение обнаружило бы значительные совпадения в структуре войск, тактике, терминологии. И это естественно: тюркские подразделения издавна и традиционно входили в состав княжеских войск до XIII века, являя

[110] Там же, стр. 252-253.

собой основную ударную силу воинства многих «уделов» Руси.

Истоки древнеславянской военной лексики относятся к эпохе **славяно-тюркского единства**. Этот необычный пока термин доказуем: источники дают для этого основания. И, прежде всего – словарь. Целый ряд обозначений наиболее общих понятий военного дела получен от древнетюркских языков. Такие как – «воин», «боярин», «полк», «труд» (в значении «война»), «охота», «облава», «чугун», «железо», «булат», «алебарда», «топор», «молот», «сулица», «рать», «хоругвь», «сабля», «кметь», «колчан», «тьма» (10 тысячное войско), «ура», «айда». Они уже не выделяются из словаря, эти обкатанные в веках невидимые тюркизмы. Лингвисты замечают лишь позднейшие, явно «неродные» включения: саадак, орда, бунчук, караул, есаул, ертаул, атаман, кош, курень, богатырь, бирюч, жалав (знамя), снузник, колымага, алпаут, сурначь и т.п.

Проштудировав всю небольшую (даже количественно) литературу, посвящённую проблеме славяно-тюркских культурных взаимоотношений, я с грустью убедился в том, что большинство авторов брались за трудную эту работу ради того, чтобы доказать заранее им очевидное – никаких культурных отношений с дикими кочевниками не было и быть не могло.

Позиция, активно заявленная академиком Грековым, и метод обработки исторического материала, описанный и продемонстрированный в «Киевской Руси», к величайшему сожалению, не утрачивают актуальности и во многих современных исследованиях.

...Я выбрал для демонстрации вульгарного внеисторического подхода к историческим проблемам работы разные и по масштабам исследований и по стилю изложения.

...Как трудно было ломать в европейской науке лёд недоверия к кочевникам, говорит печальная судьба книги

выдающегося востоковеда Григория Потанина. Книги незаслуженно забытой – «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе». Она вышла в Москве в 1899 году «на средства, пожертвованные Ю.И. Базановой».

Сравним и здесь предисловие и заключение.

«В этом предисловии я хочу ограничиться двумя-тремя словами по поводу тех недоумений, которые могут явиться при первом беглом взгляде на книгу. Господствующая идея книги, идея о единстве средневекового западного и восточноордынского эпоса распространяется и на эпос западной Европы, может с первых же строк книги вызвать некоторые возражения.

Во-первых, с первого же раза может показаться невероятным обмен эпосами на таком дальнем расстоянии как центральная Монголия и центральная Франция, как берега Орхона и Керулена на востоке и берега Сены на западе.

Другое возражение – могут сказать, что трудно допустить возможность воздействия некультурных варварских орд Средней Азии на культурную европейскую среду...

Эпоху, когда происходит обмен эпическими материалами, можно предположить очень ранней; можно не приурочивать её к позднейшим переселениям среднеазиатских орд; этот обмен совершался в то отдалённое время, когда не было той разницы в культуре между центральной Европой и степями Средней Азии, какая появляется позднее. В те отдалённые времена могли быть и такие случаи, когда ордынцы, пришедшие в юго-восточную или среднюю Европу, оказывались людьми высшей культуры в сравнении с туземцами» (стр. 1-2).

И в «Заключении»: «Пренебрежение ученых к степным народам задерживает развитие науки. Установлению правильных взглядов на роль этих варваров и на историю духовно-культурных заимствований мешает наше арийское высокомерие, ложная историческая перспектива, вследствие которой все напоминавшее христианские апокрифы

признавалось за похристианское, и несмелость мышления, порабощённого рутинными взглядами и рутинными верованиями.

Было время, когда история средневековой литературы в Западной Европе не пользовалась славянскими памятниками, считая их малозначительными: теперь важность славянской письменности оценена: некоторые факты средневековой литературы освещены только при помощи славянских памятников. Может быть, такой же поворот нужно ожидать и в отношении к степному преданию. Может быть, будет признано столь же невыгодным для науки дальнейшее пренебрежение к степным преданиям» (стр. 856).

Этим криком надежды завершается книга, вышедшая в последнем году XIX века. Но как мы видели, век этот в исторической науке продолжается. Бесценные труды, подобные потанинскому, забыты.

И через полвека славист В.А. Пархоменко вынужден статью «Следы половецкого эпоса в летописях» начинать со слов: «Наши летописи не оставляют сомнения в тесных, близких связях, существовавших в XII веке между социальными верхушками Руси и половцами. Идея извечной, принципиальной борьбы Руси со степью **явно искусственного, надуманного происхождения**».

И кончает статью словами: «Вообще следовало бы внимательней присмотреться к половцам и поискать следов их воздействия как в древнерусской литературе, так и в памятниках литературной культуры».

Поискать следов!.. Не намного же продвинулась наука, если и сегодня, через несколько десятилетий после В.А. Пархоменко, мы вынуждены призывать «повнимательней присмотреться...».

Вернёмся к «Киевской Руси» Б.Д. Грекова[11].

[11] Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1945.

Упорно и горделиво говорил он о браках русских князей дома Ярославова с германскими невестами. Святослав Ярославич женился на сестре трирского епископа Бурхарта, два других князя (имена неизвестны) женились – один на дочери саксонского маркграфа, другой на дочери графа штадского. Внучка Ярослава вышла замуж за германского императора Генриха IV.

Вывод: «Эти отрывочные известия говорят о тесных связях Киева с Германией» (стр. 488).

О связях Руси с Францией говорит брак короля Генриха I с дочерью Ярослава, Анной.

«О сношениях Руси с Чехией свидетельствуют брачные связи между чешскими и киевскими княжескими домами: одна жена Владимира была чехиня» (стр. 487).

О многочисленных династийных браках Руси с Полем в огромном томе нет ни слова. А ведь и Ярославичи женились на принцессах Турандот, следовательно, устанавливали политические связи с тюрками на высшем уровне.

Трудно предположить, что опытный историк не заметил в летописной литературе этих фактов. Восстановил же он титулы и имена германских и французских зятей Ярославовых, которые не сохранились в летописи. Это ему нужно было для доказательств версии, что благодаря таким связям в Киевскую Русь проникали европейские языки. «Неудивительно, что в этой обстановке дети Ярослава научились говорить на многих языках», – заявляется уже в авторском предисловии к «Киевской Руси» (стр. 17). Теоретически вывод, может быть, и правильный. Но практическая база ориентирована неверно.

...Династийные браки, несомненно, важный фактор, способствующий не только политическому, но и культурному сближению народов, тем более, если они тесно соседствуют на протяжении долгого времени. С невестой приходит её почётная охрана на вечное поселение. А эти дружины

состояли из сотен воинов с семьями. Они селились вокруг княжеских дворцов, и постепенно становились одним из основных компонентов смешанного населения городов Киевской Руси. Их-то и называли торками, печенегами, куманами, а потом переносили имена эти на их степных родственников.

И следующие поколения князей приводили невест и дружины, приданные им, в те же города. Тюркоязычный элемент усиливался.

В среде, насыщенной поэзией тюркской речи, мне кажется, и творил неизвестный автор «Слова о полку Игореве», произведения, посвящённого одному из нерядовых эпизодов славяно-тюркской истории.

Он, сын своего времени и сословия, свободно и естественно употреблял в тексте не только невидимые уже тюркизмы, но и живые тюркские термины и лексические формулы, не боясь быть непонятым своим читателем. **Он рассчитывал на двуязычного читателя XII века.**

Через несколько веков, когда значение тюркского языка в Руси уже не было столь насущным, и он забылся, многие иноязычные включения «Слова» стали резко заметными; они выпирали из текста, бросались в глаза (пресловутые чага, ортьма, япончица и др., не вошедшие в общерусский).

Языковая ситуация, сложившаяся в городах Киевской Руси в XII веке, напоминает мне ситуацию времени Пушкина и Толстого, когда высшее русское сословие было практически двуязычным.

В XX веке многие выражения Пушкина и целые страницы из романов Толстого пришлось переводить на русский. Пример того, как быстро может измениться языковая ситуация. Отличие, несомненно, есть. Прежде всего, в том, что тюркский язык в XII веке распространился не только при княжеских дворах, но охватывал и торговое сословие, и воинское.

В армии российских императоров не было французских частей.

В войсках киевских князей, как мы видели, воины-тюрки составляли значительный процент. И управлять ими можно было, зная их язык.

Если бы до нас дошли протографы летописей X–XI–XII веков, мы, возможно, убедились бы, насколько силен был тюркский элемент в литературном южнорусском языке в эпоху раннего средневековья.

Если бы «Слово о полку Игореве» не переписывалось в XVI веке!.. Сохранились Переписчиком в тексте только те тюркские слова, которые ещё были в ходу в северорусском наречии.

Но даже уцелевшие при переписке тюркские включения придают речи «Слова» особый колорит и вкус, как щепотка баскунчакской соли, растворённая в чаше днепровской воды. Или капля крови. Или слеза.

ВОЙНА И МИР

Работу над этой главой я прервал, чтобы слетать в Дубулты на четырехстороннюю встречу писателей. С 13 по 16 мая 1974 года в зале Дома творчества шли обсуждения литературных дел с участием четырёх делегаций – Индии, Бангладеш, Пакистана и Советского Союза. Главной темой дискуссии, так же как и на первой встрече в Ташкенте, и на конференции в Алма-Ате, стал вопрос: отношение к культурному наследию. Выступающие не выделяли его из общей проблемы – современность и история. Делегаты говорили о том, что научно-техническая революция увеличила психологическую дистанцию между прошлым и настоящим. Есть ли необходимость вникать в идеи старика Вольта о гальванизации, чтобы включить зажигание в автомобиле?

Яростное отрицание классической истории – одна из характерных черт мировоззрения молодой интеллигенции Азии.

Недоверие к истории и на Востоке, и на Западе вызвано тем, что история, как считал Поль Валери, дискредитировала себя в последние столетия. Она слишком долго была прислужницей политики, источником шовинизма и национализма.

Даже влюблённый в историю Марк Блок вынужден был, говоря о влиянии историков на историю, некогда заметить: *«И правда, у человека, который, сидя за письменным столом, неспособен оградить свой мозг от вируса современности, токсины этого вируса того и гляди профильтруются даже в комментарии к «Илиаде» или «Рамаяне»*[112].

История участвует в формировании современного мировоззрения. Ученые, состоявшие на службе империализма и колониализма, своими авторитетными трудами, прививали народам комплекс расовой и национальной неполноценности.

Против этого решительно выступила советская историческая наука...

На совещании хорошо думается. Как на концерте симфонической музыки. Речи или музыкальный фон стимулируют мыслительный процесс. Ассоциации непрерывны.

...Упорная вера в неизменность вещей делает науку ненаучной. Действительность может быть понята по её причинам – искал выход Лейбниц. Но причины часто постулировались в практике, ибо они должны были служить убедительным оправданием необходимого следствия.

Смешение преемственной связи с объяснением – не всегда заблуждение, но нередко метод исследования. Сила персональной оценки превосходит историческую истину,

[112] Блок М. Апология истории. М., 1968, стр. 25.

и вольно или невольно факт приобретает черты сатанинские и обречён на презрение ученого, так как идее божеской факт служить уже не может. Следовательно, не нужен.

Одной из причин ненаучности историографии можно назвать и слепое доверие к письменным источникам. Они отдельно и в совокупности опровергают ходячую поговорку – «история права». Принимая любое свидетельство древних хронистов на веру, мы получаем ложное представление о минувшем. Историческое событие чаще всего описано с одной стороны, и беспристрастность её ещё требует доказательств. В сознании наших предков были свои внутренние перегородки; в каждой местности и эпохе – свои.

Но что объединяет древних писателей всего мира – любовь к драме. **Война и мир**. Эта оппозиция увидена писателем в XIX веке. Но формула древних исторических сочинений проще – Война.

Каждое мгновение войны озарено кричащим словом летописца. Века мира не нашли отражения в хрониках.

Мир – не историчен. Его описать труднее. Когда города не горят, не слышны вопли раненых и пленных, не плачут дети, отрываемые от «рожениц», – летописец безмолвствует.

И в европейских, и в азиатских хрониках прошлое человечества предстаёт в образе бесконечных войн, кровавых дворцовых переворотов, и лишь эпизодически, попутно в ткань повествования попадают факты из истории культуры.

На фоне ярких цветов катастрофы – чёрного и красного – иногда забелеют купола и шпили храмов. Сверкнут алые от крови кресты и полумесяцы.

Имена и жизнеописания царей, военачальников (даже сотников) известны. Но почти не сохранялись в хрониках имена великих музыкантов, поэтов, зодчих, ученых.

Крики, хрипы и брань несутся со страниц летописей. Страх и ненависть – их содержание. А миллиарды великих

и малых Любовей, тысячелетия человеческого Счастья, Радости и Надежды, громадные эпохи мирного труда, преобразовавшего землю, не отразились в летописях. Не зафиксированы и потому забыты гениальнейшие изобретения. Археологи находят изделия из алюминия в погребениях Китая, возраст которых превышает две тысячи лет. Но это невозможно, мы твёрдо знаем, что алюминий удалось получить лишь после того, как была изобретена гальваническая ванна!

И потом обнаруживают гальваническую ванну в Шумере. Она действовала уже на пять тысячелетий до рождения мэтра Гальвани.

...Атмосфера войн при переписках летописей ещё более сгущалась: копиисты опускали все, что казалось им не важным – живые детали прошедших эпох.

И в итоге, если суммировать сообщение только русских летописей, история Руси предстаёт клубком драматических, кровоточащих событий, временем беспрерывных междоусобиц, борьбы за власть и войны с кочевниками. Излюбленная антитеза Мишле – историография должна быть все более и более отважной исследовательницей ушедших эпох, а не вечной и неразвивающейся воспитанницей их «хроник».

Но историк поверил преднамеренным свидетельствам. Гиперболическая метафора была понята буквально.

...И в этих условиях остаётся признать, что словарь – единственный объективный источник исторических сведений. Язык сохраняет Летопись мира, не отразившуюся в письменности.

Показания языка неожиданны. Он свидетельствует, что с дохристианских времен славяне мирно общались с тюрками. Вместе пасли скот и пахали землю, ткали ковры, шили одежду, торговали друг с другом, воевали против общих врагов, писали одними буквами, пели и играли на одних инструментах. Верили в одно.

Только во времена мира и дружбы могли войти в славянские языки такие слова тюркские, как – **пшено** (пшеница, сено), **ткань, письмо, бумага, буква, карандаш, слово, язык, уют, явь, сон, друг, товарищ**...

Мы привыкли называть тюркизмами лишь те слова, что лежат на поверхности книжной речи и не прошли обкатку в народных говорах. Тюркизм – это уже русское слово, происхождение которого не всегда осознаётся. Названные А.И. Поповым шершавые – чага, евшан, ортьма – не **тюркизмы**, а просто **тюркские слова**, употреблённые в письменности и не освоенные народом.

Церковь с первых же шагов своей деятельности начала разрушать коммуникации со степью, обосабливая славянохристианское сознание. Церковь сыграла прогрессивную роль в судьбе славянских народов, прежде всего, возвысив роль активного земледелия, что способствовало повсеместному переходу славян к оседлости.

В XIII–XIV–XV веках духовная оппозиция Русь – Поле предельно обострилась. Культурные контакты, ведущие к взаимопроникновению, приобретают характер эпизодический. Былая фузивность сменилась агглютинативной связью.

Все труднее проникает тюркизм в славянские языки. Эпоха Ига отложила термины преимущественно одного класса (скотоводческие) и, как правило, только в восточнославянские. К XIII веку языки славян были достаточно развиты и полны средствами выражения. К тому же уровни цивилизации Руси и Поля уже не совпадали. Какие новые явления могли принести кочевники Ига в культуру, предельно насыщенную ароматом степного этноса за века минувшие? **Большую часть того, что можно было получить от тюрок, славяне заимствовали до XIII века**.

Комплекс неполноценности, вызванный Игом, заявил о себе в работах первых же русских историков, начиная с Татищева. Их запоздалый военный гений проявлялся

подчас в формах, веселящих читателя. Неистово исправляя несправедливую правду, они ваяли из её грубого живого тела прекрасный труп. Научная истина или просто Истина без эпитетов? Такого вопроса в имперской историографии не возникало.

Татищев изымал из обращения подлинные факты, заменяя их своим изложением. Рубил головы словами. А легко ли это? Рубанёшь со злобой, думая – чужое, а оно, корявое, раскосое вдруг закричит по-русски – мама!..

Погладишь по льняной головке своё, исконное из конца в конец, а оно растает от нежности, прильнёт к твоему слуху и лепечет, волнуясь, что-то гортанное...

Смешны попытки иных блюстителей чистоты культуры избавиться от «варварских наносов» – вырубить все частицы меди из бронзы.

Мы говорили, что история любого народа по сути своей интернациональна. И рассматривать её с псевдо-патриотических позиций – значит, попросту проявить некомпетентность. Нарушая природные связи культуры, лишая её животворящего космоса, мы обрекаем её на затхлость и вымирание.

Иго проклятого прошлого продолжается – мутит души, отравляет сознание. Историки не могут простить далёким предкам фактов невежества, доверчивости и робости. Неистребимо стремление посмотреть на брата своего сверху вниз. Но если соотношения не позволяют – всегда готова к услугам история, помогающая изменить их.

Мир человеческий заставлен старыми весами – от аптекарских до складских. И все они – судейские. Когда видишь, что где-то нарушено равновесие, тащит тебя туда, узнать, в чем дело.

Потом замечаешь, что все весы перекошены. И жизни твоей на это не хватит. Но и равнодушие пока не хватает безучастно наблюдать зрелище тупого попрания правды.

Летописи Войны питают живым огнём наши сегодняшние чувства, обращая их в ненависть.

Жалок гнев современного копта на иранца за ахеменидское нашествие VI века до рождества Христова. Но как оценить чувства моего знакомого, мучительно переживающего поражение Игоря на реке Каяле?

Писатели восстанавливают летопись Мира и Любви, чтобы от многообразия лживых вер человечество когда-нибудь пришло к единству сознания.

«Ведь история – это обширный и разнообразный опыт человечества, встреча людей в веках. Неоценимы выгоды для жизни и для науки, если встреча эта будет – братской». Марк Блок, выдающийся теоретик историографии. Герой Сопротивления фашизму. Расстрелян в марте 1944 года.

Многие из теоретических положений великих мыслителей – несовременны. Они могут принадлежать даже завтрашнему дню. Но они призывали всех современников думать категориями будущего, иначе завтра не наступит.

Поэты Индустана говорили о рождении новой, единой цивилизации человечества, основанной на доброте.

Одна война допустима – война поэзии с лжеисторией.

Во всем мне хочется дойти
до самой сути.
В работе, в поисках пути,
в сердечной смуте.

Б. Пастернак

...Будучи студентом-геологом, я пописывал. Принёс что-то очередное в молодёжную газету. В отделе никого: перерыв. Сижу, жду. Человек я был уже свой, и мне позволялось занимать один из столов в отсутствии хозяев.

Заглянул человек в шапке, попросил разрешения войти. Пожилой, смущающийся, отчаянный. Меня принял за штатного. Я отпираться не стал, пожал его руку, холодную и доверчивую. Вероятно, я был не первым, кому он показывал свои творенья – общую тетрадь в коричневом ледерине: страницы по цвету напоминали переплёт.

Стихи – разборчиво, крупными школьными буквами. В некоторых словах разными чернилами и почерками исправлены грамматические ошибки. Стихи, как стихи, и рифмы есть – «пошёл» – «нашёл».

Классиком я себя уже тогда не полагал, и потому вступил в разговор, причём смущались мы с ним наперегонки. Не считая себя вправе поучать его откровенно – человек в возрасте (и сейчас трепещу перед аксакалами), я старался найти в тексте примеры положительные, и находил.

Участие моё воодушевило его, он крепчал на глазах. Через полчаса уже не давал мне слова вымолвить, размахивал руками, захлёбываясь, объяснял историю каждой строки, взятой во внимание.

«А этот стих я составил в 47-м, когда шёл с работы. Понимаете, холод страшенный, а кругом – ночь, ну я и составил, значит!..»

«Понимаете, хорошие стихи почему-то у меня получаются, когда я голову мою. Почему так, а? Может, голова нагревается, потому?» – и ждал ответа. И, забивая ответ, извергался дальше.

Судя по его полному собранию сочинений, голову он мыл не часто. Если не сказать – вовсе не мыл. И надежды, что когда-нибудь это случится, честно говоря, было мало.

...Одну описку прежние читатели все же пропустили. Я помню эту строку: «тёмный лес шумер...»

Говорят, что суеверны моряки и старухи. Мне больше нравится сравнение с моряком.

Я обмакнул перо и переправил, вернул его тексту правильное «шумел», а себе, как оказалось потом, забрал его ошибку – шумер. Может быть, и судьбу. (Эта ошибка станет через годы моими бессонными ночами, воплотится в тысячу никому не нужных страниц, протащит через сотни книг и словарей, лишит любвей, приятельских застолий и поэм.

Ошибка тащит меня, не разбирая дороги, вталкивает в кабинеты, где сидят случайные люди, пришедшие на час, пока наука на обеде, и правят копьями перьев мой и без того изъязвленный Шумер. «Это ошибка, – говорят они, несуеверные, – зря шумишь. Это – сумерки, в лучшем случае.» «Нет, говорю я, это – Сибирь.» Что ведёт нас кривыми тропами? Что тащит нас с бетонки на пыльный просёлок? Необитаемый остров в Аральской луже обнаружить легче, чем в Атлантике).

ПРАВО НА ОШИБКУ

Февральским вечером 64-го звоню из гостиницы «Москва». Через 20 минут вхожу в подъезд дома 17, Лаврушинский переулок. В.В. провёл в кабинет. Тёплый, полутёмный кабинет ученого. Поговорили о погодных условиях (предстояли метели). Он спросил, чем сейчас занимаюсь, и я решил, что другого повода в разговоре может и не быть. Торопясь, комкая, сообщил, что сейчас меня интересует проблема шумеро-тюркских языковых контактов. Привёл несколько примеров. В.В. слушал, наклонив большую лобастую голову.

– Шумеры, – сказал В.В., – и тюрки. Не рифмуется. Я думал, что вы расскажете о новой книге стихотворений. Признаюсь, огорчили. Хотя это похвально – интересоваться другим. Знаете, какое самое древнее славянское слово? Запомните его, это – «есть». И каков возраст этого старика? Не более двух тысяч лет. Остальные слова разрушились, видоизменились настолько, что если бы (пофантазируем) удалось открыть памятник праславянской литературы, скажем, I века нашей эры, уверяю вас, мы бы встретили в нем лишь одно знакомое слово – есть. Наукой твёрдо установлено, что слово не выдерживает испытания временем. Оно развивается, теряя и приобретая новые звуки, изменяя смысл. Время не стоит на месте, и язык в постоянном движении. Согласны? Шумерский язык возник примерно в четвёртом тысячелетии до нашей эры. Последние памятники письма, я имею в виду шумеро-вавилонские силлабарии, относятся к VI веку до нашей эры. И сравнение их с первыми памятниками показывает, как на протяжении тысячелетий видоизменялась лексика. Вы хотите утверждать, что прототюрки, по вашим словам, «варились в котле цивилизаций» древней Передней Азии, ушли, вытесненные семитами, в начале

первого тысячелетия до нашей эры и унесли, и сохранили до позднейших времен некоторые шумерские лексемы. Повторите, пожалуйста. Дингир – бог. А тюркские формы? Денгир, тенгир, тенгри... Нет, невозможно. Не верьте слишком очевидному совпадению форм.

– И смысла.

– Да, и смысла. Это случайные совпадения. В языках всего несколько десятков звуков, и количество комбинаций их весьма ограничено. В разных языках могут встречаться, на первый взгляд, одинаковые слова. Но между ними нет никакой связи. Они произошли параллельно. Вы понимаете? И в разное время. Не огорчайтесь, это типическая ошибка. Даже специалисты порой обманываются внешним сходством. Тюркская лексема, если предположить её зависимость от шумерской, за истёкшие тысячелетия должна, обязана была измениться до неузнаваемости. И потом, согласитесь, пока нет никаких оснований предполагать, что тюркские языки уже существовали в шумерскую эпоху. Они, как утверждают компетентные люди, возникли не более чем две тысячи лет назад. И в развитии создали имя бога – неба, случайно совпавшее с названием шумерского.

– Уже несколько раз вы называете эту страшную дату – 2 тысячи лет. Неужели этот христианский рубеж имеет такое уж значение в истории языков? Тюрки могли появиться независимо от рождества Христова. А если шумеры называли бы своего бога – Христос – ученые так же настаивали бы на случайности совпадения с именем христианского бога?

– Думаю, да, – неуверенно сказал В.В.

– А если бы к тому же они хоронили своих покойников по христианскому обряду и устанавливали на могилах символ религии – крест – это тоже приняли бы за случайное совпадение? И сравнение символической атрибутики тюркских курганов и шумерских обнаруживает такие черты

схожести, которые нельзя признать случайными. Совпадения слишком системны.

– Я вижу, вы увлечены. И меня это беспокоит. Аргументов у вас недостаточно, чтобы убедить меня в сверхпрочности тюркского, как вы говорите, консервативного слова. Существует теория, утверждающая – слово смертно. Чтобы поколебать её, нужны факты – слова, слова, слова бессмертны. Отдельные, разрозненные примеры её не потревожат. Вашей идее консервативного слова противостанет консерватизм науки. Её ста доводам вы должны противопоставить сто один. Сотню – на отрицание существующей теории и один – на утверждение вашей гипотезы. А вы начинаете прямо с утверждения. А наука без трезвого, догматического подхода к свежим фактам, без консерватизма, может превратиться в голую романтику. Сейчас вы, милый мой, свободны от страха и сомнений, вы увлечены одним фактом и ослеплены им как поэт. Но если вы поставили перед собой цель – стать ученым...

Хорошо, сформулируем иначе. Если хотите всерьёз заняться наукой, вы обязаны воспитать в себе консерватора, недоверчивого и желчного, внутреннего редактора, который проверяет высшей математикой сомнения, каждый, пусть даже самый гармоничный факт. А он, этот внутренний оппонент, может подавить в вас поэта. Поверьте, меня это искренне беспокоит. Вы начитаетесь массы бездарных, серых высказываний и постепенно поверите в них. Они количественно убедят вас в своей несокрушимости. И, в конце концов, придёте к вполне искреннему убеждению, что для науки полезней, если вы будете защищать теорию, на которую сами покушались по молодости. Из врага её превратитесь в апологета. История науки знает массу таких судеб. А теперь подумайте: стоит ли? У вас прекрасная профессия...

...Я возвращался в гостиницу и продолжал разговор с В.В.

Почему-то повелось: поэзия – глуповата, наука – умновата. Забыли, что стихи глупца не станут притчей. Забыли, что смыслы «учёный» и «поэт» разделились недавно. Они выражались одним словом, в Европе – артист, в Средней Азии – чаляби от позднетурецкого чаляб – бог.

Омар Хайам писал пространные математические трактаты, может быть, поэтому ему так удавались в конце жизни четырехстрочные рубаи – стихи сжатые и всеобщие, как формулы. Аль-Фараби, этот узел поэзии, философии и математики? Кто они были – поэты или ученые? Чаляби. Умеющие отгадывать символы, потому что создавали их. Люди чувственного ума. В средние века в Средней Азии за науку не платили; единственная привилегия, которой добились Омар Хайам и аль-Фараби – счастье познания.

Сколь тонка фонетическая грань, разделяющая «чаляб» и «джаляб» – проститутка. И как трудно сохранить равновесие и не переступить грань. Воистину, в рай идут по лезвию меча. И разве ты сам не испытывал минут высочайшего вдохновения, когда все повинуется стремительным движениям твоего упоенного чувствами разума. И ощущаешь прямую связь с богом. И что там табачный дым усмешек и унижение перед словом. Ты – чаляби, тебе все дано, и все возвращается жестом и звуком!

Ты шёл, радостно кровяня босую душу о бритвенное лезвие грани. И шатало тебя, и хотелось соступить с меча, подлечить порезы. И соступал. И подличал.

Бог отступал, и ты бросался в весёлое, нерадостное джалябство. Врал себе и другим, предавал себя. Дрался с сусликами, как с орлами, пытаясь забыть, забить бытом своё божественное происхождение. И потасканный, озлобленный возвращался, влезал на лезвие, лез в летописи, забивался подальше от глаз своих в окраинные века, в тёмные закутки пергамента, бродил в буреломе тайн, и там, выдыхая перегар предрассудков своей эпохи, очищался пылью и тленом

мёртвых мудростей, и забывался, и надеялся, и верил, что когда-нибудь, пусть хоть полупьяная джаляб поймёт твои шараханья и задумается над стихами твоими и скажет волнуясь – мой чаляби! Человек ты мой.

А пока история, любая другая отвлечённость от мелочей писательского и просто человеческого быта помогала мне. Я отдыхал, успокаивался, разбирая надпись на шведском камне. Здесь я ни от кого не завишу, здесь интересно быть рабом.

«Стоит ли?» Разве можно распланировать жизнь и свято, холодно по пунктам соблюдать программу? Утилитаризуются самые бесхитростные понятия. Интерес – это уже ставка в игре. Профессионал не вступит в игру «без интересу». Загнать кого-то под стол тоже – интерес. А есть ли, сохранилась ли такая игра, где процесс интересен не по результату? Есть. И мы её постоянно ищем, находим и – играем.

«Стоит ли?»

...Мы сидим на веранде степной дачи, рассматриваем в театральный бинокль ледяную вершину Хан-Тенгри. Почему самые выдающиеся и красивые горы названы Яма-Лунгма и Фудзи-яма? Может быть, и вершины наших знаний было бы правильней называть ямами?

– С точки зрения высшей?

– Может быть!

Формула надежды «Может быть!» движет нами. Мы любим созерцать сияющие пики: нам кажется, что смотрим вверх.

Они будут смотреть и ничего не услышат.

Они будут слушать и ничего не увидят.

Это не о нас сказано:

– Может быть!

Начался этап подъёма. Мы вспоминаем себя Нами. И от того, будем ли мы воздвигать собственные кочки или,

калечась, сдирая кожу с ладоней, потянем тяжёлую, колючую, как трос, линию подъёма выше себя, зависит амплитуда твоего духовного взлёта, степь. Обманывай невежд своей плоскостью. Их плоскость пусть тебя не обманет. Под слоем ровной глины – вершины, мы ходим по ним.

Под круглой плоскостью степи
углами дыбятся породы,
над равнодушием степи
встают взволнованные руды,
как над поклоном –
голова,
как стих,
изломанный
углами,
так в горле горбятся слова
о самом главном.

История тюркских кочевых племён напоминает пустыню. Бедную кронами, переполненную сухими корнями.

Альпинист, коченея, вкладывает последнюю записку в каменный тур.

В театральный бинокль с крыльца Академии её не прочесть. Она написана для тех, кто, обдирая лицо об лёд и порфир морен, вползёт на тот пятачок. Моему приятелю не понять знаменитого хирурга, раскапывающего курган, не понять дирижёра, отморозившего ноги на Хан-Тенгри. «Куда вас несёт!» – усмехаются те, кто уютно расположился у подножий, обнёс утёсы заборами и сделал созерцание блестящих истин – ям средством для поддержания жизни.

– Лезете в бинокли, членовредители! Заслоняете вершины!

Пирожнику надоело ходить босым. Мы пытаемся вспомнить то, чего нам не расскажут сапожники, молящиеся, как буддисты ноге Будды, тесной колодке индоевропейского сапога.

Незыблемая аксиома «Волга впадает только в Каспийское море» родилась в XIX веке, когда географы ещё не знали, что существует несколько волг. И катается лектор в лодке по Волге-матушке, впадающей в Днепр, и усмехается снисходительно:

– Неправда. Наукой твёрдо установлено, что Волга впадает только в Каспийское море, – и ссылается на авторитетные заявления, а лодку сносит в Чёрное.

Когда удаётся глянуть на послужной список великого годами и степенями тюрколога и увидеть несколько статей ровных, серых, как асфальт, написанных к датам и в соавторствах, невольно приходишь к грубому выводу – человек не оправдал своего назначения. Я уже не говорю о предназначении, которого, возможно, и не было. Средством, но не целью была для него наука. Он был изворотлив, вертелся, как вареное яйцо, на полированном столе школы.

Я знаю таких светил и отношения к ним скрывать не собираюсь, ибо уверен, что «слабым отрицаньем темноты свет верно служит азиатской ночи».

Язык и письменность – громадный, нетронутый материал культуры, накопленный за многие тысячелетия, – ждут новых исследователей.

Может быть, среди десятков юных читателей моих найдутся будущие создатели гуманитарных, но точных наук; люди новой формации, избавившиеся от предрассудков христианских, мусульманских и буддийских знаний, свободные от догм философий расовых и национальных. Тогда слово не будет ни причиной, ни следствием ежечасно меняющихся представлений исторических, а будет – Словом, самым объективным источником.

Постоянная религия, неподвижный быт создают тот искусственный режим, в котором не увядает слово, обладающее золотой структурой. Истлевает письменный материал,

но вечен знак над лёгким
пеплом букв,
над глинами,
над каменной плитой –
изогнутый лекалом мысли
Звук.

Температура, кислород и давление разрушают физические предметы. Но в условиях с постоянным режимом вещества не разлагаются. В одной египетской пирамиде был обнаружен трогательный венок, ещё не утративший своей первоначальной окраски. «Цветы эти лучше, чем что-либо другое, свидетельствуют о мимолётности тысячелетий», – восклицает Керам. Поверим правде этих слов.

С чем сравнить несокрушимое человеческое слово? С этим венком или золотым предметом, не поддающимся естественному разрушению? Его можно погнуть, сломать, переплавить, механически нарушить форму, но эрозии золото не подвластно.

Молчаливая степь широка, как пень добиблейского древа познания. Пень с разветвлённой подземной системой корней, невидимой столбам с громкоговорителями. Спят века в излучине синклинали. Идёшь по голой степи, наклоняешься у редких выходов скальных пород, откалываешь образцы. Станешь на колени перед родником и, прежде чем припасть губами, увидишь сверк радужной плёнки в клубящейся воде. Отметишь место выхода нефти в маршрутном журнале. Может, случайность? Проезжал кто-то и наследил. Мыл мазутные руки. Место пустынно. Следов машины нет. И сидишь у родника день, а вода не теряет своей бакинской окраски. И замечаешь, камни у ручья чёрные. Проведёшь пальцем – она. По трещинам поднимается на поверхность с артезианских глубин кочевница-вода, задевая окраину нефтеносного пласта...

Шумер. Усложнённый, затуманенный театральными биноклями, нереальный, голубой, лучистый в космосе косности и – близкий, шершавый, как степной валун, на котором высечены памятные слова.

...Недавно, ночью, я спустился в кладовку. Годами в коробках из-под мебели, длинных вместительных, как гробы, складывался мой шумерский архив. Дверь была распахнута, замок сорван. Я посветил фонариком. Чёрный бумажный пепел покрывал пол. Валялись бутылки из-под вермута, консервные банки. Кто-то гулял и жёг жгуты из рукописей. Жмурясь, заслоняясь руками, выбирались ребятки и их помятые, заспанные подруги из архивных гробов.

Меня покорила символика факта. Произведения, наконец-то, светили живым ясным огнём, разгоняя мрак кладовки. История помогала современности.

Там, в кладовке, я понял афоризм – жизнь бьёт ключом.

Когда тебя за Шумер – в печень, ты стоишь за него, как за родину. Как за родину – отвечаешь.

...Я собрал уцелевшие страницы. А ящики наполнил книгами, пухлыми томами индоевропеистов. Пускай на них теперь выспятся. Им необходимо давление сверху и с боков, может, вырастут, сопротивляясь тяжким задам действительности. Эта ночь окончательно убедила меня в том, что надо сесть и попытаться обобщить чувства и мысли, накопленные за годы занятия Шумером.

СОМНЕНИЯ

Есть точные науки, а есть гуманитарные, т. е. неточные – лингвистика и история. Они исходили из предрассудочных установок европоцентризма. Оформившись в Европе XIX века на идеологическом фундаменте ариизма, они не могут избавиться от его пережитков и поныне. Древность человечества рассматривалась сквозь призму политической и культурной карты XIX века. И этот недиалектический взгляд не мог существенно не исказить исторической перспективы и не сказаться на выводах, которые и стали отправной теорией, базисом названных наук.

Молодая цветущая Европа, морща носик, рассматривала из окна вагона хромую, согбенную старуху Азию. И мгновенное это соотношение казалось обоим – вечным. Трудно было юной эгоистичной особе поверить, что морщинистая баба-яга некогда была энергичной, дерзкой красавицей. И тяжёлые драгоценности, которые она вынесла к поезду на продажу, укрощали когда-то её гибкую шею и бились, сверкали в скаку на высокой груди. И звонкую речь её слушала древняя Греция и старцы Египта.

Досталось от науки кочевникам. Рваные юрты, грязь и нищета XIX века произвели такое угнетающее впечатление на европейских ученых, что сама мысль о возможности древнейших культурных контактов степи и Европы казалась кощунственной.

Г. Потанин в книге, посвящённой влиянию тюркско-монгольского эпоса на западноевропейский, пытался рассмотреть образ кочевой культуры в развитии, намекая на волнообразность графика истории любого народа; графика, состоящего из эпох культурного взлёта и падения. Официальная наука книгу попросту замолчала. Даже опровергать не стали. Как можно сравнить «Песнь о Роланде» с монгольским эпосом. Все равно, что Лувр с юртой.

Археологи искали только то, что могло бросить свет на историю европейской культуры. Интерес к курганам Двуречья (библейским холмам) объясняется этим.

Памятники орхоно-енисейского письма, случайно открытые в Сибири шведским офицером, сосланным в Сибирь после Полтавы, ждали два века исследователей, пока финские ученые не решили, что сибирские руны могут иметь отношение к прошлому финнов.

Надписи на камнях Енисея и Орхона напоминали каменное письмо Скандинавии. Из скандинавских народов только финны вышли из Азии, может быть, они и принесли каменное письмо на север? Финны издали первые атласы памятников сибирского письма. Привлекли к ним внимание всех палеографов Скандинавии. Пока датчанин В. Томсен в 1893 году не нашёл ключа, при помощи которого расшифровал известные надписи. Они содержали тюркский текст.

Европейские ученые, казалось, после этого потеряли интерес к сибирскому письму. И это известие (**кочевые тюрки имели буквенное письмо за несколько веков раньше многих европейских народов!**) не поколебало предвзятого отношения к тюркскому прошлому, и сказалось, и сейчас сказывается на результатах изучения древнетюркской руники. Кочевник так и остался в представлениях официальной науки в образе Вечного Варвара, паразитирующего у сосков китайской, иранской и арабской цивилизаций. Письменность тюрок была поспешно без строгого анализа и сопоставлений объявлена заимствованием у иранцев. Объявили, как отмахнулись. Эта гипотеза вполне укладывалась в систему научных взглядов на кочевую Азию, и потому необходимости ни в каких дополнительных исследованиях по установлению подлинного генезиса этой письменности не возникло. Гипотеза, а попросту – голословное заявление финского ученого – со временем, кочуя

из одного учебника в другой, была возведена за выслугу лет в ранг аксиомы.

...Весной 1970 года в окрестностях города Алма-Аты (Казахская ССР) близ села Иссык было вскрыто курганное захоронение алтайского типа, предварительно датированное временем Пазарыкского кургана V–VI веков до н.э.

Множество золотых украшений (деталей одежды) покрывали останки юного вождя (более 4-х тысяч единиц), похороненного в склепе, срубленном из могучих стволов таньшанской ели. Золотой пояс, золотое оружие, золотой шлем...

Художественные формы иссыкских предметов аналогичны золоту курганов Алтая, Причерноморья и Северного Кавказа. Так называемый «скифский звериный стиль» воплощён в иссыкских атрибутах с необыкновенной чёткостью. Но алтайские шедевры молчат. Молчит вся громадная по объёму археологических находок эпоха номадов, населявших в первом тысячелетии до н. э. огромную территорию Евро-Азии. Тюркологам известно сообщение китайской летописи III века до н. э., что народ кангюй (канглы[113]) писал «поперёк» – горизонтальной строкой, в отличии от китайской традиции вертикального расположения текста.

Вот и все, что мы знали о письме среднеазиатских кочевников той тёмной эпохи.

В иссыкской гробнице была обнаружена чаша с вырезанной по внешности горизонтальной надписью, состоящей из 26 знаков, напоминающих орхоно-енисейские.

[113] Канглы – одно из древнейших тюркских племён.

...После опубликования первых статей о чаше[114] я получил письма, авторы коих восприняли наше сообщение, прочтение и выводы, как результат незнания «очевидных», «твёрдоустановленных» положений, как-то: орхоно-енисейское письмо возникло не раньше V–VI веков нашей эры на основе одного из позднейших иранских вариантов арамейского письма. Эта дата подтверждается незыблемыми в тюркологии авторитетами; следовательно, иссыкскую надпись никак не можно относить к тюркским рунам, скорее всего, чаша с надписью занесена из стран, применявших арамейское письмо, вероятно, из Ирана, и случайно попала среди утвари в курганное захоронение. Таким образом, содержание надписи не должно отражать ситуацию, т. е. не эпитафия. Следует ожидать, что надпись содержит ираноязычный или семитский текст.

Замечания весьма любопытные, и обойти их молчанием мы не имеем права. Даже напротив, считаем нужным акцентировать на них интерес, ибо они, в значительной мере являясь отражением существующей системы взглядов на историю древнетюркского рунического письма, характеризует собой положение дел в палеографической науке, да и в тюркской историографии в целом.

Первый и последний раз проблема происхождения орхоно-енисейского письма рассматривалась (и весьма приблизительно) в работах датского ученого В. Томсена и финна О. Доннера в XIX веке.

О. Доннеру принадлежит гипотеза о иранской родословной сибирских рун, которая никем не была пересмотрена или дополнена. Несмотря на вопиющие противоречия,

[114] Газета «Казах адебиети», 25 сентября 1970 г. – «Джетысу кон жазба»; газета «Комсомольская правда», 31 октября 1970 г. – «Иссыкское письмо»; журнал «Техника молодёжи», 1971 г. № 5 – «Серебряная чаша»; журнал «Узбек тили ва адабиети», 1971 г., № 5 – «Еттисувнинг эски езувлари».

которые выступают при элементарном механическом сравнении всех иранских алфавитов с древнетюркским.

Причина столь неестественного родства – совместимость в пространстве и во времени. Авестийское письмо возникло и просуществовало в Иране до VII века н. э. Именно в этот период, как полагают, и появилось орхоно-енисеиское письмо.

В 1896–1897 годах близ города Аулие-Ата (ныне город Джамбул) В.А. Каллауром и финским археологом Гейккелем совместно с Мунком и О. Доннером было обнаружено пять камней с рунами. Формы некоторых букв значительно отличались от уже датированных орхонских, нескольким буквам вообще не было найдено соответствий. На этом основании авторы находки и интерпретаций предположили время более раннее, чем орхонское. Временным эталоном послужила найденная в Монголии эпитафия Куль-Тегину, которая была датирована по именам, встречающимся в китайской летописи, VIII веком н. э. С той поры принято манипулировать хронологией тюркского письма, размещая даты относительно установленной.

Для таласских камней была предложена осторожная древность – V–VI веков нашей эры С тем же успехом можно предложить и десятый век, так как отличие таласских букв могло объясниться и искажением исходных орхонских. Так были датированы все памятники древнетюркского письма, найденные от Монголии до Венгрии.

Можно ли, исходя из нерешительного предположения Доннера, Каллаура и Гейккеля, сделанного не на основе широких этимографических исследовании, без учёта данных мировых алфавитных систем, сегодня безапелляционно проводить чёткую черту под V–VI веками, объявляя эту дату началом истории тюрок?

Но можно с уверенностью сказать, что все проблемы (скорее – беды) тюркской палеографии связаны с этой

искусственной датой. Она позволяет относиться к рунам, как к провинциальному, позднейшему, перезаимствованному письму, не представляющему принципиального интереса для всеобщей палеографии.

В единственном вышедшем у нас в стране обобщающем труде по истории письма тюркским рунам уделено слов меньше, чем в древнейшей китайской летописи. Сказано буквально следующее: «На той же (персидской) основе сформировалось и древнейшее тюркское письмо, не совсем точно называемое орхоно-енисейским руническим письмом. Это буквенное письмо применялось в Центральной Азии в VI–VIII веках н. э.»[115].

Ни описания, ни алфавитной таблицы, ни истории, ни одного примера.

В предисловии к переводу книги И. Фридриха «Дешифровка забытых письменностей и языков»[116] (4) И.М. Дунаевская справедливо замечает: «Недостатком работы И. Фридриха, с точки зрения нашего читателя, является крайне беглое указание на те языки и письменности, которые были распространены у древних народов, населявших нынешнюю советскую территорию, некоторые из них вовсе не упомянуты». (Все, кроме древнетюркского, «упомянуты» в послесловии советского редактора И. Дьяконова).

Не станем жаловаться на зарубежных авторов (Т. Феврис, М. Коэн, И. Диринтера, Ч. Лоукотка, И. Гельба), так как их невнимание можно объяснить нашей собственной невнимательностью.

...В конце XIX столетия руны расшифрованы В. Томсеном и в основном прочтены с помощью В. Радлова, Мелиоранского и др.

[115] Истрин В.И. Возникновение и развитие письма. М., 1965, стр. 322.
[116] Фридрих И. Дешифровка забытых письменностей и языков. М., 1961.

Далее, с начала XX века и ровно полстолетия, история изучения рун являет собой картину далеко не динамичную.

Ещё в 1951 году, в статье Е.И. Убрятова «О научной и общественной деятельности С.Е. Малова»[117], Сергеи Ефимович назван «единственным» в СССР специалистом по орхоно-енисейской письменности и языку памятников.

Большого преувеличения в этом не было. Хотя к тому времени С.Е. Малов успел опубликовать только **три статьи**, касающиеся отдельных коротких надписей, общим объёмом в несколько десятков страниц[118].

Остальные названия связаны с именем археологов-практиков, проф. С.В. Киселева и Л.А. Евтюховой. Они открыли в алтайских курганах несколько серебряных и золотых сосудов с надписями. Посвящают их описанию и прочтению в общей сложности полтора десятка страниц[119].

Мы пока не говорим о великой научной ценности новых археологических находок и о точности переводов, мы пока оцениваем приведённую библиографию количественно. И обращаем внимание на то, что все эти работы – конкретного свойства, связаны с частными находками; нет ни одной, где были бы поставлены вопросы теоретического плана. Нет ни одной страницы, рецензирующей достижения основоположников этимологического метода. Без критического пересмотра основ науки, заложенной век тому назад, без твёрдой теоретической базы, на одном этимологическом

[117] Тюркологический сборник. Т.I, М.-Л., 1951.

[118] Болгарская золотая чаша с турецкой надписью. «Казанский музейный вестник», Казань, 1921 г., № 1-2, стр. 67-72. Древнетюркские надгробия с надписями бассейна реки Таласс. Изв. АПН СССР, Л., 1929 г., № 10, стр. 799-806. Новые памятники с турецкими рунами. Язык и мышление, вып. VI–VII, Л., 1936, стр. 251-279.

[119] Киселев С.В. Саяно-Алтайская экспедиция, 1935 г., «Советская археология», 1936, № 1, стр. 282-284; Евтюхова Л. и Киселев С. Открытие Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1939 г. «Вестник древней истории», № 4 (9), на стр. 162 приводится рунический текст с двух золотых сосудов и даётся попытка перевода.

методе толкования текстов наука «тюркская палеография» существовать не могла.

После 50-го года появились, наконец, атласы Малова, с ними связано некоторое оживление в изучении эпиграфии. Но большинство работ – лингвистического характера, основанные на переводах Томсена – Радлова – Малова.

К собственным проблемам палеографии они имеют отдалённое отношение.

...Я невольно сравниваю эту безотрадную картину с иной, всем знакомой. За десять лет систематического чтения научной литературы по «Слову о полку Игореве» мне удалось перелистать лишь несколько страниц тома библиографии трудов, посвящённых одному этому произведению славянской древности, к сожалению, дошедшему не протографом. Только тюркизмы «Слова» исследуются в десятках статей, общее число которых превышает количество работ по всей тюркской палеографии. Пушкин, Карамзин, Хлебников, Блок, Маяковский – кто только из русских писателей не участвовал в дискуссиях по «Слову»! Ни один памятник европейской культуры (литературы) XII века не оказал такого благотворного воздействия на судьбу национальной культуры, как «Слово», благодаря неостывающему вниманию ученых. «Слово», многократно переведённое, лежит в портфеле каждого школьника, его заучивают наизусть на уроках родной речи, по нему учатся уважать народ и его историю. «Слово» – древнейший документ общеславянской литературы не захлопнулось в сером сюртуке кабинетной науки. Оно рано осозналось как вклад славянского ума и таланта в сокровищницу общечеловеческой культуры. «Наука о «Слове» стала народной, – пишет Д. Лихачёв, – она давно ведётся на обыкновенных началах. О «Слове» пишут живописцы, актёры, педагоги, писатели, зоологи, инженеры. Их работы внесли очень много ценного».

В интервью корреспонденту «Комсомольской правды» академик Д.С. Лихачёв призывает молодых читателей к прямому «общению с культурой Древней Руси».

«Не так, конечно, просто узнать древнерусскую литературу. Но попробуйте читать её побольше, привыкните прислушиваться к её интонациям и смотреть сквозь условности её стиля. Вы услышите голоса людей, живших столетиями до нас, бившихся над вопросами «бытия», искавших цель и смысл жизни».

Он указывает на несколько популярных причин, требующих от нас глубокого и правдивого изучения культуры нашего прошлого, и, в частности, говорит о тех ученых, которые не стесняя себя серьёзным изучением предмета, издают работы, стремящиеся представить древнюю культуру народов России низшей, неполноценной по сравнению с культурой Запада.

«А кроме всего, изучение нашего прошлого способно и должно обогатить современную культуру. Современное прочтение забытых идей, образов, традиций, как это часто бывает, может подсказать нам много нового. И это не словесный парадокс...»

Завершаем эту страницу: данные орхоно-енисейского письма на сегодняшней стадии изученности не дают оснований для мрачных выводов относительно его доистории. Мы вправе пока позволять себе осторожные позитивные формулировки; но, по сути, голословно утверждение – этого не было и не должно быть! Оно зиждется не на твёрдо установленных фактах, а на предрассудочной традиции. Никакое имя в науке не может заменить аргумента. Подчас самые яростные отрицания, опирающиеся на зримую пустоту, переплетаются с самыми большими вероятностями ошибок. И мне как писателю и любителю истории не хотелось бы, чтобы тюркская письменность, которая может стать важным свидетельством древности тюркского языка

и культуры, была бы, походя, бездоказательно принесена в жертву ложно-аксиоматического тезиса и истолкована как случайность, не достойная специального рассмотрения.

Может статься, что пустотой мы называем глубину.

P.S. Приход в археологию методов абсолютной хронологии дал целый ряд неожиданных результатов. Радиоуглеродный метод позволяет определять со значительной точностью возраст археологической находки органического происхождения – остатков дерева, тканей, угля кострищ и очагов – если они не старше 30 тысяч лет.

И не удивительно, что данные, полученные этим методом часто расходятся с существующей в науке датой, которую дал классический для археологов метод сравнительной археологии (сравнение с известными, уже датированными предметами, обнаруженными совместно с исследуемым образцом). Это заставляет некоторых археологов скептически относиться к данным радиоуглеродного метода. Однако такой скептицизм оказывается необоснованным.

Если бы памятники тюркского письма, найденные в захоронениях, были исследованы радиоуглеродным методом, вероятно, начальная дата «V–VI век н. э.» была бы оспорена.

...На сколько вопросов происхождения семитских и европейских буквенных систем ответила бы попытка сопоставительного изучения тюркских рун?

Поэтому я тратил годы на исследования скандинавских рун, этрусских надписей, вызывая искреннее недоумение наших тюркологов, решительно не понимавших, зачем казахстанцу ворошить мёртвые культуры чужих территорий. Этот территориальный принцип, стремление решать проблемы этногенеза, не высовываясь за пределы государственных границ, установленных в XIX–XX веках – не что иное, как попытка рассматривать историю народа вне связи с человечеством.

ЯЗЫК И НАУКА

Письменность не вечна. Многие её потеряли. Но устный язык – вот тот бессмертный источник исторических знаний, который мы открыли с последней страницы. Не сохраняются письменные памятники, но уцелел язык, прочти его.

Индоевропейские языки пережили более сложную историю, чем алтайские. Это отразилось в морфологии. Язык скандинавских рунических памятников полуторатысячелетней давности уже не понятен даже германистам. За два столетия рунологии ни один памятник не прочтён. А текст тюркских эпитафических эпосов того же периода звучит как сегодняшняя живая речь. Выводы о старении слова лингвисты сделали из наблюдений за развитием индоевропейской лексики и распространили это положение на все языки, без учёта оригинальных особенностей их историй.

Большие успехи физики XX века вызвали к жизни доктрину физикализма. Науке, «вырвавшейся» вперёд, начали подражать отстающие.

Некий лингвист, заведя «гуманитарный метод» в тупик, оснастился звонкими доспехами, позаимствовав их в учебниках математики и физики для младших курсов. Доспехи помогают защите. Лязг интегралов, путаница графиков, процентов, чужих терминов – железная маска на невыразительном лице новейшей лингвистики.

Естественники запускают телегу на Луну, а наш языковед не может мне объяснить, что такое «телега». Это слово его уже не удовлетворяет своим обыденным, ненаучным способом выражения. Он вводит новые правила обозначения: А – означает Т, В – означает Е, С – означает Л, Д – означает Г, Е – означает А.

Тогда испытуемое слово, коробящее своим ненаучным видом, принимает вид точной формулы: АВСВДЕ. Теперь

остаётся заложить её в ЭВМ и ждать, сидя у мигающей груды железа, решения возникшей проблемы.

«Например, слово **киса** и зрительные, тактильные, слуховые и другие ощущения от реальной кошки действуют как единый комплекс. Непосредственные компоненты этого комплекса обозначим буквами а, б, в, г, д и словесный компонент – буквой е. Далее слово начинает замещать собой все непосредственные компоненты данного комплекса: е = (а+б+в+г+д). Теперь слово замещает, обобщает собой все эти непосредственные компоненты, и представляют собой их сокращённое выражение. Но далее **киса** начинает обозначать не только, одну конкретную мурку, но всякую кошку. Если комплекс непосредственных раздражении, получаемых от второй, кошки, обозначим буквами $а_1$, $б_1$, $в_1$, $г_1$, $д_1$, а от третьей – $а_2$, $б_2$, $в_2$, $г_2$, $д_2$, то слово киса, представленное буквой е, получает более широкое значение. Оно включает в себя уже многие комплексы: е = (а+б+в+г+д) + ($а_1$+$б_1$+$в_1$+$г_1$+$д_1$) + ($а_2$+$б_2$+$в_2$+$г_2$+$д_2$)» т. д. и т. д. Увы, это уже не пародия. Это последняя страница статьи М.М. Кольцовой «Физиологическое изучение явлений обобщения и абстракции», венчающей сборник «Язык и мышление» (Москва, 1967 г.), в котором представлен цвет новой лингвистической мысли, в графиках, грохочущих терминах, и в подобных приведённым, формулах.

Повернёмся ухом к физикам. Сущность в том, говорят они, что наши понятия не априорны, а являются результатом человеческого опыта. Такой анализ позволяет нам создать понятия, представления, теории, адекватные известному нам кругу явлений. Но всякий раз, когда мы проникаем в существенно новую область физических явлений, нам приходится **кардинально менять сложившиеся представления и понятия.**

В этой постоянной готовности пересмотреть мысль, изречённую вчера, и заключен секрет Молодости точных наук.

Все до одного первые положения и понятия отцов лингвистики, не успев родиться, стали априорными для последующих. Нигде так не силен культ предков, как в этой науке. Внутренняя непоследовательность теоретической базы видна по всей площади современного языкознания.

В.И. Ленин в своих «Философских тетрадях» указывал на то, что человеческое познание не может сразу всесторонне охватить мир. Человек познает отдельные стороны мира предметов, последовательно переходя к познанию других сторон. При этом всегда есть опасность: углубляясь в изучение той или иной отдельной стороны мира предметов, можно потерять сознание того, что это всего лишь **одна** сторона, **один** момент, и абсолютизировать эту одну сторону.

«Познание человека не есть прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спиралям. Любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть превращён (односторонне превращён) в самостоятельную, целую, прямую линию...»[120].

Думаю, что это верное положение можно целиком отнести к лингвистике, которая выводы из наблюдения над языками так называемой индоевропейской семьи сделала всеобщими и распространила на все языки мира, без учёта их особенностей. Ошибочность такого подхода видна на сравнении индоевропейских и тюркских.

Во многих индоевропейских за сравнительно короткий срок, в исторически обозримое время, коренным образом изменилась структура языков и морфология.

Тюркские языки не изменились за это время, слово в них более сохранно чем в индоевропейских по нескольким причинам чисто технического свойства.

1. Тюркское слово агглютинативно, т. е. корень и суффиксы не сплавляются, а представляют собой подвижной

[120] Ленин В. И. Полное собрание сочинений, изд. 5-е, т. 29, стр. 322.

состав. Корень-паровоз всегда впереди и не изменяется Он влияет на суффиксы (качеством звуков), а не наоборот.

Индоевропейские в отличие от тюркских более фузивны. Более, потому что явление фузии наблюдается и в агглютинативных языках, в частности – в монгольских и тюркских. Но в тюркских агглютинативность – правило, фузия – исключение, хоть и значительное. В индоевропейских – наоборот.

Представьте игру грамотного пианиста и начинающего. Умелец при любой скорости игры акцентирует каждый звук, попадая пальцем точно по одной клавише. *До – ре* – формула агглютинативности. Начинающий попадает пальцем сразу по двум клавишам, и получается сплав звуков – *дре*. Это образная формула фузивности.

Агглютинация способствует сохранению слова. Фузия разрушает его.

2. Место ударения, как правило, постоянно на последнем слоге.

3. Нет предлогов (префиксов). Они влияют на корень в индоевропейском слове, создавая в развитии ложные основы.

4. Нет показателей грамматического рода. Этот формант в индоевропейских языках менял своё место относительно корня (*-пост* на *пре-*) при переходе к аналитическому строю. Но прежнее, традиционное место (*-пост*) не оставалось пустым. Старый показатель рода срастался с основой, изменяя её облик.

В общегерманском «земля» – **йер,* с показателем женского рода – *йерде*. При переходе к аналитическому строю показатель стал употребляться перед словом, но прежний формант остался на месте – *дие йерде*.

Вероятно, такой же интересный путь прошло романское слово – *тйерра* – земля.

Старый показатель рода (*-пост*) сейчас осознаётся лишь в древнесемитском: *'ерсат* – земля (аккадское). В клинописи был знак для суффикса женского рода *-ат*. Праформа семитских названий земли, вероятно, была **'ер*. (История конструкции *'ерс* – особая, имеющая отношение непосредственно к Шумеру).

Название земли **'йер* некогда было международным словом, оно вошло в семитские, германские и тюркские языки. Все они начинали с одной точки, но в чистом виде без наращений сохраниться праформе удалось лишь в тюркских языках: *йер* – земля.

Мне кажется, **лингвисты ошибаются, считая основными причинами изменения слова – фонетические. Грамматические причины – основные. Фонетические лишь сопутствуют.**

В тюркских наречиях слово «земля» представлено фонетическими вариантами – *йер, йар, жер, джер, чер, дьер, тьер, кер, кир*. В германских языках им соответствуют граммофонетические варианты: *дие йерде* (*йард, йорд, йурт*). В германских примерах исказилась сама консонантная основа. Она напоминает старый корабль, облепленный ракушками.

Неизменность морфологической схемы и определила сверхустойчивость тюркского слова. Добавим и исторические причины – консерватизм быта (кочевой уклад жизни), религия (тенгрианство – культ предков). Кочевник скакал, а время стояло. Кочевник входил в соприкосновение с десятками этносов, обогащал свой, но не изменял его коренной образ. Соотношение предмета и времени ныне определяют словами Эйнштейна: «В предмете, движущемся с большой скоростью, время останавливается».

ИНДОЕВРОПЕИСТИКА

Выскажу мысль фантастическую. Некий неизвестный нам народ V–IV тысячи лет до н. э. покоряет мечом и богом некоторые европейские и некоторые азиатские народы и за века подавления откладывает в разных по происхождению языках общий слой лексики и вместе с ней неопределённое количество грамматических черт.

Через тысячелетия Вильям Джонс (1746–1794), познакомившись с санскритскими рукописями, смог написать восторженные слова, ставшие теоретической основой сравнительного языкознания: «Санскритский язык, какова бы не была его древность, обладает удивительной структурой, более совершенной, чем греческий язык, более богатой, чем латинский, и более прекрасной, чем каждый из них, но носящий настолько близкое родство с этими двумя языками, как в корнях глаголов, так и в формах грамматики, что не могло быть порождено случайностью, родство настолько сильное, что ни один филолог, который бы занялся исследованием этих трёх языков, не может не поверить тому, что они все произошли из одного общего источника, который быть может уже более не существует».

Направление развития родившейся науки было определено этой формулой.

Главное в его высказывании: 1) сходство не только в корнях, но и в некоторых формах грамматики, не может быть результатом случайности; 2) это есть родство языков, восходящих к одному общему источнику.

Франц Бопп (1791–1867) прямо пошёл от декларации В. Джонса и исследовал сравнительным методом спряжение основных глаголов в санскрите, греческом, латинском и готском (1816), сопоставляя как корни, так и флексии.

Датский ученый Р.К. Раск (1787–1832) всячески подчёркивал, что лексические соотношения между языками не

являются надёжными, гораздо важнее грамматические соответствия, ибо заимствования словоизменений, и в частности, флексий «никогда не бывает». Предположения Джонса в работах последователей развивались в категорические утверждения.

Из сонмища языков мира была, наконец, выделена индоевропейская группа языков, в которую вошли все европейские (кроме венгерского и финского), иранские и индийские.

Создавалась она по следующей огрублённой схеме: некоторые латинские и греческие элементы грамматики похожи на санскритские; кельтские и готские похожи на латинские, латинские на славянские и т. д.

Почему первые же лингвисты настаивали на мысли, что совпадения лексики для установления родства языков – недостаточный аргумент?

Подробное сопоставление языков, оказавшихся в родстве, выявило разительное расхождение в лексике. Объяснение было найдено: в языке, оказывается, имеется ядро – основной словарный фонд и оболочка – словарный, состав, который может в течение двух тысячелетий полностью замениться даже в близкородственных языках. В неизменный основной фонд были отнесены общие для большинства «индоевропейских» языков термины, составляющие по данным математической лингвистики «обычно не более 1-2% всего словаря»[121].

[121] В лексике современного английского языка содержится более 50 процентов одних только романских заимствований. В корейском словаре – 75 процентов китайских слов. По подсчётам О.Н. Трубачёва, в «Этимологическом словаре русского языка» Фасмера находится общеславянских слов (и ранние заимствования) – 3191. Восточнославянских – 72. Русских слов – 93. Поздних заимствований – 6304. Неясных по происхождению – 1119. («Вопросы языкознания», 1957 г., № 5, стр. 67). Цифры приблизительные. Не учтены последние выпуски словаря Фасмера. Но и этот список даёт наглядное представление о том, как открыт язык для влияний.

«Материалом для сравнения могут служить только слова, выражающие наиболее старые, наиболее устойчивые понятия – слова основного словарного фонда, составляющие обычно не более 1-2% всего словаря. Как установлено математической лингвистикой и из этого основного фонда в среднем 15% в течение тысячелетия вымирает, заменяясь другими. Видимо, поэтому не удастся установить родство, например, шумерского с каким-нибудь современным – момент расхождения относится к слишком далёким временам»[122].

Словарный же состав, т. е. 99% словаря по этой теории, разрушается полностью в самые короткие сроки. Если верить маститому В.В. – за два тысячелетия. Поверим и предположим, что прототюркский язык в IV тысячелетии до нашей эры состоял из 10 тысяч слов. Из них, следовательно, 100-200 слов входили в основной словарный фонд. За 6 тысячелетий исчезнуть должны были 90% слов основного фонда, т. е. до наших дней добредут 10-20 слов, к тому же до неузнаваемости стёртых фонетическими изменениями. Таким образом, даже если бы тюркские слова отразились в шумерских памятниках, сравнению с современным словарём подлежат лишь 10-20 слов, да и то фонетическая и смысловая разность будет столь велика, что установить их родство с современными практически невозможно.

Правильно, но только, наверное, в отношении языков, объединённых в индоевропейскую группу. Сопоставляя языки этой искусственно созданной в XIX веке семьи, ученые увидели, сколь велика разность в словарях и грамматике, и сделали вывод о смертности слова, придав ему универсальное распространение. Небольшая группа слов совпадала во многих языках. Её признали остатком праиндоевропейского наследия и вывели учение об основном

[122] Дьяконов И.М. Языки Древней Передней Азии. Москва, 1967, стр. 21.

словарном фонде, который менее разлагается. А все те слова, которые не совпадали, попали в разряд словарного состава, рядовых слов, наиболее смертных.

К каким же классам относятся лексемы общие в индоевропейских, т. е. входящие в основной фонд, т. е. те, которые доказывают генетическое родство индоевропейских языков. Это:

1) **Числительные** от трёх до пяти (когда существовала пятеричная система) или до девяти (в период существования десятеричной системы). Числительное «один» менее устойчиво. Почему? Потому что в индоевропейских языках название единицы не совпадают (ср. уан – один – ек). И потому эта закономерность становится общей для всех языков.

2) Личные или притяжательные **местоимения** 1-го и 2-го лица. Почему только первых двух? Потому что в индоевропейских местоимения 3-го лица не совпадают.

3) Некоторые **термины родства**.

4) Названия некоторых частей тела (в индоевропейских общее только название ноги – **ом*).

Таким образом, достаточно при сопоставлении двух внешне не схожих языков увидеть близость этих лексических групп, чтобы заявить о генетическом родстве языков. Индоевропейская семья создавалась по этой несложной схеме, на первых порах, когда схожесть санскритских и греческих числительных, местоимений и терминов родства буквально ослепила европейских ученых. Когда существовала только такая альтернатива – или генетическое родство или никакого. А живая история языков знает несколько разновидностей родства. Лингвисты их не заметили и не описали. В противном случае индоевропейская семья языков распалась бы на несколько семей. Возникает вопрос: а может быть, числительные, местоимения и термины родства вовсе не остаток праиндоевропейского языка, а просто

заимствованы из какого-то одного (скажем, персидского) в эпоху наибольшего распространения этого языка (скажем, при Ахеменидах, I тысячелетие до н. э., когда власть персов распространилась на западе до Греции и Египта, на востоке до Индии и Китая)?

Этот вопрос индоевропеисты предвидели и заготовили указ, по которому – слова основного фонда не заимствуются. Следовательно, числительные, пара местоимений и несколько терминов родства во всех языках (семитских, тюркских, угро-финских и др.) родились вместе с этими языками и только им принадлежат и не отдаются никому, и не заимствуются ни у кого. Если бы сравнили хотя бы тюркские с индоевропейскими, этот столп рухнул бы без особого шума. Сравнение показало бы, что языкотворцы не знали этого сурового указа, и заимствовали лексику на всех уровнях. И грамматику. Например, тюркские числительные первого ряда совпадают с индоевропейскими. Некоторые сложные числительные в индоевропейских заимствованы из тюркских. Латинская система спряжения объяснима только при уравнении с тюркской. Супплетивизм форм местоимений 1 лица именительного и косвенных падежей, служащие одним из основных аргументов родственности индоевропейских, объясняется при сравнении с тюркскими и угро-финскими языками (ср. я – меня, мне и мен – мени, менге). Происхождение форм терминов родства – mather, father, sister, brather – будет неполным без учёта тюркского материала, в частности, без исследования истории тюркского форманта множественного числа – тер, который употреблялся и как суффикс, придающий смыслу слова звательно-уважительный оттенок.

Положение «индоевропейские языки» стало теорией, минуя стадию отрицания. Теория родилась в рубашке первой формулировки Джонса, но так и не выросла из неё за последующие столетия.

Она не эволюционировала, не революционировала; вековечность её лишь доказывает неполноценность. Термин «индоевропейские языки» разрастается вширь, количественно, как раздел в оглавлении языкознания, но не в теоретической её части. Как легко можно стать языком индоевропейским, заметно на новейшей истории картвельских.

В 1965 году в Тбилиси выходит книга Т.В. Гамкрелидэе и Г.И. Мачавариани «Система сонантов и аблаут в картвельских языках».

«Авторы убедительно доказали близость картвельского языка основы к семье индоевропейских языков»[123].

Некоторые лингвисты отозвались об основных выводах книги более сдержанно. Можно назвать очень глубокую и содержательную статью Арс. Чикобава «Отношение картвельских языков и индоевропейских»[124].

В 1908 году в Петербурге вышла работа Н.Я. Марра «Основные границы в грамматике древнегрузинского языка в связи с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими».

Так было сделано открытие, важное по своим последствиям не только для картвельских языков. Объявив семитическую модель архетипом, Марр конструировал систему грузинской грамматики, возведя её к архетипу.

Арс. Чикобава пишет: «В картвелологии не так уж редки «открытия»: первое из них было сделано Фр. Боппом (картвельские языки родственны индоевропейским – 1847 г.), второе принадлежит И. Марру (картвельские языки ближайшие родственники семитическим – 1888–1908 гг.), третье дано в исследовании «Система сонантов...» (стр. 62).

[123] Ахваледиани Г. Начало дороги в мир... «Литературная Грузия», 1968, № 11, стр. 14.

[124] См. «Вопросы языкознания», 1970, стр. 51-62.

Существующая теория родства языков по 1% делает по сути неограниченной возможность генетического объединения языков разного происхождения.

Этот принцип не позволяет отличить первичные признаки от вторичных, привнесённых. Родство от знакомства.

Картвельские языки в течение одного века «развились» от индоевропейских до семитических и вновь вернулись в лоно индоевропейских. (Агглютинативный принцип морфологии несколько раньше давал повод сближать картвельские языки с алтайскими.)

Когда я слышу многомудрые речи об индоевропейской или об алтайской семьях, мне вспоминается рассказ Твена «Как я редактировал сельскохозяйственную газету», где герой, подражая ученому стилю, внушал подписчикам полезные сведения из агрономии: «Тыква – единственная съедобная разновидность семейства апельсиновых, произрастающая на севере, если не считать гороха».

По образцу индоевропейской общности была создана и алтайская семья языков. По существующей теории, современные индоевропейские и тюркские языки возникли незадолго до рождества Христова. Иными словами эти языки прошли до наших дней примерно одинаковый отрезок времени. Следовательно, и тюркские языки должны были разойтись так же, как и индоевропейские. Но в тюркских трудно отделить основной фонд от словарного состава.

Большинство тюркских языков соответствуют друг другу полностью: словарями и грамматикой. Потребовалось объяснить этот феномен. Поставил этот вопрос Н.Я. Марр. Прошу прощения за величину цитаты. Некоторые его высказывания, может быть, и устарели, но суть его трибунных эмоций все ещё актуальна.

«... турецкие языки генетически не только не разъяснены, но и не освещены ни в какой мере. Генетический

вопрос о них, т. е. вопрос о происхождении тюркских языков по существу никем не ставился. Всем известно, что турки происходят из глубин Азии. Следовательно, там они и возникли. С литературной активностью турки известны с VI века, и если китайцы их знают почти за тысячелетия до того, то специалисты нас учат, что турецкие языки отличаются консерватизмом, так как памятники от VI века говорят о таких же диалектических группах, какие существуют и в современности. Выходит, невозмутимый консерватизм на протяжении одной тысячи трёхсот лет. Тем более турецкие языки могли проявить свою природную консервативность не одну тысячу прежних лет. Следовательно, и тогда, когда о них нашли нужным упомянуть китайцы, и значительно раньше.

Все это так. Более того, как хорошо известно, применение такой причастности, **при отсутствии действительного объяснения** и к другим языкам. Известный лингвист Карнгран совершенно серьёзно пишет про консерватизм китайцев в отношении речи: «Основание, почему был удержан древний язык, это неотвратимая сила традиции в Китае». Но языки не создание природы, у них нет никаких особых отприродных качеств, даже консерватизм имеет свою историю. Словом, вопрос о происхождении турецких языков нельзя отводить, как уже назревшую научную проблему, без которой ни на шаг нельзя дальше продвинуться вперёд в их изучении и действительно, целостным осознанием, как нельзя научно мириться с признанием прародины турок в Азии только потому, что они массово обретаются там (впрочем и этого сказать нельзя) и что их знаем мы так же с первых существующих о них письменных свидетельств...

Прародиной турок, конечно, нельзя признать Азию по внешнему свидетельству факта, известного короткой

исторической памяти человечества – короткой, сравнительно с судьбами возникновения и развития турок и турецкой речи».

После убеждающих доводов он приходит к выводу: «Следовательно, какая громадная общественная работа, какой громадный отражающий её динамический языкотворческий процесс пройден турецкими языками, чтобы достичь того статического состояния, того консерватизма, который отличает турецкие языки, по общему мнению самих тюркологов»[125].

Там же он выступает против метафизического применения приёмов индоевропейской лингвистики в изучении тюркских языков.

«Ведь это тупик, причём тупик, отличающийся от тупика индоевропеистов тем, что индоевропеисты глубоко вошли в изучение языков своего ведения и им трудно и при желании возвращаться назад, не разбив вдребезги своих кумиров, а лингвисты-тюркологи не успели так глубоко углубиться в языки своей системы, они стоят перед ними, как перед сфинксом. Общего между тупиком индоевропеистов и тупиком лингвистов-тюркологов только то, что метод у них всех одинаково формальный, и цепляясь в море живого и богатого материала от материальной реальности звуков, за почвы местонахождения, всегда сомнительной опорой, особенно зыбкой под ногами турок, лингвисты-тюркологи абсолютно не увязывают богатой турецкой речи органически ни с хозяйством, ни с общественностью турецких или сродных с ними более верных социальных старине народов»[126].

Марр, наблюдая «угрюмые затеи» формального метода, восклицал: «Научно – это ясно, но как быть с «политикой»,

[125] Марр Н.Я. Избранные работы, т. IV Москва, 1937, стр. 184-186.
[126] Там же, стр. 144-145.

именно с «политикой»? Я никак не знал, что ученому надо быть стратегом, политиком, дипломатом и потом только на последнем месте ученым, т. е. носителем и взрастителем определённых социальных знаний и новизной их будителем, а посему посильно их бесхитростным излагателем с одним долгом: **не стесняясь говорить о том, что в обстановке прежних знаний по данному предмету диктуется смыслом того, что или давно узнано, но даже в ученых кругах неизвестно, или вновь узнаешь, только что слышишь и видишь** – не стесняться высказываться, хотя бы пришлось говорить о таком зрелище, как непристойное состояние голого царя, про что все отлично знали, но никто из мудрых не решался говорить, и пришлось высказаться «ребёнку». Не всегда же истины изрекают мудрые змии. Бывает, значит, когда и ученому не сором стать ребёнком».

За десятилетия, прошедшие после слов неистового Марра, мало что изменилось. Если бы тюркскому языку было уделено достаточно серьёзное внимание, сколько бы мифов языкознания и историографии уступили место реальности и, может статься, гуманитарные науки ещё на шаг приблизились бы к точным. Но пока индоевропеисты считают тюркские языки окраинными, поздними наречиями, провинцией индоевропейской империи, пока сами тюркологи не могут удержать свои портки без помочей преданного ученичества, и без конца глухо и слепо повторяют оскорбительные истины благообразных учителей своих, мы будем блуждать по своему дому в чёрных повязках Фемиды, натыкаясь лбами на до боли знакомые углы.

ЮРТА И ЛУВР

Тюркское языкознание, будучи младшим детищем индоевропеистики, на первых порах послушно повторило цели и методы своей родительницы. Повторило и ошибки. Индоевропеисты давно отказались от некоторых из них. Тюркологи – продолжают их развивать. Есть много общего в начальных периодах обеих наук:

1. С изучения языка памятников древнеиндийского письма (санскрита) началось индоевропейское языкознание. С изучения языка письменных памятников Орхона и Енисея началась тюркология.

2. Увлечение санскритом привело первых индоевропеистов к ошибочной теории, по которой санскрит объявлялся самым древним языком индоевропейской семьи, т. е. праиндоевропейским языком – основой, или, по крайней мере, очень близким к нему, и соответственно все нормы европейских языков, отличающихся от санскритских норм, считались искажением санскрита.

Так Г. Бенфей и Фр. Бопп утверждали, что праиндоевропейский язык содержал всего три гласных (a, i, y), ибо всего три гласных было отмечено в санскритских текстах.

Позже (ещё в XIX веке) с открытием закона палатализации было доказано (Коллиц), что гласных в праязыке было больше на две (e, o), которые потом (уже в санскрите) слились в «а». Это была первая победа научного метода над ползучим эмпиризмом начальной индоевропеистики.

Тюркским санскритом считается язык орхоно-енисейских памятников (VIII век). Развитием его – язык памятников восточного Туркестана (X–XI–XIII вв.). Сохраняются его нормы в языках современной огузо-карлукской-уйгурской группы (туркменский, азербайджанский, турецкий, узбекский, уйгурский.)

Почти сто лет назад И. Грунцель высказал предположение, что первоначально в тюркских языках было три гласных (a, i, y). (Насколько живучи в тюркологии предрассудочные идеи можно судить хотя бы по тому, что и сегодня у И. Грунцеля есть последователи. Так М.А. Черкасский недавно, в 1965 году, писал, что система тюркского вокализма была треугольной (i, a, y), в орхонское время она стала четырёхчленной (i, a, y, ÿ). Главным и единственным аргументом в пользу последней модели у М.А. Черкасского являются «данные орхонского письма». В орхоно-енисейском действительно всего четыре знака для обозначения гласных. Но ещё В. Томсен установил (25 ноября 1893 года), что эти четыре знака в различных контекстах выражали 8 гласных звуков, которые были в языке того времени.)

Как видим, общего в начальной истории индоевропейского языкознания и тюркского было довольно много и совпадения буквальные. Но отличие в том, что линии дальнейшего развития индоевропеистики и тюркологии не совпали: первая продолжала полого восходить, вторая шла параллельно с земной поверхностью и, в иных моментах почти сливаясь с ней. Тюркология так и осталась начинающей наукой, пасынком индоевропейского языкознания. В XX веке ещё не появились имена равные В.В. Радлову и В. Томсену. Она продолжает оставаться статистической, прикладной отраслью знания. За время после открытий Томсена ни одного фонетического закона, управляющего тюркскими языками, не было описано.

Десятилетиями в индоевропеистике шёл спор о букве «е». Как мы уже упоминали, Ф. Бопп и другие утверждали, что её не было в праязыке, так как её нет в санскрите и в других индоиранских письменных языках. Законом палатализации было, наконец, установлено, что до санскрита «е» существовало, и её вытеснило в санскрите «а». В тюркологии спор о «е» ещё только начинается, так как

в орхоно-енисейских памятниках «е» не обнаружено, и нет его в уйгурских письменах, следовательно, той гласной не было и в помине. Она появилась позже на основе «ə».

Философы Греции время от времени задавали себе вопрос: «А не путаю ли я причину со следствием?» Этот вопрос развивал философию и естественные науки Греции. Но тюркологам не пришла мысль попытаться хотя бы теоретически поменять местами эти две неизвестные (ä > e, e > ä) и посмотреть, что из этого последует. Это бы привело к объяснению многих неясностей, нелогичностей, беззакония тюркской фонетики и морфологии. Порой слишком правильная, освящённая авторитетами предпосылка тормозит науку, а явно недисциплинированная, противоречащая всему зданию теории предпосылка – неожиданно толкает науку вперёд.

А.М. Щербак[127] реконструировал несколько сотен праформ (т.е. слов пратюркского языка). Ни в одной из них нет буквы «е». Не только вокализмом, но и консонантными основами они слишком уж навязчиво напоминают формы орхоно-енисейские (иначе говоря, огузо-карлукские). Из современных языков образцом послужил туркменский. Если верить А.М. Щербаку, все тюрки в доисторическую эпоху говорили на чуть искажённом туркменском. В последние века они ушли от него, и развились кипчакские языки и сибирские.

...Во многих современных тюркских языках существуют долгие гласные. Существовали ли они в пратюркском? Тюркологи XIX века отрицали такую возможность, считая, что это явление позднее. Е.Д. Поливанов (в 1924 году) привёл

[127] Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970. Монография А. М. Щербака – первая обобщающая работа на эту тему в советской тюркологии. Выводы её могут иметь существенные последствия для дальнейшего развития тюркского языкознания, и то, что она не вызвала споров, может означать одно – результаты, к которым пришёл А. М. Щербак, ожидамы и согласуются с общепринятым взглядом на историю тюркских языков.

довольно убедительные аргументы в пользу выделения первичных (или пратюркских) долгих гласных. Он отметил, что при восстановлении пратюркской долготы должны быть учтены туркмено-якутские соответствия. А.М. Щербак без оговорок принимает эту идею и метод. Действительно, туркмены и якуты расстались, видимо, давно. И если в их языках сохранились какие-то общие черты, то это, несомненно, черты древние. Иначе и не могло быть. И, исходя из этой идеи, А.М. Щербак восстанавливает праформы так: *ыыр* – худеть, уставать (якутское), *аар* (туркменское) – следовательно, в пратюркском было – *аар*; *ыыс* – работа (якутское), *ыыш* (туркменское), следовательно – *ыыш* (пратюркское), *аас* – переходить, переливать (якутское), *ааш* (туркменское), *ааш* (пратюркское) и т.п.

Вопрос о пратюркских долгих не может решаться столь решительно, ибо нельзя обойти молчанием аргументы против.

Прежде всего данные тюркского санскрита (орхоно-енисейские тексты).

Древние индийские и иранские системы письма содержали знаки для долгих и кратких звуков, но не было знаков для обозначения мягких и твёрдых гласных. Ибо не было уже такого разграничения по качеству в тех языках. Орхоно-енисейское письмо, уникальнейшее в своём роде. Оно единственное из всех известных алфавитов строго подразделяет буквы по принципу – твёрдые и мягкие. Ибо такое деление существовало (и существует) в тюркских языках, для которых письмо создавалось. Но нет знаков для долгих гласных и согласных. Если бы долгие были характерны для тюркских языков того времени так же как, скажем, для иранских, то можно не сомневаться, что орхоно-енисейское письмо отразило бы это состояние. Можно с уверенностью утверждать, что, во всяком случае, огузо-карлукским языкам (к которым относится и туркменский) долгота в VIII веке ещё

не была присуща. Она появилась в поздний период. И причины этого появления очевидны. И странно, что лингвист-фонетолог не придал им должного значения. Причины эти в своеобразии истории огузо-карлукских народов.

Одним из главных недостатков индоевропейской теории было то, что индоевропейские языки рассматривались изолированно от общемирового глотогонического процесса. Индоевропейские языки якобы развились вне зависимости от тюркских, угро-финских и других. Новая теория Н. Марра была протестом против такой узости индоевропеистов. Но, к сожалению, его методы опорочили в сущности справедливую идею коренных связей мировых языков, которая сейчас частями развивается в ностратической теории. Тюркологи пока умудряются проводить тюркские языки по крутым склонам истории, как слаломистов, не задевая флажков. Тюркские языки, оказывается, не испытывали никакого влияния индоиранских, семитских, угро-финских (хотя на словах влияние может и признаваться, но лишь крайне незначительное и позднее – как, например, воздействие таджикского на узбекский). К чему приводит этот неисторический подход к истории языка, видно на примере книги А.М. Щербака.

Огузо-карлуки только за последнее тысячелетие (обозримое наукой) претерпели смену нескольких культур и религий. Буддизм, манихейство, сирийское христианство, зороастризм, мусульманство. Каждая из этих религий приходила с письмом, искусством, бытом, этносом и языком. Индоирано-арабский фактор решающим образом сказался на культуре и способах существования огузо-карлукских народов. И индийский язык и письмо (брахми), и иранский язык и письмо (согдийское), и арабский язык и письмо **не признают «е»** (заменив его «ə») **и признают долгие гласные**, т.е. именно эти признаки и отличают современные огузо-карлукские языки от кипчакских. Один только арабский мог

за тысячелетие постоянного применения привить любовь к открытому «ə» и к долгим. И коран, и аруз (основной стихотворный размер персо-арабской поэзии) влияли на язык огузо-карлуков. Вот свидетельство азербайджанского поэта и ученого Расула Рза: «Столетиями в азербайджанской поэзии преобладал размер аруз – долгота или краткость звука лежит в основе этого стихотворного размера, имеющего 19 разновидностей. **Пользование этим размером нанесло большой урон азербайджанскому языку, засорив его множеством арабских, фарсидских слов и нередко исказив естественное звучание собственно азербайджанских слов»**[128].

Поэт Расул Рза признает, что арабская долгота есть искажение «естественного звучания» азербайджанских слов. Тюрколог А.М. Щербак полагает, что эта долгота была присуща пратюркскому языку и, следовательно, всем тюркским языкам. И если некоторые из них (кипчакские) не признают ныне долгие гласные, то это свидетельство их позднего происхождения. Так привнесённый, чужой количественный признак стал под пером ученых – основным, первичным. Этим самым существенно искажён взгляд на историю тюркских языков. (Долгота сибирских языков – якутского, тувинского, хакасского, киргизского могла быть следствием влияния «буддийских» языков Монголии. Во всяком случае, исследовать вопрос происхождения тюркских долгих без учёта названных факторов не представляется возможным.)

Кипчакские народы не приняли буддизма, они остановили иранцев (зороастризм) и арабов на границах Дешт-и-Кипчака и сдерживали их на протяжении многих веков. Контакты кочевников с индо-ирано-арабскими народами были достаточно незначительными по времени, чтобы язык испытал значительное воздействие. Сохранилась религия

[128] Рза Расул. Нарушение канонов. «Вопросы литературы», 1972, № 2. (Подчёркнуто мной - О.С.).

(**тенгри**), сохранился быт (**кочевой**), сохранилась культура, формы музыки и поэзии, сохранился и язык: «е» и «краткость». Лишь в последние века началось проникновение мусульманства в степь. И уже даёт себя знать: появилось «ə» в казахском языке, появилась терпимость к некоторым искусственным долгим согласным (кетті, жетті, жатты). В орхоно-енисейских памятниках такие стыки согласных ещё не признавались. Если при грамматических процессах необходимо было слияние «**тт**», они его избегали. Сравните бартым, алтым, уртым, кыртым, но тутдым (Куль-тегин), бітідім (Тоньюкук). Огузо-карлуки ныне признают и искусственно создают долгие там, где они и не должны быть (**саккіз**, **токкуз**, **етті**, **ашшы** – из ашты, **иссык** – из ыстык), казахи ещё чураются искусственного «**лл**», после «**л**» всегда другой согласный (колдар, кулдар, колдер) и даже Алла – алда, мулла – молда, по условному рефлексу, выработанному издавна. Сегодня казахи уже произносят мухаббат, махаммат, но в XIX веке долгое «**мм**» ещё превращалось в «мб» (Махамбет, Мамбет; тамма – тамба, танба; кумбес – кумбэс – из куммэс – могильник). Любопытно, что точно так же древние греки реагировали на семитский долгий согласный «м». Они заимствовали письмо у финикийцев вместе с названиями букв. «Л» называлась «**ламмад**». Греки превратили это чужое слово в «**ламбда**». Рефлекс «**мб**» ощущается в современных словах европейских «лампа», «шомпол», «кумпол» (купол) и др.

И едва ли в казахском эта реакция появилась недавно – скорее это результат инерции извечной, сейчас только-только подавляемой сближением с арабской традицией.

...Долгие звуки характерны и не для всех индоевропейских. В греческом и латинском они появились под влиянием семитских. В германских под влиянием латыни. Так готы, перенимая долгие гласные, преобразуют их в дифтонги аа > ай, уу > уй, ии > ий. Точно такой же рефлекс вызывали

семитские долгие в некоторых несемитских языках древней Передней Азии. Например, в хурритском. Установить эту закономерность удаётся благодаря сохранности форм с долгим и дифтонгом. Практически каждая форма с долгим гласным имеет диалектный вариант с дифтонгом: ай - аа, ей - ее. И в кипчакских языках дифтонг образуется на месте искусственных долгих, возникающих при морфологических процессах. Например, в казахском деепричастие настоящего времени создается от императива + а. Часто императив оканчивается на этот гласный, и прибавление форманта вызывает искусственный долгий а + а **сойле** – говори; сойле + е > **сойлей** – говоря. Борла – рисуй мелом, мели; борла + а > **борлай** – меля, рисуя мелом и т. п. Не зная эту закономерность и утверждая первичную долготу тюркских звуков, мы рискуем модернизировать древность. Заимствованные долгие в тюркских языках реализовали тремя формами:

1. долгий > дифтонг,
2. долгий > краткий,
3. долгий = долгий.

Третий путь стал нормой позже остальных двух и не для всех тюркских языков. Долгий как норма приходил в западнотюркские с кораном и арузом, в восточнотюркские – от монголов. И когда долгий станет нормой, первичные краткие могут произноситься уже как долгие в этих языках. Исключение: кипчакские языки признают только один долгий – у. Остальные дифтонгизируются. Но есть примеры в словаре, доказывающие, что и долгий «у» материализовался иногда дифтонгом: туу – 1) родить, родиться, 2) праздник по случаю рождения. Сохраняется и вариант – туй, который принял на себя второе лексическое значение. Эти схемы мы учитывали при восстановлении праформ тюркских лексем.

К ТАБЛИЦЕ

Как хотелось бы начать статью о шумеро-тюркских контактах вот с этой страницы, спокойно, не растекаясь мыслию по грустной современности нашей, но, к сожалению, в тюркологии невозможно решить самый частный вопрос, пока хотя бы не поставлены проблемы самые общие.

Шумерский и тюркский сравнивали и раньше (Хоммель).

Две методологические ошибки:

1. во что бы то ни стало стремились доказать генетическое родство;
2. сравнивалось небольшое число слов, около десятка, из разных областей словаря.

Результаты: Хоммель осмеян. Его попытку приводят как хрестоматийный пример ненаучных выводов из ненаучного сопоставления. Правда, недостатки при этом указывались другие: он сравнивал с шумерскими примерами слова из разных тюркских языков, «а надо – праформы». И найденные им сопоставимые лексемы могли совпадать с тюркскими случайно, ввиду их малого количества.

Мы учитываем уроки поражения Хоммеля и предлагаем сравнивать не слова-одиночки из разных областей словаря, **а семантические гнезда лексем**, нарушая алфавитный порядок. Сгруппировав шумерскую лексику по классам и сопоставив с соответствующими группами тюркских терминов, я увидел, что наибольшее число соответствий падает на два класса: а) Бог, б) Человек.

Системность схождений и расхождений смысловых и формальных исключала возможность случайных совпадений, и во многих случаях доказывала зависимость обратную той, которую я предполагал вначале: многие шумерские слова из этих двух классов были зависимы от тюркских. И притом, что ещё более поразительно, – шумерские

заимствования сохраняли диалектные особенности, которые сохранились в тюркских языках до наших дней и довольно подробно описаны. Это могло значить, что шумеры общались не с общетюрками и не с одним из тюркских племён, а с несколькими. И ещё что можно заметить: контакты с тюрками были неоднократными. Есть «застарелые» тюркизмы и довольно «свежие», не успевшие видоизмениться.

Сопоставление семантических гнёзд отвечало и на главный вопрос: родственны ли шумерский и тюркские языки?

Родственны, но не генетически.

Они родственны так же, как современные узбекский, дунганский, малайский, черкесский, урду, иранский, осетинский и арабский. Такое родство можно назвать **культурным**. Это языки одной культурной федерации, обусловленной одной религией.

Но следует различать понятия **древнейшее** культурное родство языков и позднее. Если во втором случае языки вступают в контакт уже обогащённые, полные на всех уровнях, потому заимствуют лишь культовую лексику (класс Бог) и отдельные термины культуры, то на древнейшем этапе культурного родства, когда взаимодействующие языки только формируются, следует ожидать диффузию языков более обширную. Заимствуется лексика классов – Человек, Природа, Культура (числительные и т. д.).

Тюркские языки, на мой взгляд, находились в состоянии древнейшего культурного родства с шумерским и монгольским и позднего культурного родства с арабским. Причём позднее культурное влияние не вытеснило окончательно результатов древнейшего, а как бы накладывалось на него, затушёвывая, оттесняя в пассив, но, повторяем, не уничтожая. Это удивительное свойство языка (многоэтажность) проявилось в казахском термине «Алла-Тенгри», которым последние тюркские кочевники называют Единого, Неделимого

бога (имя бога не искажается, термины религии – самый выносливый класс лексики в любом словаре).

Учитывая эти моменты мы подошли к составлению таблицы неслучайных совпадений шумерского слова с тюркским. Должен заметить, что ущерб, нанесённый кладовкой моим шумерским записям, был столь значителен, что я отказался от романтической мысли дать полный шумеро-тюркский словарь. Работа по восстановлению утраченного заперла бы меня в московских и ленинградских библиотеках ещё на несколько лет. И, признаться, все эти иглокопания мне уже достаточно надоели. Я по природе своей поисковик. Мне важно обозначить на карте маршрута точку возможного месторождения. И сдать бутылки с водой, содержащей частицы нефти, в лабораторию на анализ. А разведывать запасы и разрабатывать их – не наше дело. И, кажется, выход был найден. Чтобы усилить эффект совпадений, я намеренно ограничил шумерский материал той лексикой, которая приведена в статье И.М. Дьяконова – ведущего советского специалиста в области мёртвых языков Передней Азии. Сделать меня это заставил вывод, которым кончается статья «Шумерский язык»: «При нынешнем состоянии наших знаний ни материал грамматических формантов, ни материал таких слов основного словарного фонда, как числительные, термины родства, названия частей тела и т.п. не обнаруживают соотношений с аналогичным материалом других языков. Возможно, это связано с тем, что первоначальная фонетическая система шумерского языка оказывается сильно разрушенной и сглаженной под влиянием ассимиляции гласных и утере конечных звуков. Поэтому в настоящее время шумерский язык приходится считать изолированным и родство его с каким бы то ни было другим языком – неустановленным»[129].

[129] Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. М., 1969, стр. 84.

Даже состояние нынешних знаний и лексический материал, содержащийся в статье И.М. Дьяконова, **позволяет установить культурное родство шумерского с ныне живыми тюркскими языками.**

И.М. Дьяконов использует в качестве примеров немногим более ста шумерских слов. Я выбрал 60, хотя можно было бы 50 или 80. Почему остановился на этом числе? Мера высшего счёта в Шумере. Предельные числа считались – 60, 60×60, 60×60×60 и т. д. Оттуда идёт традиция шестидесятиричного счёта: минута – 60 секунд, час – 60 минут, круг – 360 градусов и т. д.

Поддержим эту символику, может, повезёт. Пусть за первыми поисковыми 60-ю словами другие найдут в 60 и в 360 раз больше, когда исследуют словарь полнее. Но моё убеждение – чтобы узнать вкус моря, не обязательно выхлебать Тихий океан, достаточно нескольких соленых брызг, занесённых порывом ветра на лицо.

60 СЛОВ

(Краткая таблица сопоставления шумерской лексики с тюркской)

Примечания:

1. Сравнению подлежит в основном лексика классов Бог и Человек. Провести резкую границу между классами не всегда удаётся. К какому, например, отнести термины рода, названия земли, горы, солнца? Древним человеком обожествлялась тайна происхождения человека, и он, пытаясь понять её, поклонялся и земле производящей, и огню, и женщине-матери: люди и явления признаются потомством богов.

2. Шумерские слова расположены не в алфавитном порядке, а семантическими гнёздами.

3. Звёздочкой обозначены праформы. В шумерском разделе одной звёздочкой помечены праформы, предложенные И. Дьяконовым, двумя – наши.

4. В тюркском разделе в скобки помещены варианты форм, зарегистрированные в живых тюркских наречиях, без помет, указывающих на ареал или название наречия (за редкими исключениями). Пометой «общетюрск.» обозначены слова, отмеченные в большинстве тюркских языков.

5. В шумерском разделе в скобках даются варианты написания слова.

6. Для удобства читателя сопоставляемые термины воспроизводятся современной кириллицей. Звуки, отсутствующие в русском, передаются буквами с диакритическими значками.

ӓ – мягкий «а»
ӧ – мягкий «о»
ӱ – мягкий «у»

Класс «Человек»

№	Шумерский	Тюркские
1	АДА отец.	АТА (АДА) отец (общетюркск.).
2	АМА мать.	АМА (АБА, АПА, АНА) мать (общетюркск.).
3	АМАР детеныш; теленок. В аккадском МАР сын.	*МАРА (МАЛА, БАЛА, ПАЛА) дитё. В сложных словах сингармонировалось НИ - МӒРӒ внук; ЩЁ - БӒРӒ правнук.
4	ТУ родить.	ТУУ (ТУГУ, ТУВУ, ТУРУ) родить (общетюркск.) ТУ (ТУГ, ТУВ, ТУР) роди; родись.
4 а	ТУД родить.	ТУДЪ (ТУГДЪ, ТУВДЪ, ТУРДЪ) родила; родился.

№	Шумерский	Тюркские
4 б	ТУМ принесение.	ТУЪМ рождение; принесение потомства (общетюркск.).
4 в	ДУМУ дитя, потомство.	ТУМА дитя; потомство; поколение (общетюркск.).
5	ТИР (ТИЛ, ТИ) жизнь.	ТИРИК (ТИРИ) живой (общетюркск.). ТУРУК живой. ТУРУ жить. ТУР живи.
5 а	ТИР (ТИЛ, ТИ) стрела.	ТИРИК оружие, снаряд, стрела (сагайский). В остальных языках корень ТИР образует громадное гнездо слов со значениями – острое; колоть; пронзать; низать; царапать и т. п.
5 б	ШИ (ЗИ) жизнь; душа **ТИ (ДИ).	ЩИ (ЧИ, ДЖИ, ЗИ) суффикс, обозначающий человека (общетюркск.).
6	КИР-СИКИЛ девственница.	СИЛИК КЪЗ девственница. Устойчивое сочетание в древнетюркском поэтическом языке.
7	СИКИЛ чистое **СИЛИК.	СИЛИК чистое (древнетюркск.; турецк.). *СУЛУК чистое.
8	ЕРЕН рядовой воин; работник.	ЕРЕН (ÄРÄН, ЕРÄН) рядовой воин; последователь; адепт; воин; мужчина (древнетюркск., турецкий, уйгурск. и др.). Образование: ЕР – следуй за кем-нибудь. ЕРЕН - тот, кто следует (существительное в форме причастия прошедшего времени. Продуктивная форма).
9	ЕРЕ (ЕР) раб. Развитие предыдущего слова.	ЕР воин; мужчина; герой (общетюркск.).
10	ШУБА (СИПА) пастух.	ШУПАН (ЧУБАН, ЧОБАН, ЧАБАН) (общетюркск.) – пастух.
11	АБ дверь.	ÄВ (АБ, ЕВ, ЕБ, УЙ) дом (общетюркск.).
11 а	ЕШ дом. Выражается тем же иероглифом, что и предыдущее слово.	ЕШИК (ЕСИК) дверь (общетюркск.).

№	Шумерский	Тюркские
12	УГУ (УГ) род.	УГУШ род (древнетюркск.). УГ род, семья, мать (алт.).
13	РУ воздвигать; бить.	УРУ воздвигать; строить; бить (общетюркск.).
14	УРУК крепость; город; община.	УРУК воздвигнутое; *город; *население города; племя.
15	ГАГ всаживать.	КАК (ГАК) прибивай (общетюркск.).
16	ТАГ прицеплять.	ТАК (ТАГ) прицепляй; прикалывай; присоединяй (общетюркск.).
17	ШУ рука.	УШ (УС, УУШ, УУС) горсть (общетюркск.).
17 а	ШУ-ТАГ-ТИ схватил.	УШ-ТА-ДЫ схватил; поймал; держит.
18	КАР похищать.	КАРМА (КАРПА) грабёж (древнетюркск.) от *КАР рука; хватай. В древнетюркском КАР, КАРЫ часть руки; КАРШ пядь, расстояние между пальцами, мера длины.
19	СИР (СУР) ткать.	СЕРУК (СЕРУ) ткацкий станок: СЕРМАК ткань (древнетюркск.) Следовательно, *СЕР – тки; сравните с казахск. СЫР шей, стегай; СЫР - МАК стеганка; стеганый ковер.
20	ШАБ середина.	ШАБ (ЧАП, САБА) разруби (общетюркск.). ЧАБАР середина (уйгурск.).
20а	ШАГ середина. Диалектн. вариант предыдущ. слова.	ШАК (ЧАК, САК[130]) расколи; расколи пополам; равная часть; мелочь (общетюркск.). Диалектный вариант предыдущ. слова.

[130] Глаголы подобного типа первоначально описывали один удар, деляций предмет надвое. Поэтому от них и образовывались существительные, означающие центр, половину, середину. Сравните «УРДЫ» бил; «УРТА» середина; центр или: ЖАРДЫ расколол; ЖАРТЫ половина. В шумерском эти существительные нечленные.

№	Шумерский	Тюркские
21	САКАР пыль, песок.	ЧАКЫР песок, мелкие камешки (турецк.). ЧАКА песок (чагатайск.). *ЧАК ЙАР мелкая земля; колотая земля.
21а	ЗАГ сторона, бок.	ЖАК (ЙАК, ДЖАГ, ЗАК) сторона; бок (общетюркск.). Вариант предыдущ. слова.
21б	ЗАГ-ГИН приближаться.	ЖАКЫН (ЙАКИН, ЗАКИН) близко.
22	ТИБИРА медник.	ТЕБИР, (ТЕБЕР, ТИБИР, ДЕБЬР, ТӒБИР, ДӒБИР, ТЕМУР, ТЕМИР, ТӦМОР, ТӦМУР, ТОМУЗ) железо. Значение термина стадиальное. Буквальное значение «ковкая земля», т.е. вещество, поддающееся ковке. Этим словом могли первоначально называть любой ковкий металл. В некоторых индийских языках ещё означает медь. Например, в бенгальском «ТОМОР» медь.
23	ЗАБАР медь; бронза *ДАБИР.	См. предыдущее слово.
24	ЕД проходить; выходить.	УТ (ОТ, ИД, ЕД, ЕТ, АТ) иди, проходи, переходи (общетюркск.) Протезированные формы: КЕТ (ГЕТЬ, КИТ) уходи (общетюркск.).
25	ГУ голос.	КУ голос; звук; мелодия (общетюркск.).
26	ГУЛШЕ радостно; весело.	КУЛИШ (ГУЛУШ) смех; радость (общетюркск.). КУЛУ (ГУЛУ) смеяться; издавать голос, звук.
27	ГЕШТУКА слушающий.	ЕШТУГӒН (ЕСТУГӒН, ЕСТИГЕН) слушающий (общетюркск.). ЕШ (ЕС) сознание. ЕШИТ (ЕСИТ) слушай. ЕШТУ (ЕСТУ) слушать.
27а	ГЕШТУК ухо.	ЕШТУК то, что слушает. В современных языках принят другой термин.

№	Шумерский	Тюркские
28	ЕМЕК язык.	ЕМЕК (ЕМУК) язык. «Е» – есть; ЕМЕК – 1) то, чем едят; 2) ЕМУ сосать грудь; ЕМЕК – еда (турецк.)
29	БИЛЬГА предок. Встречается в имени эпического героя Бильгамеша (в аккадском варианте – Гильгамеш). Переводят имя как «Предок-герой».	БИЛЬГА мудрый (древнетюркск.) Образование: БИЛЬ знай; БИЛИМ, БИЛИК знание; мудрость; наука; БИЛЬГАН знавший; мудрый. В древнетюркских текстах часто встречается в составе имени эпических предков или в титулах: БИЛЬГӒ БЕК («мудрый бек»). БИЛЬГА-КАГАН («мудрый каган») и др.
30	МЕ я.	МЕН (БЕН, БИН, МӒН, БӒН) я. Многие тюркские лексемы отличаются от шумерских наличием носового окончания. В данном случае, надо полагать, это явление позднейшее. В некоторых алтайских «н» в местоимениях появиться не успел. Сравните монгольское БИ я.
31	ЗЕ ты.	СЕН (СӒН, СИН) ты. В монгольском СИ ты.
32	АНЕ (ЕНЕ) указательное местоимен. «то, та, тот».	ӒНЕ указательное местоимение «то, та, тот».

Личные местоимения множественного числа в шумерском не обнаружены. В тюркских формах угадывается искусственный способ получения множественного числа. Об этом писал ещё С.Е. Малов в известных примечаниях к переводу орхонского текста в честь Куль-Тегина.

Он так объяснял происхождение местоимений «**БИЗ**» мы; «**СИЗ**» вы.

БИ+СИ=БИЗ (я+ты = мы)
СИ+СИ=СИЗ (ты+ты = вы)

Если это так, то формы множественного числа «складывались» в ту эпоху, когда ещё не появились носовые окончания в местоимениях единственного числа. То есть праформы тюркских личных местоимений первого и второго лица единственного числа могут оказаться весьма приближенными к шумерским.

Класс «Природа»

№	Шумерский	Тюркские
33	АМАР телёнок, детёныш.	МАРА время, в течение которого животное считается детёнышем (турецк.). МАРАА (МАРКА) ягнёнок (общетюркск.). ПАРУ – телёнок (чувашек.).
34	УДУ баран; солнечное божество; священный	УДУК, (ЫДУК) священный (древнетюркск.)
35	ГУД – бык	УД бык; рогатые животные (древнетюркск.). ГУДАА бык-олень (тофаларск.).
36	КУНКАЛ курдючный баран	КОНКАЛ оленёнок (тофаларск.) Северные тюрки могли перенести термины овцеводства на оленей. Ибо этот термин представляет собой сложное слово, состоящее из КОН – курдюк (казахск., уйгурск. и др.), КАЛН – толстый, большой. Вероятно, так называлась особая порода овец.

№	Шумерский	Тюркские
37	УЗУГ (УЗУ, УЗ) водоплавающая птица.	ИУЗУК (ЖУЗУК) водоплавающее (общетюркск.).
38	ГАШ птица	КУШ (КУС) птица, водоплавающая птица (общетюркск.). В сложных словах «ГАШ» «ГАЙ». Например: карлыгаш – ласточка («черноватая птица»), торгай – воробей («гнедая птица»), карга-ворона («чёрная птица»). Можно ещё сравнить с КАЗ (ГАЗ) гусь (общетюркск.).
39	ГИШ – дерево, заимствовано в аккадск. языке в форме ИШ – дерево.	ЕГИШ (ЕГИС, ÄГÄШ) культурное растение; злак (казахск., уйгурск.) Существительное, образованное от глагола ЕГ сажай, сей, закапывай. Эпоха, когда главным культурным растением становится фруктовое дерево, могла отразиться значением, утраченным ЕГИШ (АГИШ) фруктовое дерево, фруктовый кустарник. В дальнейшем форма огрубела и семантика обобщилась: 1) АГАШ, АГАЧ, ЫГАЧ – дерево (западнотюркск. ареал). В сложных словах – ГАШ, ГАЧ, ГАИ. В балкарском и ногайском «АГАЧ» лес. 2) ЫЙАШ, ИЫШ, ИЫС лес (сибирский ареал). 3) ЧЫШ, ЧИС лес (алтайский).
40	ЕГЕР низ.	ЕГЕР унижение, уничтожение (казахск.). Отдельно уже не употребляется, только со вспомогательным глаголом во фразеологизме ЕГЕР КЫЛУ – «уничтожить». Буквально: «сделать егер».

№	Шумерский	Тюркские
41	ЕДЕН степь.	ЕДЕН пол в юрте (казахск.). АДАН низ юрты; основание (чагатайск.).
42	ЕРЕН кедр Омоним слова ЕРЕН рядовой воин; работник.	ЕРЕН ясень; клен (уйгурск.) Омоним слова ЕРЕН рядовой воин, последователь. Образование: ЕР следуй; ЕР тай, сочись. ЕРЕН следовавший; последователь. ЕРЕН таявший, сочный.

Видимо, растения, исходящие смолой, соком, и назывались ЕРЕН. Переход значений «хвойное дерево» – «лиственное» подтверждается примерами из разных языков. Например: лат. ЕБУЛУС – ель, ЕБУЛУМ – бузина. В русском «ель», «ёлка» и диалектные «елха», «ельха» – ольха; «еленец» – можжевельник.

В казахском «ЕРЕН» дал термины ЕРМЕН – род полыни. В уйгурском часто выпадает плавный перед другим согласным:

ЕМЕН – род полыни. Казахи заимствуют сокращённый термин в новом значении ЕМЕН – дуб.

Турки образовали название кедра от того же корня, но другим суффиксом существительного: ЕРС, ЕРЗ – кедр.

Эти формы получили большое отражение в славянских языках, как и предыдущая ЕРЕН.

№	Шумерский	Тюркские
43	КУР гора.	КУР воздвигай (общетюркск.) Вариант слова УР. КЫР горный хребет; горное плато (общетюркск.) КУРА (КОРА) стена; пространство, обнесённое стеной. КУР (КӦР) могильный холм.

№	Шумерский	Тюркские
44	КИР земля.	КИР грязь; глина (общетюркск.) ЙИР (ЙЕР, ПАР, ЖЕР, ДЖЕР, ЗЕР, ДЬЕР) земля.
45	АШ черта, единица.	АШ (ЕШ, ЕС, ИШ) режь, полосуй. Протезированные формы: КЕШ (КАС, КЕС, КИС) режь: черти ПЕШ (ПАС, ПИШ, ПИС) режь, черти.
46	ИШИ прах, пыль, песчинка. Заимствовано аккадским ИШ малое, самое малое, атом.	ИШ (ЕШ) самое малое, атом (общетюркск.). КИШИ (КИЧИ) маленькое (общетюркск). ПИШИ (БИЧИ, БИШИ) маленькое (диалект.).
47	ДИЛИ черта, единица.	ТИЛИК (ТИЛИ, ДИЛИК, ДИЛИ) черта, полоса (общетюркск.) Образовано от ТИЛЬ (ДИЛЬ) царапай, полосуй.
48	ДЕШ точка, единица[131]	ТЕШИК (ДЕШИК, ТЕСИК) точка, отверстие (общетюркск.). Образовано от ТЕШ (ДЕШ) прокалывай, делай точку.
49	УШ три.	УШ (УЧ, УС, ИС) три (общетюркск.).
50	У десять.	УН (ОН) десять (общетюркск.).
51	УШ-У 30[132]	Ш-УН 30 (сохранилось в алтае-сибирском ареале).
52	ЕН высший.	ЕН высший; предельный; ширина; круг.
52а	КЕН широкий.	КЕН широкий (общетюркск.).

[131] Число «один» в разных надписях выражается словами «АШ», «ДИЛИ», «ДЕШ».

[132] Тюркские числительные первой десятки почти все заимствованы из индоевропейских языков. Не совпадают с индоевропейскими только три числительных ПИШ (БИШ, ВИР) – один. УШ (УЧ) – три. УН (ОН) – десять. Они, я полагаю, сохранились как наследие прототюркской эпохи.

№	Шумерский	Тюркские
52б	КЕНА (КИНА), истина, истинный.	*КИН истина, истинный. В современных представлены палатализированные формы. ШИН (ЧИН) истина, истинный
53	УЗУК длинный, высокий.	УЗУН длинный (общетюркск.). УЗАК длинный (казахск.).
54	ТУШ (ШУШ) опуститься, сесть.	ТУШ, (ТУС) опуститься (общетюркск.).
55	УД солнце, день.	УТ (УД, ÖД) полдень, время (древнетюркск.).
55а	**УД огонь.	УТ (УД, ОТ, ОД) огонь, (общетюркск.).
56	УДУН очаг.	УТУН (УДУН ОТУН, ОДУН, ОТЫН) дрова; топливо (общетюркск).
57	УДУ солнечное божество, священный.	УДУК (ЫДУК) священный (древнетюркск.).
58	ДИНГИР (ДЕМЕР) бог, небо.	ТЕНГИР (ТЕГРИ, ДÄНГИР, ТЕНИР, ТÄНИР) - бог, небо (общетюркск.). В чувашском ТЕНГИР – море.
	ТИНГИР, ТИГИР название реки.	В остальных тюркских языках ТЕНГИЗ (ТЕНИЗ, ДЕНИЗ, ДАНГИЗ) море; большая река. Переход значений небо/море возможен и подтверждается примерами из языков. Чередование чувашского «р» с общетюркским «з» системно.
59	НАМ судьба. Буквально НА-МЕ что (есть) это?	НÄ-МÄ что (есть) это? (общетюркск.).
60	ДУБ глиняная таблица; документ.	ТУП жжённый кирпич (турецк.).

История этого слова не вмещается в графу таблицы. Назовём в этой заметке некоторые факты.

Шумерское слово восходит к старошумерской форме **ТУП. На этом этапе заимствовано аккадцами ТУПП – глиняная таблица, письменный материал. Попадает и в другие языки древней Передней Азии: ТУППИ (эламский), ТУППИ (хурритский) и др.

В европейских древних языках отражается слово в форме «ТИПУС» – оттиск, печать (латинский), ТИПОС – оттиск (греческ.) Чередование У/И. Откуда в западноевропейские «ТИПЕ» – печать, оттиск, прообраз, тип, изображение (франц.), «ТАЙП» (TIPE) – печать; печатная машина (англ.).

Слово участвует в новообразованиях – типография, телетайп и др.

В тюркских языках: ТУМАР – 1) пергамент, том, книга (турецк.); 2) писанный амулет, талисман, медальон с надписью (казахский и др.).

С другой огласовкой: ТАПУ документ (турецк.), ТАП оттиск (чагатайск.), ТАПЛЫ, ТАБЛЫ то, что имеет оттиск, печать. ТАВЛА игральные кости (турецк.). Форма глиняных таблиц сохранилась в словах ТАБЛА поднос, все плоское (турецк.), ДАБЛА поднос (крымско-татарск.), ТАБА сковорода, глиняное плоское блюдо (казахск.), ТАБАК широкий лист, поднос, блюдо, плоскость, раскатанное тесто; лист бумаги; растения, имеющие широкие листья – лопух, подорожник, табак (общетюркское). ТАБАН подошва; основание (общетюркск.). Варианты – ТОБАН, ТУБАН. И, наконец, ТАБАА (ТАМБА, ТАМГА, ТАБГА) письменный знак; надпись; тавро; клеймо; печать; буква.

Прошли тысячелетия, менялись системы письма, но первый письменный термин сохранялся. Как и смысл его первичный, дошумерский ТУП дно, основание, плоскость (общетюркск.).

Но, благодаря шумерам, слово приобрело новое значение, которое заимствовали тюрки.

Следует для размышления привести и другие европейские термины, приближающиеся по форме и значениям к приведённой группе: ТАБУЛА доска, таблица (латинск.) ТАБЛА доска, таблица (народнолатинск.), ТАБЛА доска (среднегреч.). Оттуда западноевропейск.: table – стол (англ.), tabel – таблица (голланд.), tafel – доска, таблица, стол (нем.).

В славянских: ТАВЛИЯ доска (серб.), ТАБЕЛА таблица (польск.), ТАВЛИНКА берестяная табакерка (русс. диалект), ТАВЛИЯ шахматная доска (древнерусск.).

В современном русском литературном языке: ТАБЕЛЬ, ТАБЛИЦА, ТАБЛО, ФАБУЛА, ТАВРО, ТЕМА...

Человечество не забыло уроки Шумера. И даже форма глиняных таблиц (плоские «кирпичи»), и даже материал (глина обожжённая), и даже изображения на них (таблицы были разлинованы вертикально) – все отразилось в слове. Предки современных европейских и тюркских народов видели шумерские обожжённые глиняные книги, и сами использовали некогда великое изобретение шумеров.

Позже тюрки попробовали переназвать глиняную таблицу и создают сложное слово «**КИР-ПИЧИК**» – «**глиняная книга**».

Краткие выводы

1. Таблица даёт основание говорить о том, что шумерская лексика сопоставима с тюркской. Совпадение форм и смыслов слов – системны, и потому не случайны.

2. Примеры свидетельствуют о тесном, продолжительном взаимодействии рассматриваемых языков. В некоторых случаях очевидна зависимость шумерских лексем от тюркских.

ФОНЕТИКА

а) Сопоставление с тюркским материалом может помочь в восстановлении картины шумерского вокализма, неточно переданного древнесемитскими силлабариями: аккадское письмо не имело знаков для передачи мягких гласных. Таблица позволяет ставить вопрос о наличии в шумерском оппозиции звуков по качеству: у – ÿ, а – ä. Диалектные формы туш-шуш – опускаться, подтверждают нашу мысль. Согласные т, д палатализуются лишь перед мягкими гласными. Сравните в шумерском **ті-ші** – жизнь. Наличие варианта «**зі**» утверждает существование предшествующей диалектной формы – **ді**. Термин «**забар**» – медь, вероятно, восходит к **дбір**, соответствующий тюркскому – **табір**. Схема шумерского вокализма нам представляется следующей а – е, у – ÿ, і. Гласному заднего ряда «а» всегда противопоставлен «е», и изредка (вероятно, диалектный) – «ä»; (вопреки мнению, принятому в тюркологии, что «е» в тюркских языках появился значительно позже «ä»). Гласному у – всегда противопоставлен ÿ, реже – і. Звуки о – ö в шумерском не представлены, так же как и «ы (ъ)».

б) Было ли шумерское слово сингармоничным, пока трудно сказать определённо. Но стремление гармонизировать слово, если не по качеству, то хотя бы по огласовке, наблюдается. Шумеры стремятся «округлить» слово, т. е. насытить консонантную структуру одним гласным: дінгір, сікіл, удун, амар, думу, діріг, ерен, забар, сакар, емек, ділі, узуг, урук и т. п. Причём в этот процесс вовлекаются, вероятно, только заимствованные слова с неясной морфологической структурой, воспринимаемые как монолиты (тума – думу, тенгір – дінгір, табір – дібір и т. д.).

В то время как собственные, этимологизирующиеся образования не округляются – енші, енкі, угкен, кена, шутаг,

ібіра и др. Эта закономерность может косвенно служить диагностическим признаком, определяющим заимствование (хотя есть отдельные исключения, когда заимствованное слово сохраняет первичную огласовку – гештук. Возможно, вошло в язык поздно и не успело округлиться. Как и шуба, сіба – пастух). Искажение первичной огласовки (ассимиляция гласных) существенно изменяет облик шумерского слова, и без сравнения с иноязычным материалом шумерские праформы восстановить невозможно.

в) Ещё одна особенность, мешающая восстановлению шумерских праформ – утрата конечных звуков. Чаще всего согласных. Разновременные письменные источники в редких случаях позволяют реконструировать первичную форму (узуг-узу-уз), но в большинстве случаев дошли лишь последние, разрушенные варианты. И тогда приходится гадать, каким же был утраченный звук?

Некоторым тюркским языкам (в частности, кипчакским) так же свойственна утрата конечного согласного. Сравните, например, отношения огузских и кипчакских лексем: сулук-сулу – чистый, красивый; серук-серу – ткацкий станок; табак-таба – плоское блюдо; бураук-бурау – сверло, бурав; тірік-тірі – живой.

В кипчакских утрачивается формант «к» системно, потому что его вытесняет синонимичный суффикс -ма, образующий существительное от первичного глагола. Морфологическая схема «инфинитив + к = существительное», некогда очень продуктивная во всех тюркских языках, заменяется схемой менее сложной «императив + ма = существительное».

Если в текстах орхоно-енисейских надписей торжествует формант «к» (батма – топь, от бат – топи, кажется, единственный пример другой схемы), то в современных кипчакских языках **ма** уже подавляет **к**. Последний почти не

осознаётся как формант. В шумерском избавление от конечного согласного вызвано, видимо, другими причинами не грамматического и не фонетического, а скорее структурного свойства. Хотя сопоставление показывает, что теряется чаще всего тот же звук – к/г. Ділі – тілік; узуг – узу – уз – йузук; еш – ешик; еме – емек; уду – удук, ыдук; дірі – діріг; ур – урук; угу – угук. Но есть и другие, правда, поздние примеры: кі – кір, суба – субан, е – еш, а – ад и т. д.

г) Искажает облик слова и чередование гласных у/і. Особенно заметно оно, когда встречаются обе диалектные формы: шуба-сіпа – пастух; сур-сір – ткать. Это пример механического чередования. Но порой дубль входил в общешумерский как самостоятельное слово с близким значением. Так не случайно, мне кажется, соседствуют кур – гора, кір – земля (оба слова выражались одним знаком), угу – темя, ігі – глаз. Механическое чередование у/і можно отметить и в прототюркских. Сілік – чистый, происходит от сулук – чистый. Шумеры заимствуют уже «готовую» форму и метатизируют сікіл – чистый. Другой пример: тірік – 1) живой, 2) жизнь; происходит от турук – тоже. Шумеры получают – тір – жизнь. (Этимология: туру – рождаться, жить + к – формант существительного).

д) Системные фонетические расхождения.

Шумерские звонкие согласные, как правило, соответствуют тюркским глухим:

т)	тенгір – дінгір	к)	терік – діріг
	ут – уд		так – таг
	утун – удун		как – таг
	тума – думу		сік – сіг
	ата – ада		шак шаг
	терік – діріг		йўзўк - узуг
	тілік – ділі		
	тäбір –дäбір, дібір		
	іт – ід		

Хотя в шумерском отмечаются и формы с неозвонченными – ту, тума, тір, туш, кур, кір, урук, гестук, емек, кен. Но их значительно меньше.

Язык сохраняет примеры первичных (глухих) и вторичных (озвонченных) тума–думу – диалектные формы успели разойтись в значениях. Но ті-ді – жизнь, как ші-зі – жизнь. Диалектные формы.

е) Можно сказать, что фонетические отличия шумерского и тюркских языков не столь значительны, чтобы всерьёз говорить о системных расхождениях. При сравнении этих языков важнее – схождения. Даже колебания синхронны: у/і, чередование б/к, г в конце слов, появление «семитского» фарингального протеза (кур, кір) не синхронно только в одном случае – гештук.

ж) Таблица показывает, что живые тюркские языки без изменений сохраняют протошумерские формы, которые в шумерском уже развились и частично разрушились. Если бы шумерский язык жил до наших дней, то процесс разложения слов мог продолжаться до такой степени, что сравнить его словарь с тюркскими было бы уже действительно невозможно.

Тюркские слова сохраняют моложавость, шумерское выглядело бы древним стариком. Оно уже в I тысячелетии до рождества Христова было внешне старше отца.

МОРФОЛОГИЯ

а) По шумерским материалам можно судить о древности тюркской словообразовательной схемы «инфинитив + к = существительное».

уру – строить; *урук* – город;

йўзў – плавать; *йўзўк* – водоплавающая птица;

ешту – слушать; *гештук* – ухо;

туру – жить, рождаться, *турук* (*тірік*) – живой.

Шумеры заимствовали готовые термины, не осознавая морфологической структуры. Постфикс в шумерском малозначим. Словообразование идёт за счёт префиксов. И потому легко утрачивались конечные звуки.

б) Сохраняется пример тюркской схемы «императив + ма = существительное»: *ту* – роди, *тума* – потомство.

в) Уже действенна схема «императив + *ен* (*ан*) = причастие прошедшего времени»: *ер* – следуй, *ерен* – следовавший, рядовой.

г) Существительное могло быть и нечленным. Основная форма глагола (императив) выступала и в роли существительного. Остатки этого явления сохраняются в живых языках. Например, в казахском:

той – 1) насыщающийся, 2) пир.

ўй – 1) воздвигай, нагромождай, 2) дом. (Сравните русские примеры: лай, вой, цель, строй).

В дальнейшем существительные образовывались суффиксами:

ўйу – нагромождать, *ўйўк* – куча, *уйма* – куча.

В шумерском представлены оба случая: *ур* – город, *урук* – город. Близость глагола *ру* – строить, позволяет предположить, что инфинитив выглядел в виде – *уру*, а императив – *ур*.

д) Поэтому разнятся грамматическими значениями некоторые тюркские и шумерские лексемы:

шаг (*шаб*) – середина (шумерское);

шак (*шаб*) – раскалывай, разрубай пополам (тюркское);

сік – удар (шумерское), *сік* (*сўк*) – *бей,* режь, пори (тюркское);

кур – гора (шумерское), *кур* – возвышай (тюркское) ;

ур – город, (шумерское; *ур* – строй (тюркское);

еш – дверь (шумерское), *еш* – вырезай отверстие (*ешук*, *ешік* – дверь, дыра);

тір – жизнь (шумерск.), *тір* – живи (тюркское).

е) Шумерскому слову свойственна структура «префиксы + корень», тюркское слово строится по другому чертежу – «корень + суффиксы». И потому различаются конструкции, составленные подчас из одних кирпичей: *нікі дінгір* – принадлежащий богу (шумерское), *тенгір нікі* – принадлежащий богу (тюркское). В тюркском нікі – формант, не имеющий самостоятельного лексического значения. В шумерском нікі выступает как отдельная лексема со значением «вещь» и как формант принадлежности.

ж) Синтаксическая структура модели должна повторить лексическую. В древних языках слово строилось, как предложение; оно и было, по сути, предложением.

Тюрки заимствуют синтаксическую модель «определение + определяемое» (т. е. иными словами «служебное слово + корневое»), а в шумерском словаре мы обнаруживаем прототюркскую модель «определяемое + определение» (т. е. «корневое слово + служебное»). Сравните: «*уг-кен*» – народное собрание («племя – широкое») – прототюркская структура, сохраняющаяся в шумерском. И напротив «*кен-уг*» (тоже «широкое племя») – шумерская структура в тюркском. Или: *кір-сікіл* – «девушка чистая», *сілік кыз* – «чистая девушка».

з) Структуры «корень + суффикс» в шумерском случайны.

Некоторые шумерские падежные окончания поддаются сравнению с тюркскими. Например, дательный падеж – «ра». В текстах орхоно-енисейских памятников «ра» ещё продуктивен.

Большинство падежных показателей в шумерском разрушены и не твёрдо опознаны исследователями. Так формантом направительного падежа считают «*да*», а отложительного – *тан*. В соседнем территориально и во времени языке (хурритском) обнаружены многие точки

соприкосновения с шумерским. При восстановлении облика шумерских формантов важны показания языков взаимодействовавших. В хурритском «*да*» – местный падеж «*дан*» – отложительный (т. е. антиместный). Эти два падежа – самые древние и в системе алтайских языков. Сравните: «*да*» – местный (общетюркский), «*дан*» – отложительный (общетюркский).

Итог. Не все сопоставления могут оказаться убедительными; дальнейшие исследования, вероятно, докажут случайность некоторых совпадений, но, в основном, материал, на мой взгляд, подтверждает гипотезу **культурного родства шумерского и прототюркского языков**. Они имеют общий пласт культовой лексики.

Главное, чего мы хотели достичь: эти образцы – первые, зыбкие следы могут ориентировать на более полное сопоставительное изучение тюркских языков и шумерского. Эта задача важна для тюркологии, которая пока не нашла ни одного древнейшего источника для сравнения, и не ищет, ибо свято верит в заверения учителей, утверждающих невозможность таковых.

ЗАКОН ПЕРЕСТРОЙКИ СЛОГА

(Размышления, а не выводы, несмотря на категоричность суждений)

1. Прежде чем приступить к сравнению словарей, вероятно, следовало бы расшифровать формулы слога взятых языков. Системы «гласный – согласный» (закрытый слог), «согласный – гласный» (открытый). Условно пометим их «гс» и «сг».

2. Языковая инерция стремится перестроить структуру чужого слога при заимствовании. В тюркских языках сильна

тенденция к закрытию слога. В шумерском есть стремление открыть слог.

3. Механика процесса перестройки чужой структуры проявляется следующим образом.

Односложное слово

Попытка превратить закрытый слог в открытый, приводит к следующим результатам:

а) появляется протетический согласный перед гласным. Формула ГС превращается в СГС.

Появление протеза вызвано структурными, а не фонетическими причинами.

б) В дальнейшем формула СГС стремится перейти в СГ, с отпадением конечного, базового согласного. Так протез становится корневым согласным. Эта схема объясняет тайну отпадения конечных согласных в шумерском слове.

Сравните: тюркское «уд» – бык заимствуется шумерами и преобразуется в «гуд» – бык. В позднешумерском превращается в – «гу». (Если бы памятники не сохранили промежуточного этапа, то сравнение «уд» и «гу» мало бы что дало). Фонетическими причинами эта метаморфоза не объяснима. На такую окончательную перестройку слога уходят тысячелетия. В большинстве случаев языки ограничиваются первым этапом, оснащают протезом.

в) Закрытый слог открывается и другим способом: структура ГС превращается в универсальную, обоюдную – ГСГ, т. е. появляется протетический гласный звук.

В шумерском эта схема была активней предыдущей. Некоторые слова – ама, ада, уку, ушу, уду, узу, іґі, угу – могли произойти именно таким образом.

г) И, наконец, закрытый слог в односложном слове мог открываться, предельно разлагаясь, например: «е» – дом, «а» – отец. Но таких примеров немного.

д) Шумерский язык содержит некоторое количество слов закрытосложных «ен» – высший, «ан» – небо, «уд» – солнце, которые сохранились, вероятно, благодаря религиозной традиции. Термины культовые более устойчивы.

Если направление заимствования многосложного слова бывает легко проследить (по морфологической схеме), то с односложными дело обстоит много сложнее. И тогда лишь структура слога может стать признаком определяющим, источник заимствования. «Ан», «ен», «уд» – по структуре тюркские слова.

Двусложное слово

Действует тот же механизм с небольшими изменениями.

а) ГСГС превращается в СГСГС протезом, как бы открывающим первый слог, и этого, зачастую, оказывается достаточно: ештук – гештук – ухо (в шумерском малопродуктивный способ).

б) ГСГС превращается в СГС.

адам – дам – супруг.

в) ГСГС превращается в ГСГ

емек – еме – язык.

узуг – узу – гусь

удуг – уду – священный;

ерен – ере – работник, раб.

г) СГСГС - превращается в СГСГ

діріг – дірі – больше;

ділiг – ділі – черта, единица;

субан – сіба – пастух.

При перестройке открытого слога действует обратная схема.

а) Появляется гласный протез в начале слова. Напр., индоевропейское пат – нога, превращается в апат (древнеуйгурское).

б) Появляется согласный протез в конце слова, или конечный гласный отбрасывается, обнажая согласный.

Протетические согласные те же, что действует в индоевропейском – губной и гортанный – «в» (краткий) и «г» (к). Поэтому если в индоевропейском разнятся начальные согласные «бут – гут», то в тюркских в той же степени разнятся конечные «тав – таг», «бав – баг».

4. Тюркские языки испытали влияние языков с открыто-слоговой структурой. Любопытно, что в шумерском сохраняется структурный тюркизм «амар» – детёныш, а в тюркский вошёл термин «мара» – ориентированный «по-шумерски».

Пожалуй, во всех языках есть такие примеры – свидетельство сложной, противоречивой истории. Но инерция первичной структуры все же неистребима.

5. Перестройка слога при заимствовании – закономерность, которая благодаря широкому распространению в языках разных систем приобретает весомые черты универсального закона.

Несовпадение структур слогов отдающего и заимствующего языков – одна из главных причин деформации слова. Это явление ещё не осознано в лингвистике, которая ограничивается лишь констатацией фактов, не объясняя их. Так, например, замечено, что греческий язык не допускает в конце слов согласные звуки (кроме в, р, с). Почему? Считается непонятной особенностью греческого. Заимствуя семитские названия букв, оснащают их гласным окончанием, т. е. протетическим гласным: алев – альфа, каф – каппа и т. д. Если семиты ограничивались первым открытым слогом, признавая слоговым первый согласный звук (зачастую протез), то греки оба согласных превращали в слоговые и открывали оба слога.

Противоположность структур индоевропейского и тюркского заметна на самом простом примере. Названия букв алфавита являют собой модели слога в чистом виде. Тюркские буквы произносятся – аб, аг, ад и т. д., в индоевропейских алфавитах – ба, га, да – (бэ, гэ, дэ). При продолжительных контактах тюркских языков с индоевропейскими это незначительное, на первый взгляд, различие приобретало значение, выдающееся для обоих словарей. Действие закона перестройки слога искажало заимствованное слово.

Я предлагаю начинающим лингвистам решить несколько простейших задач, иллюстрирующих закон перестройки слога. В каком отношении находятся:

шумерские: *уд* – огонь, *ӱд* – солнце, день;

тюркские: *уд* (*от*) – огонь, *ӱд* (*өт*) – время, полдень;

иранское: *куда* – бог;

германское: *гут* (*гот*) – 1) бог; 2) хорошо;

славянское: *год* – 1) время обращения солнца, 2) хорошо;

индийское: *Будда*;

шумерское: *ід* – идти;

тюркские: *ут*, *уд*, *ім*, *ід*, *із*, *ет*, *ёт*, *ёд*, *оз* – иди, проходи, след;

семитское: *от* – след;

индоевропейские: *пут*, *путь*, *пат*, *пята*, *под*, *бедро*, *пеш*, *па*, *уд*, *фут*, *бот*, *пес*, *бе* – нога, дорога, промежность, низ;

тюркские: *бут*, *пут*, *апат* – нога, промежность, бедро; *кут*, *кет* – низ, зад; *кет*, *кеш*, *каш*, *кай*, *кел*, *кал*, *кеш*, *куч*, *кой* – глаголы движения (уходи, приходи, беги, переходи вброд, останься, кочуй и т. п.).

В ДОПОЛНЕНИЕ К ТАБЛИЦЕ

В главе «Проблемы родственных связей языков древней Передней Азии» И.М. Дьяконов приводит таблицу, из которой должно явствовать: а) обособленность шумерского языка, б) генетическое родство хурритского и урартского, в) генетическое родство аккадского, древнееврейского и арамейского.

По этой таблице шумерский не имеет никаких точек соприкосновения с другими языками Древней Передней Азии.

Сравнению подлежит пять слов – одно числительное, два существительных («земля», «бог»), причастие («слышащий»), указательное местоимение.

«В этой таблице, – пишет И.М. Дьяконов, – сразу бросается в глаза родство хурритского и урартского, а так же аккадского, древнееврейского и арамейского языков... Близость... такова, что при наличии даже небольшого сравнительного материала она видна наглядно, так как больших фонетических различий между ними не успело произойти».

Для наглядности повторим эту таблицу, но добавим одну колонку – тюркский язык, – хотя пока и нет твёрдых исторических данных, позволяющих относить прототюркский к языкам Древней Передней Азии. За исключением первых фактов словаря. Но, помня, что работа по восстановлению биографии тюркских языков, по сути, находится в самом начале своего пути, пойдём на это допущение.

	Шумер.	Хуррит	Урарт.	Аккад.	Древнеевр.	Арам.	Древнетюркск.
«три»	уш	тумни	(неизв.)	шалаш	шалош	тэлет	уш, уч
«земля»	кір	хэвр	гэвра	ʿерс	ʿарс	ʿар	йір йер йар кір
«бог»	дінгір, демер	ені	іну	ʿілу	ʿеел елох	,елаах	тенгрі тенгір денгір тенер
«слышащий»	гештука	хазі	хазі-	шемі	сооме	шаамах	ештӱган
«то» (указ. местоим.)	ане	-ойа	йе	-шу	-хуу, -оо	-ех	äне, äнä, анау

Какие выводы можно сделать из наблюдения этой таблицы? Слегка дополним выражение И.М. Дьяконова: «Близость аккадского, древнееврейского и арамейского с одной стороны, и хурритского и урартского – с другой, **шумерского и древнетюркского** – с третьей такова, что при наличии даже небольшого сравнительного материала она видна наглядно, так как больших фонетических различий между ними не успело произойти».

Подчёркнутые слова добавлены мной. Но близость шумерского и тюркского лексических материалов свидетельствует не о генетическом родстве этих двух словарно близких языков, а, повторяем, может доказывать лишь их культурное родство.

Эта же таблица свидетельствует, что все приведённые здесь языки находились между собой в культурном родстве.

Корень **йир (йер)** – «земля» знаком всем семи языкам. В урартском, кроме лексемы «гэвра», засвидетельствован в синоним «гир», восходящий к шумерской форме.

Хурритское название бога «**ені**» надо, вероятно, сравнивать не с «**дінгір**», а с шумерским словом «**ен**» – высший, которое выступает часто в значении «владыка», «господин». Так в именах богов **Енкір** («**Владыка земли**») **Енлиль** («**Владыка воздуха**»).

А, учитывая то обстоятельство, что в новошумерском языке «н» под влиянием «у» нередко переходит в «л», то и аккадский термин «ілу» возможно рассматривать в связи с шумерским «ен» и возвести к праформе ену.

Таблица позволяет сделать ещё один важный вывод: шумеры и тюрки находились в гораздо более близких и долгих культурных отношениях нежели шумеры, семиты, хурриты и урарту.

Фонетически – семантическая таблица – единственный инструмент анализа, находящийся на вооружении сравнительного языкознания.

Она не всегда позволяет выделить случайные сходства, а так же слова, представляющие прямые заимствования одним языком из другого, или обоими из третьего.

При сопоставлении лексики древнеписьменных языков в качестве дополнительного доказательства неслучайности совпадений форм и значений можно в отдельных случаях привлекать и данные письменностей. Особенно при сравнении односложных или однозвучных слов.

Недоверчиво поставил я рядом шумерское числительное «у» – 10, и общетюркское «**ун**» – 10.

Как выяснилось, многие тюркские односложные лексемы отличаются от шумерских наличием носового окончания.

В этом, по-моему, выражалась попытка закрыть слог в заимствованном открыто-сложном слове. Например, шумерским местоимениям «**ме**» – я, «**зе**» – ты соответствуют тюркские «**мен**» – я, «**сен**» – ты. В этот же ряд я включил осторожно уравнение «**у**» = «**ун**». Итак, формы и значения сравниваемых слов совпадали. Согласно методам современного сравнительного языкознания это сопоставление можно считать полным, тем более, что и некоторые другие числительные шумерские поддаются сравнению с тюркскими: простые **уш** = **уш** (3), сложные **уш – у** (30) = **уш – ун** (30).

Эти факты на фоне других массовых сближений позволяют нам с достаточной уверенностью возвести тюркское «ун» к праформе «у» и считать её заимствованием шумерского числительного. Но даже в этом примере возможен элемент неточности. Ибо отсутствует главное доказательство – исторически обоснованная убеждённость в возможности культурных контактов шумеров и тюрок. И в такой ситуации любое лишнее доказательство родственности шумерских и тюркских слов вовсе не лишне.

Если бы геродоты оставили нам чёткие письменные свидетельства того, что шумеры и тюрки с такого-то по такое-то время, там-то и там-то обитали совместно, и заимствовали друг у друга слова, то языковедам вполне достаточно было бы внешней схожести **у** = **ун**, подкреплённой близостью значений, чтобы объявить эти слова родственными.

Но в данной ситуации именно на такие лексические уравнения падает тяжкая ответственность исторического факта: они призваны выполнить роль геродотов.

Поэтому я в поисках новых обоснований неслучайности сходства **у** = **ун** обратился к письменностям.

В старошумерском письме было две цифры – единица, десятка. Я попытался найти им соответствия в древнетюркском руническом алфавите.

Шумерское письмо				Древнетюркское письмо	
Знак	Название	Знач. цифр	Знач. лекс.	Знак	Название
𒁹	«аш»	единица один	один	𐰇	«ас»
𒌋	«у»	десятка десять	десять	𐰃	«у»

В шумерском названия цифр были одновременно и числительными. Если учесть то, что почти все тюркские числительные (за исключением ун, уш) заимствованы из индоевропейских, то можно предположить, что прототюркские числительные остались в названиях цифр – букв. Но теперь надо было убедиться, что тюркское руническое письмо имеет и другие связи со старошумерской иероглификой, иначе эти единичные совпадения могут быть объяснены случайностью.

Целый ряд других параллелей убедил меня в том, что тюркское письмо в основе своей иероглифическое и восходит к старошумерскому[133].

Историю «первых» языков, к которым относится и шумерский, уже невозможно рассматривать без этимографических исследований: язык и иероглифическое письмо создавались синхронно.

РЕБУС

(о термине «Шумер»)

Когда таблица была отпечатана, я вспомнил, что не включил в неё слово «Шумер». Может быть, затруднился отнести к одному их рассматриваемых классов, возможно

[133] Подробнее об этом в книге о происхождении древнетюркского письма, которая готовится к изданию.

и потому, что отведённой клетки было мало и не хотелось нарушать наметившейся симметрии. Скорее всего, последнее. Но теперь считаю целесообразным вынести разговор об этимологии «Шумера» за скобки таблицы, не нарушая рамок принятых вольностей, которые можно назвать и новым подходом.

1. **Что известно о термине «Шумер»?**

Впервые ученые узнали о нем, расшифровывая клинописные таблицы ассирийского царя Ашшурбанипала, где царский писарь сообщал о «тайных шумерских документах». Потом последовали раскопки в низовьях Евфрата и открытие цивилизации, предшествовавшей ассиро-вавилонской. Её назвали шумерской. Те, кого нарекали шумерами, именовали себя иначе – саг-гіг, т. е. черноголовые.

...В древности многие народы так и не смогли прославить своего природного самоназвания и выступали под чужими именами. Да и сейчас, в наш просвещённый век, мы как-то миримся с тем, что один и тот же народ полиномен: народ дойч известен под названиями – герман, немец, аламан; народ хань – Китай, хин, серы; найри называют армянами; суоми – финнами; мадьяр – венграми; иранцев – персами и т.д.

...Известно несколько древнесемитских произношений интересующего нас термина: **Субер**, **Субер-т** (т – показатель женского рода) – аккадцы применяли в середине III тысячелетия до н.э. к областям Северной Месопотамии. В I тысячелетии до н.э. в Северной Месопотамии встречается мелкое государство – **Шубер**. Тогда же термин **Субер** употребляется как поэтический высокостильный синоним к названию – Ассирия. На юге Месопотамии, в низовьях Тигра и Евфрата, упоминаются кочевые племена **Субари** или **Шубари**. Ассирийские хроники произносят – **Шумер**, с ударением на втором слоге.

Документы не поясняют, что это были за народы. Сохраняется только имя их и указания на некоторые маршруты перемещения. В таких случаях остаётся уповать на этимологию. Лишь анализ имени (при условии, если оно – самоназвание) может ответить на вопрос, каков был язык этих племён. Лингвисты убедились, что шумер (субер) не семитского происхождения и не саггигского.

Как мне помнится, попытка этимологизировать «Шумер» уже была. И сделал её, к сожалению, великий Марр. Он настаивал на сравнении с русским словом «сумерки», основываясь при этом только на внешнем сходстве форм. Можно было бы принять такую трактовку, если бы Шумер располагался хотя бы на севере Руси, где-нибудь в Вологодчине, а не в странах полуденных.

2. В памятнике Куль-Тегину (VIII век н. э.) есть поэтический фразеологизм: «турк ыдук **йери-субы**», буквально: «Священная тюркская **Земля-Вода**», поэтически – «Священная тюркская страна». Сотни раз я скользил взглядом по сочетанию «**йер-суб**», и всегда оно вызывало во мне какое-то волнение. И когда, наконец, я его понял и изменил место слагаемых, внешне изменилась сумма «**Суб-йер**». Не из этих ли атомов состояла лексическая молекула имени древнейшей страны – Субер? Или хотя бы – было ли известно такое сочетание в ареале позднего обитания тюрок – в Сибири, в Монголии? Легенды монголов говорят о двуглавой горе Субер (Сумер, Сумбер), которая была так высока, что даже всемирный потоп не смог её покрыть. Поэтому идея обетованной земли монголов связывается с образом двуглавой горы.

«По монгольскому преданию вначале была только вода, из которой высовывались две горы Сумер-ула» (1). Монгольское «ула» – гора.

«У монголов Ордоса я записал такую фразу: «из гор великая Сумбер – из озёр великое Сум-далай (молочное море)»

(там же, стр. 648). Ясно видна попытка народной этимологии. Начало слова монголы подгоняют к своему «сум» – молоко, оставшаяся часть «бер» остаётся неосвоенной.

Миф о всемирном потопе не был библейским изобретением. Сюжет этот описан и в аккадском эпосе о Бильгамеше («Всевидящем»). И слух о потопе, родившись в Двуречьи, был кем-то принесён в Азию, возможно, задолго до появления Ветхого Завета. Во всяком случае, в библии монголы едва ли почерпнули сведения о горе Су-бер. Сюжетный стержень «Субер-потоп» есть и в славянских легендах: «Эти Сиверские горы – отголосок представления о мировой горе... В связи с этой формой и рыба Севр, от движения которой так же происходит волнение моря, грозящее покончить с белым светом»[134]. Примеры доказывают, что формальное сходство между гипотетическим **Суб-йер (Вода-Земля)** и названием мифической двуглавой горы Субер есть. Но органическое ли это сходство? Или случайное совпадение? Ответить определённо трудно, попытаться можно.

...В старошумерском письме был иероглиф , который читался двумя словами «кур» – гора, «кир» – земля, страна. Позже в клинописи он превратился в трёхчлен с теми же названиями. Вавилонцы, заимствуя этот весьма важный знак, оставляют одно из названий («кур»), которое сохранит только фонетическое значение, а смысловые приняли на себя вавилонские слова «мату» – земля, «шаду» – гора. Проследим за эволюцией формы знака – три горы превратились в три клина, сходящиеся в одной точке. Иероглиф кроме того повернулся на 90 градусов при переходе с вертикального письма на горизонтальное. Эта участь постигла многие шумерские знаки.

Древнетюркская буква-иероглиф – **йер** – земля (в некоторых надписях – йир), на мой взгляд, восходит

[134] Потанин Г. Восточные мотивы в западноевропейском эпосе. СПб, 1899, стр.598.

к старошумерскому знаку. Но тюрки сумели превратить в черту (клин) только одну нижнюю гору, чем сохранили симметричность знака, но придали неустойчивость значению. Сравните китайский иероглиф горы шань (эпоха Инь, XV век до н. э.) шань (I тысячелетие до н. э.) Египетский иероглиф шикм (холм, чужая страна). Структурно китайский и египетский знаки отличаются от старошумерского и тюркского. Хотя есть и общее – всюду трёхчлены обозначают понятие единственного числа.

Шумерский знак – гениальный. Он изображает горы в перспективе. Две цепи хребтов: ближние – ниже, великие – дальше. Тюркские письмотворцы не поняли задачи и «передний ряд» превратили в ничего образно не значащий клин (черту) упрощения ради. И смысл «гора» – был утрачен. Но добавлен другой – вода. (Финикийский иероглиф – «мум» – означал воду, а без черты «тин» (зуб, гора?). Они уже пытались из одного знака получить два, соответствующие двум названиям древнесемитским – «м» и «ш» – маду, шаду.

Итак, я предполагаю, что если шумеры (саг-гиг) называли свой иероглиф кур-кір (гора-земля) в значении «страна», то прототюрки этот же знак, видоизменив, назвали «суб-йер» (вода-земля) в значении «страна». И он становится гербовым знаком, общенародной тамгой. Массовый исход из Двуречья объясняется последующим поколениям благодаря образным толкованиям этого знака. Болотистая, заливная страна **Суб-йер**!

Прототюрок, пришедших в Северо-Восточную Азию, аборигены, видимо, узнали под этим именем (Суб-йер или Суб-йир). Их погребения (курганы) нетюрки называли суберскими (субирскими) и традиция эта дожила до русских переселенцев.

«В Тобольской губернии чудские (т. е. древние, сказочные – О.С.) могилы приписывают народу сывыр; эти древние

люди сывыры вырыли ямы и опустились в них, подрубили подпорки, на которых держались потолки, и сами завалили себя землёй; по мнению Патканова этот термин дал происхождение названию города Сибирь, потому что на этом месте была могила сывыров»[135]. По имени города и весь край назвали Сибирью.

В основу сюжета легенды, возможно, легло своеобразное толкование знака страны – холмы курганные держатся на подпорке. Но не монголы так расшифровали знак, их понимание нам известно. Скорее всего, маньчжурские племена.

Самое убедительное доказательство тюркского происхождения этого знака и названия – тюрки знали подлинное значение иероглифа и названия и никаких легенд, связанных со словами Суб-йер, у них не возникло. Он не казался таинственным (священным – да, но не божественным: в основе любого обожествления лежит тайна).

Монголы испытали сильнейшее культурное влияние прототюрков. И потому их толкование общенародного тюркского знака более насыщенно переднеазиатским ароматом. Знак получил широкое распространение; им клеймили пограничные столбы на завоёванных территориях. Традиция продолжалась до недавнего времени. Любое кочевое тюркское племя отмечает тамгой (племенным гербом) границы расселения.

3. Проникновение тюркских элементов в Причерноморье, в Переднюю Азию и в Европу отмечается источниками христианской эры только в резко драматические моменты суперисторического масштаба. Таким событием стало нашествие гуннов, начавшееся в 375 году. Тогда тюрки привлекли к себе повышенное внимание римских историков. Огромная масса кочевых племён, объединённых монгольским именем «гун» (человек), двинулись из прикаспийских

[135] Потанин Г. Там же, стр. 411.

степей на Запад. Началось так называемое Великое переселение народов.

Но армянский историк Агафангел (V век) упоминает о гуннах во времена царя Хосроя I (217–238 гг.) Он применяет новый, уже модный в V веке термин к прежним кочевникам, которые могли называться и иначе.

Д.Е. Еремеев пишет: «Уже в III–IV веках тюркские племена, бесспорно, представляли собой многочисленных и постоянных соседей народов Малой Азии, Кавказа и Балкан, они проникали в эти области все более и более активно. Дербентская стена была построена именно для защиты от набегов этих первых тюркских переселенцев из Центральной Азии».

«В состав гуннов входили также булгары, савиры (сувары), сарматские племена и другие»[136].

Д.Е. Еремеев останавливается на суварах: «В VI веке многие события в Малой Азии и на Кавказе связаны с именем савиров (сувар, субар, сибир), которых Феофилакт Симокатта причислял к гуннским племенам, жившим на Северном Кавказе... Кроме Сирии сувары совершали походы в Армению и Малую Азию, доходя до Каппадокии... Сувары нанимались так же на византийскую военную службу. В 568 году сувар разгромили авары. После этого основная масса сувар переселилась в Албанию (Азербайджан). Как сообщает Менандр, Хосрой Ануширван перебил большую часть их, а оставшиеся 10 тысяч человек поселил между Араксом и Курой»[137].

Летописцы умели преувеличивать. Не всех сувар истребил Хосрой. Они ещё долго будут известны историкам.

Махмуд Кашкари (конец XI века) отмечал, что сувары и булгары говорят по-тюркски, и что они также как «кыфчаки» расселены до «стран Рус и Рум».

[136] Еремеев Д. Этногенез турок. М, 1970, стр. 53, 54.

[137] Там же, стр. 55.

Не знаю, осознали ли тюрки значение слова «сув-ар» (суб-ар, суб-ир). Во всяком случае, ни у Махмуда Кашкарского, ни у других восточных авторов мы не найдём толкования этого самого древнего тюркского определения обетованной страны, ставшего этнонимом. (В VIII веке, как мы видели, сибирские огузы уже произносят его иначе – «ер-суб» и «йăр-суб»). Но попытки осмысления, вероятно, были, во всяком случае, по морфологической колодке «субар», наверное, созданы этнонимы **авар, хазар, татар, тавер, тавр, булгар** и т.п.

Из Албании часть суваров (возможно, после Хосровского побоища) приходит в Среднюю Азию и впоследствии вливаются в состав казахского народа. Казахи не узнали чужого термина и превратили его в суван, суан. Так в предгорьях Алатау, у подножья великой мраморной горы обосновалось племя Албан-суан (т.е. «Албанские суваны»). Может быть, они и назвали её – **Хан-Тенгри**. Ведомые по миру своим именем, как на крылатом верблюде пронеслись они по планете на двугорбом гербе своём.

4. С развитием языка при стыке слов «вода – земля» возникает ложная грамматическая ситуация. По законам тюркской грамматики существительное, поставленное перед другим, автоматически превращается в нечленное прилагательное. Суб-йер понималось уже, как «водянистая земля», что обрекло древних людей, свято почитающих Слово Предков, избирать местом обитания болотистые земли, острова, дельты, междуречья. Объясняется ли этим необходимость последовавшей смены позиций: «суб-йер» на «йер-суб»? Последнее сочетание звучало менее драматично – «земная вода» и ввиду явной странности выражения понималось грамматически раздельно «Земля и Вода». Эта формула страны (земли, пригодной для жизни) и утвердилась в древнетюркском поэтическом языке.

Между двумя вершинами развития тюркской культуры (прототюркской – Шумер и древнетюркской – Сибирь) лежит провал в несколько тысячелетий. Пропасть деградации. Слишком много было произнесено в исторической науке слов о культурной отсталости кочевников. Мы, не отрицая принятое определение, добавляем более диалектически верное и объёмное – усталость. Недалёкие Источники застали лишь небольшой отрезок графика. И по этому куску линии Недалёкий Историк предположил, что рельеф прошлого тюрок гладкий. Следовательно, от самого рождения своего тюркское племя было таким, каким посчастливилось его увидеть европейскому историку – Варварским Семенем.

График жизни любого народа напоминает кардиограмму. Ровная линия в медицине означает смерть. В истории – время накапливания сил для нового подъёма.

График ещё не окончен.

«В этом смысл всего того, что когда-либо было в прошлом; того, что это прошлое не остаётся мёртвым грузом, но возвращается к нам, чудесным образом глубоко в нас воплощаясь». Р.М. Рильке.

Пояснение к заглавию

Слова-перевертыши происходят по нескольким причинам. Одна из них, на мой взгляд, заключена в следующем. Греки знали несколько направлений письма: справа налево, бустрофедон (одна строка – справа, другая – слева), и, наконец, в V–IV веках до н.э. устремили все строки вправо. И забыли о прежних направлениях. И найденные памятники

письма читали слева направо. До нас дошло много кратких однословных надписей на предметах. Надписи, как правило, поясняли изображение или форму. Греки, этруски и латиняне часто писали эти пояснения на древнеегипетских предметах. Многое из того, что приоткрыло бы завесу тайны над отношениями Южной Европы с древними переднеазийскими цивилизациями, не сохранилось. Но в языках Европы уцелели термины «табула», «таблица», «тэйбл», «табба» в значениях – письменная доска, стол, плоские предметы. Они происходят от названий глиняных дощечек (письменных кирпичей). (Возможно, и тюркские «таба», «табак» – 1) плоское глиняное блюдо, 2) лопух, 3) лист бумаги, кожи и «тамба» – письменный знак свидетельствуют о близком знакомстве тюрок с глиняными таблицами).

Мне бы хотелось подержать в руках таблицу с шумерскими иероглифами, на обороте которой греческим или латинским письмом справа налево было нацарапано пояснение – **субер.** Табличек с такими надписями было в древней Европе, вероятно, немало. Через века, находя загадочные изображения, европейцы читали надпись **субер** слева направо – **ребус**.

СВОИ ЛЮДИ И СОБАКИ

Считается, что известные источники не говорят о существовании тюркоязычных народов раньше III–IV веков н.э.

Так ли это?

За одно столетие биография тюрок в науке углубилась на несколько веков: в середине XIX появление на свет тюркского языка относили к IX веку. В XX историки, рассматривая личные имена кочевников эпохи Великого переселения народов, пришли к выводу, что гунны – тюркоязычный народ.

Письменные документы сохраняют нам немного реалий, по которым можно судить о языке упомянутого общества – чаще всего называется этноним и имя вождя.

Но нередко одно и то же племя у разных авторов значится под разными названиями. Что пенять на древнегреческих писателей, если не так давно (в XII веке) такой активный народ, как кипчаки, был известен русским летописцам под прозвищем «половцы», византийцам – «куманы». И лишь совпадения имён вождей кочевников, участвовавших в событиях на Руси, в Византии и на Кавказе, позволяет сделать вывод, что речь идёт об одном народе.

Труднее установить этническую принадлежность племени, упомянутого только в одном источнике. Приходится уповать на счастливый случай – надеяться, что хронист назвал подлинный этноним, а не прозвище. (Давно назрела необходимость в создании Словаря этнонимов и исторических имён.)

Время заставляет нас заново пересматривать многие давно популярные сведения и осторожно вводить их в круг материалов по тюркологии. Особый интерес может представлять литература Древней Передней Азии. Найти в отвалах породы, отработанной поколениями семитологов, иранистов и эллинистов, следы неожиданной ископаемой культуры, которая по всем данным науки должна находиться в других географических регионах – эта возможность окрыляет исследователя. Каждый скромный факт, самое незначительное открытие в этой запретной для тюркологии временной зоне способны поколебать весьма устойчивые позиции историков в отношении генеалогии тюрок. Важно вновь и вновь возвращаться к неоднократно перечитанным памятникам (как к «Слову») и находить в них сведения, не замеченные предыдущими поколениями читателей. В качестве примера такого рода рассмотрим одно из сообщений ассирийской летописи эпохи царя Ассархадона.

...В VII веке до н.э. ассирийские хроники отмечают нашествие кочевников, которые прошли из Северо-Каспийских степей по западному берегу Каспийского моря (через Дербентский проход). Вёл их вождь Испака, самоназванием их было – ишгуз (варианты – иш-куза, аш-гуза).

Ассирийское государство отдаёт все силы затяжной борьбе за сохранение и укрепление своей гегемонии над южными соседями – Вавилоном, Сидоном, Египтом. Эта нелёгкая задача ещё более усложняется возросшей активностью народов, населявших восточные окраины монархии. Здесь в 70-х годах VII века до н.э. происходит мощное восстание мидийских и других племён, выступивших в союзе с царством Манна. В результате образовалось царство Мидия – новый, могущественный враг Ассирии.

Восставшие приглашают ишкузов в союзники. И те, «пройдя через перевалы» (как выражаются хроники), вторгаются в пределы «логова львов» (673 год до н.э.).

В древнееврейской «Книге Иеремии» под 593 годом до н.э. (т.е. спустя 80 лет после событий) вместе с Урарту и Манной, в качестве зависимого от Мидии государства, упоминается «царство Ашкуз» (вариант – Ашкеназ). Популярность этих кочевников в Передней Азии была так велика, что их этноним (в еврейском написании) станет обобщающим термином и антропонимом.

Существует мнение об ираноязычии иш-гузов. На чем оно основано? **На внешнем сходстве имени Испака и мидийского слова «спака» – собака.**

Этноним же иранским словарём истолковать пока не удаётся. И, тем не менее, эта мало обоснованная версия стала со временем аксиомой: «ишгузы – одно из иранских племён».

СОБАКА

Если «испака» и на языке ишгузов означало «собака», то следует ожидать, существовала некогда традиция называть вождей Собаками. Иранская история и мифология, и верования изучены несравнимо полнее тюркских. Но об этом обычае источники молчат. Ни семиты, ни индоевропейцы, ни угро-финны не поклонялись Собаке. Но исконные кочевники, тюрки, до недавнего времени относились к этому животному как к божеству, в мифах вели от него своё происхождение; и великие правители, утвердившись над народом, заменяли родительское прозвище на титульное имя – Собака. Эта традиция, надо полагать, сохранилась с эпохи охотничества, предшествовавшей эпохе скотоводства. Собака – первый помощник охотников. От неё зависело благосостояние человеческого племени. Она – храбрый слуга народа и чуткий вождь его. Собаке дано то, чего не дано человеку: она видит запахи, идёт по невидимым следам и ведёт за собой человека. Качества, которыми её наделила природа, делали собаку существом великим. Охотники поклонялись собаке-кормилице, как земледельцы – солнцу и его земным представителям – павианам, навозному жуку, рогатым животным.

За тысячелетия в разных тюркских наречиях накопилось много табуистических наименований четвероногого друга – вождя. И все они побывали в разряде титульных имён.

Генеалогические легенды возводят Собаку (позже Волка) в ранг прародителя тюрок. Киргизы, например, считают себя потомками Красной борзой (кызыл тайлак), к которой проявила благосклонность одна принцесса и её свита – сорок девушек (кырк кыз). По другой киргизской легенде, эта принцесса и её сорок девушек попробовали белой пены на берегу озера Иссык-куль, и все неожиданно почувствовали себя матерями. Но и здесь, вероятно, зарыта Собака.

По-киргизски «белая пена» – ак кобок. У тобольских татар сказочный герой-предок носит имя Ак-кобек (Белый Пес). Ак-ногайцы считают своим предком ак-кобок (Белый Пес). В огузо-карлукских наречиях – «кобок» (кобек, кобяк) – пес, собака. Кобяк (собака) – было широко распространённое между тюркскими племенами имя; у ак-ногайцев есть род «акобек» (Белый Кобек)[138]. Род назывался Ак-кобек. В.А. Гордлевский не указывает на то обстоятельство, что этноним «ак-ногай» является полукалькой с первичного самоназвания «ак-кобек»[139]. Имя это встречается и в Малой Азии – у Сельджукидов Рума был визирь Садэддин Кобяк. В XV веке в Турции прославлен туркменский вождь Кёпек. И, наконец, кипчакский хан, побежденный Святославом Киевским в 1184 году – «Кобяк». В «Слове о полку Игореве» о нем говорится: «и поганого Кобяка от железных плъков половецких яко вихрь выторже и падесе Кобяк в гриднице Святослава». Священное отношение к собаке-предку сохранялось долго. Если у башкирца часто умирали дети, то он, чтобы сохранить новорожденного, отнимал его у матери и подкладывал на выкорм к сосцам собаки[140].

Гунны занесли в Европу легенду о происхождении Атиллы от Собаки. Венгерский вариант сюжета стал известен итальянцам. По итальянскому преданию, приведённому А.Н. Веселовским[141], венгерский король, задумавший выдать свою дочь за наследника византийского престола, до времени заключил её в башню, чтобы уберечь от опасностей, грозивших её красоте. Случилось то, чего он не ожидал: царевна зачала от собаки, которая была с ней в башне,

---

[138] Гордлевский В. А. Что такое «босый волк»? Известия АН СССР, отд. литература, языка. Т. VI, вып. 4-6, М., 1947, стр. 324.

[139] Ногай – собака (монг.).

[140] Филоненко С. Башкиры. «Вестник Оренбургского учебного округа», 1914, № 8, стр. 304.

[141] Веселовский А. Н. Истории романа и повести. Выпуск 2, славяно-романский отдел, СПб, 1888, стр. 307, 315.

и родила Атиллу. Согласно с этим известием итальянская иконография изображала вождя гуннов с собачьими ушами. По словам А.Н. Веселовского, итальянские монахи «вменили в зазор то, что первоначально было безразлично либо считалось почётным». Монахи усмотрели в Аттиле предтечу песиглавцев, Гога и Магога. Со временем представление о собаке меняется, и в некоторых племенах её место занимает волк.

О. Иакинф пересказывает уйгурскую легенду о происхождении родоначальника уйгурских ханов: хунский правитель держал свою дочь в течение трёх лет запертой в башне; волк проник в башню, и девица забеременела[142].

Волчья голова была на знамени древних тюрок (тюку), сообщают китайские летописи. Вероятно, эти знамёна видели и европейцы. Во всяком случае, легенды о песиглавцах строились на каком-то достаточно конкретном историческом факте. Так же как образ кентавра был подсказан грекам необычным зрелищем человека на коне.

И.Н. Березин, выдающийся русский востоковед, первый предложил толковать титульное имя Кончак в связи с турецким кансік – сука[143].

Антропоним Кончак был популярен в западнотюркском ареале. Его варианты – Канишка[144], Каниш существуют до сих пор. В казахском языке – Каныш. Праформы этого имени: 1) каніш – хищник (буквально: «кровь пей»), 2) кан ішкан – хищник (буквально: «кровь пьющий»). Первая форма древнее. Отражает эпоху в истории языка, когда первичный глагол (императив) одновременно выступал в роли

[142] О. Иакинф (Бичурин). Собрание сведений о народах Средней Азии, ч. I, стр. 248.

[143] Смотри его заметку по поводу перевода «Слово о полку Игореве» Гербелем. «Москвитянин», 1854 № 22 стр. 68-71.

[144] Сравни с именем-титулом знаменитого Кушанского царя «Канишка» (III в. н. э.)

существительного. Вторая форма уже ближе к современной грамматической традиции. Общетюркское кансік (канжік, каншік) – «сука» образуется от канішкан в результате ложной этимологии. Кансік – буквально: «тот, кто мочится кровью», применялось к самке волчьего и собачьего племени. Древнейшая форма кан-іс (кан-іш) – «хищник» отложилась в латинском термине «каніс» – собака.

Может быть, идеология Собака-Вождь объяснит происхождение тюрко-монгольского титула «кан» (хан, каан, каган) и славянского каніс (кнес, кнась, князь)?

В тюркских языках сложные слова не всегда сингармонизируются. Сравните казахские антропонимы – із-басар, із-багар. Первый словочлен переднеязычный, второй заднеязычный. Но слияние в монолит двух разных по качеству лексем приводит к выравниванию. Эталоном качества бывает не обязательно первый член: кан-іш дает заднеязычное слово Канъш, Каныш (титульное имя) и кніш (верховная власть, некогда – титул). Другой пример: іс-бак – «пёс-следопыт», заднеязычный вариант монолита попал к славянам «съ-бак(а)». Переднеязычный сь-бäк стал основой для кентум-формы, предшествующей огузо-карлукской лексеме кебäк (көбäк, көбек) и чередование к/т дает казахское слово төбет. Диалектический вариант із-бак приводит к титульному имени ізбäк (Узбäк). Так звали золотоордынского хана. В XV веке термин ўзбäк стал этнонимом. Я склонен считать имена ханов Ногай, Барак[145], Узбäк, Көбяк, Канчак – своего рода синонимами. В эту же группу включаю имена Канишка (III в. н.э.), Испака (VII век до н. э.).

[145] Барак – сильный сторожевой пес (древнетюркское).

ИСПАКА

1. Праформа огузо-карлукского основного наименования собаки көбäк (көпäк, кепек, көбек, көбөк и т. п.) сохраняется в кипчакских наречиях в живом виде. Есть несколько вариантов названий охотничьих псов:

а. **іс-пак** (із-бак) – «след (запах) – видь»;

б. **іс-пас** (із-бас) – «по следу (запаху) – иди»;

И усложнённые, более поздние формы:

а. **іс-пакан** (із-баккан) – «след (запах) – видевший»;

б. **іс-пасар** (із-басар) – «по следу (запаху) – шедший».

Славяне и древнеиранцы заимствуют раннюю структуру іс-пак (іс-бак). Индоевропейцы при усвоении тюркского слова стремятся переориентировать слоговую структуру, потому часто страдает начальный гласный и появляется в конце слова протетический гласный, или теряется конечный согласный звук.

Иранцы заимствуют форму **іс-пак** (закрытосложное слово). В авестийском – «спаа» – собака (открыто-сложное). В мидийском ограничились утратой начального гласного – «спак» – собака. Славяне открыли конечный слог иначе: **Іс-бак > съ-бак > събака**. Появился протетический гласный. В индоевропейских языках этот термин мало распространён (мидийский, авестийский и несколько славянских), поэтому говорить об индоевропейском его происхождении не приходится. Он заимствован – так считают Фасмер и Трубачёв, но откуда? Трубачёв находит для славянского слова прототип – тюркское «кобяк». Иранские же примеры остаются без «родителей». Но прямой переход көбяк > собака недоказуем.

2. Ассирийские писцы могли в написании «Испака» передать имя «Іс-пак»[146] или «Іс-паккан» (Іс пакан). Начальный гласный ассирийцы не теряют, ибо он оснащается

[146] Іспак, Ісмак – имена, встречающиеся у башкир, карачаевцев, каракалпаков.

фарингальным протезом. Ни один начальный гласный в древнесемитском не произносится чисто. Конечный согласный в заимствованных словах редко утрачивается.

ИШГУЗЫ

Ассирийские писцы довольно точно передали самоназвание кочевого народа, ведомого храбрым варваром Испакой. Следует обратить внимание на эту особенность ассирийских хроник. Ни греки, ни римляне не могут похвастаться способностью почти фотографически изображать термины чужого языка. Великий этноним **иш-огуз (ичогуз)** благодаря огузскому эпосу «Деде Коркут» дожил до наших дней.

24 рода огузов, согласно эпосу, делились на два крупных объединения – **иш-огуз** (іч-огуз) – «**внутреннее племя**» и **ташогуз** – «**внешнее племя**»[147]. Одна из былин называется: «Песнь о том, как таш-огузы восстали против иш-огузов». (Идеологическая схема уцелела в казахском названии башкир іштегі – «внутренний род», и в наименовании сибирских тюрок – «öс тяги».) Предполагаю переход тюркского іш-огуз в ассирийское написание «іш-гуз». Гласный «о» теряется в семитской передаче последовательно. Арабы, например, «огуз» превращали в «гуз». На карте Махмуда Кашкари помета «страна огузов» дана в написании «биляди аль гузиа».

Примеров долговечности тюркских этнонимов можно привести немало. Племена «уйсунь», «канглы», «дулат» упоминаются в авторитетных источниках III века н.э. И располагались там же, где мы их находим и сейчас – в Семиречьи. И почти тысячелетие памятники молчат об этих племенах. Не упоминались они, но существовали, и имена их

[147] См.: «Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос». Перевод В.В. Бартольда. М.-Л., 1962.

жили в устной традиции. И кто знает, сколько веков до III века н.э. племена уйсунь, кангалы и дулат обретались на земной поверхности, не волнуя летописцев. И если бы китайские путешественники не сочли нужным случайно упомянуть их в III веке, научная биография этих самоназваний была бы значительно короче. Огузы названы в орхоно-енисейских памятниках VIII века н. э.

Ассирийские хроники эпохи царя Ассархадона пока что – самый древний документ, могущий подтвердить факт существования в VII веке до н. э. тюркского этнонима «іш-огуз», титульного имени Іс-пак (Іс-пакан) и традиции величать вождя именем «Собака».

Таким образом, я считаю, что одной сомнительной параллели «Испака» – «Спака» недостаточно, чтобы считать ишгузов VII века до н.э. ираноязычным племенем. Мидийцы могли сами заимствовать этот термин.

...Каждая огузская былина кончается словами: «Пришёл мой дед Коркут, заиграл радостную мелодию, рассказал, что приключилось с мужами. – Где же воины, кто говорил: весь мир – мой? Их похитила смерть, скрыла земля. За кем остался тленный мир? Я дам прорицание, сын мой. Твоё тенистое, крепкое древо рода да не будет срублено; твои родные пёстрые горы да не обрушатся, твоя вечно текущая прекрасная река да не иссякнет. Да не будет обманута твоя, данная богом, надежда...»

Может быть, эти прорицания певца иш-огузов слышал и вождь Испакан в оливковых рощах Ассирии?

ТЕНГРИАНСТВО

Есть день, который должен быть отмечен на календаре тюркологии красным числом – 25 ноября.

Первым в мире узнал, что у кочевых тюрок была своя письменность датский рунолог Вильгельм Томсен. 25 ноября 1893 года ему удалось выделить из текстов орхонских надписей первое слово – тенгри. Этим словом открылась новая глава истории азиатских скифов. Этим волшебным словом для меня открылась ещё одна глава, повествующая о шумеро-тюркских контактах.

...О новейших религиях написаны библиотеки. Иудаизм, христианство, буддизм, мусульманство – стали осознанными понятиями даже для тех, кто при чтении газетных шапок шевелит губами. Двухтысячелетие убедило нас в том, что все веры, предшествовавшие последним, – суть язычество и суеверие, умственные извращения далёких предков.

Термин «**тенгрианство**» не появлялся до сих пор в научной литературе.

Самая древняя религия на планете, оформившаяся как философское учение уже в 4 тысячелетии до рождения христианского бога, ставшая матерью семитских и индоиранских религий, заметно повлиявшая на древнеегипетские культы – тенгрианство уже давно ждёт своих исследователей. Оно заготовило ответы и для теологов, и для атеистов из общества «Знание». Насколько бы легче было разбираться археологам в черепках, если бы в библиотеках выдавали обширную материалом и мыслями книгу «Тенгрианство».

...Через несколько дней после смерти писателя Всеволода Иванова я получил открытку от его сына. Там были такие слова: «Последней книгой, которую читал отец, была Ваша – «Солнечные ночи». Символика этого факта потрясла бы и менее впечатлительного человека.

Внук казашки, с детства впитавший в своё слово звуки и краски степей, ушёл в большие каменные города, и в последние часы свои вернулся в степь, через неловкие стихи молодого поэта. Из тысячи томов своей знаменитой библиотеки он выбирает эту тоненькую багрово-жёлтую книжку. И солнечность ушедшего в вечность детства сопряглась с грядущей вечной ночью. Круг замкнулся.

Возвращается, все возвращается к изначальному. Сделав круг по океану, возвращается рыба погибать на камнях тесных речек. Вскипает вода рек и, сделав круг над землёй, возвращается неслышной росой и грохочущим ливнем. Пригреет солнце, и чёрную землю покрасит зелень. Рассветает летом, багрово желтеет осенью, засыпает под снегом.

Пригреет солнце, и чёрную землю покрасит зелень. Рассветает, стареет, засыпает.

Пригреет солнце...

1. Разве круговращение в природе заметил ты один? Твой предок был наблюдательней, он жил в природе, зависел от неё и старался угодить ей пониманием её символов. Он включил себя в эту круговерть. Пока жил, покрывал себя зелёным, уходил в багрово-жёлтом.

2. «Смерть – это сон», – сказано, но не нами... Кем?

Первыми материалистами, складывавшими погребальный обряд из наблюдений за смертью природы. Человек – дитя природы – уподоблялся другим её сынам. Поиск бессмертия привёл его к мысли спасительной: смерть это сон. Старость это осень. Засыпает сурок в норе, набив её припасами. Раскапывая зимой норы, древний брат мой видел сурка, свернувшегося клубком в земном жилище, усыпанном зёрнами. Пригреет солнце, и выходит сурок, похудевший, заспанный – живой.

Эти наблюдения над жизнью и смертью растений и животных (в особенности землеройных) легли в основу важного обряда: «уснувшего» человека отныне клали в «нору»,

в позе спящего сурка и посыпали зерном или багрово-жёлтой охрой, краской осени. В надежде, что наступит когда-нибудь его Весна, пригреет его Солнце, и выйдет он заспанный, но живой. Позже надежда на буквальное возрождение угаснет, но обряд останется ещё долго. И будущие археологи на территориях Европы – Азии найдут множество таких захоронений древнейшего периода, и будут гадать, почему все скелеты лежат на боку скрючившись (колени к подбородку) на слое багрово-жёлтой охры.

Эти могилы отражают определённый, чётко читаемый период сознания первых философов.

3. Но мир дуалистичен. Парность была замечена рано. Человечество делилось на матерей и отцов. Гора предполагала низину. Свет был противоположностью тьмы. Обожествляя землю, человек определил понятие небо – антиземля. Эта революция мысли отразилась в погребальном обряде.

В человеческом обществе рано произошло разделение на рабов и господ, на низких и высоких. Одни стали детьми земли, другие назвались чадами неба. И пережитки того осознания дошли до настоящего времени. Языки сохраняют противопоставления терминов: низкое и высокое происхождение (т. е. земное и небесное); чёрная кость и светлая кость (цвета земли и неба). В русских летописях XII века народ в устах князей – «чёрные люди». И не презрительное выражение, а спокойная констатация. Тюрки называли народ «кара-букара» – «чёрный и чёрный», т. е. чёрные. Чёрный человек к старости светлел головой, приближался к сынам неба. Культ стариков.

Представляю, какое уважение вызывали альбиносы, светлокожие и светловолосые от рождения. Независимо от возраста они почитались как Старцы, приближенные к небу.

Общество в древнем Двуречье делилось на Сынов Неба и Детей Земли – народ, который в совокупности назывался – черноголовые – саг-гіг (шумерский), салмат-каккадім (аккадский).

Сыны солнца брили головы или покрывали их париками – праобразами колпаков и шлемов. Первое и основное назначение головного убора – знак сословия.

Люди разного происхождения и погребались по разным обрядам. Дети земли – как сурки в норе (скрюченность, охра, зерна. Для них цвета траура – багрово-жёлтый). Дети неба, как угасшее солнце. Цвет их траура – чёрный.

ЧАША

...Факты одной значимости разбросаны в мировой литературе, как звенья одной цепи. Рассмотренные каждый в отдельности, вне связи с другими, они из метафор превращаются в лобовые высказывания.

От того, кто имеет дело со столь хрупким материалом, как древность, мы вправе требовать не только умения землекопа, но и чувства символа, как от лингвиста – чувства слова.

Культура настояна на иносказаниях, и понимать любой её жест буквально, это – не понимать. Шар издали видится плоским кругом, так и поэтический символ древности подчас лишается перспективы при переводе на язык будничный.

В Китае встречались круглые металлические зеркала с изображением бога Арья-Бало, т.е. благотворной формы грозного Махагалы. Одна сторона этих зеркал гладко отполирована, на другой – рельефное изображение многорукого сидящего бога, представленного с тыла. Вы видите его затылок и спину, хотите узнать, какой вид имеет бог спереди, оборачиваете диск...

И видите свою физиономию.

Так великая поэтическая метафора превращалась в бытовую вещь. Не этого результата стремились достичь жрецы-художники. Лицо многорукого бога – это слепящее

солнце. Восход и закат были изображены этой бронзовой идеограммой.

Блестящую поверхность использовали, а раскоряченный смешной человечек на обороте превратился в традиционный, но непонятный элемент декора.

Всю историю материальной культуры можно представить как непрекращающуюся борьбу красоты с красивостью, символа с предметом, поэзии с буквализмом.

...Археолог Вулли находит захоронения с писаной металлической чашей в Шумере.

...Евтюхова и Киселёв раскапывают курганы с писаными металлическими сосудами на Алтае.

...Акишев обнаруживает металлическую чашу с надписью в кургане близ Алатау.

Во всех трёх случаях, рассмотренных в отдельности, вне связи друг с другом, металлический сосуд остаётся просто сосудом, случайным предметом среди других случайных предметов могильной утвари. Но собранные вместе, они, дополняясь и поясняясь взаимно, неожиданно складываются, как рассыпанные литеры, в слово, прочесть которое мы уже в состоянии, но понять истинный смысл его нам ещё предстоит.

Я обращаюсь к Шумерам: более никто не придавал такого значения металлическому сосуду в погребальном обряде.

Сравните описание двух захоронений, между которыми лежат тысячи километров по горизонтали и тысячи лет по вертикали.

«Погребённый был одет в шёлковую одежду. В изголовье покойника стоял серебряный сосуд с тюркской рунической надписью «Могучен» и «Хозяин-владелец»[148].

«Труп лежал на правом боку. Вокруг талии был обернут широкий серебряный пояс. В руки покойника тысячелетия

[148] Потапов А. П. Очерки по истории алтайцев. М, 1953, стр. 27-90.

назад вложили чашу из самородного золота. Рядом с ней лежала ещё одна овальная, тоже золотая. На двух золотых чашах было выгравировано: Мес-кала-дуг – герой благодатной страны»[149].

Нить, неосторожно протянутая из Алтая в Шумер, была бы очень тонкой и ненадёжной связью, если бы закономерность подобных захоронений с металлическим сосудом и там, и там не была бы подтверждена количественно.

Большая сохранность шумерских могил позволяет наблюдать священное отношение к металлическому сосуду. Во всех обнаруженных погребеньях чаша находится у руки покойника, чем и выделяется из среды других (неметаллических) сосудов.

«Эта женщина, очевидно, была высокого звания. Она носила драгоценный золотой убор. В руках эта женщина держала рифлёный золотой кубок, украшенный резьбой».

«Умершие положены на бок и держат перед собой чаши (металлические). Над ними лежат глиняные сосуды»[150].

Отметим, что не все металлические чаши из шумерских погребении с надписями. Так же, как и на Алтае. Возможно, не надпись придавала чаше символическое звучание, а форма и металл.

Библиография алтайских писаных сосудов несколько обширней[151].

Как бы подчёркивая обрядовую важность этого предмета, все без исключения степные каменные бабы держат в руках сосуд. По сообщению Низами кочевые тюрки до

[149] Церен Э. Библейские холмы. М., 1966 стр. 188.

[150] Церен Э. Библейские холмы. М., 1966, стр 170, 187.

[151] Радлов В. Сибирские древности, ЗВО, РАО, т. VII, 1893, стр. 185-186. Труды Гос. Исторического музея. выпуск I, 1926. П. М. Мелиоранский. «Два серебряных сосуда с енисейскими надписями», ЗВО, РАО, т. XIV, 1902, стр. 18. Его же: «Небольшая орхонская надпись на серебряной крынке Румянцевского музея», ЗВО, РАО, т. XV, 1903, стр. 34-36. Сведения о казахской золотой чаше в вышеуказанной работе С. Е. Малова. (Описания новых находок 30 годов в приведённых там же трудах С. В. Киселева и Л. А. Евтюховой).

принятия мусульманства, поклонялись Бабе с Чашей, как божеству.

Алтайцами изваяние на кургане было истолковано, как изображение покойника, и они превращают Бабу в каменного усатого мужика. Притом алтайские «мужики» держат сосуды именно той формы, которые находят в захоронениях этого района[152].

Это поразительное соответствие форм металлических сосудов погребений и форм сосудов каменных изваяний замечает и Л.Р. Кызласов. Он предположил, что эти фигуры олицетворяли умерших[153].

Обозримый ареал распространения «мужиков с кувшинами» ограничивается Алтаем и Сибирью.

Из 58 обследованных А.Д. Грач истуканов Тувы, лишь три из них держат отчётливо вырезанные чаши, остальные – кувшинчики[154].

В южно- и западнотюркских степях находят курганных Баб с иной формой сосуда – чашей. Если и там соблюдалась зеркальная композиция, то следует предположить, что в этом районе ритуальным сосудом являлась чаша, а не кувшин[155].

...Шумерско-тюркская параллель подкрепляется, на мой взгляд, и тем, что своя Баба с сосудом была и в Шумере. Но та Баба, благодаря вавилонским письменным источникам, сохранила свою божественную функцию. По-вавилонски это – Иштор, богиня воскрешения. Мать Огня, восходящего солнца Тамуза. По мифу Иштор спускается в подземный мир, находит и оживляет Тамуза.

[152] Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Северного Алтая. Труды Гос. Исторического музея, выпуск XVI, М., 1941, стр. 128.

[153] Тува в период тюркского каганата VI–VIII вв. Вестник МГУ, 1960, № 1, стр. 64

[154] Древнетюркские изваяния Тувы. 1961.

[155] Священное отношение к чаше в Туранской степи обращает на себя внимание этнографов XIX века. Смотри указанную книгу Г. Потанина.

Сохранились статуэтки Иштор, где она изображена с сосудом, прижатым к животу.

Шумерский иероглиф ➢ – солнце, перейдя из графического в скульптурное воплощение, превращается в Чашу наклонённую.

У руки или у изголовья устанавливали полную чашу – гарантию воскрешения. Разбитая чаша – прожитый год. По количеству лет царя, предающегося ночи, кладут в могилу глиняные или деревянные сосуды. И разбивают. Металлический, небьющийся сосуд воплощает идею воскрешения.

Статуя богини воскрешения Ишторе с наклонённой чашей устанавливается над погребением.

Покойник уподоблялся солнцу-тамузу, Иштор должна была его воскресить. Поэтому она стоит над ним с его знаком – наклонной чашей. У кипчаков сохранились припевки «тамуз, тамуз, тамузук!», которые уже совершенно бессмысленно сопровождают любой текст народного стиха, не согласуясь с ним. Мне кажется – это остаток молитвы богу солнца Тамуз – самая употребляемая её часть. Следы древних переднеазиатских молитв сохраняются в некоторых современных языках, именно в форме народной припевки. «Любопытны урартские (или хурритские) слова, сохранившиеся в припевках грузинских народных песен», – пишет И.М. Дьяконов, ссылаясь на свидетельство А. Сванидзе.

На курганах от Монголии до Венгрии стояли каменные **бабы с чашами**, образы богини воскрешения **Ишторе**. Это изваяние и было внешним атрибутом, символом тенгрианского захоронения.

Что отличает главную идею тенгрианства от идей позднейших религии? Вера в буквальное воскрешение, в продолжение жизни на земле в том же образе человеческом. Пройдёшь через сон и очнёшься 1) как сурок и трава (если ты сын земли), 2) как солнце (если ты сын Неба).

...В одной из аланских могил рядом с останками воина найдена уникальная бронзовая статуэтка, изображающая

женщину с полной чашей. «Напиток» передан цветным стеклышком, вставленным в чашу сверху.

Археологи решили, что это «начельник боевого коня»: статуэтка имела бронзовую подставку с отверстиями. Кавказовед В.Б. Виноградов в книге «Тайны минувших времен», созданной в жанре поп-истории, толкует назначение этого любопытного предмета, не выходя за пределы могильника. Красота переведена в красивость. «Что символизировала эта фигурка, венчавшая голову боевого коня? Просто ли затейливая выдумка рассказчика или выражение сладкой мечты воина о той встрече, которую окажут ему соплеменники и его подруга по возвращении из дальнего набега? Наверное, последнее ближе к истине. Она протягивала ему чашу, полную напитка, который утолит жажду, придаст новые силы, прибавит витязю храбрости во время его свидания с любимой».

«Затейливая выдумка рассказчика» может обернуться для истории алан близким знакомством с культом богини воскрешения с солнечной чашей.

Можно и из других более академических источников приводить примеры вульгарного истолкования обрядовых реалий, чтобы подкрепить примерами, увы, уже не предположение, а определённый вывод: история вкладывает в руки своих «представителей» поэтические метафоры, которые в прочтениях историографов, как правило, превращаются в утиль, кухонную утварь, знакомую специалистам по коммунальному быту XX века н.э.

Ибо, по распространённому мнению, символами могут быть лишь символы. Крест, например, или полумесяц[156].

Так как древние погребения являются сейчас основными, если не единственными источниками исторического материала, такое отношение к нему не может не сказаться отрицательно на общем состоянии историографии.

[156] В XI веке тюрки-мусульмане сделали чашу-полумесяц символом ислама.

В инвентаре погребений воплощены философские представления древних.

ЗВЕЗДЫ КУРГАНА

Солнце восходит, идёт по небу, очерчивая в небе полукруг. Краснеет на закате. Исчезает. И темнеет мир. Выступают на куполе блестящие звезды. Смерть солнца – ночь, и это наблюдение ложится в основу тенгрианского погребального обряда. Оформился он и ярко проявился впервые – в Шумере.

Знак ночи в старошумерской письменности купол неба и звезды. Он же означает понятия – тьма, чернота, смерть. Для детей неба цвет траура – чёрный. (Знак мог толковаться и как развитие предыдущего – опрокинутая чаша. Дождь, кропление. Совмещение понятий смерть – кропление, дождь прочитывается в обычаях древних земледельцев, которые, вызывая дождь, приносили в жертву человека или, погребая человека, кропили могилу водой. Философское уравнение – одно не возможно без другого – решалось просто: если смерть причина, то кропление (дождь) – следствие, и наоборот).

По форме этого знака созидается архитектура погребения сына Неба – куполовидное. Магия знака была столь велика, что жрецы на первых порах стремились до мельчайших деталей повторить его в атрибутах. Тело Угасшего Солнца осыпалось искусственными звёздами – множеством **продолговатых** бусинок из светлых драгоценных минералов и металлов. Они сплошной массой покрывают тела царей и цариц Шумера. Это очень важная особенность, черта, определяющая уже **тенгрианское** захоронение. Археологи полагают, что все эти украшения цари и царицы носили при жизни и унесли их с собой. Тогда надо признать, что и золотые маски (золото – металл заходящего солнца) тоже детали

повседневной одежды властителей. Бусы имели значение лишь как погребальные атрибуты. (Потом, извлечённые грабителями из многочисленных курганов и склепов, они входили в моду как туалеты и знаки власти живых царей. Бугровщики напяливали на себя шитые золотом погребальные кафтаны с узкими длинными рукавами, из которых не высунешь кисти. Они прорезали в районе локтя отверстия для рук и ходили так, волоча по полу концы рукавов. Как говорится, щеголяли спустя рукава. Невежды в одеждах мёртвых. И эти новые цари уже не брали с собой дорогих вещей в могилы. Но все это потом. В Шумере же кафтаны погребальные ещё не расшивали золотом).

«Возле руки царицы стоял красивый золотой кубок. Верхняя часть тела совершенно скрывалась под массой золотых, серебряных, лазуритовых, сердоликовых, агатовых бус»[157].

Не только женщину уходящую украшали бусами. Тело усопшего царя было покрыто «сотнями бусинок из золота и лазурита» (стр. 188).

В каракумском захоронении «звёзды» победнее. «Особенно богатым оказалось погребение ребёнка, шею и плечи которого охватывали нити бус, содержащих свыше 400 гипсовых, несколько серебряных и лазуритовых бусин»[158].

Эта традиция осыпания «звёздами» сохранялась долго, до средних веков н.э.

В Чечено-Ингушетии несколько лет назад открыли погребение в подземной камере-катакомбе.

«Сотни разнообразных по форме и расцветке бусин оказались в ожерелье погребённой женщины»[159].

В скифском захоронении на Северном Кавказе: «... кости мужчины усыпаны бусами: бронзовыми (62 шт.),

---

157 Церен Э. Библейские холмы. М., 1966, стр. 180.

158 Сарианиди В. И. Тайны исчезнувшего искусства Каракумов. М., 1967, стр. 36.

159 Виноградов В. Тайны минувших времен. 1965, стр. 156.

стеклянными и сурьмяными – 263 шт., захоронение твёрдо датируется VI веком до н.э.»[160].

Уже в Шумере встречаются соединения бусин. Главная задача удержать звёзды непосредственно на теле погребённого.

Египтяне усовершенствовали этот метод – они прибинтовывают мелкие драгоценности к телу.

«Трудно даже себе представить, какое невероятное количество украшений было найдено на мумии. Под каждым слоем бинта обнаруживали все новые и новые драгоценности... Этот юноша, этот семнадцатилетний фараон был буквально усыпан с головы, до ног золотом и драгоценными камнями»[161].

Прочтя это сообщение, я предположил, что и остальные мумии содержали такое же богатство. Отметил в карточке и отложил до будущих времен. И пожалел, что не рискнул выступить.

Недавно в информации АПН: «Группа американских ученых из мичиганского университета в сотрудничестве с учеными ОАР обнаружила ценные сокровища в мумиях 29 египетских фараонов, которые хранятся в Каирском музее с 1898 года. Просвечивая мумии рентгеновскими лучами, ученые пытались получить дополнительные сведения о физическом развитии древних египтян. К удивлению ученых под слоем смолистого вещества, которым покрывалось после бальзамирования тело умершего, и внутри самих мумий, они обнаружили при просвечивании золотые браслеты, священные амулеты, инкрустированные драгоценными камнями...

– Это первая находка драгоценностей египетских правителей после открытия в 1922 году гробницы Тутанхамона, – заявил доктор Джеймс Харис, возглавлявший научную экспедицию.

[160] Там же, стр. 61.

[161] Керам К. Боги, гробницы, ученые. Москва, 1963, стр. 195.

Полагают, что находка ученых даст много новых сведений о культуре, искусстве и истории древних египтян»[162].

«Неожиданная находка ученых» – сколько в этом определении горечи. Неожиданно может открыть памятники культуры сторож музея Акрам-Боба или экскаваторщик Ахметага, копнувший не в том месте.

Пока громадный накопившийся в разных странах, случайно найденный археологический материал не обобщён теорией, археология не выйдет за пределы землеройного ремесла, и мы будем время от времени читать в газетах сенсационные сообщения, начинающиеся со знаменательной фразы «к великому удивлению ученых было обнаружено...»

Алтайские и иссыкские погребальные костюмы (камзол) – высшая стадия развития шумерской идеи – «золотые бусы – звезды на теле царя – заходящего солнца».

Впервые встречается такое «специфическое» платье в каракумском погребении.

«Вряд ли такое платье, расшитое лазуритовыми бусами, было повседневным, скорее всего, оно было специально сшито для погребения»[163].

В более поздних алтайских курганах (начало н.э.) погребальная одежда изготовляется из китайского «блестящего» материала – шелка.

Но в ранних (VII–V века до н.э.) шёлковым халатам предшествуют меховые, расшитые «золотыми бусинами». Причём, количество этих псевдозолотых псевдобусин достигает уже нескольких тысяч.

В Катангинском кургане, благодаря мерзлоте, образовавшейся в этой могиле, хорошо сохранился халат на меху. Мех окрашен в зеленоватые и красные тона (шумерские

[162] Сагайдак С. Неожиданная находка ученых, газета «Казахстанская правда», 30 января 1971 г.

[163] Сарианиди В. И. Тайны исчезнувшего искусства Каракумов. М , 1967, стр. 36.

цвета смерти и воскрешения) и выложен узором по типу инкрустаций. Халат отделан полосами кожи с нашитыми на него «пуговицами»[164] – «листовое золото, обтягивающее деревянную и кожаную основу»[165].

Е.С. Видонова, изучавшая детально этот халат, отмечает: «Оформление халата потребовало, видимо, много рук и самых разнообразных мастеров-техников. Так, по приблизительному подсчёту одних пуговиц (на деревянной основе) было накреплено до 8000».

Там же: «...покрытых золотом квадратиков из кожи более крупного размера, чем «деревянных» – около 1000 и более мелких свыше 2000. Все это делалось для одного лица».

Все более изощрённей и воздушней становится обряд. Грубая шумерская вера, выраженная сотнями бусин литого полновесного золота и камней чистой воды, заменяются в алтайском обряде формальными бусинами (хотя количество их неизмеримо возрастает). Слабеет вера, утончается золото. Главным становится внешний блеск, основа – бытовой материал. (Не так ли в средние века китайские вдовы увильнули от варварского обычая предков, требовавшего самосожжения на «костре господина», сжигая вместо себя женские фигурки, вырезанные из бумаги?)

«Непрактичность» алтайского золота на камзоле подчёркивает и «непрактичность» самого одеяния. Халат имеет «длинные, чрезвычайно узкие рукава, вероятно, декоративного назначения, так как трудно представить, чтобы в такие рукава можно было продеть руки»[166].

...Юноша из Иссыкского кургана был облачен в кожаное одеяние с нашитыми на него более чем 4000 золотых бляшек. На голове он имел золотой «шлем» с навершием в виде литого из золота горного козла. (Рогатые животные – солнечные

[164] Мы предпочитаем термин «бусина».

[165] Видонова Е.С. Катангинский халат. Труды Гос. Исторического музея. Выпуск VIII, сборник статей по археологии, стр. 170.

[166] Там же, стр 170.

божества в Шумере). Талию его перехватывал широкий золотой пояс. По одну сторону от него лежал бронзовый меч с золотой рукояткой, у руки – серебряная чаша с надписью. Вспомните описание захоронения шумерского царя. Основные знаки совпадают: 1) шлем из электра (сплав золота и серебра), 2) широкий серебряный пояс, 3) усыпан золотыми бусинами, 4) две золотые чаши с надписями. Если учесть, что между ними почти 2 тысячелетия, то совпадения основных метафор погребальных формул можно считать почти буквальными. (В лингвистике такое соотношение назвалось бы диалектическим отличием живой формы от праформы).

...Мне известен лишь один литературный памятник, где описана форма тенгрианского обряда, где участвует чаша с огненным вином («синее вино»), купол ночи («чёрная паполома»), и звезды («крупный жемчуг»). Это «Слово о полку Игореве».

Ещё не знающий о поражении брата Игоря, великий князь Киевский Святослав Всеволодович «мутный сон» видит, в котором ему на грудь сыплют жемчуг, покрывают паполомой и черпают ему огненного вина.

ЦИТАТЫ

Некий Циммерман, автор известной в XIX веке «Географической истории человечества», наблюдая разительное совпадение некоторых обрядов и обычаев у разных народов, в далёких друг от друга странах, знаменито объяснил подобное явление. Его комментарий стал своеобразной программой для некоторых историков XX века, правда, изъяснявшихся с читателями менее строго. Циммерман писал просто и ясно: «Если две светлые головы могут каждая сама по себе напасть на хорошее изобретение или открытие, то ещё более вероятно, принимая во внимание гораздо большее число глупцов и тупых голов, что и какие-нибудь

сходные глупости могли быть введены в двух далёких одна от другой странах».

Мне больше по душе объяснение этого явления, данное мыслящим знатоком истории культуры Э. Тейлором: «Когда какой-нибудь обычай, навык или мнение достаточно широко распространены, то действие на них всякого рода изменяющихся явлений долго может оказаться столь слабым, что они продолжают переходить из поколения в поколение. **Мы имеем здесь дело с устойчивостью культуры. Известная идея, смысл которой исчез уже много веков тому назад, продолжает существовать только потому, что она существовала»**[167].

Думается, что мы можем по праву отнести слова Э. Тейлора и к традиции захоронения с металлической чашей и бусами, начавшейся в Шумере и продолжавшейся в Средней Азии (Иссык, V век до н.э.) и на Алтае до «официально» тюркского времени.

Знаменателен вывод, сделанный Потаниным в книге, посвящённой проблемам взаимодействия культур Азии и Европы. По его мнению, усвоение «решительных моментов культуры» возможно было «только тогда, когда оба народа жили одной духовной жизнью, имели один культ, одни обряды; тогда было не заимствование одним племенем у другого, а взаимодействие, сотворчество»[168].

При кратковременной случайной встрече двух народов в истории можно заимствовать многое – предметы быта и название этих вещей, музыкальные инструменты, форму одежды и сосудов, даже эпические сюжеты, но что касается такой сокровенной, интимнейшей части духовной жизни племени, как погребальный обряд, заимствовать механически, кажется по всему, невозможно.

[167] Тейлор Э. Первобытная культура. М.; 1950, стр. 43.

[168] Потанин Г. Восточные мотивы в западноевропейском эпосе. СПб. 1899, стр. 791.

Могила – чёткая печать религии. Погребальный обряд и его знаковая формула переходит от одного народа к другому лишь вместе с верой, т.е. формой сознания.

Древние были ближе к поэзии природы. Они не стыдились учиться у сусликов и хомяков правилам жизни и смерти. Они рыли норы, их первые катакомбы напоминали архитектуру хомячьих нор. Люди засыпали не навечно. Через какое-нибудь время, может, в следующих поколениях, снова взойдёт их солнце. И они выйдут из подземелий в дневной мир, чтобы продолжить земное существование.

Пройдут тысячелетия. Формализуется первая наивная вера – тенгрианство.

Последующие религии учтут опыт несбывшихся надежд тенгрианцев и предложат свои варианты бессмертия, которые труднее проверить эмпирически – а) на небе, перевоплощаясь в дух, б) на земле, но перевоплощаясь в другие формы живой материи. Все эти веры возникли, как бессильный протест, несогласие с печальным знанием – жизнь вечна, но формы жизни – смертны.

Индоиранцы ревизуют тему буквального воскрешения в идею перевоплощения в иные земные формы. Формула: царь-солнце, осыпанный звёздами, натурализуется удивительно – труп осыпан горячими углями, натуральным огнём. Логическим завершением развития этой идеи стала кремация. И сосуду нашли применение. Пепел дымящийся погребался в кувшине.

Напуганные зрелищем индоиранской погребальной церемонии арабы отразили его в сказочной метафоре: дымджин, заключенный в кувшине.

Христианство, как более позднее учение, использует и продолжающуюся в Европе традицию тенгрианства и новую религию души. У них правом буквального воскрешения пользуется только бог, детям земли предложена небесная альтернатива.

Почти через тысячелетие оформившееся мусульманство похоронило остатки идеи тенгрианства. Никто, даже бог, не воскрешает, ибо, как сказано, бог бессмертен. И соответственно, меняются формулы погребальных обрядов. И только тюрки и монголы продолжают нести сквозь мечи новых воинствующих религий первую наивную мечту младенческого человечества, святую веру в плотское воскрешение.

И одевая покойника в блестящие одежды, и вручая металлический сосуд, они засыпали склеп уже просто круглыми булыжниками (звезды), воздвигали курган, устанавливали на нем изваяние богини воскрешения и всекали ей в руки точную копию той посудины, и лили на свежую землю кумыс», и молились: «Славный! Если ты родишься, то родись снова на нашей земле»[169].

Удивительна память человечества!..

Сто лет прожила старушка. Последние годы копила монеты. Тихо, без мучений, угасла. И пока несли до машины, бросали горстями на тело монеты. И всю дорогу до кладбища. И последние звенящие пригоршни падали в могилу вместе с первыми лопатами сухой февральской земли... (Алма-Ата. Казахская ССР, 1971 год после рождества Христова, 6000 лет тенгрианства).

Удивительны формы развития смысла!

а) Смысл осыпания бусами и металлическими предметами знатных покойников с потерей письменного знака, из буквалистского, описательного развивается в поэтический, в соответствии с философией тенгрианства. Человеку таким образом желают возрождения.

б) Ритуал переносится на живых – осыпая новобрачных серебряными монетами или любыми другими мелкими дорогими предметами, тюрки желают им произвести новую жизнь и самим жить вечно. Желают? Точнее желали. Ибо

[169] О. Иакинф (Бичурин). История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб. 1829, стр. 176.

обряд этот сохранился лишь внешне. Содержание его исполнителям уже давно не известно. А название «шашу» не выражает истории обычая, он только описывает действие. Шашу – сыпать, осыпать.

в) И в погребальном обряде смысл утрачен, остаётся традиция. Участники церемонии бросают в могилу монеты (как христиане – горсти земли. Изменился материал «звёзд», уцелел лишь жест).

Удивительно живуч термин культа!

Придя в Азию тюрки передали культ бога-неба тенгір монголам. Их древнейшее культурное взаимодействие отразилось в языках. Пласты общей лексики и сходства некоторых грамматических моментов позволяет лингвистам считать монгольские и тюркские языки генетически родственными, восходящими к одному общему источнику – алтайскому праязыку. Миф, порождённый методом индоевропейского языкознания. Хотя даже этим методом можно было отличить заимствование от родства.

...Позже всех расстались с тенгри кипчакские племена. Как за спасительную нить, связывающую их с великим прошлым, держались они за Имя. По нити этой били мечи мусульманских, буддийских и христианских миссионеров.

В XIII веке монголы разгромили кипчаков. Часть из них оказалась в Венгрии. К XX веку они забыли язык, имя своё, приняли христианство, но что-то держало их вместе, хотя мало их осталось. И когда, выходя из христианской церкви в Карцаге, они садились в круг начинать нехристианскую молитву, люди, окружив, смеялись их словам: Тенгри, Тенгри, амен! Тенгри, Тенгри, амен!

Люди хохотали до упаду. Им казалось уморительным, что скуластые эти старики, так сурово и преданно молятся кукурузе. (Кукуруза по-венгерски – тенгери).

Из всего родного кипчакского языка старики эти запомнили только одно – Имя. Не относящееся к основному фонду. Рассказал старый тюрколог Ю. Немет.

РОСА И РАСА

(Вместо заключения. Введение в тему ПР – палеография в речи)

Поднимая трубку, набираем цифровой код. Бегут по проводам невидимые, неосязаемые сигналы – за тысячу километров, и кто-то заспанный дует в микрофон и произносит священное телефонное слово: «Алло...» Отвечаешь: «Алло». Помехи, помехи, прорываясь сквозь шумы и трески, взываю: «Алло! Алло».

Моя бабушка, когда-то увидев телефон, решила, что я разговариваю с богом. С тех пор пользуюсь у ней благоговейным уважением. Хотя, в конце концов, она поняла, что не каждый, с кем мне приходится беседовать, достоин этого имени. Но первое потрясающее ощущение отложилось в её сознании. Иногда, когда ей уже очень одиноко, она идёт на трамвайную остановку к автомату, просит кого-нибудь набрать записанный мною номер, и раздаётся в кабинете тихий бабушкин звонок. Я узнаю его среди десятков других. Отодвинув платок, она склоняет голову набок, прижимается ухом к чудесной слуховой трубке, и я слышу её зов: «Алла... Алла...»

...Удивительна судьба этого магического слова. Оно накрепко привязано к телефонной речи. В других случаях мы его не употребляем. Может быть, от телефонистов-англичан, устанавливавших в России первые аппараты, перешло их словечко. И мы послушно повторяем его на протяжении века, не задумываясь. Англичане и американцы

приветствуют друг друга, похлопывая по плечу, пожимая руку, поднимая котелок: «Хэллоу!»

Когда и как христиане заимствовали еврейское священное слово хэллох – бог, которым правоверные иудеи начинают любую встречу? Этим тихим словом они узнавали своих в толпах иноверцев на многотрудных путях двухтысячелетнего странствия по миру. И теперь планета, опутанная телефонными проводами, сообщается этим именем, живущим уже не смыслом, а внешней механической функцией. И если бы сейчас возникло мировое пиктографическое письмо, то знак, изображающий символ современного божества, связующего расы, народы и людей – рисунок телефонной трубки был бы назван телефонным словом, и в каждом народе оно бы произносилось по своему – хэллоу, алло, алё...

ПЯТНО НА СОЛНЦЕ

Мы видели, как распространялось слово, прикреплённое к вещественному знаку. Никаких других значений оно не получает, ибо знак слишком конкретен и истолкованию не подлежит.

Механизмы заимствования лексемы не изменились за 20, 30 веков и более. В самую раннюю рань, на заре человечества, когда многие языки только начинали свои словари, слово приходило как название неконкретного, абстрактного символа и благодаря толкованиям письменного образа приобретало местный, как правило, новый смысл. Впоследствии иероглиф (идеограмма) утрачивался, но отпечаток его сохранялся в слове, родившемся из названия иероглифа. Абстрактно-образное письмо обогащало языки, абстрактно-механическая письменность (буквенная) тормозила развитие устных словарей. Каждый священный иероглиф, путешествуя с религией, благодаря туземным жрецам письма, их поэтическим расшифровкам символа, рождал сотни новых слов-понятий.

Рассмотрим в качестве примера краткую историю заслуженного египетско-китайского иероглифа солнца (круг с точкой в центре). Египетское его название «ра» известно из древнееврейских и греческих источников. Старокитайское (1,5 тысячелетия до н.э., эпоха Инь) – «ре» (ря).

Между этими двумя географически крайними полюсами древнечеловеческой цивилизации особо активно использовали этот знак солнцепоклонники – семиты. Они распространили его в Европе (среди римлян греков и славян), в Индии, Иране.

Несколько семитских народов участвуют в освоении египетского знака «ра». Следы проработки сохраняются в библейских именах, которые представляют собой названия племенных богов. Боги племён, подчинённых в I тысячелетии до н.э. иудеям, заняли в библейской генеалогической традиции места, следующие после главного иудейского бога Израиля. Так любимой женой его стала Раиль, старшим сыном Ра-бен[170].

...Диалект А не анализирует священного знака и, принимая его целиком, назвал Ра-иль, т. е. Ра-бог. Этому племени не удалось утвердить своего неконкретного бога в мире. Они не придали значения пятну на солнце, не объяснили его уместность, что сделало имя не популярным среди несемитских народов. В эту веру не поверили. Образ природный расходился с графическим. Пятнистое солнце требовало не констатации, а толкования.

Жрецы диалекта Б продвинулись в этом направлении. Они предлагают считать точку в круге символом сына солнца, т.е. прапредка, от которого произошло племя. Прямые его потомки – вожди народа, светлейшие. Это истолкование закрепилось в термине Ра-бен – Ра-сын. Радостное

[170] Жрецы Главного народа не этимологизировали эти формы, иначе бы мужское имя Ра-иль не стало бы именем жены. Бог в древнееврейском уже назывался Хэллок, и потому старые диалектные формы «эль», «иль» не были опознаны.

открытие, объясняющее происхождение пятна на солнце, подхваченное письмотворцами семитских диалектов, дало толчок солнцепоклоннической религии и стало достоянием других культур, в частности, индоевропейских. (Формы диалектные: Ра-бин, Ра-мин, Ра-мен, Ра-ман, Ра-маан, Ру-бен и т.д. Например, в именах германского языческого бога – Робин-гут (гот) и индийского Рамин-дев.)

Индоевропейские письмо-языкотворцы продолжают развитие семантики знака и имени, глобализируя их значения. А точка в круге – это избранный народ во вселенной, избранное государство.

Семиты приносят знак, название и значение в славянские культуры. Но славянские общества к тому времени ещё не готовы к восприятию столь отвлечённой идеи. Их философия приближена к природе, и абстрактные понятия бог, государство не сразу утверждаются в сознании. Их поэты мыслят пока натуралистически конкретно, соотнося маленький письменный знак с количественно соразмерными природными формами. В русском языке собрались такие, например, племенные слова, сохраняющие в семантике описание знака: **ря-бина** – 1) точка на лице, 2) мелкая красная ягода (цвет и форма солнца), **ру-мян** (цвет солнца)[171], **ре-бен, ребя** (точка в кругу – чреве), **ру-бин** (кристалл цвета солнца), **ра-мень** ограда, описание круга; отсюда – рама; **ра-бен > ра-би > раб** – самая мелкая общественная единица. (Описание точки. Следовательно, круг тогда уже понимается как символ семьи, рода.)

Большинство славянских репродукций содержат имя солнца с мягким гласным (ря, ре) и лишь в двух-трёх изменилось качество[172].

Нам неизвестно, подразделяли или нет египтяне гласные по степени мягкости. Их письмо не передаёт ни огласовки,

[171] Заимствовано из латинского.

[172] Да еще в описательном «ра-дуга» – дуга солнца.

ни качества. И потому данные живых языков, знакомившихся с египетским словарём, могут оказаться полезными при восстановлении звучания гласных языка одной из величайших цивилизаций древнего мира.

Древнесемитские буквенные алфавиты не имеют диакритических значков качества. Греки и римляне не знали мягких гласных типа – я, е. И передавали их в заимствованных словах через – а, э.

Представляется возможным предположить, что славянские формы ря (ре) как и китайские ря (ре) сохраняют подлинное качество египетского гласного.

ХВОСТАТОЕ СОЛНЦЕ

...Предельно осознав значение знака «Сын Ра», семиты решаются закрепить это понимание и идут на нарушение священного символа. Сын выходит из чрева Ра. И рождается новый иероглиф – круг с чертой книзу[173]. Название сохраняется прежнее. Эти изменения не прошли мимо славянских жрецов письма и языка

 – ре-пен (репей),

 – репен (репа) – хвостатый клубень.

Помните сказку о золотом яичке, которое снесла вещая курочка Ряба? Его били-били – не разбили: письмотворцы не могли извлечь из солнечного круга точку-луч. И неожиданно появилось маленькое, кругленькое, хвостатенькое. И золотое яичко разбилось. Выпустило луч.

В бревенчатых лесных школах бородатые учителя славян сочиняли подобные притчи, которые, передаваясь от племени к племени, от поколения к поколению, дошли до нас хитрыми, забавными сказками о всемогущей мыши.

[173] В восточногреческом алфавите Р (ро), в западногреческом два луча R. Так же в латинском. Мелкое расхождение, которое скажется впоследствии на судьбах мира. РА сделала первый шаг к Иисусу.

– Дяденька, а почему на солнышке пятно?

– И на солнце есть пятна.

«Жили-были бабка и дедка». Круг с точкой. «И выросла у них в огороде репка». Да не простая, а тоже солнечная. Круг с хвостом. «Тянут-потянут, а вытянуть не могут». И сказочные персонажи баба и дед, внучка и Жучка – этапы толкования и олицетворения солнечных знаков. Побеждает самое предметное объяснение последнего знака – мышь. Индоиранцы в осмыслении этих символов не пошли дальше внучки. И «Рамаяна» и «Вис и Рамин» – о человеческих проделках богов, и о божественном происхождении человека. Но в могучем словесном чернозёме потерялся безвозвратно иероглиф древности, а в простеньких, на первый взгляд, славянских мифах «Мышь и рябина», как в сухом песке, сохранился он нетленно. И сотни подобных репок, уходящих корнями в многотысячелетнюю историю славянской культуры, не поддаются коллективным мышечным потугам бородатых методов, а ждут лёгкого прикосновения мысли. Мышь – прямой потомок знака солнца. Не потому ли азиатский солнечный календарь начинается с года мыши? По легенде проворная мышь забралась на голову верблюда и первой увидела солнце. Огорчённый верблюд плюнул, и ушёл, не дождавшись появления светила. Бог карает гордых, потому верблюд не имеет своего года.

...Сын Ра вышел из чрева, и появляется необходимость закрепить это явление в названии. Семитские жрецы заставляют сына повзрослеть. Новая композита звучит: Ра-иш, т.е. «Ра-мужчина», и называет черту, исходящую из круга. Гортанная пауза перед «и» реализуется в индоевропейских языках или гортанным согласным или губным протезом, или заполняется йотой. Так в финикийском алфавите (начало I тысячелетия до н.э.) возникает буква – «реиш» – 1) глава, 2) голова. Взрослый сын Ра утверждается вождём

племени, государства. **Ра-иш** будет и титулом монарха, и определением монархии. Ассирийские цари получат в руки символы «мужчины Ра» – круг и небольшую указку; европейские императоры и атаманы не разлучат солнца с лучом: булава, топор станут символами власти. Во всех новых семитских языках диалектные формы **ра-иш** получат значения близкие к финикийским. (В Среднюю Азию принесут это слово арабы. Любой начальник, в особенности почему-то председатель колхоза – раис. В Древнем Риме оно ещё глобально: **рейз** – император, империя; республика – народовластие. В Германии – **рейхс, райх, реешь** – империя. В Польше – Речь Посполита.) Семантическая традиция народ-язык («Пришел Мамай со всем своим языком»), идущая издревле и выразившаяся в параллели «слово-словяне», позволила древнейшим русичам придать термину **Речь** последнее значение. Но «речь» пришло устным путём и развивалось только функционально. Письменные же варианты слова, пройдя сквозь многие славянские диалекты, дали много слов предметной семантики. Финикийская форма знака породила глаголы, описывающие действия топора (финикийская буква наклонена влево). Положение знака в пространстве свято соблюдалось во многих письменностях. Финикийские буквы, заимствованные тюрками, в течение двух тысячелетий сохраняют характерный наклон. Славяне расшифровали наклон «топора» как фиксацию действия Итак: **реши** – 1) убей, 2) раздели (узел). **Режь** – дели, пропалывай (разрежен, реже). **Рази** – убей; **раз** – разделительное слово. **Ружие** – топор (форма знака топора отразилась в позднейшем ружье), **О-ружие** – обобщенное название всех предметов воинского назначения.

(Явление антипалатализации известно всем языкам. Много примеров тому в славянских: режи – реди, редко; оружие – орудие).

Другое, менее воинственное племя, разрабатывает тему солнца. **Ружий** (рудый, рыжий) – цвет солнца. **Русый** (рысый, рысь) – цвет солнца.

Третье также не забывает о первом смысле знака: **ражий** – 1) великий (глава), 2) сияющий (радын). **Раж** – страсть, ярость, азарт (эти чувства связаны в народном восприятии с образом огня, пламени). Диалекты как бы разделили между собой значения иероглифа. Как видим, большинство толкований связывают иероглиф с конкретными, реальными, осязаемыми предметами и явлениями. Даже цвет солнца не назовёшь абстракцией. Но каких высот поэзии достигают славянские жрецы в процессе овеществления знака! Какие превосходные сравнения находят они в природе. Славянские поэты-языкотворцы похожи на кропотливых художников, вышивающих мельчайшие сюжеты, когда их современники рисуют размашистые полотна малярной кистью. Меня восхищают и те, и другие. Лишь бы художники. Если знак солнца с лучом (Ра-иш, Ра-ис) позволяет индийцам создать внутренне обширное словопонятие – **раса**, то терпеливая наблюдательность северного поэта высветила именем знака каплю утренней влаги на тонком стебле травы – **роса**.

И какое из этих приобретений важнее для культуры – кто ответит?

Сравнение стало главным инструментом поэтического выражения. Мы сегодня уподобляем один предмет другому. «Женщина стройна, как кипарис». Языку этот троп ничего не даёт. Мы не доверяем определению «стройна», подкрепляя его тавтологическим символом, который был бы на месте в более древней фразе «женщина, как кипарис». Но и здесь мы уже не найдём возможности обогатить народный словарь: слово кипарис не получит нового значения – «стройная женщина». Но когда арабские поэты средневековья ввели в ранг традиционного образ: «мужчина, подобный букве алип», тогда вновь заработала машина словотворчества.

Первая буква арабского алфавита «алип» – вертикальная черта. Неодинаковое отношение к черте у разных народов определило полярность значений. Тюрки получают слово «алып» – великан, герой, так как первое место в алфавите придаёт этому знаку величественность. Понятие «первый» к тому времени равноценно понятию «высший». Европейцы же обращают внимание на арифметический образ знака. В немецком поэтическом языке появляется эльф – карлик. Разное отношение к одному знаку – вещественно-натуралистическое и абстрактное.

Проблема несоответствия формы предмета и его содержания усложняла проблему отражения. В прочтении символа помогает не просто навык к абстрагированию, но и общественная активность мысли, воспитанная историческим сознанием и стремление обобщать количество в сумму, события в случай, без чего человеку не свести хаос звуков к пятерне октавы и к трём десяткам букв алфавита. И потому только тот, кто сам способен создать символ, пытался увидеть в любой чужой черте знак суммы, а не единичности.

...Основное имя Израэля – **Яхве**. Главный народ, подчинив племена рабенов и раили, ввёл по недоразумению или умышленно бога последнего племени в ранг жены Яхве, может быть, потому что никаких указаний на пол в имени Раиль не содержится. (Второе – **Ра-бен** оканчивается на вполне понятное евреям «**бен**» – сын, что и определило его место в генеалогической таблице).

Итак, у Яхве появляется жена – бог конкурирующего племени. И это, по-видимому, настолько важно для основателей иудейской истории, что они, настаивая на этом факте, сочиняют синоним Яхве – «**иш-Раиль**» – т.е. «муж Раили». В библейскую легенду попадает уже искажённая форма синонима – **Исраэль, Израэль** поэтому и остался термин непонятным, вторым именем Яхве.

...Макропоэзия и микропоэзия. Первая – это мифы, геометрия, астрономия, геология, физика. Она облекает в плоть слова – понятия неосязаемые, взглядом не охватные. Обожествление символов развивает искусство духовную культуру человечества.

Микропоэзия – производитель вещи. Мать техники. Она выращивает из семени символа не древо познания добра и зла, а обыкновенное дерево. Утилитаризуя знаки, созданные макропоэзией, превращает их в предметы. Модель вселенной превратилась в практическое колесо.

В каждой культуре ощутимы последствия взаимодействия этих двух главных направлений.

В другие эпохи, пытаясь определить назначение точки, макропоэты приходят к идее Первого человека. Они называют точку древнесемитским числительным Ахтум – первый. В Египет вернётся первым мужчиной Атум, родится в индоиранской среде Адам. Микропоэты придут к осознанию мельчайшей частицы материи – Атом. И впервые поделят Атом пополам египтяне в мифе о происхождении человека.

...Атом смысла знака расщеплялся в толкованиях до бесконечности, вызывая в древнеписьменных языках терминологический взрыв.

Будущие лингвисты уделят внимание историческому письму наряду с устной «мелочью суффиксов и флексий». **Слово и иероглиф расстались не так давно.**

Лексика и грамматика в таких «младописьменных языках» как славянские, германские и тюркские, сохраняют отчётливые черты иероглифического выражения.

Неоценим для истории современной цивилизации подвиг палеографов XIX века, восстановивших из мёртвых знаков забытые языки Шумера, Египта, Аккада, Ассирии и других. **Не менее важно восстановить по живым, устным словарям забытые иероглифические алфавиты.** Я верю, что в далёком будущем появятся этимологические

словари, в которых происхождение слова будет связываться с письменным знаком. Я не оговорился, именно – «в далёком», ибо бесконечно прав был Эйнштейн, когда однажды воскликнул в отчаянии: «Легче разложить атом, чем предрассудок!»

Предрассудки научные, как и бытовые (расовые, государственные, уличные) воздвигнуты в человеческом сознании памятниками минутному знанию, поспешно превращённому невежеством в веру. Всегда будет звучать в разных концах земли радостное «Эврика!» И не однажды, ударившись о стены вер, возвратится оно каменным окриком – кафр!

Я отдаю себе отчёт в том, что поэтический подход к сугубо научным проблемам может и должен раздражать.

Задача этих заметок – вместе с раздражением чувств читателя вызвать и раздражение мысли. Они написаны в полном убеждении, что языкотворцы были художниками, понять их произведение – Слово можно лишь тогда, когда проникнешь в механику их образного мышления, освоишь их язык – поэтический.

Языкотворчество было искусством, и поэтому языковеденье должно быть, хотя бы вначале своей настоящей истории, **наукой** поэтической, чтобы когда-нибудь стать **поэтической** наукой.

ИСТОРИЯ И СТАРИНА

...**Я** прочёл рукопись, и у меня возникло чувство виноватости и перед теми, с кем спорил, и перед темами, которые на ходу задел. Я увидел, что сам не избежал того, против чего воюю: ратуя за объективность в оценке Времени, преувеличивал Момент.

Мысль обгоняет перо, и написанное вчера уже похоже на старую топографическую карту: там, где ты обозначил кустарник, уже шумит лес, там, где пунктиром провёл

тропинку догадки – сегодня гудят бульдозеры, прорубая ложе для бетонированного тракта сознания.

Я бы хотел задать себе вопрос: что такое письмо? Средство передачи чувства, идеи во времени и в пространстве. А язык? Устное письмо. А искусство? Образное письмо.

Древние скульптуры – иероглифы, воплощённые в глине и камне. Каждая, искусственно созданная вещь – утилитаризованный символ. Название вещи – название иероглифа.

Мы рассматриваем письмо, язык, искусство отдельно и не можем уяснить себе ни одной из частей, ибо они понятны лишь в целом.

Лингвисту надо быть палеографом и историком-искусствоведом широкого профиля, только тогда он приблизится к слову.

Насколько тесно смыкаются проблемы генезиса языка, письма, искусства можно увидеть на одном примере, приведённом, к сожалению, эскизно по причине указанной.

В.В. говорил, что самым древним индоевропейским словом считается **ist** (**est**, **es**, **is**, **iz**) в значении «**быть**», «**существовать**», «**жить**»: его находят в большинстве индоевропейских языков. Этимологии пока нет, разысканы многочисленные родичи, родители неизвестны. Причинность слова не установлена. Почему именно такое звукосочетание, а не любое другое несёт именно этот смысл? Вопрос в этимологии главный. На уровне современной лингвистики не то чтобы решать – ставить его ещё преждевременно. Но все же попробую сравнить **ist** с именем древнеегипетской богини жизни **Ишт** (II тысячелетие до н.э.).

Греки называют её Ист (шипящих нет в греческом). Персы озванчивают – Изид. Богиня Изида, кормящая грудью младенца, стала прообразом христианской богоматери. (Эта параллель, к счастью, доказана искусствоведами и, значит, выход Изиды в мир хотя бы древнеевропейских культур можно считать установленным.)

В Египет культ Ишт, мне кажется, приходит из Передней Азии, где с IV–III тысячелетий до н. э. поклонялись богине жизни, земли и плодородия Иштхор. У ней много функций, одна из них – мать солнца.

Глиняные статуэтки змееголовой Иштхор[174] с безымянным младенцем[175] на руках были своеобразной метафорой, в которой соединились три понятия: Мать (женщина с младенцем), Земля (глина), Божество (змея).

Египетские ваятели «совершенствуют» образ заимствованной богини. Они изображают её прекрасноликой женщиной. О былой змееголовости напоминают лишь кобры-уреи, обвивающие голову священной.

Египетские жрецы принимают версию – мать солнца и обожествляют младенца, по их мнению, символизирующего восходящее светило. Непонятно звучащее имя справедливо распределяется между двумя персонажами, первый слог Ишт присваивается матери, следующий Хор – божественному младенцу.

Позже служители культа толкуют изображённый сюжет, и в мифах появляется Гор-сын, который борется со змеями, угрожающими матери. Культ Гора-сына распространяется по миру в I тысячелетии до н.э.

Этруски поклоняются новорожденному солнцу. Его идолом становится бронзовое зеркало. Много бронзовых зеркал с изображением младенца найдено на территориях древней Этрурии. Почти всегда рядом с рисунком младенца – надпись «геркле», т.е. «Гер-сын».

Эллины поклоняются змееборцу Гер-аклу, латины – Геркулесу.

В христианской мифологии поражает змею Георгий. В тюркских эпосах действует самоотверженно герой

[174] Змея была божеством земли.

[175] Младенец – символ материнства, плодородия.

Геор-оглы, Гор-улы. Имя бога зачастую переходит в этноним. Так, подозрительно звучит название древнегерманского племени Гер-ул. Видимо, неслучайно эллинов назвали гер-кус (грекус).

Личное имя Гор (Гер) становится в индоевропейских и тюркских языках нарицательным именем с основным значением – солнце. (Сравнивая варианты лексемы можно предположить, что в древнеегипетском языке «Гор» содержало мягкий гласный.)

Любопытны пока ещё фантастические этрусско-славянские связи. Бронзовые метафоры с надписями попадали к славянам, которые палатализуют мягкий согласный. Личное имя «геркле» станет словом «зеркле». Славяне приняли надпись за название блестящей, отражающей свет вещи. Возможно, и таким случайным путём приходили слова-понятия в языки. «Зеркало» станет матерью лексем «зрак», «зреть», «зрение». Славяне налаживают производство своих зеркал, подписывают и торгуют их древним германцам. Происходит это уже в то время, когда славяне пишут «по-гречески» (возможно, ещё до Кирилла и Мефодия), а германцы «по-латински». И славянскую надпись «spikal» (зрикал) германцы читают «по-латински» – «спикэль». И у них появляется новое слово. (Сравните современно-немецкий «шпигель» – зеркало.)[176]

...Самое яркое доказательство тому, что мифические имена становятся нарицательными в языках заимствующих, сохраняется в древнеиранском. Имена египетских богов Ишт, Хор развились в «изд» – бог, «гор» – солнце.

Думается, в ту же эпоху получает распространение в европейских и азиатских культурах имя богини-кормилицы

[176] Разные прочтения формально совпадающих букв из двух основных европейских алфавитов порождают сегодня новые формы лексем. Так «по-русски» прочтены Рим (вместо «Рум»), «диалог» (вместо «дуалог»), «диалект» вместо «дуалект» и т. п.

Ишт, которое приобретает значения, подсказанные скульптурным знаком. Макропоэты увидели отвлечённый смысл – «давать жизнь», «жить», микропоэты закрепили своё понимание, каменного иероглифа в семантике – «кормить», «кормиться».

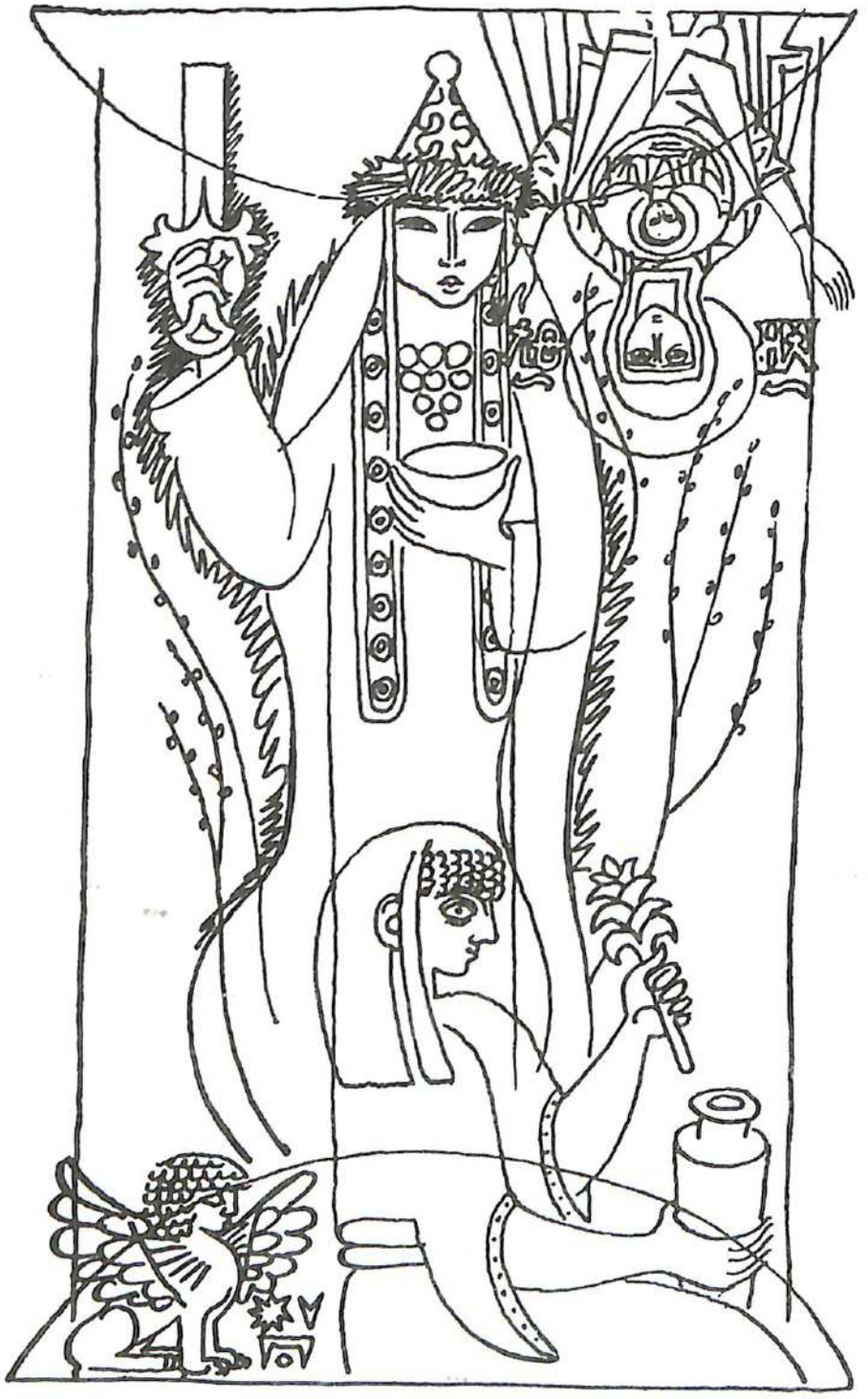
Мы могли увидеть, как переднеазийские Слово и Знак, пройдя через горнило египетского искусства, обогатили культуры индоевропейские. Но последние и сами черпали непосредственно из кипящего котла цивилизаций Двуречья. Им было знакомо и нерасчленённое имя Иштхор.

На глиняном теле богини часто наносился шумерский детерменатив божества – восьмилучевая звезда. Имя богини сопрягалось с этим знаком и становилось нарицательным термином со значением «звезда». Сравните позднесемитские варианты имени Иштхор – Астарат (-ат – суффикс женского рода), Аштарта, Иштар, Истер и индоевропейские названия звезды – астра, астер, аштра, аштар, стелла, стар и т. д.

Греки несколько раз встречаются с этой богиней. Однажды они получают термин «истера» – лоно женское, детородный орган; в другой раз присваивают имя восьмилучевику «астир» – звезда. И, наконец, именем старинной богини определили понятие древность – История.

Мы уходим на поиски древних знаков,
повстречаем их на дорогах разных,
растворённые в формах воды и плазмы,
в фигурах гор и во взглядах магов,
отпечатаны в лицах людских и в пальцах,
в изваяньях египетских, в индских танцах.
Очертания символов явлены в слове.
Заклинаю вас, люди,
поклоняйтесь Корове.

– Ныне веки иные, иные знаки.
На знамёнах вспыхнули волчьи оскалы!
Заклинаю вас, люди,
поклоняйтесь Собаке!
– Но по-прежнему солнце сияет на скалах
двурогих,
в междуречье Евфрата,
на рогах Арарата,
на крутых и пологих
склонах.
Заклиная вас, любящих и влюблённых,
поклоняйтесь Лону.
И пока на челах королев блистают караты,
и пока вгрызаются в низкое небо злаки,
рубят землю оратаи,
режут коров араты,
и божественна точка пулевая на флаге,
проклинайте глухих, не имеющих зраков!
Мы уходим на поиски грубых знаков,
опозоренных вещью,
возвышенных злобой,
осенённых выдохом вечности –
Словом...



Мурат Ауэзов

ОСЕНЁННЫЙ ВЫДОХОМ ВЕЧНОСТИ – СЛОВОМ

Эта статья написана в 1976 году в атмосфере развернувшихся гонений на книгу «Аз и Я». Желанием защитить книгу предопределены содержание и интонация статьи. Опубликовать её ни на казахском, ни на русском не удалось.

Новая книга Олжаса Сулейменова заставляет вспомнить эпитеты, от которых казахский читатель, не избалованный в последние годы частыми достижениями родной литературы, возможно, уже и отвык. Перед нами – выдающееся произведение. О. Сулейменов предстаёт в нем в величии своего интеллекта, редчайшей культуры художественного и научного мышления, высоконравственного мировоззрения.

Обострённое чувство справедливости и мужественная, бескомпромиссная борьба против «тупого попрания в сфере историко-филологических наук» определяют его этическую позицию. Блестяще реализовалась в книге уникальная, неоспоримая способность О. Сулейменова улавливать дыхание поэтического слова, ощущать его сердцебиение.

Жанр книги не поддаётся традиционному определению. Логическую последовательность и научную аргументированность её можно поставить в пример многим академическим трудам, так же, как широкий кругозор и профессиональную компетентность её создателя. В то же время это, безусловно, – художественное произведение и по степени

воздействия на чувства читателя оно не уступает лучшим образцам «мыслящей поэзии», мастером которой О. Сулейменов признан давно и безоговорочно. Привилегии счастья познания добился Олжас благодаря своим выдающимся способностям, помноженным на интенсивнейшую работу ума.

И все же он не просто чаляби – идеальный инструмент познания символов мира. Он – преобразователь действительности. Его книгу легко читать и нетрудно понять. И невозможно не признать за ней мощь реально созидающей силы. Возможно, этот эффект достигается преодолением заведомой условности, игрового начала, к которым в век дифференцированных форм сознания все более склоняется художественное творчество. Результат, во всяком случае, налицо. Читая книгу, ощущаешь и подземный гул, и колебание почвы под ногами, ощущаешь тектонические сдвиги и процесс образования новых игр... С библейского откровения «Вначале было Слово» Сулейменов снимает оттенок метафоричности. Он возвращает действенную силу искрящемуся кристаллу человеческого слова, этой соли земли, озарённой поэтическим прозрением и открытием разума.

Очищенное от наслоений, «Слово» предстаёт монолитным произведением высокого драматического звучания. Общечеловеческое значение имеет её центральная, как убедительно показывает Сулейменов, нравственная проблема: «**свой – не прав**». Это редчайший в мировой литературе средних веков случай преодоления этнических пристрастий, пойти на которое мог действительно гениальный художник, любящий свой народ как частицу рода человеческого.

В скальных породах славистики Сулейменов добывает истину, круша на своём пути всё, что стоит на ложных подпорках псевдонаучности и зауженного патриотизма. Но вот его исконное тюркологическое русло выходит на простор безмятежных равнин отечественной тюркологии. Боевой

пыл сменяется досадой, язвительный сарказм – горькой иронией, утверждение истины – просвещением.

Ещё вспыхивают гневные молнии в части «Шумер-наме», разя «сапожников» от тюркологии, «молящихся, как буддисты ноге Будды, тесной колодке индоевропейского сапога», но в целом интонация в корне изменилась. В ней улавливается забота о создании новой тюркологии, подлинно научной, свободной от пожизненного школярства, от расовых и национальных предрассудков.

«Шумер-наме» побуждает мысль к дальнейшим исследованиям, «раздражая», озадачивая её множеством новых вопросов, возникающих при взгляде на сабельный срез толщи неведомых столетий. Сулейменов великолепно демонстрирует плодотворность своего направления, вытягивая из глубины пяти с лишним тысяч лет золотую нить тенгрианства – первой в истории народов монотеистической религии, духовного стержня тюрко-монгольских кочевых племён, позволявшего им на долгом историческом пути смотреть сквозь встречавшиеся религиозно-мировоззренческие системы. Кстати, здесь-то и смыкаются сюжетные линии двух частей книги. Сулейменов вспоминает сон великого князя Святослава Всеволодовича из «Слова о полку Игореве», в котором тот видит собственное погребение по тенгрианскому обряду. Неизбежное для совершенной книги композиционное решение состоялось. Встречное свечение её частей озарило атмосферу произведения, обнаруживая его последовательность и логическую завершённость. Активное участие тюркского этноса в культурных контактах с народами евразийского материка оказалось прослеженным на временной дистанции в несколько тысячелетий.

Характерно внимание Сулейменова к начинающим лингвистам, которым он предлагает решить несколько задач в ключе новой тюркологии. Эти задачи, так же, как и целый ряд других вычленённых и сформулированных им

вопросов, горсть готовых к буйному всходу зёрен в руке опытного сеятеля. Тюркология... «находится в самом начале своего пути». Благословен путь, имеющий такое начало!

В «Энкиниаде» духовное оформление проблемы «кочевье – оседлость» рассмотрено на историческом фоне событий, всколыхнувших интеллектуальную жизнь народов евразийского материка в середине I тысячелетия до н. э. Это время, названное К. Ясперсом «осевой эпохой», характеризуется поразительной синхронностью аналогичных по существу духовных движений в среде различных народов на огромной территории от Китая до Эллады. Роль кочевых племён в появлении возбуждённых пророков и задумчивых мыслителей, вынужденных определить своё отношение не только к оружию, но и к мировоззрению пришельцев, очевидна. Ситуация формировала характер рождающихся религий и философских систем, оказавших глубочайшее влияние на дальнейший ход истории.

Понимаю – чтобы рассматривать историю так, как Сулейменов, нужны новые усилия, новые знания, добытые в свободном, неустанном поиске. Это единственный путь, ведущий к подлинному знанию. Убеждён, что все, кому истинно дорог мир мыслящего слова, с появлением книги «Аз и Я» пересмотрят требования, предъявлявшиеся к себе прежде.

«Начался этап подъёма. Мы вспоминаем себя Нами. И от того, будем ли мы воздвигать собственные кочки или, калечась, сдирая кожу с ладоней, потянем тяжёлую, колючую, как трос, линию подъёма выше себя, зависит амплитуда твоего духовного взлёта, Степь».

Мы помним, какое глубокое влияние оказали ещё ранние стихи Сулейменова на становление новой казахской литературы исторического жанра. То было время, когда растущее национальное самосознание остро нуждалось в знании исторической ретроспективы, чтобы яснее видеть

перспективу. Популярной для чтения литературой стали художественные и научные произведения, отвечавшие новым запросам. Обращение к истории по форме носило просветительский характер. Но, по существу, имело гораздо более глубокие следствия, чем простое ознакомление с древнейшей историей предков казахского народа.

Испытание было не из лёгких. Читателям довелось быть очевидцами того, как титулованная зрелой, реалистической, казахская литература в освоении исторической тематики оказалась вынужденной обратиться к помощи методов, мало совместимых с её высоким, узаконенным литературоведами, статусом – к беллетризированному переложению учебников истории и популярному просветительству с откровенным романтическим привкусом. Пожалуй, только Сулейменов, благодаря мощи своего поэтического таланта, был свободен от типичных недугов той поры.

Книге суждена большая биография. Не только потому, что долго в памяти потомков будут жить великие литературные произведения древности – шумерский эпос, поэзия древнетюркского каганата, «Слово о полку Игореве», в исследовании и новом прочтении которых уже никто не сможет не считаться с коррективами Сулейменова. Ещё остаются борющиеся за своё утверждение национальные культуры и остаётся проблема восстановления подлинного родства народов мира в масштабах единой истории человечества. До тех пор, пока будут давать о себе знать рецидивы спекулятивной исторической «науки», превращающей обзор пройденного народами пути в источник шовинизма и национализма, книга «Аз и Я», в самом названии которой заложено представление о единстве мировой культуры, будет служить чистым, как сигнал боевой трубы, призывом к борьбе с лжепатриотизмом и лженаукой.

«ВРОСЛИ В СЛАВЯНСКУЮ СТРОКУ КЫПЧАКСКИЕ СЛОВА...»

О НОВОЙ КНИГЕ ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА «АЗ И Я».

ЛЕНИНСКАЯ СМЕНА

Первая рецензия на книгу «Аз и Я».
Р. Зуева, С. Штейнгруд «Вросли в славянскую строку кыпчакские слова» (9 июля 1975 г.)

ЦК Компартии Казахстана постановляет:

I. Осудить ошибки идеологического и методологического характера, допущенные О.Сулейменовым в книге "Аз и Я".

2. За безответственное отношение к выпуску книги О.Сулейменова "Аз и Я" директору издательства "Жазушы" т.Жумабаеву А. объявить строгий выговор.

3. Бывшему заместителю главного редактора издательства т.Толмачеву Г.И., непосредственно занимавшемуся подготовкой к изданию книги "Аз и Я" и за проявленную при этом безответственность – объявить строгий выговор с занесением в учетную карточку.

4. Указать председателю Госкомиздата Казахской ССР т.Елеукенову Ш.Р. на то, что им не были приняты необходимые меры по предотвращению публикации книги О.Сулейменова "Аз и Я".

5. Потребовать от Госкомиздата республики (т.Елеукенова Ш.Р.), от руководителей издательств обеспечить безусловное выполнение постановления ЦК КПСС "О повышении ответственности руководителей печати, радио и телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-политический уровень публикуемых материалов и репертуара".

6. Поручить редакциям газет "Социалистик Казахстан" и "Казахстанская правда" опубликовать материалы, содержащие принципиальный разбор ошибок, допущенных в книге О.Сулейменова "Аз и Я".

С другом и зам. глав. редактора изд-ва «Жазушы» Г. Толмачевым, 1976 г.

Издано в Алма-Ате

ТАИНСТВО СЛОВА

НЕПРОСТО в нормальном своем состоянии даже просто перечислить, о чем идет речь в новой книге Олжаса Сулейменова «Аз и Я». Но сначала о пути поэта и этому способствовали разному складу исследования и исповедь с вкраплениями сводки политических событий Киевской Руси эпохи «Слова о полку Игореве», сопоставительного тюркско-русского словаря и многое, многое другое. Первые стихи Олжаса Сулейменова появились в печати тогда, когда в поэзию входили Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко, Булат Окуджава, Белла Ахмадулина. Стихи О. Сулейменова поражали тогда редкой оригинальностью дарования.

Этому помогало уникальное двуязычие поэта. Сразу обозначились взрывные темы О. Сулейменова, в их число внимание и вариональным проблемам культуры. Так тюрк привык к поэту взгляду на многие вещи, в частности, на ранее непонятные строки замечательного памятника средневековой русской литературы «Слово о полку Игореве». Появляются статьи О. Сулейменова. Они замечены. Некоторые толкования загадочных мест были приняты такими известными учеными, как В. И. Стеллецкий и О. В. Творогов.

В самом начале своего творческого пути О. Сулейменов выступил с интересной книгой прозы «Солнцы ночи». Это были краткие, внешне написанные эссе, строки которых открывали русскому читателю новый мир восточной культуры. Эпиграфом к данной книге впрочем можно поставить изложение слова поэта «Осознать как мое культуры».

И вот перед нами новая книга прозы: «Аз и Я».

Это — самоучет об интеллектуальном возмужании, построенном конфликтно, когда привычные и наследие себе вроде бы постоянное, неизменное место явления измеримыми усилием души поворачиваются зарождающейся гранью, и тогда все вдруг начинает открываться, все полнее и плодотворнее контакт с окружающей многогранной духовности мира. Наиболее зримо процесс обострения познания сущности духовного наследия стало возможным показать, рассказывая о поисках историко-лингвистического характера, связанных с текстом «Слова о полку Игореве».

Вот что пишет об этой территории открытия. И тогда оказывается, что самое важно — это сознание вины, тюркизмы — понятия, таинственные «дожи без кидрани» сформировались идиоматическим выражением, утраченной формулой дворцовых интриг древнерусского Киева. «Престол без кидрани», «серые вороны» на самом деле «крутимана» — обобщенная кличка полиция, совершенно непонятная

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К 50-ЛЕТИЮ КНИГИ 3

От автора 30

СОКОЛЫ И ГУСИ. Часть первая

К ИСТОРИИ СПИ. 35

СИНЕЕ СОЛНЦЕ 56

Свист Звериный. 56

Изяслав на кровати 60

Под трубами спеленуты 64

Коли сокол в линьке бывает 68

Повелея отца своего 74

Неувиденный переводчик. 77

Невидимые тюркизмы 83

Тур на бороне. 84

Буйные 88

Восьмимысленность 90

Растереть на кусту 91

До куриц Тмутороканя 93

Птица горазда. 94

Сон Святослава 96

Царь Додон и Геродот 114

ЧЕСТНОЕ «СЛОВО» 122

Недоумения 122

Галица или сокол? 146

Была ли Дева? 153

Был ли Троян? 162

Не по замышлению Бояна 167

Аминь! 175

НАМЕРЕННЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА 186
Браки 186
Кочевники и Русь. Торкины, торки 189
Брачные свидетельства в языке 191
ЦВЕТА МЯКИНЫ
(Обобщающие имена степняков до XIII века) 199
Берендеи 199
Ковуи 200
Чёрные клобуки 202
Нехристи 203
Половец 206
Кыпчак 210
ИСТОРИКИ И ИСТОРИЯ 226
Война и мир 238
ШУМЕР-НАМЕ. Часть вторая
Право на ошибку 249
Сомнения 258
Язык и наука 268
Индоевропеистика 273
Юрта и Лувр 283
К таблице 291
60 слов 294
Фонетика 307
Морфология 310
Закон перестройки слога 313
В дополнение к таблице 318
Ребус 322
Свои люди и собаки 331

Собака 334
Испака 338
Ишгузы 339
ТЕНГРИАНСТВО 341
Чаша 344
Звезды кургана 350
Цитаты 355
РОСА И РАСА 360
Пятно на солнце 361
Хвостатое солнце 364
История и старина 370
Мурат Ауэзов
Осенённый выдохом вечности – словом 377

Сулейменов Олжас Омарович

АЗ и Я

Ответственный редактор Крупко И.В.
Технический редактор Жандаулетов В.А.

Дизайнер Афонина В.В.
Корректура: Корчина Т.Г

Подписано в печать 20.03.2025 г. Формат 60x90 $^{1}/_{16}$
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Услов.печ.л. 24.
Тираж 7000 экз. Заказ №111

Отпечатано в типографии «Service Press»
г. Алматы, ул. Халиуллина, 32
Тел. 8 (727) 352 82 02

«...Почему-то повелось: поэзия – глуповата, наука – умновата. Забыли, что стихи глупца не станут притчей. Забыли, что смыслы «ученый» и «поэт» разделились недавно. Они выражались одним словом, в Европе – артист, в Средней Азии – чаляби от позднетурецкого чаляб – бог.

Сколь тонка фонетическая грань, разделяющая «чаляб» и «джаляб» – проститутка. И как трудно сохранить равновесие и не переступить грань. Воистину, в рай идут по лезвию меча. И разве ты сам не испытывал минут высочайшего вдохновения, когда все повинуется стремительным движениям твоего упоенного чувствами разума. И ощущаешь прямую связь с богом. И что там табачный дым усмешек и унижение перед словом. Ты – чаляби, тебе все дано, и все возвращается жестом и звуком!

Ты шел, радостно кровяня босую душу о бритвенное лезвие грани. И шатало тебя, и хотелось соступить с меча, подлечить порезы.

И соступал. И подличал.

Бог отступал, и ты бросался в веселое, нерадостное джалябство. Врал себе и другим, предавал себя. Дрался с сусликами, как с орлами, пытаясь забыть, забить бытом свое божественное происхождение. И потасканный, озлобленный возвращался, влезал на лезвие, лез в летописи, забивался подальше от глаз своих в окраинные века, в темные закутки пергамента, бродил в буреломе тайн, и там, выдыхая перегар предрассудков своей эпохи, очищался пылью и тленом мертвых мудростей, и забывался, и надеялся, и верил, что когда-нибудь, пусть хоть полупьяная джаляб поймет твои шараханья и задумается над стихами твоими и скажет волнуясь – мой чаляби!

Человек ты мой...»

О. Сулейменов «Аз и Я», 1975 г.